

«АНГЛЕТЕР» И ЕГО КОМЕНДАНТ

В 1987 году это здание, печально известное не только в Ленинграде и в России, но, пожалуй, чуть ли не во всех просвещенных странах мира, было снесено. Исчез, вернее, — «погиб» немой свидетель случившейся здесь в конце декабря 1925 года трагедии, от которой вздрогнули все истинные ревнители русской культуры. Здесь, как настойчиво-назойливо подчеркивали почти все наши газеты тех лет, ушел из жизни Сергей Есенин, последний русский национальный поэт (официально было объявлено: несчастный, недавний пациент клиники для душевнобольных, злоупотреблявший алкоголем скандалист, растративший свой талант на кабаки и девиц сомнительного поведения, повесился. От тоски, заблуждений, одиночества и т.п.). За двумя-тремя исключениями, ни слова правды не прозвучало тогда в печати.

Особняк тот находился в самом центре Ленинграда и глядел окнами на Исаакиевский собор. Назывался он «Англетер», так как до 1924 года в нем располагалась консульская английская миссия. Когда отношения большевистской власти с правительством Великобритании накалились чрезвычайно, «Англетер», по моде тех лет, переименовали в «Интернационал» (в октябре 1925 г. прежнее название вернулось).

В гостинице проживали заметные партийно-советские чины, красные командиры различных рангов, деятели культуры и прочие видные товарищи. Преобладали тайные и явные сотрудники ОГПУ. Не случайно многие сведений о себе, кроме фамилии, имени и отчества, не давали. Как мы ниже увидим, дом этот был строго режимным объектом. Посторонние люди сюда не допускались — слишком уж казенно-ответственный адрес (проспект Майорова, бывший Вознесенский, д. № 10/24): неподалеку Ленсовет, буквально рядом — «Астория», где обитали именитые «пламенные революционеры», различные номенклатурные лица районного, городского и губернского масштабов.

Еще два-три года назад об «Англетере», его квартирантах и работниках мы почти ничего не знали. Между тем и в год 100-летия со дня рождения Сергея Есенина (1995), и в пору 70-летия его кончины в городе (уже Санкт-Петербурге) доживали свой век вдова коменданта гостиницы и милиционер, тогдашний — по службе — свидетель «дела Есенина» (о них мы расскажем). Впрочем, жило немало и других, кто мог бы помочь прояснить действительные обстоятельства разыгравшейся трагедии. Несколько лет назад еще здравствовала бывшая уборщица-горничная 5-го номера «Англетера» (и ее мы представим), как говорят успевшая

перед своей кончиной поведать своей знакомой о страшной картине, которую она наблюдала 27 декабря 1925 года, в поздний воскресный час. Так долго все они молчали, разумеется, не случайно.

«Англетер» сравнительно легко «открыл бы двери», если бы нам позволили заглянуть в соответствующие бумаги экономического отдела (ЭКО, начальник Рапопорт) Ленинградского ГПУ. Этот отдел контролировал работу гостиниц, в том числе и «Англетера». На наш запрос петербургские архивисты Федеральной службы безопасности (ФСБ) дали официальный ответ: по недостаточно выясненным причинам материалы ЭКО (1925-1926) утрачены. Потеря (?) для исследователей «тайны Есенина» огромная, ведь к товарищу Рапопорту и его сослуживцам стекались многие англетеровские «входящие»: рапорты и отчеты управляющего, рабочие журналы регистрации постояльцев, досье на сотрудников гостиницы — да мало ли что там таилось. Очень хочется надеяться — произошло какое-то недоразумение и архив ЭКО Ленинградского ГПУ все-таки отыщется.

Так что же — «захлопнулись двери» таинственного отеля? После долгих и трудных поисков автору этих строк все-таки удалось «проникнуть» в таинственный и проклятый дом. Сюда привел утомительный обходной путь, который подсказала эпоха советского нэпа. Возможно, подумали мы, сохранились контрольно-финансовые списки (форма №1) квартирантов «Англетера». Инспекторы составляли такие ревизорские отчеты дважды в так называемом бюджетном году (в октябре и в апреле). Большевицкая власть бдительно присматривала за доходами советских граждан и своевременной уплатой ими налогов.

Сохранилась инспекционная, драгоценная для нашей темы бухгалтерия! Драгоценная вдвойне, потому что «кто-то» забыл «отредактировать» интересующие нас документы. Они-то и явились первым ключиком, которым удалось приоткрыть «двери» «Англетера».

...Перед нами толстенные архивные фолианты за 1925-1926 годы. Вот наконец и нужные нам страницы со знакомым адресом: проспект Майорова, 10/24. Оказывается, здесь проживало более 150 человек (количество их колебалось), а порядок и уют в здании поддерживали около 50 работников.

Прелюбопытные бумаги! Вот журнал, подписанный финансовым инспектором 24-го участка Центрального района; датирован 15 октября 1925 года (имеются текущие декабрьские и январские (1926 г.) примечания, то есть в списках жильцов вполне реально можно было встретить имя Есенина). А вот и скорбный 5-й номер! Площадь — 7,17 сажени[1]. Жил в нем в ту пору, если верить записи, работник кооперации из Москвы Георгий Осипович Крюков. А Есенина нет! Открываем списки «англетеровцев», датированные апрелем 1926 года. Здесь-то уж наверняка он должен появиться. Но почему-то 5-й номер исчез и вообще не указан! 1-й и 4-й есть, а злосчастного 5-го нет; нумерация вокруг «есенинской» комнаты проставлена небрежно или вообще отсутствует. И нет даже намека на имя Есенина. Обращаем внимание: рядом с 5-м номером (первый этаж, всего их было четыре) жили работники гостиницы, люди скромного достатка: сапожник Густав Ильвер[2], шофер Иван Яковлев, рабочий Андрей Богданов, сторож Дмитрий Тимошин, парикмахер Леонид Кубарев, портной Самуил Серман; поименованы даже супруги Ильзбер, обитающие, как гласит примечание, «в самых бедных условиях и ненормальные». Явно неподходящее место для известного в России и в Европе поэта. Но, повторяем, нет его фамилии в списках жильцов! Вернемся к этой загадке чуть позже, а сейчас проведем «экскурсию» по «Англетеру» — благо сохранилась подробнейшая инвентаризационная опись (166 листов) гостиницы (15 марта 1926 г.).

«Зайдем» в злосчастный 5-й номер, и, хотя со дня печальной истории прошло более двух месяцев, думаем, здесь больших перемен не произошло. Самое интересное: гипотеза о том, что «есенинская» комната была смежной с другим помещением, подтвердилась! В документе зафиксирован №5/6. Оказывается, 5-й номер до 1917 года использовался под аптеку, откуда

«таинственная» дверь вела на склад (более 160 кв. м), где хранились лекарства. Имеются и соответствующие пометки: «Пустует со времен революции»; «Под жильё не годится».

Любителей детективных сюжетов огорчим: гэдэушники не нуждались в излишних острых ощущениях (лезет эдакий громила с маузером через шкаф, отгораживающий дверь...), потому что в своей крепости чувствовали себя полными хозяевами. А то, что «Англетер» представлял собой чекистскую цитадель, сомнений нет. Это подтверждает и инвентаризационная опись. Вот как выглядела «дежурка 1-го этажа», проще — вахта ГПУ. В окружении двух больших зеркал (обзор!) рядом с «буфетом под ясень» сидел на мягком стуле «боец невидимого фронта» и попивал чаек (указаны самовар и поднос), вглядываясь в удостоверения проходящих. В «дежурке» имелись «телефон с коммутатором» и «номератор». Декабрь, напомним, был для «ленинградской оппозиции» разгромным: в Москве заканчивался XIV партийный съезд и требовалось держать ухо востро. Случись что — чекист мог нажать кнопку электрического сигнального звонка...

Пользуясь случаем, «пройдемся» по гостинице. В парадной вас встретит чучело горного барана, смотрящегося в трюмо; в вестибюле — чучело медведя с подпорченной молью головой. Здесь диван, кресла, бархатные ковры французской работы; в зеркалах отражается свет люстры... — богато жил победивший пролетариат. Тут же, в вестибюле, будка телефонная с двумя отделениями — в оперативной связи чекисты знали толк.

Рядом контора, украшенная портретом Ленина, — как и положено вождю трудящихся, «в простой багетной раме» (образ Ильича оценивался в два рубля). Мы — во владениях швейцаров. Кто дежурил в ту жуткую декабрьскую ночь, пока выяснить не удалось. Ими могли быть швейцары Петр Карлович Оршман (р. 1863), Ян Андреевич Слауцитайс (р. 1862), Иван Григорьевич Малышев (р. 1896).

Общие биографические данные этих товарищей известны (как, впрочем, и других сотрудников «Англетера»), связь их (по долгу службы) с ГПУ вряд ли подлежит сомнению. Кто-то из них мог быть свидетелем разыгравшегося в ту ночь кошмара. Кстати, примечательная деталь: многие работники гостиницы, начиная с коменданта, после есенинской истории были уволены.

Поднимаемся по устланной ковровой дорожкой лестнице на второй этаж. Удобные плетеные кресла, бархатный ковер, трюмо, вазы, ящики с диковинными растениями — это «Зимний сад». Здесь хозяева и гости обсуждали новости XIV съезда и судачили о толсторожих нэпманах как главной угрозе социализму; в сердцах они могли даже сплевывать в плевательницу (тоже обозначена в описи). Эротоманы могли любоваться красующимся тут же мраморным женским бюстом, вспоминая афористичное выражение «проститутки А. Коллонтай» (определение И. А. Бунина): «Дорогу крылатому Эросу!»

В комнате месткома, согласно пролетарскому мировоззрению, висела картина «Арест Людовика XVI»; в шкафах покоились тома классиков марксизма-ленинизма; желающие могли потренировать зоркость глаза на большом бильярде из красного дерева.

Из любопытства «заглянем» в двухкомнатные апартаменты под номером 2 (в 1925 г. здесь жил инструктор Политуправления Ленинградского военного округа Константин Денисов). Рояль, заморские ковры, зеркала, фарфор, картины (в реестре около шестидесяти вещей, стоимость солидная — 941 рубль). Непременный телефон и роскошная белая ванна. (Помните у Маяковского: «Влажу и думаю: // „Очень правильная // эта, //наша, // Советская власть“».)

Прервем «экскурсию» и всерьез поговорим о ванне. В 5-м, «есенинском», номере ее не было. Лгут воспоминатели (о них речь впереди), что утром 27 декабря поэт поднял шум из-за подогреваемого без воды котла и побежал (это на второй-то этаж!) чуть ли не с мочалкой в

руках жаловаться сердобольным знакомым. В этом не было никакой необходимости: рядом имелся телефон, кроме постового в «дежурке», поблизости торчал коридорный.

«Зайдем» в 5-й номер и сверим его обстановку с перечисленной в описи и с известными снимками Моисея Наппельбаума. Итак: «шкаф зеркальный, английский, орехового дерева, под воск» (да, именно этот шкаф скрывал дверь в соседнее помещение), знакомый по печальной фотографии «стол письменный, с пятью ящиками, под воск» (на него якобы взбирался Есенин, устраивая себе смертельную пирамиду), а вот и «кушетка мягкая, обитая кретоном» (на нее положили бездыханное тело поэта), наконец, «канделябр бронзовый, с шестью рожками, неполными» — перечислено все (38 вещей), вплоть до мыльницы и ночного горшка.

Снимки Наппельбаума явно избирательного характера; на пленку не попали многие предметы, которыми, похоже, спешно декорировался кровавый сюжет. Подальше от любопытных глаз нашли захудалый номер, обставили его на скорую руку, притащили тело злодейски убитого поэта (доказательства будут представлены)...

С нумерацией странная чехарда. Поэт Всеволод Рождественский, понятой, подписавший 28 декабря милицейский протокол, в тот же день отправил приятелю В. В. Луизову в Ростов-на-Дону письмо (оно опубликовано), в котором указал не 5-й, а 41-й номер. В других источниках также приводятся иные порядковые номера. Кто-то комбинировал, путался, спешил...

Подробное знакомство с остатками архива гостиницы, тщательный анализ всех данных приводят к неожиданному, даже сенсационному выводу: 24-27 декабря 1925 года Сергей Есенин не жил в «Англетере»!

Тайный клубок начинаем распутывать с элементарного соображения: почему, кроме ленинградских литераторов, никто и никогда из жильцов и его работников ни единым словом не обмолвился о необычном постояльце; зная общительный нрав Есенина, его взрывной характер, в такое единодушное молчание трудно поверить. А ведь в «Англетере» проживали постоянно многие деятели культуры: киноартисты Павел Михайлович Польш-Барон, Михаил Валерьянович Колоколов (возможно, знакомец Есенина), режиссер Мариинского театра Виктор Романович Рапопорт и другие приметные в свое время личности. Наши оппоненты возражат: может, кто-то что-то и заметил, но, по понятным причинам, боялся написать об услышанном и увиденном, — да, мол, и не до поэта обывателям. Довод слабенький: некоторые мемуаристы встречались с Есениным мимолетно и все-таки настроили воспоминания, а тут такая жуткая история — и ни словечка. Да, вспоминать им было нечего: в 5-й номер допускались в основном только проверенные товарищи; весь спектакль абсурда проходил в глубокой тайне — иначе скоро бы открылось: московского беглеца до официального объявления о его самоубийстве в «Англетере» не видели.

Об этом — фрагмент нашего разговора (декабрь 1994-го, апрель 1995 г.) с вдовой коменданта «Англетера» Антониной Львовной Назаровой, урожденной Цитес (1903-1995). Встретила она нас в той же квартире, в которой жила с мужем в 1925 году (просп. Маклина, бывш. Английская, д. №58, кв. 23).

— Когда вы узнали о смерти Есенина?

— Как все, двадцать восьмого декабря, — отвечает седая женщина, — но тому грустному известию накануне, двадцать седьмого декабря, в воскресенье, предшествовал незабываемый для меня вечер. Примерно в двадцать два часа в нашей квартире раздался телефонный звонок. Я читала какую-то книгу, а мой муж, Василий Михайлович, прилег отдохнуть. Звонивший представился дворником гостиницы «дядей Васей» и просил

немедленно позвать управляющего. Я заупрямилась, сказав: нечего беспокоить мужа по всяким пустякам. Но «дядя Вася» заставил меня его разбудить, и он подошел к телефону...

— Когда ваш муж вернулся домой после того, как внезапно отправился на службу поздно вечером, двадцать седьмого декабря? — задаем Антонине Львовне совсем деликатный вопрос.

— Он вернулся домой лишь на следующий день и рассказал о происшествии, даже говорил, что снимал с петли тело Есенина.

— Он это делал один или кто-то помогал ему?

— Мужу помогал Цкирия Ипполит Павлович, коммунальный работник. Так ли это было на самом деле — не знаю, но что упоминалась эта фамилия — ручаюсь. Цкирия бывал в нашей квартире — веселый, высокий грузин, любил шумную компанию и кахетинское вино.

(Запомним фамилию этого человека, мы еще обратимся к его возможной роли в «деле Есенина».)

— Но почему воскресный вечер, двадцать седьмого декабря, вам так хорошо запомнился? Не подводит ли вас память?

— Ни в коем случае, — возражает Антонина Львовна. — Только теперь я понимаю: мужа вызывали именно в связи с есенинской историей. По долгу службы он не открыл мне тогда правды и промолчал до смерти. Тот тревожный вечер я не забуду никогда. Василий Михайлович обычно приходил с работы вовремя. Такой порядок сохранялся и когда он исполнял в тысяча девятьсот двадцать четвертом — тысяча девятьсот двадцать пятом годах обязанности ответственного дежурного коменданта в привилегированной гостинице «Астория» (ее в тысяча девятьсот двадцать пятом году пышно называли «первый Дом Советов»). Незадолго перед трагедией с Есениным скончался наш трехлетний сынишка — в нашей семье еще болела своя горькая рана. В то время мы жили дружно и ни тени сомнения у меня не существовало.

Добавим: скорбное происшествие произошло накануне Рождества (по новому стилю), и хотя Назаровы конечно же были атеистами, сие обстоятельство также могло запомниться — ведь в Ленинграде тогда православный праздник отмечался (пока!) открыто.

— Называл ли Назаров, — возобновляем диалог, — еще какое-либо имя в связи с несчастьем в «Англетере»?

— Он говорил мне, что заходил в один из номеров гостиницы к члену партии Петрову и якобы видел там Есенина с поникшей хмельной головой.

— Почему к Петрову? Кто он такой?

— Не знаю. Наверное, какой-то авторитетный для мужа партийный товарищ.

(Запомним и эту фамилию, она станет к финалу нашего расследования одной из центральных.) Мы благодарим Антонину Львовну за ее нравственный поступок признания (он дался ей нелегко после почти семидесятилетнего молчания) и за разрешение опубликовать отрывок из многочасовой беседы с ней.

А теперь представим хозяина снискавшего дурную славу дома (с большим трудом нам удалось разыскать необходимые документы).

Василий Михайлович Назаров (1896-1942) родился в Тульской губернии в бедной крестьянской семье. Едва одолев три класса училища, пошел на завод слесарем. В первую

мировую войну — младший унтер-офицер. Вихрь революции и железное пролетарское принуждение затащили его в ГПУ, где он занимался охраной вокзалов, складов, портов и карательными операциями в качестве командира взвода ленинградского 18-го полка войск ГПУ. 14 марта 1925 года он получил мандат чекистского «ока» в «Англетере» («15-е хозяйство»).

О том, насколько это «око» было безграмотным, дают представления его сохранившиеся рапорта и докладные записки. Приведем один из его автографов (орфографию и пунктуацию В. М. Назарова сохраняем):

«Зав. Упр(авлением) ком(мунальными) домами. РАПАРТ

Виду того что с переходом общежития интернационал на гостиницу Англетер и по прописке а также отметке прибывающих и убывающих а также и подача других сведений, необходима увеличить штат гостиница на 1-го поспартиста о чем и прошу Вашего ходатайства так как не имея поспартиста могут быть так же и масса неприятностей с губ. милицией и другими органами.

19. X. 1925

Зав. гостин(ицей) Англетер

В. Назаров».

«Тайна Есенина» была доверена люмпен-пролетарию, не только никогда не слышавшему о поэте, но вряд ли когда открывавшему какой-нибудь стихотворный сборничек. Не надо даже предполагать, что расчет лиц, причастных к смерти С. Есенина, оправдался: Назаров так и не осознал, какую грязную тайну он покрывал. Справедливости ради скажем: служил он большевистской власти не за страх, а за совесть (как он понимал эту «классовую категорию»), служил ревностно, по-своему честно: спасал по поручению ГПУ разрушенные революцией дворцы в Ленинграде, не брал чужой копейки (впервые сменил гимнастерку на костюм лишь с переходом на службу в «Англетер», но «гаврилку» (так он называл галстук) носить не научился), преследовал в гостинице разврат («мед пчел трудовых»), бесхозяйственность и прочую вольницу. Короче, подлинно мужицкая дубина пролетарской революции.

Заглядываем в архивные документы. Красноречивая деталь: 1 января 1926 года, спустя четыре дня после гибели Есенина, Назарову дали высокий-13-й — тарифный разряд (40 процентов надбавки к зарплате), 15 января отправили в отпуск (заслужил), а через три месяца... вышвырнули из «Англетера», как гласит приказ, «заштатным управляющим при складе треста коммунальных домов по учету материалов».

Антонина Львовна вспоминает, как он в те дни страшно кричал по ночам, как хватался за наган под подушкой, добавим — как пил горькую... В 1929 году, после ловко подстроенной кем-то финансовой недостачи, Назаров попал под суд, сидел в «Крестах», а потом оказался на Соловках. Дата не случайная: Троцкого выдворили из СССР и его сторонники спешили замести следы своих злодеяний и упрятали под любыми предлогами свидетелей террористических актов. Назаров вернулся из заключения физически и морально

сломленным, несколько лет вновь работал в коммунальной системе на маленьких должностях, а затем, вспомнив молодость, пошел на завод. Типичная «щепка», которую с 1917-го понесло по разудалым революционным волнам, швырнуло в жуткую пучину — и из нее он уже не смог выбраться. То было и возмездие за бездумье расстрельных лет, за сокрытие «есенинской тайны».

ГЛАВА II

УКРЫВАТЕЛИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Незавидна была судьба и другого официального участника англетеровской истории, милиционера Н.М. Горбова (1885-1932?), составившего акт обнаружения тела Есенина в 5-м номере гостиницы. Документ этот неоднократно публиковался.

«Акт

[3]

о самоубийстве Есенина.

Сост(авил) участк(овый) надзиратель 2-го отделения Ленинградской милиции

28 декабря 1925 г.

Рукой уч(асткового) надзирателя Н. Горбова. АКТ

28 декабря 1925 года составлен настоящий акт мною уч(астковым) надзирателем 2-го отд. ЛГМ Н. Горбовым в присутствии управляющего Гостиницей Интернационал тов. Назарова и понятых. Согласно телефонного сообщения управляющего гостиницей гражд(анина) Назарова В(асилия) Мих(айловича) о повесившимся гражданине в номере гостиницы. Прибыв на место мною был обнаружен висевший на трубе центрального отопления мужчина, в следующем виде, шея затянута была не мертвой петлей, а только одной правой стороной шеи, лицо было обращено к трубе, и кистью правой руки захватился за трубу, труп висел под самым потолком, и ноги от пола были около 1

1 /

2 метров, около места где обнаруже(н) был повесившийся лежала опрокинутая тумба, а канделябр стоящий на ней лежал на полу. При снятии трупа с веревки и при осмотре его было обнаружено на правой рук(е) выше локтя с ладонной стороны порез, на левой рук(е) на кисти царапины, под левым глазом синяк, одет в серые брюки, ночную белую рубашку, черные носки и черные лакированные туфли. По предъявленным документам повесившийся оказался Есенин Сергей Александрович, писатель, приехавший из Москвы 24 декабря 1925 г.

Удост(оверение) (ТЦ) №42-8516, и доверенность на получение 640 рублей на имя Эрлиха.

(Управляющий)

В. Назаров

(Понятые) В. Рождественский, П. Медведев, М. Фроман, В. Эрлих

(Милиционер) (неразборч) ..

шинский

Уч. надз(иратель) 2-го отд. ЛГМ

Н. Горбов ».

Подписи первым расшифровал исследователь обстоятельств гибели Есенина Эдуард Хлысталов, в прошлом следователь по особо важным делам МВД, полковник милиции. В одной из своих публикаций он обоснованно заметил следующее: «Можно ли из указанного акта заключить о самоубийстве поэта? Категорически — нет. Документ составлен на крайне низком профессиональном уровне. Участковый надзиратель фактически не осмотрел место происшествия, не зафиксировал наличие крови на полу, письменном столе, стенах, не выяснил, чем была разрезана у трупа правая рука, откуда взята веревка для повешения, не описал состояние замков в двери, запоров на окнах, наличие ключа от замка двери, не отметил состояние вещей в номере (а они, судя по публикациям в газетах, находились в беспорядке), одежды (она была в растрепанном виде, брюки расстегнуты испущены, что хорошо видно на рисунке художника В. Сварога), он не приобщил в качестве вещественных доказательств веревку, бритву, другие предметы. Приступая к осмотру, надзиратель обязан был пригласить понятых, которые (

могли бы. — Ред.) подтвердить правильность записей. Фамилии понятых вообще не записаны надзирателем в акте, следовательно, Горбов производил осмотр в одиночку, а потом дал подписать документ случайно подвернувшимся лицам. Акт не имеет отметок о времени его составления, о начале и окончании этого следственного действия».

Критические замечания Эдуарда Хлысталова можно было бы продолжить, но и приведенных достаточно, чтобы сделать вывод: перед нами весьма странный «акт», — кстати, название документа нелепое, согласно установленной форме ведения уголовных дел, требовалось составлять не «акт», а «протокол».

Необходимое пояснение к документу. Среди подписавших его понятых — неразборчивая фамилия милиционера, оканчивающаяся на «...шинский» или «...менский». На наш взгляд, следует читать «Каменский» — человек с такой фамилией доставлял труп Есенина в Обуховскую больницу (об этом законспирировавшемся Хароне читайте ниже).

Но еще более занимателен сам текст «акта». Наши читатели скоро убедятся, что участковый надзиратель Горбов был совсем не таким полуграмотным служакой, каким он предстает в процитированном неуклюжем документе. Да, в известных нам его личных писаниях он, конечно, далеко не виртуоз грамматики и пунктуации, однако виденные нами его заявления, записки, объяснительные и тому подобные бумажки свидетельствуют о вполне достаточной для его положения образованности. С учетом этих обстоятельств «акт» вызывает явное недоумение. Исследователи-профессионалы на эту тему давно дискутируют, но у них постоянно не хватало важного козыря — автографов Горбова. Теперь они у нас в руках. Сверяем почерк Горбова с каллиграфией «акта» (см. в книге соответствующие фотографии). Ненужно быть специалистом, чтобы заметить: написание ряда букв в собственноручном заявлении милиционера от 9 октября 1930 года в областную Контрольную комиссию (по поводу исключения его из партии) резко отличается от написания тех же букв в «акте». Особенно это заметно при сравнении прописных П, У. И в одном и в другом случаях

встречается словосочетание «учп(астковым) надзирателем»; даже простая сверка письменных знаков дает основание для сомнения, что идентичное выражение написано рукой одного и того же человека. Бесспорная подлинная подпись «Н. Горбов» на его заявлении 1930 года явно не похожа на его автограф в «акте». Нам приходилось вглядываться и в более ранние подписи оригиналы милиционера (например, под его заявлением от 28 ноября 1927 г. в бюро коллектива 2-гоотделения ЛГМ). Его почерк не претерпел заметной трансформации. Разумеется, для далеко идущих выводов требуется профессиональная и независимая графологическая экспертиза. Если она подтвердит обоснованность наших сомнений, «акт» должен быть признан сфальсифицированным без участия Горбова. Известные протоколы опросов свидетелей при обнаружении тела Есенина (Назаров, супруги Устиновы, Эрлих) также вызывают множество недоумений. Если выяснится, что все упомянутые выше бумаги поддельные (а для такого заключения есть серьезные основания), «милицейский» сюжет в «деле Есенина» впишется в общую картину намеренного сокрытия следов убийства поэта. Тогда данный эпизод будет выглядеть следующим образом: Горбов был в «Англетере», писал протокол, но укрыватели преступления его уничтожили и сочинили «свой» (заметьте, фамилия участкового надзирателя по горячим следам происшествия в печати не упоминалась); свидетели и понятые выполняли свои прямые тайные обязанности. В дальнейшем читатели убедятся — для такого вывода нашлось множество спрятанных до времени архивно-документальных доказательств.

Для выяснения истины полезно обратиться к личности милиционера Горбова. Странно, но факт: до недавнего времени о нем почти ничего не было известно, дискуссии главным образом шли о сочиненном им (?) полуграмотном документе. Между тем обнаружилось, он был достаточно образованным человеком: до революции много лет работал наборщиком на солидном петербургском Печатном Дворе, а эта профессия, согласитесь, способствует повышению грамотности; в 1920-м комиссарил на польском фронте — подобная служба тоже говорит о его определенной «подкованности»; в 1922-1923 годах прошел выучку в специальной школе Активно-секретного отделения уголовного розыска (АСОУГРО), сдав весьма жесткий экзамен (из 149 курсантов, как выяснилось, испытание выдержали лишь 66), — такая учеба конечно же повлияла на уровень его образованности (о росте нравственно-морального облика сего товарища мы остережемся говорить). Далее будут представлены выразительные детали его биографии, которые нередко «совмещаются» и с хроникой преступления в «Англетере», и с дальнейшей судьбой самого милиционера.

Недавно в секретных бумагах 2-го отделения ЛГМ нашлась партийная характеристика на Горбова. Этот весьма примечательный документ помогает высветить его сложное лицо. Цитируем:

«Совершенно секретно ХАРАКТЕРИСТИКА

Горбов Николай является по должности учнадзирателем, со своей работой справляется и интересуется ею. Бывший член партии, выбыл из партии (по его словам) якобы механически, по прибытию с фронта. Выпивает, но на службе пьяным не появлялся. Является слушателем кружка самообразования II ступени, занятия посещает неаккуратно. Работая в качестве председателя ячейки культсмычки, активности не проявил, так как эта работа дана недавно. В выполнении партобязанностей всегда старается найти какую-либо причину своей неисправности. К партвызысканиям привлекался один раз без передачи дела в К(онтрольную) к(омиссию) за невыполнение партдиректив (неявка на пленум коллектива с докладом и срыв собрания коллектива).

Тов. Горбов имеет свой собственный дом в две квартиры и, по непроверенным слухам, еще

два дома. Как партиец себя в работе общественно-политической не показал, имеется мешанско-обывательский (тон).

От(ветственный) секр(етарь) коллектива:

(Силин (Павел Сергеевич))

(Подпись).

11/IV-1927 г.»

Наш «протоколист» на фоне часто хмельных собратьев выглядел прилично; хитрый тверской мужичок (он родом из Тверской губернии) имел другие страсти, первейшую — зашибить любым способом дармовые деньги. Туманное упоминание в характеристике излишних домиков у Горбова имеет основания (он проживал с матерью, женой и сыном на станции Удельная по улице Рашетова, д. 7).

Судя по сохранившимся протоколам собраний 2-го отделения ЛГМ, Горбов был заядлым демагогом, особенно по профсоюзной части (поближе к кормушке). Павел Силин пишет, что его сослуживец однажды сорвал серьезное партийное собрание «коллектива». Действительно, такой случай был 8 июля 1926 года, когда Горбов не явился с докладом на тему борьбы с ленинградской «новой оппозицией», противостоявшей курсу XIV съезда РКП(б). Факт этот по-своему примечателен, так как милиционер находился под сильным влиянием друзей — сторонников Троцкого и Зиновьева, и невыполнение поручения не являлось случайным (мы к этой проблеме еще вернемся).

В 1929 году по состряпанному уголовному «делу» (покупка у знакомых кооператоров И.А. Волкова и Н.Ф. Наумова продуктов по заниженным ценам) Горбова судили (7 сентября, судья Эвертсон, народные заседатели Виноградова и Морозов, секретарь Смирнов) и упрятали за решетку. Снова обратите внимание на дату: это год высылки Л.Д. Троцкого из СССР. До поры до времени троцкисты, очевидно, подкармливали Горбова за его умение держать язык за зубами, но когда пришла тревожная пора, милиционера «на всякий случай» — чтоб помалкивал — засадили в первую ленинградскую фабричную трудовую колонию (напомним, подобным же образом, под надуманным предлогом, посадили в «Кресты», а затем сослали на Соловки коменданта «Англетера» В. М. Назарова).

Сообразительный «секретный» милиционер отбывал наказание тихо-смирно, и 28 августа 1930 года его освободили. В это время его прежние хозяева-троцкисты находились в опале, и Горбов проговорился. В подтверждение приводим его впервые обнаруженную автобиографию (заверенная подписью-автографом машинопись): «БИОГРАФИЯ

Родился в 1885 году. Отец был служащий; семья состояла из шести человек. В 1893 году отец умер; осталось у матери четверо детей, восьмилетний — самый старший.

В 1900 году поступил наборным учеником в Государственную типографию (ныне Печатный Двор); выпущен из учения в 1905 году. За участие в забастовке в 1905 году был уволен из типографии. В 1906 году вторично поступил в Государственную типографию наборщиком и проработал до 1920 года. (В) 1920 году был направлен на фронт под Варшаву и пробыл 6 мес(яцев), после чего вернулся обратно в типогр(афию).

В 1925 г., в годовщину смерти Владимира Ильича Ленина[4], вступил в ряды ВКП(б)[5] и в порядке выдвижения коллективом был направлен на службу в милицию, где и прослужил до

1929 г. В милиции прослужил около 5 лет в должности уч(асткового) надзирателя. В 1929 г., в сентябре месяце, нарсудом Центрального района был осужден по статье 117, часть I У(головного) К(одекса) за то, что будучи уч(астковым) надзирателем 2-го отделения ЛГМ, позволил себе на своем участке у частного торговца, которого знал 25 лет, и с его братом вместе работал в типографии, который также был наборщиком[6]. Покупал у этого частника для своей потребности продукты питания.

Все мое обвинение по ст. 117, часть 1, я считаю было сделано за то, что я позволил себе критиковать некрасивые поступки бывшего начальника милиции Егорова и бывшего секретаря Ленинградского Совета Леонова [7].

Отбыв наказание 9 месяцев, досрочно, 28 августа 1930 г., освобожден наблюдательной комиссией 1-ой Ленинградской фабричной ремесленной трудовой колонии.

26 ноября 1930 г. областной Контрольной комиссией Смольнинского района за то, что я находился под судом, был исключен из рядов ВКП (б).

1 сентября 1930 г. поступил наборщиком в I типографию Облисполкома, где работаю по настоящее время.

Н. Горбов».

Прокомментируем «Биографию», тем более что в ней есть существенные утаивания и недоговоренности. Нам удалось их расшифровать с помощью других документов.

Н.М. Горбов воевал политруком на польском фронте в составе 15-й армии. Сохранилось отношение от 5 сентября 1920 года политотдела Реввоенсовета этой армии в Петроградский комитет РКП (б): «Командируется в Ваше распоряжение тов. Горбов Николай Михайлович, как больной и непригодный к военной службе».

Партийное начальство отреагировало на армейское письмо 15 сентября 1920 года и направило Горбова, большевика с 1918 года, в Выборгский райком партии, по указке которого с 7 ноября 1921 года он стал квартальным надзирателем 2-го отделения ЛГМ. Почти через год судьба «нашего протоколиста» круто меняется, о чем он, выполняя строгие инструкции, помалкивал. 7 октября 1922 года начальник 2-го отделения милиции Орлов препровождает Горбова в распоряжение главы стражей советского порядка Центрального района Петрограда, Ф. Г. Ландграфа, который, в свою очередь, ровно через десять дней направляет его, согласно предписанию, в губернское Активно-секретное отделение уголовного розыска (АСО УГРО) под начало капитана Г. М. Зейферта. В 1926 году, заполняя анкету Всероссийской переписи членов ВКП(б), Горбов скрыл свою причастность к АСО УГРО и лично указал: «1920-1924. „Петрокоммуна“. Ленинград. Экспедитор. По назначению».

Никогда Николай Горбов экспедитором мифической «Петрокоммуны» не работал. В 1922-1925 годах он нес службу в АСО УГРО административного отдела Ленинградского губисполкома (АОЛГИ). В недавно рассекреченной «Книге по учету исходящих удостоверений личности сотрудников уголовного розыска» (1922-1924) мелькает и его фамилия.

Доступные нам архивные материалы АСО УГРО (многие уничтожены) показали: это ведомство занималось не только уголовщиной, но и тесно сотрудничало с ГПУ. Многие милиционеры, прошедшие выучку в АСО, становились секретными сотрудниками (сексотами) ГПУ, занимали ключевые посты в городской администрации; под милицейской шинелью часто билось чекистское сердце. Да иначе и не могло быть. Срастание ЧК—ГПУ и милиции в условиях крайне заполитизированной страны считалось закономерным и естественным процессом.

Нам попался замечательный по холуяжу документ под грифом «Совершенно секретно», подписанный начальником Петроградской губернской милиции Серовыми его помощниками. И хотя документ относится к октябрю 1922 года, он сохраняет свой пропагандистский пыл и в 1925-м. Цитируем из него небольшой фрагмент:

«Всем начальникам районов Петрогубмилиции. В связи с предстоящей предвыборной кампанией враги Рабоче-Крестьянского Правительства под флагом друзей народа, не брезгуя никакими измышлениями, не стесняясь никакой ложью и клеветой, забыв о том позоре, каким уже не раз были заклеены рабочей и крестьянской массой, они, эти политические шулера, вновь делают попытку сбить с толку нашего революционного рабочего...

Во избежание... излишнего брожения умов малосознательной рабочей среды, не давая почвы для развязки языков шептунам и шкурникам, предлагаю всем начальникам районов под их личную ответственность, через подчиненные им органы милиции и ее членов, строго и неукоснительно следить за лицами, тем или иным путем пытающимися распространить свою погромную литературу. Всех заклеенных лиц немедленно арестовать и отправить в ГПУ вместе с материалом».

Чем не доказательство родства милицейских и чекистских душ?

При анализе работы 2-го отделения ЛГМ обращает на себя внимание его тесная связь с 3-м Ленинградским полком войск ГПУ (его штаб дислоцировался через три дома от «Англетера», по просп. Майорова, 16).

Забегая вперед, заметим, в этом полку служил один из понятых при подписании «акта» Горбова об обнаружении тела Есенина, посещал сию чекистскую цитадель и другой заметальщик следов убийства поэта (об этом позже). «Дружба» 2-го отделения ленинградской милиции с чекистской воинской организацией подтверждается рядом выявленных нами в архивах фактов. Один пример. 16 февраля 1926 года на заседании «бюро коллектива» его оторг (ответственный организатор) Степан Кулеш предложил преподнести подарок воинам к годовщине создания Красной Армии. Постановили: «Громову (Я. Н.) поручить договориться с комполитсоставом 3-го полка войск ГПУ, в чем они более нуждаются» и «провести подписку о добровольном пожертвовании» (попробуй откажись). Зависимость милиции от ведомства Дзержинского была полнейшая. Любое «лишнее» словечко милиционера могло стоить ему жизни.

Не потому ли 70 лет промолчал агент Активно-секретного отделения уголовного розыска Георгий Петрович Евсеев (р. 1901). В беседе с нами старик рассказал (1995 г.), как он и его сотоварищи 28 декабря 1925 года под руководством инспектора Громова выезжали в «Англетер». Рассказ пустяковый, лукавый и надуманный, ветеран милиции по понятным причинам боялся открыть хоть в какой-то мере известную ему правду. И его понять можно — каких только репрессивных волн он не видел... Да и старая служба обязывала: в одном из архивных документов (1925 г.) фамилия Евсеева сопровождается многозначительной пометкой «Категория 53», которую еще предстоит расшифровать. В партийной характеристике (9 августа 1925 г.) о Евсееве сказано: «Политически развит вполне удовлетворительно, окончил кружок 1-й ступени», «Дисциплинирован и исполнительен».

Вероятно, таким же исполнительным был и другой агент АСО УГРО Михаил Васильевич Казанский, по словам Евсеева, также выезжавший в «Англетер».

Бригаду «активно-секретных» милиционеров возглавлял инспектор Петр Прокофьевич Громов (р. 1896), уроженец Тверской губернии, сын полицейского городского. До 1918 года он работал наборщиком в типографии «Новое время», воевал под Петроградом и на Урале в составе «Питерского Красного батальона». В 1921 году отличился при подавлении Кронштадтского восстания, награжден орденом Красного Знамени. Как видим, достаточно

проверенный властью товарищ. Насколько нам известно, он не промолвил ни слова о чрезвычайном выезде в «Англетер». Скорей всего, возглавляемая им бригада выполняла декоративную роль, а агенты АСО УГРО и одновременно чекисты Дмитрий Михайлович Тейтель (р. 1899) и Михаил Филиппович Залкин (р. 1896), жившие в «Англетере» (№31-32), «на всякий случай» подстраховывали сослуживцев. Об этой тайной операции ленинградские газеты ничего не сообщили, что говорит о неофициальном характере «визита» в гостиницу громовской бригады.

Закулисная возня вокруг «дела Есенина» подтверждается следующим документом, опубликованным «Новой вечерней газетой» (2 янв. 1926):

«

Телефонограмма .

Сообщено во 2-е отделение ЛГМ. 1925 г. 28 декабря мес., 4 часа вечера. В Обуховскую, им. профессора Нечаева, в память 9 января 1905 года, больницу был доставлен труп гражданина Есенина Сергея Александровича, повесившегося в гостинице «Интернационал».

Кем доставлен: милиционером

Мих. Каменским .

Труп гражданина Есенина передан в распоряжение 2-го отделения ЛГМ.

Дежурный

Котелов ».

Более чем странная телефонограмма. Выяснено, Мих. Каменский не являлся сотрудником 2-го отделения ЛГМ, отсутствует его имя и в списках (1925 г.) агентов УГРО. Еще заметим: телефонограмма напечатана весьма запоздало. Тело Есенина отправляется в больницу на судмедэкспертизу, еще не ясно существо происшествия, а покойного официально объявляют самоубийцей. Почему его транспортировку проводит «некто»? Мертвеца передают как вещь в распоряжение «простой» милиции. Есть над чем задуматься...

Кто такой Мих. Каменский? О нем мы находим несколько строк в «Дневнике» критика Иннокентия Оксенова, наблюдавшего грустную сцену прощания с Есениным: «Хороший был милиционер, юный, старательный. Подошла какая-то дама в хорьковой шубе, настойчиво потребовала: „Покажите мне его“, — и милиционер бережно раскрыл перед нею мертвое лицо. Лежал Есенин на дровнях головою вперед, ничего под тело не было подложено. Милиционер весело вспрыгнул на дровни, и извозчик так же весело тронул».

Возможно, этим «веселым» стражем был или Илья Павлович Каменский, работник Треста коммунальных домов, член правления «Военно-потребительского общества войск и органов ОГПУ „Красная звезда“, к которому имел отношение и „Англетер“ (известно его выступление на заседании месткома этого кооператива 21 февраля 1926 г.); или Каменский Алексей Осипович, рабочий, сотрудник ГПУ, живший тогда в чекистском доме по улице Комиссаровской, 5, в квартире 27. (Несовпадение имен не должно смущать — обычная

уловка дзержинцев-конспираторов.) Распорядители действовали неуклюже, бесцеремонно оттирая в самом начале следствия более скромных по влиянию стражей законности.

Подписавший телефонограмму Котелов Алексей Петрович — ленинградский юрист. Биографию его выяснить пока не удалось.

Эдуарду Хлысталову удалось установить, что в составе выезжавшей в «Англетер» бригады уголовного розыска был и агент Ф. Иванов, проводивший дознание, результаты которого неизвестны. Остатки архива УГРО подтверждают: действительно, в 1-й бригаде служил Федор Григорьевич Иванов (в той же группе числился брат Николая Горбова — Иван). Ф.Г. Иванов в 1923 году получал бесплатную трамвайную карточку, а в 1924-м расписался в «Книге по учету... удостоверений личности...» (№123). Бесплодность усилий Иванова понятна: возможно, не подозревая о своей роли в грязной игре, он и не мог публично раскрыть подноготную происшествия. Дальнейшая судьба Ф. Г. Иванова (был осужден и бесследно исчез) лишний раз свидетельствует: прикосновение к тайне «Англетера» дорого обошлось всем, кто на нее посягал.

В Центральном архиве Главного информационного центра МВД РФ (Москва, Новочеремушкинская, 67), может быть, сохранился отчет УГРО Ленгубисполкома за октябрь — декабрь 1925 года (есть документальное доказательство его былого существования) — в нем-то и следует искать прояснения истины, хотя, подозреваем, кто-то из власть имущих сумел вовремя уничтожить или сфальсифицировать казенные бумаги.

Вывод: руководящие работники Активно-секретного отделения УГРО АОЛГИ и их более высокие начальники заранее наметили тактику сокрытия преступления и отвели 2-му отделению ЛГМ роль пассивного созерцателя, что затем и произошло. Молчал следователь нарсуда 2-го отделения Бродский (Гилелевич) Давид Ильич (р. 1895). Его «личное дело» лежит в одном из государственных архивов, но знакомство с ним почему-то затруднено. Не проявлял никаких усилий и заведующий столом дознаний 2-го отделения ЛГМ Иван Васильевич Вергей (р. 1891). Благодаря своей послушности он благополучно ушел на пенсию по инвалидности в 1935 году. Исправно вели себя и другие милиционеры.

Надо оговориться: для блюстителей порядка есенинская история не являлась чрезвычайной. Только с 1 октября по 15 декабря 1925 года через 2-е отделение ЛГМ прошло 482 уголовных дела и поступила 4341 «бумага». Служили здесь 147 человек, призванных оберегать покой около 90 тысяч граждан (из них более 15 тысяч — пролетариев). Печальное событие с московским поэтом в глазах милиции — лишь случайный эпизод. К тому же дисциплина и профессиональные качества рядового состава, как правило вчерашних деревенских мужичков, выглядели удручающе. На собрании коллектива 2-го отделения ЛГМ 7 января 1926 года отмечено: за три последних месяца 1925 года зафиксировано семнадцать случаев неявки стражей на свои посты, четырнадцать раз видели «мильтонов» пьяными, снято с дежурств десять человек — и это официальная, явно заниженная статистика. Многие надзиратели за порядком сами специально напивались, чтобы их уволили из милиции — так была несладка их служба. Милиционер Алексей Егоров, бывший «краском», отмечается в протоколе, «привлекается к ответственности за бесцельную стрельбу на посту в пьяном виде, а также за невыходы на пост и манкирование службой». 22 декабря 1925 года на «заседании бюро коллектива 2-го отделения ЛГМ» говорилось: однажды милиционер Жан Фриденберг исчез с дежурства на пять часов, затем «явился в нетрезвом состоянии... начал кричать и выражаться неприличными словами в присутствии посторонних...».

Нередко среди охранителей советского покоя бывали растраты казенных денег. Так, Петр Амантов в 1926 году разбазарил 1300 рублей (ежемесячная зарплата рядового милиционера тогда составляла 45 руб.). Уличены в присвоении соцсобственности Петр Федоров, Иван Станкевич. Ленинградцы часто жаловались на волокиту во 2-м отделении, пропажу документов и формальные отписки. В числе бездушных чинуш фигурирует и Николай Горбов.

Имя Есенина им ничего не говорило. Сохранился протокол заседания месткома 2-го отделения ЛГМ от 30 декабря 1925 года. Появилась надежда — в бумагах мелькнет имя Есенина. Наивное ожидание: обсуждались циркуляры и инструкции губернского отдела «Союза совторгслужащих» (в него входил и милицейский профсоюз), шла обычная политическая трескотня.

Руководил 2-м отделением ЛГМ Александр Семенович Хохлов (р. 1885), бывший продавец и ростовщик, партиец с 1919 года. Примечательно: он сменил своего предшественника Пантелея (Пантелеймона) Федоровича Распопова (р. 1874) 22 декабря 1925 года. Смена милицейского начальства несколько внезапно-загадочная, больше похожая на изгнание Распопова — ведь совсем недавно, 12 ноября того же года, его примерная служба приказом №49 начальника административного отдела Ленгубисполкома Г. С. Егорова была отмечена именной револьвером. Можно допустить: Егорова (о нем и его авантюрах мы скоро поведаем) больше устраивала фигура Хохлова, имевшего вкус к финансам и, возможно, более управляемого, чем Распопов. В дальнейшем, при новом повороте нашей темы, мы еще вернемся к кадровой чехарде во 2-м отделении ЛГМ, так как она кажется нам не случайной.

А теперь выполним наше обещание и прокомментируем фразу участкового надзирателя Горбова, посмеявшегося после выхода из тюрьмы критиковать «некрасивые поступки бывшего начальника милиции Егорова и бывшего секретаря Ленинградского Совета Леонова».

Заглянем вначале в судебное дело №111772 Горбова. Приговор от 7 сентября 1929 года гласит, что торговец и владелец чайной Николай Федорович Наумов «давал взятки участковому надзирателю Горбову в виде разных продуктов по ценам, ниже кооперативных, последний раз взятка была дана в начале 1928 года...». За это милиционер, говорится далее в приговоре, сквозь пальцы смотрел на несоблюдение Наумовым правил торговли.

К «делу» был привлечен и владелец кустарной колбасной мастерской Иосан Алексеевич Волков, который (цитируем документ) «...давал подсудимому Горбову взятки своими колбасными изделиями, каковые отпускал ниже кооперативных цен в то время, когда он сырье во время кризиса в Ленинграде покупал у частника».

На Горбова явно «катили телегу». Особенно она заметна в подсчете обвинением случаев злоупотребления участковым служебным положением. Выясняется, от Наумова страж порядка в 1927-1928 годах получал взятки «несколько раз», а от Волкова «...три раза... в 1928 году и в начале 1929 года». Не густо. Видно, судье Эвертсону нужно было во что бы то ни стало упрятать Горбова за решетку и он использовал любые возможности, чтобы изолировать его хотя бы на время политической шумихи, связанной с высылкой Троцкого из СССР.

Раздуватели мирового пожара быстро и легко «убрали» ненадежного, с их точки зрения, свидетеля англетеровской чудовищной акции. Одного из своих тюремщиков Горбов назвал партийным контролером. Впервые приводим этот любопытный документ (автограф):

«

В областную Контрольную комиссию .

От Горбова Н. М. Жител(ьство):

Ст(анция) Удельная, Рашетова ул., 7, кв. 1. ЗАЯВЛЕНИЕ

26 сентября 1930 г. Партколлегией Смольнинского района я исключен из партии за то, что находился под судом. Считаю постановление Партколлегии суровым и прошу меня восстановить в правах члена партии. Я происхожу из рабочих, по профессии наборщик, имею 25-летний стаж; находясь в рядах партии в течении трех лет, не имел взысканий.

Под суд попал из милиции, где и служил 5 лет уч(астковым) надзирателем как выдвигенец.

Отдание меня под суд по ст. 117, ч. 1 УК со стороны прокурора Центрального района Николаева было пристрастным за то, что я его не просил быть ко мне снисходительным.

Прошу мое дело разобрать, вызвав меня в комиссию.

9/Х-30.

Н. Горбов ».

Заявление несколько туманное, его автор не решается прямо сказать о состряпанности своего «дела». Ранее, по выходе из тюрьмы, он смело указал на «некрасивые поступки» бывшего начальника губернской милиции Егорова и бывшего секретаря Ленсовета Леонова. Теперь всплыло новое имя, прокурора Александра Николаевича Николаева, бывшего в 1925 году членом Ленсовета и Василеостровского райисполкома (тогдашнее его местожительство: ул. Гаванская, 16). Если не ошибаемся, сей сомнительный страж законности в 1929-м за свои грязные делишки тоже очутился (как Г.С. Егоров, Л.С. Петржак и др.) под жерновами ГПУ (соответствующие документы нам известны, но их и сегодня невозможно заполучить).

Зато удалось разыскать протокол №15 заседания партколлегии Смольнинского района от 26 сентября 1930 года. Более чем интересная для нашей темы бумага. Особенно примечателен состав партийных экзекуторов. Перечислим их всех: председатель Зилинский, секретарь Ново-Павловская (так в тексте документа), народный следователь Мальбин, члены партколлегии: Базарова, Веселова, Венгрис, Изак, Николаев (и тут прокурор на месте), Сондак, Трилиссер. Весьма темная компания. В ней выделяется ярый троцкист Д.А. Трилиссер, один из руководителей партийной Контрольной комиссии, брат печальноизвестного М. А. Трилиссера, заместителя (с 1926 г.) председателя ОГПУ. Рейнгольд Иванович Изак, преподаватель Коммунистического университета им. Зиновьева — также гэпэушник. Крайне многозначительный для нас факт: Изак жил (1924-1928) в чекистском доме по улице Комиссаровской (№7/15, кв. 10), а упоминавшийся не раз таинственный Петров, к которому комендант «Англетера» В. М. Назаров якобы заходил 27 декабря 1925 года «советоваться», располагался в 8-й квартире. Вероятно, и Петров и Изак беспокоились — будет ли помалкивать после тюремной отсидки «свой» Горбов. Загадочное и бесследное исчезновение последнего после 1931 года заставляет думать: за строптивым милиционером кто-то присматривал... Во всяком случае, петербургские архивы ФСБ и МВД не смогли нам помочь выяснить финал его судьбы.

Теперь прокомментируем строки автобиографии милиционера Горбова, касающиеся его «обидчиков», начальника административного отдела губисполкома Егорова и бывшего секретаря Ленсовета Леонова.

О Леонове речь впереди, сейчас же обратимся к фигуре первого блюстителя законности в губернии.

Герасим Степанович Егоров (1878-?), бывший рабочий Путиловского завода, член РСДРП (б) с 1907 года, глава (1924-1929) административного отдела Ленинградского губисполкома

(АОЛГИ), — личность темная, типичный шкурник с партбилетом, сделавший большевизм своим доходным личным промыслом. Уголовник с идеологической подкладкой, он, руководя всей ленинградской милицией, занимался финансовым разбоем. В годы своей последней службы лично растратил более 100 тысяч рублей казенных денег.

Герасим Степанович был натурой широкой, разгульной. Когда в Ленинград в 1925 году приезжал его не посредственный начальник, глава всей милиции РСФСР Петр Константинович Сергиевский, в теплой компании в «Европейской» гостинице или в «Гранд-отеле» пропивались и транжирились «из секретных сумм» многие тысячи. Г. С. Егоров так вольно сорил казенными средствами потому, что, очевидно, частенько выполнял «деликатные» поручения вышестоящих московских заправил, снисходительно смотревших на «слабости» товарища по партии.

Известен фотопортрет мошенника: на крупном грубом лице застыла «значительность», в небольших усах прячется нечто «комиссарское», жиденькие волосики аккуратненько разглажены на пробор, в плотно сжатых губах — таинственность, взгляд уверенный, самодовольный; от серого партийного френча веет строгостью и дисциплиной. Рассказывают, этот «герой» не раз предупреждал крупных ленинградских жуликов и аферистов об ожидающих их арестах. Самого его «взяли» в 1929-м, то есть когда пришел черед отвечать перед судом «пламенным революционерам» (к сожалению, наши историки почти совсем не пишут о материальной подоплеке арестов большевистских вожаков, ограничиваясь идеологией, которая часто служила им лишь «дымовой завесой»).

«Делом» Егорова и К^о занимались коллегия ОГПУ и Президиум ЦИК СССР — настолько оно было масштабным и чрезвычайным. Мы этого «дела» не видели, но убедились в Центральном государственном архиве (Санкт-Петербург) в масштабности махинаторского предприятия: все документальные материалы о деятельности АОЛГИ 1924-1929 годов чья-то преступная рука уничтожила (в этом массиве первоисточников могло быть и «дело Есенина»).

Может быть, скажут наши оппоненты, милиционер Горбов проболтался о «некрасивых поступках» Егорова, не связывая их с трагедией в «Англетере»? Однако о цепочке Горбов — Егоров нам известно более, чем здесь сказано, а недоговариваем потому, что до наших дней архивные материалы и того и другого остаются секретными. В нынешних потаенных кладовках прячется еще очень много прелюбопытных бумаг.

Полагаем, Егоров не обязательно сам давал приказ участковому надзирателю Горбову сфальсифицировать «есенинский протокол». Давление могло исходить еще от двух товарищей. Поведаем о них. ...На фотографии он выглядит задумчиво-брезгливым; лысоват, прямой нос, «чекистский» взгляд, толстенькие губы. Обычно деятели его ранга в анкетах 20-х годов писали: «социальное происхождение — интеллигент», читай — профессиональный революционер, чаще всего — уголовник с политическим душком, если вспомнить, к примеру, дружков-эксов Якова Свердлова и Лейбу Сосновского (лютого ненавистника Есенина).

Выше набросан внешний облик заместителя Г. С. Егорова, начальника подотдела уголовного розыска АОЛГИ Леонида Станиславовича Петржак. Из милицейского журнала «На посту» (1925. №5) и других периодических изданий, из архивных источников известно следующее.

Л. С. Петржак родился в 1891 году в селе Высокое Люблинской губернии в семье оборотистого дельца, занимавшегося прибыльным мельничным делом (сын, как водится, скрывал занятия отца, называя его «для анкеты» рабочим-столяром). Учиться он, видимо, не любил и не хотел, так и оставшись с двумя классами (обычно «пламенные» ссылаются на «тюремные университеты» — не исключение и Петржак, писавший об учебе в подпольной партшколе в 1916 г.). Профессия — токарь по металлу, но в это мало верится. Уже в свои четырнадцать лет был причастен к убийству полицмейстера в городе Люблино, о чем позже

писал с гордостью. В 1906 году уголовника приняли в партию. В хрониках предреволюционных лет городов Левицы и Лодзь его имя встречается часто. В 1914-м приехал в Петроград. Оценив его организаторскую хватку на профсоюзно-хозяйственной ниве, начальство столицы доверило ему в 1918-1919 годах заседать в Совете народного хозяйства. Немного поуправляв Совнархозом в Харькове (с двумя классами образования!), он возвращается в город на Неве и здесь находит свое истинное призвание, определившееся, по-видимому, в 1905 году (в упомянутом выше журнале «На посту» в биографической справке о нем двусмысленно написано: «...член коллегии по черному делу „Украины“, следовало бы — „по черной металлургии“). Оговорка символическая, в Харькове Петржак пролил много людской кровушки, заседавая в „политтройках“. Дзержинский высоко оценил усердие своего боевого польского сотоварища и взял его под свое крыло. С декабря 1919 по январь 1921 года, то есть в разгар Гражданской войны, Петржак исполнял обязанности вначале заведующего отделом осведомления при ВЧК, а затем начальника всей чекистской агентуры. Просим запомнить этот факт, мы к нему еще вернемся. Затем, казалось бы, его карьера пошла на спад: с 1922 по 1929 год он ведал Ленинградским уголовным розыском. Должность немалая, однако, согласитесь, что-то в таком вираже его биографии смущает. После долгих поисков, по косвенным данным, удалось узнать, что служба в угрозыске была для Петржака лишь внешней и не самой главной, в те же годы он трудился в Особом отделе Петроградского (Ленинградского) военного округа в качестве заместителя начальника иностранного отдела. На этот факт, пожалуйста, обратите внимание, он нам пригодится при выяснении мотивов убийства Есенина. В 1929-м Петржак „кончил плохо“: за присвоение и растрату огромной суммы казенных денег он попал (вместе с Г. С. Егоровым) в „родное“ ОГПУ. Если не ошибаемся, ему дали „десятку“. Наконец, еще один интересующий нас сотрудник ленинградской милиции, подчиненный Петржака, начальник Активно-секретного отделения уголовного розыска (АСО УГРО) административного отдела губисполкома (АО ЛГИ) Георгий Алексеевич Гольцикер. С фотографии смотрит рафинированного вида мужчина с внешне приятным лицом, но только в глазах жесткий холод. Г.А. Гольцикер родился в Петербурге в 1899 году. Осилит коммерческое училище. В партию вступил в 1919-м, когда служил военным следователем, в 1920-1921 годах казнил и миловал в военно-революционном трибунале — за ним гора не только пролетарских трупов. В его личном деле (недавно рассекречено) есть пометка о том, что сей страж революционной законности привлекался к ответственности за спекуляцию мануфактурой. С 1921 года работал в УГРО, с ноября 1924-го возглавлял Активно-секретное отделение. Это, скорей всего, он направлял в „Англетер“ 5-ю бригаду агентов АСО УГРО под руководством инспектора Петра Прокофьевича Громова.

Встает резонный вопрос: почему «делом Есенина» занималось Активно-секретное отделение УГРО, а не местное ГПУ, не говоря уже о «простом» 2-м отделении милиции? Причин тут несколько. Нами обнаружена тесная связь АСО УГРО и ГПУ (см.: Наш современник. 1995, №12). Полагаем, в структуре АСО существовали специальные группы, предназначенные для «особых поручений». И главное: факт убийства поэта скрывался по чьей-то личной просьбе «сверху», то есть в самом начале «делу» придавался не столько официальный, сколько, так сказать, «домашний» ход. Операцию сокрытия преступления «активно-секретные» милиционеры провели успешно, их вчерашний сослуживец Николай Михайлович Горбов (он ли?) настроил фальшивку, следователь нарсуда Бродский и шагу не ступил к правде — да ему, вероятно, и не позволили. 20 января 1926 года, после появления в «Правде» (19 января) статьи Троцкого о кончине Есенина, заведующий столом дознания 2-го отделения ЛГМ Вергей сочинил «отходную» бумагу («за отсутствием состава преступления»), а его начальник Хохлов поспешил «дело» прикрыть. Он, бывший торговец, знал: в такой острой, щекотливой ситуации принципиальность обойдется дорого. Вскоре после декабрьской трагедии его перевели на другое место службы.

В заключение нашей «милицейской» главы несколько попутных соображений, которые, надеемся, пригодятся будущим исследователям.

Следы участкового надзирателя Николая Горбова теряются в 1931 году, когда он работал наборщиком в 1-й типографии облисполкома. Безуспешно пытался вновь восстановиться в партии (рекомендацию ему давали работники типографии А.И. Федоров и С.С. Чернявский).

Что-то о судьбе Николая Горбова могли знать его братья, тоже милиционеры, прошедшие школу Активно-секретного отделения (АСО) УГРО, — Александр Михайлович (р. 1895) и Иван Михайлович (р. 1890). Кстати, последний, как и его брат Николай, тоже в 1929-1930 годах извещал тюрьму по надуманному обвинению («...халатно относился к служебным обязанностям»).

2-е отделение ЛГМ и АСО УГРО, как уже упоминалось, тесно сотрудничали с ГПУ, что в условиях того времени было обычным явлением. Наше «знакомство» с двумя сослуживцами Николая Горбова по АСО УГРО — агентами Залкиным и Тейтелем привело нас в... «Англетер» и заставило присмотреться к соседнему с гостиницей дому №8/23 по проспекту Майорова. Вновь попытаемся ответить на вопрос: почему эти два агента, имея домашние семейные квартиры в Ленинграде, время от времени в 1925 году проживали в «Англетере» — соответственно, повторимся, в 32-м и 31-м номерах?.. Мы еще вернемся к этой загадке в связи с выяснением назначения дома №8/23, сейчас же, опережая аргументы, поспешим с ответом: Залкин и Тейтель в «Англетере» отдыхали от допросов, которые они вели в таинственном соседнем здании, являвшемся, по нашим архивным наблюдениям, следственным изолятором. Нетрудно догадаться, что между гостиницей и домом-призраком существовали секретные подвальные ходы.

Так как наш ответ нуждается в документальных обоснованиях, подробнее скажем об упомянутых агентах. Михаил Филиппович Залкин (по метрическому свидетельству — Моисей Рафаилович Залкинд) родился в 1896 году в городе Лиепая (Либава) Курляндской губернии. Учился в гимназии. В 1914 году на «ловлю счастья и чинов» прибыл в Петроград. В дни Февральской и Октябрьской смут стоял на стороне революции, участвовал в Гражданской войне; служил «лицом для поручений» при начальнике снабжения войск ВЧК, в отрядах охраны эстонско-латвийской границы и т.д. В 1923-1926 годах агент АСО УГРО Петрограда-Ленинграда. Службу в Активно-секретном отделении совмещал с деятельностью в ГПУ. Позже находился на хозяйственно-технической работе. Любопытный штрих: первым браком был женат на Фаине Моисеевне Каплан, ставшей в 1929 году супругой Г.А. Гольцикера, начальника АСО УГРО.

Другой загадочный жилец «Англетера», Дмитрий Михайлович Тейтель, родился в 1899 году в Петербурге. Окончил 6-ю местную гимназию. Участник Гражданской войны на Северном фронте, артиллерист. Большевик с 1918 года. С сентября 1921 года по январь 1922 года уполномоченный по информации (3-е спецотделение) Петроградской ЧК, позже сотрудник агентурно-осведомительного Особого отдела здесьнего военного округа, затем работник охраны ряда специальных объектов. С 1923 года агент АСО УГРО, продолжавший поддерживать связь с ГПУ. В своей «Автобиографии» (1924) Тейтель с гордостью писал: «Специальные поручения: исполнял, работая в ЛЧК, ГПУ и ОО ЛВО. Вообще же знаю основательно работу ГПУ и Угрозыска». Учитывая, что Тейтель в «есенинские» дни 1925 года жил в «Англетере», выполняя неизвестное нам поручение, приглядеться к нему внимательнее будет нелишне.

В истории Активно-секретного отделения УГРО множество представляющих интерес для есениноведов имен, фактов, эпизодов. Вот еще одна существенная для нас деталь: 17 сентября 1925 года комиссия под председательством начальника АСО УГРО Г.А. Гольцикера формировала Команду передвигного состава (Комперсо) ЛГМ. В списке (34 человека) значится Павел Петрович Петров, особо секретный агент ГПУ. Никакого отношения Петров к Комперсо не имел, ему, очевидно, требовалось легализировать вовсе не лишнее для него авторитетное удостоверение. (АСО УГРО — скопище прелюбопытных фамилий, некоторые из них безызвестны и сегодня. В 1925 году агентами этого своеобразного филиала ГПУ

были Николай Михайлович Невзоров, Герасим Иванович Ерин, Иосиф Станиславович Голембиовский.)

Уверены, дальнейшие «разработки» архива АСО позволят глубже проникнуть в «тайну „Англетера“.

ГЛАВА III

ДЗЕРЖИНЦЫ С УЛИЦЫ КОМИССАРОВСКОЙ

Милиционер Горбов, выйдя в 1930 году из тюрьмы, объяснил свое заключение критикой «некрасивых поступков» начальника губернской милиции Егорова и секретаря Ленсовета Леонова. Мало ли что, подумалось, ленсоветская работа многообразная, видимо, Леонов был связан по должности и с милицией, — может быть, дал в свое время нагоняй Горбову — вот тот и мстит.

После долгих поисков у нас в руках оказался «Трудовой список» Ивана Леонтьевича Леонова. Читаем: родился в 1888 году в Новгородской губернии, русский (в одном из документов написано — по недоразумению(?) — «латыш»). Работал строителем, телеграфистом, садоводом (последнее — сомнительно, скорее всего — конспирировался), строгальщиком по металлу на Балтийском заводе, перед революцией не раз арестовывался, находился на нелегальном положении. В 1917-1918 годах — заместитель председателя Василеостровского Совета. Далее: «Октябрь 1918-1 октября 1919. Петроград. ЧеКа — член коллегии. 1 октября 1919 — декабрь 1920. — Председатель Иваново-Вознесенской ЧеКа.

Декабрь 1920 —

декабрь 1921. — Начальник Особого отдела и зам. председателя Московской ЧеКа. Декабрь 1921 — март 1927. — Ленинградское ГПУ. Зам. Начальника (выделено нами. — В. К.). 16 марта 1927 — секретарь Ленинградского Совета. 2 октября 1929. — Уволен».

Так вот, оказывается, на какую важную чекистскую птицу указал Горбов. Леонов конечно же по службе знал уже знакомых нам Егорова и Петржака. В Москве он, разумеется, встречался с Троцким, Дзержинским и другими видными «железными рыцарями», ходил в заместителях у Станислава Мессинга, в интересующее нас время первой «кожаной куртки» Ленинграда.

Леонов мог знать Есенина по его приводам на Лубянку («Дело о „Зойкиной квартире“, август(?) 1921 г., и др.).

Так одна лишь фраза в заявлении участкового надзирателя Горбова привела в ленинградский чекистский штаб, располагавшийся в 1925 году на улице Комиссаровской (бывшей Гороховой) в доме №4.

Довольно неожиданный поворот сюжета. Понадобилось познакомиться с Леоновым поближе — таким образом проясняются его служебные и другие связи. С трудом продираемся через старые бумажные залежи — уж очень засекречен и доныне таинственный товарищ. Но мир не без добрых людей. Мало-помалу потайной ларчик открывается. Различные источники помогли дополнить биографию заместителя начальника Ленинградского ГПУ. Дадим несколько важных штрихов к портрету второго человека среди политических карателей в городе на Неве.

В партию он вступил в 1914 году. Почему-то освобожден от участия в войне. Служил по классовой совести, награжден именными золотыми часами и почетным чекистским знаком. В

начале 20-х годов водил дружбу с Г. Ватнер и другими политиками, увивавшимися вокруг Троцкого. Когда последнего исключили в 1927 году из ВКП(б), стала закатываться и звезда Леонова. Его тогда пригрел бывший вожак (1919 г.) петроградских чекистов Николай Павлович Комаров, ставший к тому времени секретарем Ленгубисполкома, а с марта 1926 года — его председателем, одновременно являясь главой Ленсовета.

Леонов известен в Петрограде как жестокий каратель. За превышение власти ему однажды даже объявили выговор. В 1929 году, когда его единоверцев и приятелей по разбойным делам сажали пачками в тюрьмы, он выжил, перейдя на хозяйственную работу, и даже попробовал выкарабкаться вновь на службу в тайное ведомство (в 1931-1932 гг. в Иркутске), но не удержался. Вероятно, в 1932-м или несколькими годами позже его «пригласили на казнь». На наш взгляд, справедливо.

Сохранились секретные когда-то записки Леонова (1925 г.) в профсоюз работников искусств (РАБИС), в Севзапкино и в другие организации с «просьбами» выслать в СОЧ (Секретная оперативная часть) ГПУ, которой он командовал, бланки удостоверений и т.п. «с оперативными целями». Ведомство Леонова присматривало за «Англетером», что подтверждается, к примеру, недавно рассекреченной следующей служебной запиской от 6 октября 1925 года:

«

Тов. Гальперштейну .

Прошу Вашего распоряжения о предоставлении одной комнаты на льготных условиях в гостинице «Англетер» подателю сей записки.

(Подпись неразборчива)».

«Просьба» адресована Борису Марковичу Гальперштейну, заместителю заведующего губернским отделом коммунального хозяйства (губоткомхоза). Публикуемый документ подтверждает ту мысль, что Есенина не могли поселить в гостинице «по благу». Уж если всемогущее ГПУ считает необходимым выполнять формальные требования, то никакие знакомцы поэта не могли обойти строгие бюрократические рогатки.

О многом мы уже не узнаем никогда, потому что наиболее секретные бумаги сопровождалась фельдъегерями ГПУ, знакомившими «своих людей» с соответствующей информацией. Для непосвященных приведем образец «расписки» по каналу фельдъегерской чекистской связи.

«Форма №11 К пакету № _____

· РАСПИСКА

Пакет, адресованный _____ на тов. _____ за №

от (учреждения) _____ под сер. «К»

для вручения в собственные руки адресата без права передачи и вскрытия другими лицами, доставленный фельдсвязью ОГПУ

Принял _____

Должность _____

Доверенность за № _____ от числа

Примечание: подпись разборчива

« ____ » _____ 192_г.

Расписка вручается лицу, дающему пакет, немедленно».

Вернемся к Леонову — ключевой, на наш взгляд, фигуре в англетеровской истории. У нас есть возможность «побывать» у него дома с помощью обнаруженной нами домовой книги (1929 г.). В огромном здании по улице Красных зорь, 26/28 проживала ленинградская советско-партийная номенклатура. В 20-й квартире (четыре комнаты, 175 кв. м) располагался Сергей Миронович Киров с женой Марией Львовной Маркус и домработницей Евдокией Ильиничной Агаповой. В 47-й обитал председатель Ленсовета, упомянутый выше Н. П. Комаров. Рядышком, в 45-й, жил травивший Есенина в газетах красный профессор литературы Л.Р. Коган. С именем поэта связано еще несколько проживавших в доме лиц (подробнее о них мы еще поговорим). Среди прочих — И.А. Мессель, брат главного врача «Скорой помощи», Н.В. Балдин, врач той же службы, журналисты Н.И. Шавлюга-Кантор, Татьяна и Клара Елькович (об их брате, главном редакторе вечерней «Красной газеты», будет речь особая). Дом напичкан чекистами, парработниками высокого ранга, чьи фамилии не пустой звук в советской истории Ленинграда. Любопытная деталь: в квартире №151 поселились однофамильцы поэта — Есенины: студент политехникума Федор Степанович и шофер Стефан Михайлович. А вот и «наш» И.Л. Леонов. Квартира №2 (четыре комнаты, 113 кв. м) несколько меньше, чем у Кирова, но тоже солидная. Сердечный покой Ивана Леонтьевича оберегала Гесья Соломоновна Самоварова, шифровальщица ГПУ (ох уж эти конспираторы!), пристроившая у себя под боком сестричку, студентку мединститута. Как и положено большому начальнику, Леонов имел прислугу, жившую здесь же Елизавету Осиповну Иванову.

Наше «посещение» дома на улице Красных зорь не привело к открытиям, однако, согласитесь, кое-что прояснило и — главное — обозначило новые тропинки исследований.

Информацию о «кожаных куртках» 20-х годов добывать очень сложно. Заглянуть бы в их досье, хранящиеся в архиве ФСБ, но там, понятно, свои, жесткие порядки и рассчитывать на распахнутые двери не приходится. Поэтому сбор сведений о «рыцарях революции» идет медленно, окольными зигзагообразными дорожками. Именно таким образом удалось «расколоть» сексота ГПУ Вольфа Иосифовича Эрлиха (1902-1937). Нам в руки попало его студенческое «дело», из которого выяснилось следующее.

7 июня 1902 года раввин Симбирска И. Гальперн записал: «...у провизора Иосифа Лазаревича Эрлиха от законной его жены, Анны Моисеевны, родился сын, которому по обряду Моисеева закона дано имя Вольф». Через 28 лет он пропоет свою «Волчью песнь»:

Я ли это —

С волей на причале,

С песьим сердцем,

С волчьей головой?

Пой же трубы гнева и печали!

Вейся клекот лиры боевой!

И далее:

Но когда заря

Зарю подымет,

В утренней

Розовоокой мгле,

Вспомню я простое волчье имя,

Что мне дали на моей земле.

И, храпя

И воя без умолку,

Кровь свою роняя на бегу,

Серебристым

Длинномордым волком

К вражьему престолу пробегу.

В этом «романтическом» стихе речь, конечно, идет о коммунистической заре и ненавистном автору царском престоле. Метафора «с песьим сердцем» отражает внутреннюю сущность Эрлиха, внешне добродушного, приветливого, открытого, на самом же деле — злобного, скрытного, холодно-циничного.

После окончания 2-й симбирской советской школы 2-й степени имени В. И. Ленина (если не ошибаемся, Эрлих учился в здании бывшей гимназии, где совершенствовался в науках будущий вождь пролетариата) он в 1919 году поступил на историко-филологический факультет Казанского университета, где числился до июня 1921 года. Именно числился, потому что сам в одной из анкет указал: «...добровольно служил в 1920-1921 в санчасти Приволжского военного округа». Врет, так как в другой анкете приблизился к правде: «Служба в Красной Армии: работал в качестве секретаря педагогической лаборатории Главного политического Управления Просвещения Комитета Татарской республики» (официальное название требует уточнения). И еще дал справку: в 1920 году проходил курс всеобуча в 9-м взводе 1-й роты 1-го пехотного Казанского территориального полка. Как видим, «волк» вилял овечьим хвостом.

Если в архиве Управления ФСБ Казани документы Эрлиха сохранились, они дадут о

«педагоге» и «санитаре» подлинное представление, мы же не сомневаемся:

свою чекистскую службу он начал с первого университетского курса. Фанатик мировой революции, он в 1921 году на вопрос анкеты (пункт 29-й): «Какой партии сочувствуете и почему?» — ответил: «РКП. Хотя бы потому, что все попытки переворота (независимо от намерений кого бы то ни было) по неизбежным результатам считаю контрреволюционными».

«Личное дело» (сексотское досье) Эрлиха до наших дней, разумеется, прячется (государственная тайна), но часто детали его темной биографии проясняются им самим в стихотворных опусах. Цитируем отрывок еще из одного стишка (поэзии в нем ни на грош, но фактура любопытна):

Много слов боевых живет в стране,

Не зная, кто их сложил.

Громче и лучше на свете нет

Песни большевика.

И этой песне меня научил

Мой первый товарищ Выборнов Михаил,

Председатель Рузаевской ЧК.

Даже адрес чекиста указан: Симбирск, Смоленская улица, 3 (местным краеведам рекомендуем поинтересоваться). Человек с такой фамилией (имя другое) известен Ленинграду начала 20-х годов (в его служебном формуляре немало темных строк): осенью 1925 года он исполнял обязанности ответственного дежурного 1-го Дома Советов («Астории»), а должность эта — чекистская, ее до него занимал В. М. Назаров, переведенный комендантом «Англетера». Возможно, перебравшись в северную столицу, Выборнов в июле 1921 года перетащил за собой и своего подопечного.

Поначалу в Ленинграде дела Эрлиха складывались не лучшим образом. Здешнее ГПУ приютило его в комнатке (№1) ведомственного дома №12 по Вознесенскому проспекту (это буквально рядом с «Англетером», позже имевшим адрес: проспект Майорова, 10); можно думать, он туда частенько заходил по чекистской надобности. Промышляя секретами, забросил учебу на литературно-художественном отделении факультета общественных наук Петроградского университета (в 1923 г. его отсюда выгнали за неуспеваемость и участие в сионистских сборищах), предпочитая компанию приятелей (студент-медик Рязанский (псевдоним?), начинающий математик Шостак и др.) и сочинительство «революционных» опусов. Пытался писать стишки для детей («Жил на свете Ванек... Пальцем двинуть не мог» и т.п.), но скоро забросил «педагогическое» рифмотворчество, отдавшись всецело сексотству и «социальной» поэзии, позже выраженной одной строкой в любимом им идеале: «Мой дом — весь мир, отец мой — Ленин...» (от серьезного анализа стихослагательства Эрлиха мы отказываемся, отметив подражание Владимиру Маяковскому и Анатолию Мариенгофу, с потугами на «имажинизм»). Наиболее заметная литературная работа Эрлиха (1936) — сценарий (совместно с Н.Я. Берсеневым) известного фильма «Волочаевские дни».

Литератор-воспоминатель Матвей Ройзман писал о нашем «герое»: «Вольф Эрлих был честнейшим, правдивым, скромным юношей. Он романтически влюбился в поэзию Сергея Есенина и обожал его самого. Одна беда — в практической жизни он мало что понимал».

Здесь нет ни слова правды, но именно в таком ореоле воспринимали его современники: тихонький, вежливенький, мяконецкий — из него бы получился неплохой провинциальный артист. Даже в наши недавние дни у «волка» сохранялся овечий «имидж»: на его родине, в Ульяновске, открыли музей его имени (позже тихо прикрыли).

В практической жизни Эрлих разбирался великолепно. В 1925 году поднаторевший сексот ГПУ, очевидно, «за особые заслуги» получил квартиру в доме №29/33 по улице Некрасова (Бассейной). В 1930 году сообщал матери: «Сам я живу замечательно. Две комнаты с передней, а я один. Сам к себе в гости хожу. Шик!» (Адрес этого шика: ул. Литераторов, 19, кв. 13.) Что ни говори — ценный кадр ЧК — ГПУ — НКВД. Есенину советская власть не захотела плохонького угла дать, а к таким, как «Вова-Вольф», радела классовой лаской. Пройдя в 1922 году подготовку в радиотелеграфном дивизионе Петроградского военного округа (у него был явно шахматно-математический склад ума), Эрлих время от времени совершал по заданию ГПУ — НКВД путешествия в южные республики СССР, совмещая отдых с обязанностями сексота и «пограничника» (вот еще одна странность его биографии: в 1924 г. он был признан негодным к воинской службе по ст. 125; личная карточка №166 от 14 мая 1924 г.). Споры о том, сфотографирован он однажды в форме пограничника или гэдэушника — пустые, одно не мешало другому. Но пора вернуться в «Англетер». Кажется, никто не обратил внимания, что Вольф Иосифович Эрлих после смерти Есенина не промолвил на эту тему ни словечка в газетах (сказывалась, видимо, психологическая напряженность) и лишь в 1926 году поместил в сборнике воспоминаний о поэте письмо-статейку «Четыре дня», насквозь лживую, написанную конечно же по приказу.

Сначала же Эрлиху было не до этой писанины. Он заметал следы, как нам думается, совершенного преступления, курсируя между Ленинградом и Москвой. 16 января 1926 года он сообщил матери: «...живу в Москве с тех пор, как привез сюда Сергея. Нет! На два дня выезжал в Питер». В другом письме (не датировано) припоминал: «Зимой я был несколько раз в Москве, а после смерти Есенина прожил там без малого 2 месяца». Домовая книга точно зафиксировала: вернулся он в Ленинград 19 февраля 1926 года. Управляющий домом №29/33 по улице Некрасова был аккуратным, исполнительным служакой. По его записям мы узнаем, когда Эрлих впервые приехал в Петроград, каков номер его трудовой книжки, по какой статье он освобождался от воинской повинности, куда выезжал в 1925-1926 годах — вплоть до прибытия к нему в гости в июне 1926 года матери, Анны Моисеевны, и сестры Мирры (р. 1906), учащейся Екатеринбургского музыкального техникума.

Интересны для нас в записи управдома и соседи Эрлиха по его квартире (№8) и дому. Например, в 3-й квартире проживал Л. Я. Голубчик (р. 1903), уроженец Минской губернии, студент факультета общественных наук ЛГУ (не бывший ли однокашник Эрлиха?), арестованный ГПУ в июне 1924 года за нелегальную сионистскую деятельность (согласно справке архива ФСБ, освобожден в августе 1925-го).

В 29-й квартире обитал еще один «голубчик» — П.Н. Голубь (р. 1896), военный журналист-политуправленец, сотрудничавший в местной «Красной газете»; в 31-й жил З.И. Шапиро (р. 1893) — известная «чекистская» фамилия (требуются уточнения).

На Эрлихе во многом замыкалась скованная вокруг покойного поэта гэдэушная цепь. Ему-де посвящена элегия «До свиданья, друг мой, до свиданья...», к нему вились нити последних печальных церемоний. Одну из таких ниточек в клубке лжи и лицемерия удалось распутать.

Эрлих оформлял «Свидетельство о смерти» Есенина в загсе Московско-Нарвского района. Оно теперь известно. Документ подписала заведующая столом загса Клавдия Николаевна Трифонова, хотя не имела права этого делать, так как «Англетер» территориально примыкал не к Московско-Нарвскому, а к Центральному району (соответствующие списки 184 проспектов, улиц, переулков нам известны).

Найдены и другие доказательства подтасовки «Свидетельства о смерти» Есенина.

28 декабря 1925 года дежурный по Ленинградской губернской милиции (ЛГМ) Петр Викентьевич Купец (р. 1890) записал в «Сводке о происшествиях...»: «

На территории 2-го отделения милиции (выделено нами; это отделение относилось к Центральному району. — В. К.), в гостинице «Интернационал», покончил жизнь самоубийством, через повешение, гражданин Десенин Сергей, 30 лет. Труп направлен в больницу им. профессора Нечаева». Литовец Купец, бывший чертежник и член Чебоксарского уездного исполкома, вряд ли когда слышал о замечательном русском поэте и конечно же искажил его фамилию. Ему, два года назад прибывшему в Петроград, была глубокого безразлична трагедия русской культуры.

На том же пожелтевшем листке в углу размашистая резолюция какого-то начальника: «К делу. 31.12.25» — и его форсистая закорючка.

Бывший в тот день ответственным дежурным заведующий общей канцелярией административного отдела Ленгубисполкома (АОЛГИ) Алексеев даже подписи своей не оставил, очевидно посчитав случившееся рядовым скучным эпизодом. Так в историю были вписаны первые официальные лживые строки о гибели Есенина. Попутно еще один аргумент, что Эрлих, оформляя «Свидетельство о смерти» поэта, действовал незаконно: контрольно-финансовую ревизию «Англетера» обычно проводил инспектор 24-го участка Центрального, но никак не Московско-Нарвского района. Так что заведующая столом загса К. Н. Трифонова совершила несомненный подлог, и к ее личности будет нелишне приглядеться.

В Московско-Нарвском районе тон задавали сторонники Г. Е. Зиновьева; в райкоме партии, во многих учреждениях сидели его клеветы. В период политической драки сталинистов и зиновьевцев на XIV съезде РКП (б) наиболее серьезные стычки между их последователями происходили именно в Московско-Нарвском районе Ленинграда. Причем дискуссия в прямом смысле доходила до рукопашной, даже с применением оружия.

Московско-Нарвским райкомом партии руководил воинствующий троцкист Д. А. Саркис. Он организовывал конспиративные «вечера спайки» своих сторонников, полулегальные кружки, куда «чужаки» не допускались. Один показательный пример: в конце декабря 1925 года на 3-й ленинградской табачной фабрике состоялось собрание представителей рабочей районной инициативной группы последователей линии Сталина на XIV съезде РКП (б). Антизиновьевское собрание возглавлял С.А. Туровский. Ворвавшиеся в помещение «оппозиционеры» под предводительством бывшего эсера Баранова разогнали митинговавших товарищей, а Туровского «избили рукояткой револьвера». 5 января 1926 года бюро Московско-Нарвского райкома партии обсудило инцидент и осудило... Туровского. Противники зиновьевцев-экстремистов даже требовали выдачи оружия — такая острая схватка происходила, к примеру, на заводе «Красный путиловец» (факты из книги В. М. Иванова «Из истории борьбы партии против „левой“ оппозиции...»).

Теперь понятно, почему Эрлих, обожавший Троцкого и Зиновьева и полностью разделявший их взгляды, получил «Свидетельство о смерти» Есенина в загсе не Центрального района, а Московско-Нарвского. Тут были свои.

Прослежены тесные контакты сексота Эрлиха с лже-понятыми при подписании милицейского протокола, с «назначенными» им есенинскими «гостями» 5-го номера «Англетера», с журналистами, сочинявшими мифы о самоубийстве поэта, — везде он — вкрадчивый, осторожный, а на поверку — лживый, мстительный.

Недавно обнаружилась еще одна его косвенная, но крайне важная связь. Помните Ивана Леонтьевича Леонова, начальника Секретно-оперативной части (СОЧ) Ленинградского ГПУ,

заместителя Мессинга, главы тайного ведомства? Именно к Леонову привел эрлиховский сексотский след. Правда, зацепка не прямая и не слишком эффектная, но для дальнейших поисков перспективная. Дело в следующем.

В архивных бумагах ленинградской цензуры сохранился следующий документ:

«

Секретно

6 апреля 1923 г.

№2422/СОЧ-8816-С

В цензуру Главлита.

Петроградское окружное отделение.

Набережная реки Фонтанки _____

Полномочное Представительство ОГПУ просит срочно сообщить, — выдавалось ли разрешение 23 июля 1922 г. за №2290 на издание воззвания «Голос с Востока»; если «да», то кем и кому.

За начальника Петроградского государственного политического отделения

(Подпись).

Секретарь Секретно-Оперативной Части (Никольский)

(Подпись)».

Не будем вдаваться в содержание документа, обратим внимание на секретаря СОЧ Никольского. Он служил непосредственным рабочим помощником И. Л. Леонова.

Теперь процитируем другой документ.

«РЕКОМЕНДАЦИЯ

Для вступления в ряды ВКП (б).

Знаю В. И. Эрлиха с 1920 года и рекомендую его в качестве члена ВКП (б), неся полную ответственность за его деятельность.

Член ВКП (б) с 1920 г,

М. Никольский

20.IX.1932 п/б №1062978

(Подпись)».

Не нужно быть специалистом-графологом, чтобы увидеть совершенно одинаковые подписи-автографы на двух документах, между которыми пролегло почти десять лет. М. Никольский к тому времени уже снял кожаную куртку и щеголял в обычном штатском платье (работал в Василеостровском отделении Госбанка), но, видно, свое чекистское казанское прошлое и своего подопечного Эрлиха не забыл, свидетельствуя о его давней большевистской закалке.

В настоящее время отпали все сомнения относительно тайного промысла Эрлиха (полагаем, пора обнародовать его чекистское досье). Он и сам не раз прозрачно намекал на собственные конспиративные занятия в своих нередко автобиографических стихах: его «лирический герой» находит вдохновение «...в шапках ГПУ», любит спецуниформу: «Мы наглухо кожанки застегнем», славит «ремесло шпиона» и т.п.

В его сочинениях предстает зоологический ненавистник старой России, ее культуры. «Плешивый поэт и плешивая муза», — говорит он о Некрасове, ерничает над Фетом: «...Боже! Счастливцев! Он может писать...», издевается над чувством родины: «...даже полевая мышь в азарте Патриотическом сменила имя». Его излюбленные темы: мировая революция, расстрелы, кровь...

В некоторых рифмованных опусах Эрлиха, на наш взгляд, просматривается контур образа Есенина, как правило лишенный авторской симпатии. В стихотворении «Между прочим» (1931), где рисуется кабак и обязательный «сморщенный на хлебе огурец», привлекают настораживающие многозначительные строки (мы их выделим):

Где пьют актеры — внешность побогаче:

Ну, джемпер там, очки, чулки, коньяк.

Европой бредит, всеми швами плачет

Не добежавший до крестца пиджак.

И бродит запах — потный, скользкий, теплый.

Здесь истеричка жметя к подлецу.

Там пьет поэт, размазывая сопли

По глупому прекрасному лицу.

Но входит день. Он прост, как теорема,

Живой, как кровь, и точный, как затвор.

Я пил твое вино, я ел твой хлеб, богема,

Осиновым колом плачу тебе за то.

Если помнить, что в 5-м номере «Англетера» не был обнаружен привезенный Есениным из-за границы пиджак (очевидно, окровавленный, он остался в пыточной, где истязали поэта), если читать процитированные строфы как полемику с «Москвой кабацкой», боль и тревогу которой Эрлих совсем не принял и не почувствовал, его «осиновый кол» выглядит не таким уж метафорическим.

Еще откровеннее и зловеще эрлиховская аллегория «Шпион с Марса» (1928). Ее легко угадываемый и далеко не лирический герой подслушивает в соседнем помещении какую-то словесную перепалку, сопровождающуюся дракой («гром и звоны»), и далее исповедуется:

Но, когда последний человеческий

Стон забьет дикарской брани взрыв,

Я войду, раскачивая плечи,

Щупальцы в карманы заложив.

Так ли картинно входил Эрлих в камеру, где был замучен Есенин, неизвестно, но, согласитесь, стишок наводит на размышления...

Еще один поворот сюжета с Эрлихом. Выше мы говорили, что он оформлял «Свидетельство о смерти» поэта. Но при этом не ответили на возможный упрек наших оппонентов: не имеет принципиального значения, где он получил «Свидетельство», важнее, что оно написано на основании медицинского заключения судмедэксперта Александра Григорьевича Гиляревского (1855-1931). Такой довод — глубочайшее заблуждение, в котором десятки лет пребывали есениноведы. Сегодня со стопроцентной уверенностью можно сказать: Гиляревский не производил судмедэкспертизу тела поэта в Обуховской больнице. Элементарное сравнение обнаруженных нами подлинных актов (протоколов) вскрытия тел покойников доктором (1 января 1926 — 26 сентября 1928 г., 4 книги) по стилю, стандарту, нумерации, почерку и т.д. доказывает ложь состряпанного кем-то «есенинского» акта.

...Чего только не писали в последние годы о Гиляревском: де, он причастен к утаиванию правды о смерти Фрунзе, что в свои пятьдесят пять лет он, бывший дворянин, выпускник Санкт-петербургской военно-медицинской академии, пошел в прислужники ГПУ; на разные лады комментировался известный «есенинский» акт экспертизы, строились различные гипотезы... В архивные же святцы не заглядывали (это стоит много времени, нервов, а по нынешним временам и средств). Оказалось: к загадочной кончине Фрунзе Гиляревский никак не причастен, родился он не в 1870 году (эта дата мелькала в печати), а 27 августа 1855 года, и ко дню гибели Есенина ему уже было семьдесят с лишним лет (умер в 1931-м). Говорить о его сотрудничестве с ведомством Дзержинского нет ни малейших оснований; подброшенная кем-то в архив «справка» — сплошная липа, а досужие толки о ней, с точки зрения историков судмедэкспертизы, — непрофессиональны и даже вульгарны.

Престарелому доктору было уже трудновато вести медицинскую канцелярию, многие акты оформляли его помощники (он даже не всегда их подписывал; конечно же первые экземпляры, направившиеся по назначению, имели его автограф — ныне почерк врача известен). Все обнаруженные документы выполнены по существовавшим тогда строгим стандартам: имеют порядковый номер, дату, непременный номер отношения милиции, соответствующий номер протокола и т.д. Поддельный, «московский», акт — хранящаяся в столичном архиве фальшивка.

«АКТ

1925 г., 29 декабря, в покойницкой Обуховской б-цы было произведено вскрытие трупа гр-на Сергея Александровича Есенина, причем найдено: Покойному 30 лет, труп правильно развит, удовлетворительного питания, — общий фон покровов бледный, глаза закрыты, зрачки равномерно расширены; отверстия носа свободны; рот сжат; кончик языка ущемлен между зубами; живот ровный; половые органы — в норме; заднепроходное отверстие чисто; нижние конечности темнофиолетового цвета, на голенях в коже заметны тёмнокрасные точечные кровоизлияния. На середине лба, над переносьем, — вдавленная борозда длиной около 4 сант. и шириною 1 1/2 сант., под левым глазом — небольшая поверхностная ссадина; на шее над гортанью — красная борозда, идущая слева вверх и теряющаяся около ушной раковины спереди; справа борозда идет немного вверх к затылочной области, где и теряется; ширина борозды с гусяное перо; в нижней трети правого плеча имеется кожная рана с ровными краями длиной 4 сант.; в нижней трети левого предплечья имеется одна рана, идущая в горизонтальном направлении и 3 раны в вертикальном направлении, эти раны около 3-х сант. каждая с ровными краями (неразборчиво)... не проникают толщу кожи. Других знаков повреждений не обнаружено. Кости черепа целы, под кожным лоскутом на месте вдавленной борозды в лобной области имеется небольшой кровоподтек. Мозговые оболочки напряжены; твердая оболочка мутноватая; мозг весит 1920 грамм; сосуды основания мозга в норме; в боковых желудочках небольшое количество прозрачной жидкости; вещество мозга на разрезах блестит, на разрезах быстро выступают кровяные точки. Положение брюшных органов правильное, брюшина гладкая, блестящая, в полости около 10 к. с. (кубических сантиметров) красноватой прозрачной жидкости; петли кишек красноватого цвета. Хрящи гортани целы. Кончик языка прикушен, в пищеводе следы пищевой смеси; в гортани и трохее — пеннистая слизь, слизистая их розоватого цвета. Легкие лежат в грудной клетке свободно. Сердце с кулак покойного, в полостях его — жидкая кровь; на наружной оболочке сзади — значительное количество точечных кровоподтеков; клапаны и отверстия в норме; на внутренней поверхности аорты — несколько сероватых бляшек; на легочной плевре значительное количество точечных кровоподтеков; легкие пушисты, всюду проходимы для воздуха, с разрезов соскабливается значительное пузырчатой кровянистой жидкости. В желудке около 300 к. с. полужидкой пищевой смеси, издающей не резкий запах вина; слизистая его красноватого цвета. Капсула селезенки морщинистая. Печень тёмнокрасного цвета. Капсула ее гладкая, край закруглен. Почки тёмнокрасного цвета. Капсулы снимаются легко, рисунок на разрезе сохранен. В почечном канале ничего особенного.

Суд. мед. эксперт

Гиляревский .

Понятые (подписи неразборчивы).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании данных вскрытия следует заключить, что смерть Есенина последовала от асфиксии, произведенной сдавливанием дыхательных путей через повешение. Вдавление на

лбу могло произойти от давления при повешении. Темнофиолетовый цвет нижних конечностей, точечные на них кровоподтеки указывают на то, что покойный в повешенном состоянии находился продолжительное время.

Раны на верхних конечностях могли быть нанесены самим покойным, и как поверхностные, влияния насмерть не имели.

Суд. мед. эксперт

Гиляревский[8]».

В приведенной «дезе» отсутствуют необходимые официальные атрибуты (номер отношения милиции и т.д.), однако эта полуграмотная (с профессиональной точки зрения) бумажка не один год серьезно обсуждалась в печати. Теперь сопоставьте подделку с подлинным актом Гиляревского на подобную грустную тему:

«№.....6

Число....6.01.1926

№№....3982...756

2-го отд. милиции отношение за №3982, протокол №756 о смерти гражданина Витенберга Виктора, повесившегося в доме №5 по Демидову переулку. Труп отправлен в покойницкую больницы в память 25-го Октября.

Во 2-е отд. Л. Г. Милиции

7/1 3982 АКТ 756

1926 г., 7 дня января, судебно-медицинской эксперт Гиляревский, в следствии отношения 2-го отд. ЛГМ от 7 января за №3982, в секционной зале больницы в память 25-го Октября производил судебно-медицинское освидетельствование мертвого тела гр. Витенберга Виктора, доставленного дворником дома №5 по Демидову пер., где Витенберг был найден повесившимся.

А. Наружный осмотр

1) Труп раздет; 2) возраст по наружному виду — 50 лет; 3) роста среднего, телосложения умеренного, питания также; 4) общий цвет конечных покровов мертвенно-бледный, на спине и ягодицах сплошные фиолетовые пятна, такие же пятна на нижних конечностях; 5) трупное окоченение выражено в верхних и нижних конечностях и жевательных мышцах — значительно; 6) волосы на голове русые с небольшой проседью, длиною до 10 сант., такого же цвета усы и небольшая бородка; 7) глаза полуоткрыты, зрачки равномерно расширены, роговицы тусклые, признак лярше явственно выражен, соединительная век с точечными красными пятнами розового цвета; 8) губы синеватого цвета, рот полуоткрыт, язык между зубами...»

Не будем утомлять читателей подробностями. «Наружный осмотр» включает 14 пунктов. «Внутренний осмотр»-11. Затем следуют подписи Гиляревского и понятых (Симоненко и Субботин). Вероятно, Николай Родионович Симоненко являлся помощником врача. Далее идет «мнение» судмедэксперта: «На основании данных наружного осмотра и вскрытия трупа заключено, что смерть Витенберга последовала от асфиксии (задушения) путем прекращения доступа воздуха в воздухоносные пути чрез сдавливание шеи веревкой, на что указывает присутствие на трупе странгуляционной борозды, имеющей прижизненный характер (см. п. 14), равно как обнаруженное при вскрытии полнокровие внутренних органов (в п. 17, 18, 19), характерное для смерти от задушения. Положение найденного по данным дознания трупа, а также отсутствие знаков борьбы на трупе дают основание заключить, что в данном случае было самоубийство чрез самоповешение, найденное при вскрытии. Найденное при вскрытии вдавление мозга (п. 26) представляет последствие старого воспалительного абсцесса (нарыв) и прямого отношения к смерти не имело.

Суд. мед. эксперт

Гиляревский ».

Сравнение безграмотного сочинения «московского» акта (с точки зрения принятого тогда стандарта) с документом на подобную тему, написанным Гиляревским (прошло всего 10 дней), убедительно доказывает: попавшая в поле зрения есениноведов фальшивка (кем и когда подброшенная?) не выдерживает критики. Терминология, стиль, форма «дезы» заставляют думать: Гиляревский не имел к ней никакого отношения.

Судьба вдовы судмедэксперта, Веры Дмитриевны Гиляревской (р. 1871), дочери русского адмирала Д. З. Головачева и дворянки Л. Е. Гессен, косвенно подтверждает, что у ее беспартийного мужа отношения с советской властью были отнюдь не соглашательско-доверительными. 21 марта 1933 года Веру Дмитриевну, работавшую перед тем машинисткой в университете, как «социально чуждый элемент», постановлением Особого совещания при народном комиссаре внутренних дел СССР выслали в Воронеж. Дальнейшая ее судьба неизвестна. В ее следственном деле (№23/170, следователь Ленинградского УНКВД А. Повассер, бригадир Линде) привлекают два момента. Составлявший справку-донос участковый инспектор (подпись неразборчива) 2-го отделения милиции писал о «подопечной»: «Политически развита, поведение на дому: ведет себя скрытно, ни с кем не разговаривает...» Может, В. Д. Гиляревской было известно об использовании фамилии мужа в грязном деле. Есть слабая надежда получить ответ на этот вопрос в ее письмах (если они сохранились) к родственникам, эмигрировавшим в Италию и Францию (на допросе она говорила о переписке и даже называла адреса). Среди ее корреспондентов — племянник, князь Багратион-Мухранский Георгий Александрович (обосновался в Париже), с именами кровных потомков которого ныне связаны шумные толки о восстановлении в России монархии. Согласитесь, неожиданный поворот есенинского сюжета.

Продолжим медицинский аспект темы.

Позвольте, будут защищаться последователи версии самоубийства поэта, ведь фамилия Гиляревского стоит на «Свидетельстве о смерти», а оно выдавалось родственникам усопшего, которые могли навести у врача какие-либо справки — и тогда...

Утверждаем: Гиляревский даже не подозревал об использовании своего имени во всей этой кощунственной акции. Заметьте, в газетах конца 1925 — начала 1926 года и много позже фамилия судмедэксперта в связи с «делом Есенина» совсем не упоминается. Он так и умер,

не ведая о покушении на свою репутацию.

В заключение настоящей главы попытаемся окончательно смутить скептиков. Родственники Есенина не знали даже фамилии Гиляревского, так как получили неточную копию уже упоминавшегося фальшивого «Свидетельства о смерти» поэта, а всего лишь следующий документ:

«СПРАВКА

Московско-Нарвский стол записей актов гражданского состояния удостоверяет, что в хранящейся при архиве регистрационной книге Московско-Нарвского района за 1925 год в статье под №1120 записан акт о смерти 28 числа декабря месяца 1925 г. гражданина Есенина Сергея, 30 л.

Причина смерти: самоубийство, самоповешение. Выдано на предмет представления во все учреждения.

Заведующий столом

К. Трифонова .

Архивариус (Подпись неразборчива).

Регистровал

В. Эрлих .

16.01.1926 г. Бассейная, 29, кв. 8».

Ссылка на судмедэксперта Гиляревского, бывшая в оригинале «Свидетельства...», исчезла, возникла «филькина грамота», увы, не смутившая близких почившего поэта. Именно эту подметную «грамотку» получила Зинаида Райх-Мейерхольд, прибывшая тогда с мужем-режиссером в Ленинград. По чьему-то наущению опять взяла грех на душу Клавдия Николаевна Трифонова (ее адрес в 1925 г.: ул. Веры Слуцкой, 86).

Эрлих, получив поддельную справку, вновь укатил в Москву (данные домового книги) — докладывать кому-то затаившемуся об успешно проведенной операции по зачистке кровавых следов.

Сергея Есенина плотно окружали если не сами «пламенные революционеры», то их дети и родственники. Его подруга Галина Бениславская была близкой приятельницей Янины Козловской, дочери известного Мечислава Козловского, масона, служившего Ленину в качестве почтового ящика для приема в Петрограде немецких (и не только немецких) денег перед Октябрьским переворотом. Называвший себя имажинистом циник Анатолий Мариенгоф доводился родным племянником человеку с такой же фамилией, приехавшему в Петроград в скандально известном «пломбированном вагоне» вместе с «вождем пролетариата».

Чекисты, начиная с головореза Якова Блюмкина, как поганые мухи, липли к поэту. Одни, как Иван Приблудный, совершали свой тайный промысел лениво, из-под палки. Другие не только охотно исполняли прибыльное черное дело, но и творчески, сладострастно. О некоторых сексотах ГПУ мы уже писали. Добавим несколько дополнительных штрихов к гэдэушному окружению Есенина и пополним чреду охотников за ним при жизни и надругавшихся над его

памятью после смерти.

О стихоплете и сексоте ГПУ, виновном в расстреле Николая Гумилева, Лазаре Васильевиче (Вульфовиче) Бермане (1894-1980), ленинградском журналисте и автомобилисте, в последние годы в печати кое-что сказано.

В 1914-1915 годах он был секретарем петроградского журнала «Голос жизни», где состоялось его знакомство с Есениным. Из неопубликованной переписки Виктора Шкловского с Берманом, его другом и однокашником по Тенишевскому училищу, видно — оба чтили Ветхий Завет и стояли тогда на распутье оценки русской поэзии. В одном из ранних писем (1915?) Шкловский наставлял «милого Зорю» (домашнее прозвище Бермана): «Нет на свете выше подвига, чем подвиг Моисея. О нем же, взяв Библию, чтим... А пока пиши стихи и не завидуй стишкам Есенина». В письме примерно того же, военного, периода Шкловский откровенничает перед Берманом: «Россия уже проклята Богом за Израиль, но наше — уже не библейское — сердце не понимает его правосудия». Короче, друзья по духу и формалистическому методу в критике. Их доверительные эпистолы, надеемся, еще станут предметом раздумий о путях вхождения некоторых литераторов в русскую культуру.

Л.В. Берман относился к Есенину чванливо, как мэтр к слабенькому ученику, но, видя его огромную популярность, считал обязательным везде, где можно, напоминать, как он облагодетельствовал в «Голосе жизни» начинающего в поэзии рязанца. В письме от 18 марта (конец 50-х гг.) Берман в ответ на предложение Н.С. Войтинской организовать «есенинскую экспедицию» и по ее результатам выпустить сборник писал: «...моя заинтересованность в этом вопросе, по существу, сводится лишь к тому, чтобы в предисловии было упомянуто, что у меня с Сережей была в Петрограде дружба в 15-16 гг. и что я обратил внимание на явление, о котором идет речь. Вот пока и все». Погреться на старости лет в возрождавшихся лучах есенинской славы он был не прочь, однако признать свою серость он так и не смог. В том же письме он рассказывает корреспондентке о встрече в июне 1942 года с неким земляком поэта, стихи которого «были отличные, внутренне более зрелые» и затмевали произведения автора «Анны Снегиной». Патологический завистник, Берман в своих воспоминаниях постоянно талдычил о том же, приводя в качестве недостижимого образца свое стихотворение «Доярка»:

На раздолий огромном

Ты пасешься с давних пор —

От донских лугов поемных

До суровых Холмогор.

Солнце мира озаряло

Благодатные края.

Из сосцов твоих, бывало,

Била теплая струя.

Но пришла к тебе доярка... — и т.д.

Некоторые современные литераторы пытаются представить Бермана искусником поэтической формы, новатором-теоретиком в разработке «концепции реализма» (см.:

Энциклопедический словарь «Русские писатели». Т. 1. М., 1989), что, кроме недоумения, ничего не вызывает. Уже в четырнадцать лет Зоря определил для себя собственные законы лирики: «Стихотворения, передающие оттенки настроений, — это птицы с подрезанными крыльями, это облако, которое мгновенно сгоняется с души» (из письма от 14 июня 1908 г. к А.Б. Сахарову). Подростку говорить такую нелепость простительно, он еще не читал Аристотеля, Гегеля, Белинского, которые думали о природе поэзии совсем обратное. Но Берман (по образованию юрист) в своих представлениях о художественном слове (да и жизни) так и остался навсегда умником-утилитаристом. Сердечно симпатизировавшая ему поэтесса Елизавета Полонская верно назвала его «пустышным поэтом», увидев в его натуре «замедленные реакции» (из ее письма от 7 октября 1950 г.).

Однако оставим лирику и вернемся к суровой прозе.

Лазарь Вульфович Берман всю свою сознательную жизнь пил «из сосцов» ЧК—ГПУ—НКВД. Стишки для него были лишь услугой амбиций и внешним антуражем его тайной черной работы, в которой он (как и В.И. Эрлих) находил свое истинное вдохновение. Наконец-то стало возможным представить его настоящий облик.

Справка из тайников Федеральной службы безопасности: «По материалам архивного уголовного дела за 1918 год проходит в качестве арестованного Берман Лазарь Васильевич. Освобожден из-под стражи по Постановлению Председателя ВЧК 29 ноября 1918 года за отсутствием достаточных оснований для предъявления обвинения в шпионаже».

Подумать только: сам всемогущий Дзержинский вмешивается в судьбу недавнего выпускника юридического факультета Петроградского университета! Не ошибемся, если скажем, — питавший слабость к прекрасному, председатель ВЧК освободил Бермана не за его «гигантские образа» и невинность по части российских военных и прочих секретов, а по склонности последнего заглядывать в замочные скважины. Не с той-то поры Зоря превратился в профессионального стукача?..

Вряд ли ошибемся, если предположим, что в 1921 году его «внедрили» секретарем Союза поэтов и он подслушивал и подглядывал за Блоком, Гумилевым и другими, выполняя роль провокатора.

Есениноведа Эдуарду Хлысталову удалось приоткрыть одну из темных завес в биографии Бермана. Приведем соответствующий абзац из его исследования: «Собирая материалы о „деле Таганцева, Гумилева и др.“, я обратил внимание, что в эмиграции русские поэты считали гибель Гумилева делом провокатора и даже называли имена подозреваемых в этой провокации. И. Одоевцева вспоминала, что после ареста Гумилева к ней прибежал молодой поэт, состоявший в антисоветской организации, и просил совета, как ему себя вести дальше: то ли скрываться, то ли сдаваться. Этот человек, по словам Одоевцевой, поддерживал связь Гумилева со всей организацией. Фамилию его за давностью лет она не помнила, но профессионально запомнила строчки его стихов. Эти строчки принадлежали Лазарю Берману». Надо же: главный экзекутор Яков Агранов, справедливо изумляется Э. Хлысталов, «расширил» круг антисоветчиков, соратников профессора Таганцева, до 200 человек (!), а с Бермана даже ни один волосок не упал.

Прошло четыре года со дня расстрела Николая Гумилева; успокоившийся провокатор продолжал свою «культурную политику» — на сей раз его «объектом» стал Есенин, правда, роль Лазаря Вульфовича была теперь второстепенная и сводилась главным образом к созданию (вместе с другими «очевидцами») легенды о проживании «конфидента» (так он однажды назвал поэта) в «Англетере». К тому времени сексот ГПУ проживал в квартире №18 по Саперному переулку, дом 14 — да как и с кем проживал! Об этом скажем подробнее.

В 1925 году Зоря, тогда официально сотрудник издательства «Прибой» и заведующий

литературной частью «Красного галстука», занимал четыре комнаты общей площадью 76 квадратных метров (!); имел двадцатилетнюю прислугу Агафью Ивановну Михайлову (потому бесприютному времени — советский князь!). Правда, в той же квартире снимал комнатку студент Коммунистического университета им. Зиновьева двадцатитрехлетний Иван Игнатьевич Халтурин (псевдоним? Уж очень революционная фамилия), но, возможно, он не столько стеснял хозяина, сколько помогал ему... Неподалеку, в квартире №9, расположился сотрудник желтой «Красной газеты» Петр Ильич Коган-Сторицын (в апреле 1926 г., по данным домового книги, ему было 49 лет), а поближе к Берману, в квартире №12, жил-поживал уполномоченный экономического отдела ГПУ Гавриил Михелев Губельбанк. Очень удобно: и связь с провокационной «Красной газетой» имеется, и ситуация вокруг всегда известна (экономический отдел ГПУ, начальник Рапопорт, ведал гостиницами, в том числе и «Англетером»).

Многие соседи «нашего» литератора — «военнослужащие». Но самая интересная соседка жила вместе с Губельбанком в квартире №12. В домовом книге, составленной 15 апреля 1926 года для отчета фининспектору, она именована: «Каплан Фаня Ефимовна, 24 г., на иждивении мужа...» — есть и ее автограф. Супруг носительницы этой исторической фамилии — Иосиф Адамович Каплан, тридцати трех лет, крупный работник республиканского «Заготхоза» (служебный адрес: пр. Нахимсона, 14). Даже если эта Ф. Е. Каплан не «воскресшая» покусительница на жизнь В. И. Ленина (год рождения знаменитой эсерки обычно указывается 1890) — все равно чрезвычайно занимательно.

В целом домашняя компания Бермана лишней разубеждает — перед нами ворон высокого полета. Кроме возможности через Губельбанка легко узнавать оперативную информацию об обстановке в «Англетере», стихотворец-сексот мог ее черпать из уст приятеля, также выпускника юридического факультета ЛГУ, делопроизводителя Треста коммунальных домов Бориса Иосифовича Пергаменты (в современных справочниках его имя-псевдоним помечается — «М», но сие, так сказать, дело житейское и привычное). В прошлом Б.И. Пергамент секретарствовал в одном из уездов Смоленской губернии, в 1917 году был начальником канцелярии Красного Креста Царскосельского района; в июле 1922 года объявился в Петрограде, а до того три года служил в Красной Армии на административно-хозяйственных должностях (если верить его письменному заявлению). Пописывал стишки, в 1912 году выступил соавтором Бермана в Петербургском поэтическом сборнике «Пепел». Через руки Пергаменты проходила вся гостиничная переписка, можно думать, и секретная, и он «по-дружески», видимо, сообщал необходимые сведения Берману. Пергамент был дошлым канцеляристом, его неоднократно приглашали в губисполком для наведения порядка в запутанных бумажных делах. В его осведомленности о текущей ситуации в «Англетере» можно не сомневаться.

В завершение нашего эскизного портрета Бермана («увальня», как сам он любил о себе говорить) набросаем еще несколько штрихов: мягкий, вкрадчивый, на людях манерно-деликатный, семейный заботник (двое детей), любитель собак, обожал советскую власть, боготворил Ленина, годовщины смерти которого в семье отмечались, как незабываемые памятные даты почившего ближайшего родственника. Ну прямо копия Вольфа Эрлиха, но выделка (в отличие от симбирского провинциала) побогаче — столичная — и, если вообще уместны сравнения в таких категориях, — подрянее.

Подробности о Бермане помогают опровергнуть его показание о якобы виденном им 27 декабря 1925 года пьяном Есенине в 5-м номере «Англетера». Слух этот передавался из уст в уста, многие современники и даже друзья поэта ему верили, в наши дни сие свидетельство так и остается веским аргументом защитников версии самоубийства.

Свои воспоминания («По следам Есенина») о «визите» в гостиницу Берман так и не напечатал (отпала необходимость), но нам удалось их разыскать.

Восемь страничек машинописного текста (не датированы) с авторской правкой. Пустейшие по содержанию и жалкие по форме, но с потугой на обзор поэзии 20-х годов и с кокетливым самолюбованием собственным лирическим даром (его «Доярку» мы цитировали). Приведем из бермановских лже-воспоминаний одну страницу.

«В декабре 25-го года я узнал, что Есенин в Ленинграде. «...» Захотелось мне встретиться с ним.

От редакции «Ленинских искр», в которой я работал, было недалеко до «Англетера», где, как я узнал, он остановился.

Приближаясь к дверям его номера, я услышал из комнаты приглушенный говор и какое-то движение. Не приходилось особенно удивляться — о чем я не подумал, — что я едва ли застаю его одного. Постучав и не получив ответа, я отворил дверь и вошел в комнату. Мне вспоминается она, как несколько скошенный в плане параллелограмм, окно слева, справа — тахта. Вдоль окна тянется длинный стол, в беспорядке уставленный разными закусками, графинчиками и бутылками. В комнате множество народа, совершенно для меня чуждого. Большинство расхаживало по комнате, тут и там образуя отдельные группы и переговариваясь.

А на тахте, лицом кверху, лежал хозяин сборища Сережа Есенин в своем прежнем ангельском обличий. Только печатью усталости было отмечено его лицо. Погасшая папироса была зажата в зубах. Он спал.

В огорчении стоял я и глядел на него.

Какой-то человек средних лет с начинающейся полнотой, вроде какого-то распорядителя, подошел ко мне.

— Вы к Сергею Александровичу? — спросил он и, видя, что я собираюсь уходить, добавил: — Сергей Александрович скоро проснется.

Не слушая уговоров, я вышел из комнаты.

На следующее утро, спешно наладив работу редакции, часу в десятом я снова направился к Есенину. «В это время я его, наверное, уже застаю не спящим», — думал я, быстро сбегая по лестнице. Внизу, навстречу мне, из входных дверей появился мой знакомый, ленинградский поэт Илья Садофьев.

— Куда спешите, Лазарь Васильевич? — спросил он.

— К Есенину, — бросил я ему.

Садофьев всплеснул руками:

— Удавился!

Здесь навсегда обрываются видимые следы нашего поэта».

Процитированный фрагмент «воспоминаний» настолько лжив, что его даже комментировать неловко. Ограничимся лишь некоторыми замечаниями. Берман не говорит, от кого он узнал о приезде Есенина в Ленинград и его поселении в «Англетере», потому что сослаться было не на кого, да и из конспиративных соображений нецелесообразно. Провокатор «идет в гости» к поэту из редакции газеты, где он работал, — это 27 декабря,

в воскресенье ?!! Придуманный им для создания картины буйного похмелья в 5-м номере «длинный стол» — не от большого ума. В комнате, согласно инвентаризационной описи

гостиницы (март 1926 г.), значатся: «№143. Стол письменный с 5-ю ящиками, под воск.-1. — 40 руб. (Стол этот, очень скромный по размерам, известен по фотографиям Моисея Наппельбаума, ныне хранится в Пушкинском Доме. —

В. К. — №144. Овальный стол, преддиванный, орехnote 78), под воск.-1. — 8 руб. — №145. Ломберный стол дубового дерева.-1.-12 руб.». Других столов в номере не было.

Берман перестарался, «пригласив» в комнату «множество народа». Вольф Эрлих и другие называли «гостей» 5-го номера выборочно, с понятной оглядкой. В описании лже-мемуариста Бермана его «конфидент» выглядит падшим пьяницей, заснувшим, как последний извозчик, с папиросой в зубах. Другого образа поэта он себе не представлял.

Укажем на деталь, которая выдает пособника сокрытия убийства со всей его головой (на фотографии в энциклопедическом словаре «Русские писатели» (1989. Т. 1) его физиономия пугающе-каменна): он-де узнал о трагедии в «Англетере» «часу в десятом». Сексот даже поленился сверить свои большие фантазии со сведениями других фальсификаторов и с информацией в газетах. Например, «Правда» (1925. 29 дек. №296) писала: «...в 11 часов утра жена проживающего в отеле ближайшего друга Есенина, литератора Георгия Устинова, отправилась о номер покойного...» Тоже, конечно, вранье, но согласованное...

С целью дополнительной характеристики Бермана заглянем в его неопубликованные пухлые воспоминания «По пяти направлениям» (1976-1979). Мемуары тусклые, серые и крайне амбициозные; эпоха 20-30-х годов увидена плоскостно-партийно, глазами технаря с псевдо-педагогическим уклоном.

В Гражданскую войну Берман служил, если верить ему, командиром 1-го автоотряда 1-й грузовой команды Западного фронта. Об отражении Юденича, схватках красных и белых ничего не сообщает. В мирное время увлекался «военными тайнами» (по Арк. Гайдару), прививал пионерам вкус ко всякого рода «секретам». Бредил большевистской нелегальной романтикой, воспевая конспирацию, побеги и т.п. В стихотворении, посвященном агентам-распространителям ленинской «Искры», писал:

Вот «Искра» к месту назначенья

Пришла, не узнана никем.

Там ждет со скрытым нетерпеньем

Ее редакции агент.

Полнейшая глухота к художественному слову — и в оценке есенинского творчества: «Его стихи того времени (раннего периода. — В. К.) были еще более описательны, чем те, которые мы читали или слушали позднее: сильнее была описательность к первым половинкам строфы (так в рукописи. — В. К.), часто без натуги дописывалась вторая. „... У нас с Сергеем установилась взаимная приязнь“. Что ни слово — невежество, что ни следующее — ложь, желание во что бы то ни стало остаться в созвездии близких друзей поэта.

В 1931 году, во время чистки партийно-советских и чекистских кадров, Берману стало неуютно в Ленинграде, и он подался в Москву. Помогли старые связи; на него обратила внимание вдова Якова Михайловича Свердлова — Новгородцева Клавдия Тимофеевна, занимавшаяся редакционно-издательской деятельностью. На склоне лет благодарный Лазарь Васильевич вспоминал: «Клавдия Тимофеевна, что особенно дорого для советских

людей, была женой и товарищем по работе того, кого Владимир Ильич Ленин в речи его памяти назвал „первым человеком в первой социалистической республике“.

Бывал Берман и на квартире своей кумирши-благодетельницы, жившей, если верить ему, совсем аскетически: «Кровать, аккуратно заправленная солдатским одеялом с далеко не пухлой подушкой в головах, на ней „думка“. Шкаф и два стула. Вот и вся обстановка». Возможно, в ту пору так оно и было, но не лишне напомнить, — после 1917 года на квартире Свердлова хранилось «золото партии», а Клавдия Тимофеевна его бдительно сторожила.

У Бермана и сегодня есть защитники и поклонники, — загляните, к примеру, в последний энциклопедический словарь «Русские писатели» (1989. Т. 1) — какой только восторженной пошлости о нем не прочтете. Меж тем, как мы уже отметили, он был типичный проходимец, пытавшийся на случайном знакомстве с Есениным делать себе имя.

Свои лже-воспоминания о посещении «Англетера» 27 декабря 1925 года Берман заканчивает описанием встречи на следующее утро с поэтом Ильей Садофьевым, якобы первым принесшим ему скорбное известие о Есенине в диковатой форме выражения — «Удавился!» (так в рукописи мемуариста). На Садофьева как вестника беды ссылаются и другие ленинградские литераторы, которым нельзя доверять. В этом отношении примечательна своей беспардонностью книга Льва Рубинштейна «На рассвете и на закате», в которой Садофьев, бывший будто бы гостем 5-го номера «Англетера», передает жалобу Есенина на дороговизну оплаты гостиницы. При тщательной проверке выяснилось, — воспоминатель беззастенчиво врет, выполняя чей-то заказ; он скрыл, что одно время жил в 130-м номере «Англетера» (проверено по контрольно-финансовому списку постояльцев отеля), в том самом, где позже «прописали» журналиста Устинова. Уже само проживание Льва Рубинштейна в своего рода конспиративной квартире ГПУ лишает его доверия. Но повторяющиеся упорные кивки современников на сведущего Садофьева, согласившегося, видимо, отдать свое имя «напрокат», заставляют пристальнее приглядеться и к нему. Интерес вовсе не праздный. Глава Ленинградского Союза поэтов Илья Иванович Садофьев (1889-1965) играл не последнюю скрипку в церемониях прощания с покойным Есениным, возможно, получал соответствующие партийные и иные инструкции о порядке их проведения.

Сын тульских крестьян, он рано познал нужду, в тринадцать лет состоял мальчиком на побегушках в петербургской чайной, позже работал на уксусном заводе, жестяной фабрике и т.д. Обиженный судьбой люмпен нашел выход своего недовольства в сочинении стихотворных антицарских прокламаций в революционном жанре и стиле. Сам полуиронично характеризовал себя «эсдеком», «сицилистом». За участие в нелегальной деятельности РСДРП(б) в 1916 году получил шесть лет ссылки в Якутской губернии. Освободила его Февральская революция. Преданно служил большевикам во время Гражданской войны, истинную свою специализацию скрыл в анкетах, по косвенным данным — комиссарил, не исключено — с чекистским мандатом. Не случайно, вернувшись в Петроград, занял редакторское кресло в «Красной газете».

Неравнодушен к собственной славе, о чем постоянно заботился, приглашая критиков и рецензентов восславить свое замечательное творчество (типичное социально-барабанное словоплетение пролеткультовского образца). В чуть ли не ежедневных секретных обзорах (1925 г.) Ленинградского ГПУ для губкома партии мы наткнулись на пересказ статьи одной из белоэмигрантских газет, которая рисует Садофьева властно-жутковатым редактором, сующим в нос авторам «Красной газеты», бывшим колчаковцам и врангелевцам, маузер и принуждающим их к сотрудничеству. Действия местного «буревестника» вызывали ненависть и страх.

Не слишком ошибемся, если причислим Илью Ивановича к группе товарищей, не только чуждых Есенину, но и враждебных ему (между прочим, снисходительный Есенин, отрицавший

пролеткультовскую рифмогонку, согласно «Дневнику» Оксенова, находил у Садофьева заслуживающие внимания стихотворения). Увы, так уж сложилось, на доброе внимание Есенина к собратьям по перу — те отвечали злом, большинство из них не могли пережить подлинно народной его известности.

Расширим еще круг лиц, скрывавших «тайну „Англетера“». Одного из них назвала в беседе с нами (1995 г.) вдова коменданта гостиницы Антонина Львовна Назарова (1903-1995). Речь об уроженце Грузии, коммунальном работнике Ипполите Павловиче Цкирия (р. 1898).

Информация для размышления: И.П. Цкирия, уроженец Зугдидского уезда Кутаисской губернии (сам указывал — «менгрелец»), сын состоятельного землевладельца; окончил 8-ю гимназию, участник походов Красной Армии на Кавказе. В сохранившейся анкете о своей военной службе писал сумбурно, противоречиво, что лишь обостряет интерес к его потаенной биографии. В служебном формуляре Цкирия сказано: 1918-1923 годы — «кочегар», что никак не вяжется с другими документами, в которых он фигурирует как конторский работник и строитель.

Наконец выяснилось: сей «кочегар» (между прочим, знал турецкий язык) ведал домами, принадлежавшими ГПУ. По предписанию (30 октября 1925 г.) заведующего Управлением коммунальными домами Пагавы, — Цкирия, кроме прочих зданий, стал хозяином дома №3 по улице Комиссаровской (дворник А.М. Спицын) и дома №8/23 по проспекту Майорова (напомним адрес «Англетера»: просп. Майорова, 10/24).

Если верить воспоминаниям (ныне покойной) вдовы В.М. Назарова (а ей можно верить), Цкирия вместе с ним, комендантом гостиницы, «снял с петли» Есенина. Разумеется, это ложь, и нас больше интересует вопрос, почему Цкирия оказался в час кощунственной акции в «Англетере»? Случайность? Нет, — закономерность.

Во владении Цкирия, как мы уже знаем, находились здания, подведомственные ГПУ. Таким, очевидно, был и дом-призрак по проспекту Майорова 8/23. В ходе расследования обнаружилось: в «Англетере» подолгу жили агенты Активно-секретного отделения УГРО Михаил Тейтель и Филипп Залкин (Залкинд) — они же чекисты, имевшие свои домашние семейные квартиры. Это обстоятельство подсказывает назначение таинственного особняка. Проверка домового книги (1925-1926) подтвердила наши подозрения: почему-то в списке жильцов огромного здания значатся только владелец булочной Н.А. Луговкин, его помощник А. И. Духов и дворник Н.С. Поветьев с женой.

Повременим с выводом. 30 октября 1925 года появилась на свет служебная записка №2/295 заведующего Управлением коммунальными домами с предписанием Цкирия принять дом-сосед «Англетера» от бывшего управляющего И.С. Царькова. Интересуемся биографией последнего, благо его рабочий формуляр сохранился.

Иван Сергеевич Царьков, уроженец Владимирской губернии, 1878 года рождения; образование — 3 класса; работал наборщиком, служил в царской и Красной Армии. Член РКП (б) до лета 1925 года. Управляющий домом №3 по улице Комиссаровской (владение ГПУ; рядом, напомним, штаб ленинградских чекистов). Таким образом, подлинный хозяин Царькова нашелся. Все сомнения окончательно отпали, когда у нас в руках оказался более ранний документ — отношение подотдела недвижимых имуществ Петроградского отдела коммунального хозяйства от 22 августа 1922 года

«Командиру 1-го полка особого назначения» (выделено нами. — В.К.). В бумаге содержалась просьба освободить Царькова «от прохождения военного обучения», так как на него «возложено срочное задание по приемке складов...».

Итак, кому служил Царьков, — ясно. Он передал дом 8/23 по проспекту Майорова в руки Цкирия, связанного с теми же «темными силами». Появление последнего в «Англетере» в

роковой для Есенина час можно объяснить однозначно: он выполнял свою прямую работу — транспортировал уже бездыханное тело поэта в гостиницу, где вскоре было инсценировано самоубийство.

Мы уже рассказывали, как неожиданно печально сложилась судьба коменданта «Англетера» В. М. Назарова после декабрьского, 1925 года, события (по подстроенному обвинению оказался в «Крестах», а потом на Соловках). Судьба И.П. Цкирия выглядит счастливой (если считать счастьем нераскрытое соучастие в покровительстве убийства). С 1 января 1926 года он возглавил все коммунальные дома Центрального района Ленинграда (2-е хозяйство); письменный приказ санкционирован 3 февраля 1926 года. С тех пор карьера Ипполита Павловича, кажется, не давала осечек; он вскоре оставил семью и женился на сотруднице ГПУ; если не ошибаемся, мирно почил своей смертью.

Вывод из вышесказанного: таинственный 8-й дом, полагаем мы, служил следственной тюрьмой ГПУ, куда Есенин попал сразу же по приезде в Ленинград. Не забывайте, — он бежал из Москвы от грозившего ему судилища в связи с конфликтом в поезде Баку — Москва с врачом Левитом и дипкурьером Рога. Перед тем, во избежание издевательств, затравленный, скрывался от разыскивавших его юрких человечков в психиатрической клинике. На сей счет и документ сохранился (экспонировался на юбилейной Есенинской выставке в Москве в 1995-1996 годах):

«УДОСТОВЕРЕНИЕ

Контора психиатрической клиники сим удостоверяет, что больной Есенин С.А. находится на излечении в психиатрической клинике с 26 ноября с.г. и по настоящее время; по состоянию своего здоровья не может быть допрошен на суде.

Ассистент клиники

Ганнушкин

Письмоводитель (подпись неразборчива)».

Дата на удостоверении отсутствует, но, думаем, очередной визит судебных исполнителей состоялся как раз накануне того дня, когда Есенин ушел (а не бежал, как принято думать) из больницы. Жизнь поэта оберегал с риском для себя трогательно его любивший земляк, профессор Ганнушкин.

В планы загнанного Есенина входило, по нашему мнению, не только бегство в Ленинград, но и дальше, за рубеж Страны Советов, о чем он недвусмысленно писал 27 ноября 1925 года другу П.И. Чагину: «...вероятно, махну за границу. Там и мертвые львы красивей, чем наши живые медицинские собаки».

Можно понять смятение и тревогу добровольного узника безотрадных покоев клиники. Из его души тогда вырвались одно за другим замечательные откровения: «Клен ты мой опавший, клен заледенелый...», «Ты меня не любишь, не жалеешь...», «Кто я? Что я? Только лишь мечтатель...» и др.

Подчеркнем, о грозившем поэту суде и уклонении от него в больнице обычно умалчивается, а именно это обстоятельство, на наш взгляд, послужило поводом для его ареста в Ленинграде.

Продолжаем исследовать хитро скованную вокруг Есенина цепь. Однажды, знакомясь с очередной «порцией» мемуаров людей, встречавшихся в Ленинграде с поэтом, мы обратили

внимание на строки о том, что бывший чекист, некий И.И. Ханес, в конце 70-х годов рассказывал автору воспоминаний о своем посещении (вместе с сослуживцами по ГПУ) 28 декабря 1925 года 5-го номера «Англетера».

Едем в город Пушкин к мемуаристу и хозяину первого ленинградского общественного Музея Анны Ахматовой С.Д. Умникову (р. 1902). Да, подтвердил рассказ И.И. Ханеса Сергей Дмитриевич, бывший сосед старого чекиста (адрес последнего: Вокзальная, 21, кв. 28). При этом он добавил любопытную деталь: перед своей кончиной (примерно в 1982 г.) Ханес сказал Умникову: «Когда помру, не хороните меня, а выбросите куда-нибудь мое тело и не надо никаких речей». Хоронили его пристойно, но жена, Анна Яновна, действительно на прощальной церемонии речи активистов домоуправления запретила. Скоро скончалась и она (детей у них не было), и история эта погребена временем.

Архивисты Санкт-петербургского управления ФСБ — надо отдать им должное — быстро нашли «своего» человека в чекистских бумажных залежах. Перед нами сухая и строгая справка:

«Ханес Иосиф Иосифович, 1896 г. рождения, урожд. г. Вильно, еврей, до ареста работал начальником снабжения Треста Экспериментально-художественных мастерских; проживал по адресу: Ленинград, ул. Чехова, д. 7, кв. 12. Арестован органами НКВД 26 января 1938 года по обвинению в проведении контрреволюционной троцкистско-зиновьевской деятельности. „...“ В материалах „дела“ имеются сведения, что Ханес И.И. служил в органах ВЧК — ГПУ с 1921 г. по 1922 г.“.

Из той же архивной справки видно: И.И. Ханеса в 1938-м все-таки оставили в покое, но в 1947-м его осудили по ст. 58-10 (антисоветская агитация) на семь лет лишения свободы; в 1956-м реабилитирован.

Был или не был Ханес в «Англетере» после официального объявления о самоубийстве Есенина, теперь вряд ли возможно доказать. Но то, что бригада ГПУ с декоративными целями выезжала в гостиницу, вполне возможно. Не забудьте: об участии ведомства Дзержинского в декабрьском преступлении говорит письменный намек «обиженного» участкового надзирателя Н.М. Горбова на начальника секретно-оперативной части ГПУ И.Л. Леонова. И это не единственное доказательство.

Архив ФСБ, давая справку о Ханесе, все-таки ошибся (еще бы: такой бумажный Монблан!). Он явно служил в ЧК—ГПУ не только в 1921-1922 годах, но и в 1925-м, что почти подтверждает наша спасительница и помощница — контрольно-финансовая домовая книга. Она свидетельствует, тогда Ханес жил в доме №60, квартира 43, по улице Некрасова, через каких-то пятнадцать домов от В.И. Эрлиха. Домоуправ указал место работы Иосифа Иосифовича: «Интернациональный клуб», — он-то и станет для новых исследователей ключиком для открытия секретного замка.

Мы же ограничимся следующими замечаниями: многие соседи по дому Ханеса — «военнослужащие» (один из них летчик Б.М. Кислицкий); мелькнул в приложенных справках о доходах «агент» (снабженец?) Карахан — уж не родственник ли Л.М. Карахана?

В заключение настоящего «чекистского» сюжета еще одна прелюбопытная новость, имеющая прямое отношение к «Англетеру». Но в начале небольшое отступление.

...Однажды в печати промелькнула информация о проходивших в Ленинграде Есенинских чтениях:

«В зал пришла неизвестная женщина, которая стала утверждать, что Есенин погиб не в своем номере, а где-то на чердаке или в подвале (запомним это. — В.К.), и только потом труп был принесен в пятый гостиничный номер. Она называла старуху, тогда проживавшую в деревне,

работавшую в тот трагический день в „Интернационале“ уборщицей. Однако эту незнакомку участники чтений слушать отказались и выставили из зала, как ненормальную...» Нас несколько не удивило пренебрежение заботников поэта свидетельством «старухи». За последние годы столько пришлось слышать и наглядеться.

Например, новые

документальные материалы о трагедии в «Англетере» отказались печатать даже такие популярные газеты, как «Сельская жизнь», «Труд», «Культура» и др. Глухой к этим материалам была и рязанская «Приокская газета». Видно, побаиваются.

Напрасно все-таки участники Есенинских чтений не выслушали случайную гостью. Сегодня с большой долей определенности можно сказать, какая именно бывшая уборщица «Англетера» доживала свои дни в деревне. Долгий и сложный анализ показал: это Варвара Владимировна Васильева, 1906 года рождения.

Из официальной справки архива ФСБ: «На 7 марта 1935 года установлена работающей бухгалтером в „Гомец“ и проживающей совместно с матерью по пр. Октября, д. 32/34, кв. 45. С 3 мая 1928 года по адресу: Васильевский остров, 3-я линия, д. 40. Место жительства до 1928 года и род занятий до 1928 года установлен не был.

Постановлением Особого Совещания при НКВД СССР от 23 марта 1935 года, как член семьи бывшего помещика сослана с матерью в г. Воронеж. Постановлением Особого Совещания НКВД от 22 апреля 1935 г. ссылка была отменена».

Поможем архиву ФСБ: В.В. Васильева с 10 августа 1925 года по 1928-й работала уборщицей-горничной в «Англетере» (сохранилась специальная пометка красным карандашом в одном из списков жильцов гостиницы, что она в 1925-м обслуживала 5-й номер). В то, что она в 1935-м была сослана «как член семьи бывшего помещика», мы не верим — сей пункт, на наш взгляд, для наивных людей. «Загремела» она, конечно, в связи с недавним убийством С. М. Кирова и, возможно, своей нечаянной косвенной причастностью к этому «делу». Есть основания считать ее чекистской крестницей Вольфа Эрлиха, тем более одно время она была его ближайшей соседкой по дому на улице Некрасова: №29-№31, а в 1925-м переехала в «Англетер» (№336). Милостивое отношение к ней энкавэдэшников, согласитесь, кое о чем говорит...

Да, Варвара Владимировна действительно могла своими глазами видеть, как пьяные негодяи тащили в гостиницу чье-то тело; может, непосредственной свидетельницей вандализма она и не была, но все равно, как уборщица-горничная, многое могла слышать от «есенинских» соседей (некоторых из них мы перечисляли). Жаль, очень жаль, что ленинградские печальники поэта в свое время прогнали нечаянную собеседницу, знавшую адрес В.В. Васильевой.

ГЛАВА IV

ПОДРУГА С ЛУБЯНКИ

О ней пишут чаще с умилением и состраданием. Своей большой заботницей называл ее Есенин, благодарный ей за кров, редакционно-издательские хлопоты и, конечно, любовь, которая, увы, не была долгой. Все это верно. Однако портрет подруги поэта до сих пор не прорисован, многие страницы ее бурной жизни неизвестны, хотя и изданы ее дневник и воспоминания. Так и остается загадочным ее самоубийство на могиле Есенина. Не прояснена

ее роль в сложных хитросплетениях декабрьской трагедии поэта.

Дочь французского (?) студента и грузинки Галина Артуровна Бениславская (урожденная Карьер) (1897-1926) была на редкость целеустремленной и твердой натурой. После учебы в пансионе (Вильно) и окончания с золотой медалью женской Преображенской гимназии в Петрограде она поступила на факультет естественных наук в Харькове, где ее застал Октябрь. К тому времени двадцатилетняя Галина была уже членом большевистской партии и жить под властью белых генералов не хотела. Под видом медсестры она дерзко прорывается через фронт к «своим» и попадает в штаб 13-й армии. Понадобился даже запрос в Петроград к Мечиславу Козловскому (отцу подруги Бениславской, поделщику Ленина по тайным финансовым операциям), чтобы ее признали «красной». С тех пор (с 1918 по 1922 г.) она — штатная сотрудница ЧК. Фанатично преданная идеям революции, она гордилась своей опасной профессией и не скрывала этого. И можно понять романтически настроенную девушку в кожаной куртке с маузером на боку — ведь это и о ней восторженно пел Демьян Бедный:

Вглядываясь в каждого проходящего смельчака,

Я буду кричать: «Да здравствует ВЧК!»

Это и ей слагал стихи Михаил Светлов:

Я пожимаю твою ладонь —

Она широка и крепка.

Я слышу, в ней шевелится огонь

Бессонных ночей ЧК.

Один из авторов недавней публикации после своего знакомства с чекистским досье №2389 Бениславской и другими соответствующими архивными материалами Министерства безопасности сделал вывод: «Сам факт пусть короткой, но официальной службы на Лубянке исключал привлечение Бениславской в качестве секретного сотрудника ГПУ. В противном случае само же понятие „секретный“ теряло смысл».

Резонно, скажем мы, кроме одной важной детали: не являясь уже «дзержинкой» по службе, она оставалась ею «по душе». В такой склонности Галины убеждаешься из ее письма к Вольфу Эрлиху от 26 марта 1926 года (хранится в Пушкинском Доме, Санкт-Петербург). Прежде чем мы познакомим вас с этим любопытным посланием, — небольшое отступление.

...Однажды вечером, ложась спать, Галина увидела, что Екатерина Есенина, сестра поэта (тогда они жили вместе в квартире дома по Брюсову переулку в Москве), почему-то страшно волнуется и дрожит. Скоро девчонка призналась — брат предупредил ее: не болтай лишнего, их заботливая хозяйка — чекистка. Бениславской с трудом удалось успокоить Катю и развеять ее страхи. Этот эпизод так бы и остался случайным, если бы не имел продолжения, доказывающего, как он был важен в жизни есенинской знакомой.

Приводим фрагмент найденного нами письма Бениславской к Эрлиху (публикуется впервые):

«Да, не могу не поделиться — здесь Приблудный (знаю, что Вы не очень-то к нему, но все же он лучше других) — был у нас с ним при Кате разговор, — помните о той истории, что Сергей говорил про меня. И Приблудный совершенно прямо и честно подтвердил и рассказал, как

было дело, — так что Катя убедилась, что это Сергей раздул, а не Приблудный рассказывал, и что я-то ни при чем. Я несколько дней ходила, как сто пудов с плеч свалилось, и убедилась, что я была права, щадя тогда его, и что он не отплатил подлостью. Думаю, это так. Ведь не так важно, что думают, а важно то, что это была ложь».

Неряшливый, весьма игриво-вольный стиль письма выдает крайне возбужденное, возможно, хмельное состояние автора (Галина, как известно, страдала психическим расстройством, нередко без меры употребляла алкоголь).

Прокомментируем содержание письма. Во-первых, само обращение Бениславской к Эрлиху по столь щекотливому вопросу дает основание говорить, что она знала о секретной службе «Вовочки», — иначе зачем говорить на столь деликатную тему с «посторонним».

К тому времени (март 1926 г.) они уже стали весьма близки и — не исключено — находились в интимных отношениях, что для сторонницы «свободной любви» дело обычное. Убеждение, что они «сошлись», вырастает при чтении неопубликованных записок Бениславской к тому же Эрлиху, в которых пьяненькое заигрывание женщины с близким по духу смазливой мужчиной очевидно.

Однажды она провожает Эрлиха на поезд в Ленинград, выступая очень близкой и заботливой в быту спутницей, а 16 февраля 1926 года пишет ему же: «Нет имени тебе, мой дальний! Нет имени тебе... кроме как дурак и свинья! Вы ли были в вагоне? Табак-то взяли, а закусить и не подумали. Интеллигент вы, а не человек, — вот что». Судя по грубейшим искажениям слов и развязному тону, писала под сильным хмелем.

В другой раз посылает ему открытку (6 августа 1926 г.): «Эрлих, что же Вы умерлих. Не пишете, не звоните. Мы с Шуркой Вас лихом поминали. Г. Бен.». Видно, скучала...

Теперь об Иване Приблудном, который «прямо и честно подтвердил», то есть, можно думать, клялся и божился: не выдавал-де тайной службы Галины, а Есенин «раздул» подхваченный откуда-то слух. Приблудный, конечно, врал: ему, секретному сотруднику ГПУ с 1925 года, нельзя было «проколоться», тем более за несдержанность языка ему уже делали предупреждение (позже именно за разглашение своей стукаческой подневольной службы его упрячут в ГУЛАГ).

Некоторые есениноведы склонны сегодня «пожалеть» Приблудного за его ленивое сотрудничество с Лубянкой. Действительно, своей зависимостью от «органов» этот могучий здоровяк тяготился, «постукивал» слабо и неохотно, но, заметим, денежки из кассы ГПУ получал до поры до времени исправно, ведя разгульный образ жизни, нигде не работая. Определенный вкус к секретному промыслу стихотворец Овчаренко (это его настоящая фамилия) приобрел еще мальчишкой, когда зимой 1920 года приблудился к начальнику особого отдела Черниговской дивизии Ивану Крылову. Так что чекистский стаж у него был порядочный.

Говоря о трудной судьбе Приблудного, следует помнить: он все-таки внес свой «вклад» в сокрытие «есенинской тайны» и так и не посмел даже перед своей смертью рассказать об англетеровском кощунстве. Несколько его строк и подпись красуются на коллективной записке (Вс. Рождественский и др.) Эрлиху, датированной 24 декабря 1925 года и представляющей как бы еще одно алиби для адресата.

Само по себе появление Приблудного в Ленинграде вслед за Есениным в декабре требует объяснения, которого до сих пор не дано. Известны очень резкие высказывания Есенина о безнравственности приятеля, органического бездельника, из которого стихи лились как вода из-под крана: «Не верьте ни одному его слову. Это низкий и продажный человек»; «...что это за дрянной человек». Жалеть его можно, но нельзя забывать, — объективно, сам того не сознавая, он способствовал организации кровавого кошмара в доме №10/24 на проспекте

Майорова.

Продолжаем комментировать письмо Бениславской. «Я несколько дней ходила, как сто пудов с плеч свалилось...» — облегченно вздыхает она. Что же так разволновалась? Если в 1925 году оставила свое сотрудничество с Лубянкой и если Есенин говорил сестре неправду, стоило ли, спустя три месяца после его гибели, вспоминать о неприятном эпизоде. Нет, она серьезно и заинтересованно к нему возвращается. И бросает заставляющую нас призадуматься страшноватую фразу: «...убедилась, что я была права, щадя тогда его, и что он не отплатил подлостью». Несколько сумбурно, но понятно. Пощадила бывшего друга, которого любила, ревновала и пыталась по-своему направить на большевистский путь. Пощадила, не отдав его в «чистые руки» чекистов.

Упомянутый выше автор публикации спешит делать выводы о нейтральности Бениславской, ее отстраненности от ведомства Дзержинского.

Конец процитированной фразы расшифровывается, на наш взгляд, так: выдай она поэта — он бы отомстил. Но главное тут другое — она бы, ради него самого, ради его благополучия, могла и «заложить» его, ибо считала ЧК—ГПУ, как Максим Горький и Исаак Бабель, не столько карающим органом, сколько перевоспитывающим неосознательных людей. А Есенин, по ее убеждению (почитайте ее воспоминания), глубоко заблуждался, кроя на всех углах советскую власть («Какую-то хреновину в сем мире // Большевики нарочно завели». — «Заря Востока»). О том же свидетельствуют Владислав Ходасевич, Демьян Бедный и др. Очевидно, в его стихах и письмах подобной «контрреволюции» содержалось много (осенью 1925 г. он успел сжечь на квартире первой жены, Изрядновой, большой пакет своих рукописей). Вспомните признание поэта в письме (1923 г.) к А. Кусикову о неприятии им Февраля и Октября, прочтите его статью «Россияне» о псевдопролетарском искусстве и надзирающих фельдфебелях типа Льва Сосновского.

Идеологические «уроки» Бениславской не возымели действия на Есенина, и это ее не просто огорчает, а бесит («Вы не наш», — пишет она). Как он не понимает, что она не «выдает» его, а спасает от близости к антисоветчикам. Можно, как ни странно, согласиться: удержи она его от хождения по острию политической бритвы — он бы остался жив. Но это все равно что сдерживать бурю. Внутренняя свобода Есенина была неограниченной («Я сердцем никогда не лгу...»).

И последнее, «...не так важно, — заключает Бениславская, — что думают, а важно то, что это была ложь». То есть, — попытаемся четче понять ее мысль, — подозрения Есенина на ее чекистский счет неосновательны. Но зачем же так усердно хлопотать? Она выгораживает себя перед Эрлихом, заботится, так сказать, о сохранении профессиональной гэдэушной тайны.

Остаются последние вопросы: знала ли она об истинном ремесле Эрлиха в трагические декабрьские дни? Ведала ли о его роли в сокрытии злодеяния? Ответы еще впереди. И, возможно, разгадки кроются не столько в области криминальной, сколько психологической.

ГЛАВА V

ЛЖЕСВИДЕТЕЛИ

Продолжаем чекистскую и околочекистскую галерею знакомцев Есенина. В его «деле» участвовала ленинградская пишущая братия. Подробное знакомство с эпохой 20-х годов приводит к выводу: литература в то время часто служила удобной ширмой для ЧК — ГПУ.

Эта мрачная страница нашей истории когда-нибудь станет предметом специального исследования.

Продолжаем наше следствие, продираясь через лживые «мемории», атрофированную память современников, патологически-трусливое поведение многих нынешних архивистов, для которых Есенин-поэт — пустой звук. На очереди понятые, подписавшие протокол милиционера Николая Михайловича Горбова.

Их было трое: малоизвестный ленинградский литератор Михаил Александрович Фроман (Фракман) (1891-1940), достаточно известный поэт Всеволод Александрович Рождественский (1895-1977) и забытый критик Павел Николаевич Медведев (1891-1938). Почему они поставили свои подписи, а не кто-либо из жильцов или сотрудников «Англетера», к примеру, соседи мнимого обитателя 5-го номера? Согласитесь, правомерный вопрос (вообще, логика не в чести у защитников версии самоубийства).

Личность Фромана, зятя кремлевского фотографа Моисея Наппельбаума, не раз запечатлевавшего лики Ленина, Свердлова, Дзержинского и др., весьма «вовремя» появившегося в Ленинграде для траурных съемок, окутана дымкой тайны. С его стихами и переводами можно без особого труда познакомиться, но до сих пор невозможно заполучить материалы сохранившегося архива «подписанта». Однако кое-какие черточки его внутренней жизни все-таки открылись. Жена Фромана вторым браком связала свою судьбу с Иннокентием Мемновичем Басалаевым, оставившим пространные дневники и воспоминания. В одной из его тетрадей («Записки для себя», 1926) мы нашли такую запись о Фромане: «Главное — умеет молчать, когда его не спрашивают. „...“ О нем говорят: культурный поэт. Мне он кажется похожим на большую грустную обезьяну, знающую повадки приходящих к ней друзей...“

Аккуратист, систематически обязательно слушал по радио последние новости, любил копаться в книгах, возиться с котом Мухтаром и играть в бильярд. На людях охотно рассуждал о патриотизме и своей симпатии к опальному Ивану Бунину, а это было по тому времени небезопасно... В 1925 году — секретарь ленинградских поэтов, что уже само по себе говорит о его духовной близости к местной советско-партийной верхушке, так как случайности в выборе литературного начальства тогда исключались.

В период революции и Гражданской войны Фроман политкомиссарствовал — в 1918 году в Петрограде, позже — где-то на юге России. Следы его, в частности, надо искать в Самаркандской степи, где он участвовал (согласно официальным источникам) в строительстве железной дороги для нужд Красной Армии.

Ближайшим молодым приятелем Фромана в 1925 году был... Вольф Эрлих, причем настолько близким, что у них имелась общая, «коммунальная», касса. В одном из писем к матери Эрлих по этому поводу сердился: «Дело в том, что на меня и на Фромана (помнишь!) лежало в „Радуге“ (издательстве. — В. К.) 300 р. на половинных основаниях. Я эти деньги считал неприкосновенным фондом своим. И не трогал. „...“ Так Фроман в эти два месяца (январь 1925 — февраль 1926 г. — В. К.) перетаскал их все“.

Причины лопнувшего «банка» компаньонов как раз в интересующий нас период понятны, о причинах же их трогательного товарищества можно лишь догадываться. В свете сказанного ночевка Эрлиха с 27 на 28 декабря 1925 года на квартире Фромана, позже подсочиненная вездесущим Павлом Лукницким, выглядит неубедительно.

Есениноведы не обратили внимания на стихотворение Фромана «28 декабря 1925 г.», посвященное Вольфу Эрлиху. И роковая дата, и сомнительный адресат заставляют внимательнее вчитаться в это произведение. Оно меланхолично-созерцательно, с претензией на философское проникновение в суть жизни и смерти. Внешне лирический

сюжет развивается на фоне дум героя в снежную холодную ночь. Обратим внимание только на четыре строфы из двенадцати (выделено нами):

На повороте, скрипом жала,
Трамвай, кренясь, замедлил бег, —
А на гранитном лбу Лассалю
Все та же мысль и тот же снег.

И среди полночного витийства
Зимы, проспекта, облаков —
Бессмыслица самоубийства
Глядит с афиши на него.

И мне бессмертия дороже
Улыбка наглая лжеца,
И этот смуглый холод кожи
До боли милого лица.

Здесь, на земле, в тоске острожной
И петь, и плакать, и дышать,
И только здесь так сладко можно
С любовью ненависть смешать.

На наш взгляд, в напряженной психологической атмосфере стихотворения незримо присутствует Есенин («Бессмыслица самоубийства...»). Но вещь лишена внешних атрибутов и примет случившейся накануне трагедии, она о глубоко спрятанном духовном ощущении автора, которое никак не назовешь светлым. Чего только стоит «Улыбка наглая лжеца...», — конечно же это об Эрлихе — и не только потому, что ему посвящены строки, а потому что он угадывается в эскизе внутреннего облика. Современник так рисовал его портрет: «У Вольфа Эрлиха тихий голос, робкие жесты, на губах — готовая улыбка. Он худ и черен».

Спустя сутки после кровавой драмы в «Англетере», после подписания лживого милицейского протокола, Фроман привлекает не образ усопшего поэта, а «Улыбка наглая лжеца...» (кстати, заметьте, ни Фроман, ни Эрлих, в отличие от многих стихотворцев, не посвятили ни одной лирической строки Есенину). Автору «28 декабря...» представляется не лик ушедшего из жизни человека, а физиономия приятеля-сексота, чем-то ему милого и дорогого. Рискнем сказать, близкого по сложившемуся взгляду на мир. Крайне осторожный Фроман все-таки проговаривается о своем понимании соседства добра и зла, он готов «сладко» «С любовью ненависть смешать». Страшноватое, на наш взгляд, стихотворение. Ида Наппельбаум, бывшая жена Фромана, вспоминая «28 декабря...», напишет, что это «стихотворение на смерть Есенина», и добавит: «В нем, как в зеркале, отражен этот зимний горестный день» (Угол отражения... Спб., 1995). Ложь, подслащенная сентиментальностью.

А что за мысль отразилась «...на гранитном лбу Лассалья...»? Фроман предпочитает по этому поводу промолчать. И почему из многих ленинградских памятников он встретил именно мудреца-социалиста с известными крайностями некоторых своих воззрений. То, о чем не договорил Фроман, раскрыл... Эрлих. В своей поэме «Софья Перовская» (1929) он как бы завершает ход мысли друга и сообщника:

Уже в Европе накануне,
Уже бряцает сталь о сталь.
В Париже — Михаил Бакунин,
В Берлине — Энгельс и Лассаль.
Уж призрак бродит по Европе,
Уж мысли злы и высоки,
Но в том же сумраке утопий
России дальней огоньки.

Как далек был Есенин 1925 года от такой философии интербродяг, насколько была ему чужда мешанина нравственного и безнравственного, проскальзывающая в «28 декабря...». Не потому ли Фроман и поставил свою подпись под фальшивым милицейским протоколом, хоронившим, как тогда подчеркивали газеты, последнего русского национального поэта.

Почему в числе понятых при подписании ложного милицейского протокола оказался поэт Всеволод Александрович Рождественский? К его личному архиву давно не подпускают, сведения о нем из 1925 года крайне противоречивые.

По складу природы — романтик-эстет. Октябрь семнадцатого воспринял как захватывающее, стихийно рожденное социально-художественное произведение; сам участвовал помкомроты в его создании, гордясь двумя алыми квадратами на левом рукаве гимнастерки. В 1926-м, в тяжелый период нэпа и политических междоусобиц, восторгался: «Никогда так не хотелось петь, как в наши дни. Чудесное время!»

Для контрастного сравнения приведем запись писателя Андрея Соболя от 13 января 1926 года: «...пустота, ощущение, что нет воздуха, что нависла какая-то глыба. Еще никогда в нашем писательском кругу не было такого гнетущего настроения — настроения опустошенности, стеклянного колпака. „...· Сникли и посерели все“.

Легкодумность «богемника» Рождественского очевидна (о его слезливой сентиментальности говорили и писали Николай Гумилев, Владислав Ходасевич и др.).

Среди его молодых приятелей — Павел Лукницкий и Вольф Эрлих (опять та же компания), — с ними он любил путешествовать, погостить в Коктебеле у Максимилиана Волошина. Увлекался театром, живописью и графикой; за неизвестные нам заслуги бесплатно учился на Государственных курсах при Институте истории искусств (пл. Воровского, 5, напротив «Англетера»). Хорошо знал художника-авангардиста Павла Мансурова. Последний упоминает Рождественского (ученика Малевича), равнодушно воспринявшего беду в «Англетере» («...этот товарищ ваш, пьяница, поэт, умер, во всех трамваях объявления...»).

Еще несколько штрихов к портрету Рождественского. Современники старшего поколения рисуют его чаще с неприязнью. Литератор Леонид Ильич Борисов (С.Б. Шерн) в неопубликованном письме (30.12.1956) к своему брату по перу Владимиру Викторовичу Смиренскому откровенничал: «Однотомник В. А. Рождественского меня разочаровал. Редактором сей пиит связан не был — связала его собственная трусость. Вы, конечно, знаете Всеволода Александровича — интеллигентик и тихая молитва в розовом парфюмерном идеале (с притертой пробкой). Я с ним частенько лаюсь по великой моей невоспитанности и прямоте». Рождественский платил Борисову той же монетой: «...добрый и беспутный малый, петербургский уличный гуляка...»

Насколько был непрост Рождественский, писал и говорил литературовед В. А. Мануйлов, отказавшийся присутствовать на похоронах бывшего старшего друга. Не красят Всеволода Александровича и некоторые его поступки в отношениях с близкими родственниками. Он вел себя трусливо в пору репрессий приятеля, поэта Владимира Владимировича Луизова... Это все, так сказать, «домашние» проблемы.

Но личность Рождественского предстает не в лучшем свете и в есенинском «деле». 28 декабря 1925 года он отправил В.В. Луизову в Ростов-на-Дону письмо с рассказом о виденной им страшной картине в «Англетере», но почему-то указал не 5-й номер гостиницы, а 41-й; он не раз исправлял свои воспоминания о Есенине, изобилующие «лирическими отступлениями» и небрежностями в подаче фактов (например, очевидцы удивлялись отсутствию пиджака поэта в 5-й комнате, у Рождественского же читаем: «Щегольской пиджак висел тут же»). Возможно, давала себя знать впечатлительно-рассеянная натура мемуариста, но налицо и вопиющая безответственность. Попросили, — не глядя, протокол и подмахнул. Кстати, сам «свидетель» описывает: когда он пришел в «есенинский» номер, тело покойного лежало на полу, забыв о своей подписи, закреплявшей совсем иную сцену. Примечательно: в неопубликованном дневнике Иннокентий Оксенов пишет, что Рождественский пришел в 5-й номер «Англетера» вместе с Б. Лавреневым, С. Семеновым, М. Слонимским («он плакал») и другими позже его (Оксенова) и Н. Брауна (спрашивается, когда же он исполнял обязанности понятого?..). Есть о чем поразмыслить...

Оценки Рождественским (1926 г.) Есенина, лирика и человека, в главном — поверхностные и снобистско-снисходительные («...пел только о себе и для себя»). По свежим следам трагедии он бестактно спешил зарифмовать сплетни о пьянстве поэта:

Уж лучше б ты канул безвестней,

В покрытую плесенью тишь.

Зачем алкоголем и песней

Глухие сердца бередишь?

У Рождественского найдется немало защитников, нам же он видится человеком фразы, которому важнее «сделать красиво», но не обязательно глубоко и правдиво (его любимое выражение: «...больше всего на свете я люблю „Дон Кихота“ и антоновские яблоки»).

Дает пищу для раздумий автограф Рождественского на своей фотографии (январь 1926 г.), подаренной третьему «подписанту» фальшивого протокола: «Дорогому стороннику и соратнику в бою за слово, свидетелю поражений и побед, — всегда верному себе П.Н. Медведеву». Крепко, видно, дружили... Тому же адресату Рождественский презентовал автограф стихотворения «России нет...», где есть мощные строки:

Былые карты разбирая,

Скажите детям: вот она.

Скажите им — была такая.

Большая дикая страна.

По нашему мнению, такая «прозорливая» оценка России связана не только с социальным романтизмом автора, но с более сложными причинами.

Павел Николаевич Медведев (1891-1938), критик, литературовед, педагог, действительно близко дружил с Рождественским (и с Фроманом, и с Эрлихом). О нем отдельный и трудный разговор...

Обычно имя Медведева стоит на отшибе дискуссий вокруг англоторовской истории. В 1937 году его репрессировали, и вплоть до наших дней о нем говорят как о невинно пострадавшем. Любые попытки получить о Медведеве хоть какую-нибудь информацию в архивах Москвы и Петербурга наткнулись на глухую стену настороженности и отчуждения. «Странно, — думалось, — человека незаконно расстреляли, живы его ближайшие родственники, а ни словечка правдивого о горемыке нельзя найти — все какие-то отрывочки, случайные записочки».

Пришлось идти долгим «окружным» путем (мемуары, партийно-комсомольские и профсоюзные документы и т.п.). Результаты архивных бдений потрясли даже нас, часто встречавшихся со многими неожиданностями при исследовании «крамольной» проблемы. И удивила даже не подноготная сторона открывшейся потаенной биографии П.Н. Медведева, а непростительное верхоглядство авторов-печальников поэта. Вот что обнаружилось...

С 1922 по 1926 год педагогика и литературно-критические штудии использовались Павлом Николаевичем Медведевым как удобные ширмы при выполнении им обязанностей штатного петроградско-ленинградского сотрудника ЧК—ГПУ. В протоколах его имя нередко стоит рядом с именами крупных чекистов: Мессинга, Сюненберга, Цинита, Петерсона, Ульриха и многих других. Медведев был значительной фигурой — комсомольским комиссаром («оторгом») в 3-м Ленинградском полку войск ГПУ; под его непосредственным началом состояло более 170 членов РЛКСМ, готовых по одному его слову открыть огонь по «контре». Общительный, в меру начитанный, говорливый, он вдохновлял красноармейскую молодежь на карательные расстрелы, активно вел партийно-чекистскую пропаганду, по-своему украшая ее литературными иллюстрациями. Меткую характеристику этому приятному на вид человеку дал ленинградец Иннокентий Басалаев: «Плотный, бритый медведь в очках, довольный всем,

а главное — собой. Его толстый рот постоянно набит анекдотами, и он не успевает их рассказывать. Наверное, потому у него такие масляные губы. Расскажет — и первый расхохочется таким широким анекдотическим баском. Любит словечки: „сиречь“, „дондеже“ — так и говорит по телефону на славянском речении; его утверждения: „русская литература — великая литература“, „лошади едят овес“, „Волга впадает в Каспийское море“.

Полистаем с превеликим трудом оказавшиеся у нас в руках документы.

2 января 1925 года: общее собрание (около 300 человек) коллектива РКП (б) сотрудников ГПУ. Председательствующий — П. Медведев (указан инициал имени, что крайняя редкость для тогдашней партбюрократии; под протоколом красуется — случай исключительный — и его автограф). Повестка дня: работа МОПРа, культ-смычка города с деревней, предстоящая клубная конференция, выпуск стенной газеты «Москит». Хорошо узнаваемая с первых слов ревдемагогия.

16 января 1925 года: объединенное собрание коммунистов 3-го полка войск ГПУ, ревтрибунала и 1-гострелкового корпуса. С докладом «Ленин и Октябрь» выступает «тов. Петров». К его речи мы вернемся.

30 марта 1925 года: партийное бюро ГПУ прикрепляет Медведева к «работе среди работниц».

Увы, далее в обнаруженных протоколах — обрыв. Однако знакомая фамилия все-таки мелькнула на собрании чекистов 30 декабря 1925 года, когда обсуждались итоги XIV партийного съезда. «Оторг» комсомольцев осторожно критиковал местную партийную оппозицию, в частности, сказал: «После смерти Ленина нашу партию такая лихорадка треплет второй раз». Встречается его имя в недавно рассекреченных бумагах вплоть до ноября 1926 года.

Присутствие П.Н. Медведева на высшем партийно-гэпэушном уровне не столь заметно, как на его основной службе — в 3-м Ленинградском полку войск ГПУ. Полк насчитывал более 800 красноармейцев. Полковая партиячейка имела тогда свой штаб через два дома от «Англетера» (Комиссаровская, 16), где часто витийствовал Медведев. Нам удалось подробно проследить за его речами 1926 года — до 16 декабря — обычный набор агитпроповских фраз. Лишь однажды, 25 марта, он признал: в 3-м полку среди комсомольцев (примерно 170 человек) «...настроение упадочное — отсюда хулиганство, текучесть состава и добровольный выход из ВЛКСМ». Действительно, юным «кожаным курткам», несмотря на их особое положение, жилось несладко. На том же собрании отмечались плохие жилищные условия стражей революции, среди которых имелось 166 «маляриков» и много других больных.

Известный «киношный» образ «бойцов невидимого фронта» далеко не соответствует прозе их незавидного быта: постоянные жалобы на плохую кормежку, нехватку посуды, обмундирования и жесточайший режим. На одном из собраний (15 мая 1926 г.) задавались, к примеру, такие вопросы начальству: «Почему из учебного дивизиона не пускают в свободное время даже на площадку — не то что в город, а заставляют сидеть в казарме?»; «Дали только гимнастерку да брюки — все худое, а сапог не дали. Сейчас хожу в чужих, а если товарищ возьмет сапоги, то я должен ходить босой, что ли?».

Комсомольскому комиссару Медведеву было некогда заниматься столь презрительными материями, вместе с партсекретарем Павловичем, помкомполка Цинитом и другими он втолковывал в буйные молодые головы идеи мировой революции и прочую политграмоту. При этом, вероятно, любил иллюстрировать призывы литературными примерами, скорее всего, из Блока и Демьяна Бедного — он тискал о них статейки. Сотрудничая нештатно преподавателем в педагогическом институте им. Герцена, он даже организовал над своими подопечными по 3-му полку культурное шефство ученых мужей, провел совместную выставку

чекистских и студенческих стенных газет. Отличался бдительностью, на закрытом партийном собрании 27 мая 1926 года предупреждал: «Все наши выступления не выносить беспартийной массе».

Так как Медведев в свободное от воспитания «карающих мечей» время «ходил в писателях», его тщательно секретили: так, 5-6 февраля 1926 года он участвовал (вместе с главой Ленинградского ГПУ Мессингом, начальником политотдела Сюненбергом и др.) в работе VII чрезвычайной партконференции Центрального района под псевдонимом «Иванов» как посланец пединститута (не смешивать с сотрудником ГПУ Николаем Петровичем Медведевым, 1902 г. рожд.).

До наших дней потаенная биография «очевидца» таки остается белым пятном. Меж тем, идя по следам чекистского наставника, открываем его связи с «Петровым» (напомним, фамилию этого «члена партии» запомнила вдова коменданта «Англетера» А.Л. Назарова), руководившим, на наш взгляд, кровавым спектаклем в «Англетере». «Петров» неоднократно выступал в 3-м полку и других военных частях; 16 января 1926 года он делал доклад «Ленин и Октябрь» на объединенном собрании коммунистов, заявив: «В империалистической войне, в патриотизме, в крови рабочего класса капиталисты хотели утопить революционное движение» (затасканная демагогия интербродяг).

2 января 1925 года Медведев председательствовал на собрании сотрудников ГПУ, когда «Петрова» принимали в профсоюз Совторгслужащих (в него тогда входили чекисты и милиционеры). Подобный сюжет просматривается и в других сохранившихся профсоюзных протоколах, где рядом красуются те же фамилии (Медведев подвизался лектором Облсовпрофа, и его участие в разного рода заседаниях выглядело естественным).

Теперь, когда улыбчиво-садистское лицо понятого прояснилось, представим о нем справку.

Павел Николаевич Медведев родился 23 декабря 1891 года в Петербурге в семье служащего. В 1901-1909 годах учился во 2-й Кишиневской классической гимназии; в 1914 году окончил юридический факультет Петроградского университета. С 1914 по 1918 год в его «Личном листке по учету кадров» пробел, чем он в это время занимался — неизвестно. Сам он пометил: до 1917 года «участвовал в революционных кружках и студенческом движении». Его дальнейший служебный путь: 1918-1920 годы — заведующий отделом внешкольного образования Витебского губоно; 1920-1922 годы — заведующий подотделом искусств, одновременно читал лекции по литературе в Витебском высшем педагогическом институте; 1922-1927 годы — «преподаватель в военных школах Петрограда-Ленинграда». Теперь мы знаем, какую науку он пропагандировал молодежи. Примечательный факт: в 1925 году его избрали сверхштатным научным сотрудником Пушкинского Дома, то есть можно допустить, что он проводил в качестве «эксперта» официальное оформление псевдо-есенинского послания «До свиданья, друг мой, до свиданья...» (речь об этом впереди), поступившего «от Эрлиха» через Г.Е. Горбачева.

В 1928 году, когда троцкисты побежали с насиженных мест, Илья Ионов пристроил Медведева помощником заведующего литературно-художественным отделом Ленотгиза (радел «родным человечкам» бывший каторжник). В декабре 1929-го, когда сторонникам Троцкого стало совсем неудобно, литератор-чекист перешел работать штатным доцентом педагогического института им. Герцена (здесь он подрабатывал с 1925 г.). О своей принадлежности к воинской службе писал (3.03.1931 г.) расплывчато-осторожно: «Военнообязанный старшего начсостава, административный штат, категория А-7».

Как и Ленотгиз, пединститут тогда же заботливо пригревал вчерашних «пламенных революционеров». Скопом 1 сентября 1929 года в педагоги попали многие недавние гэпэушники, знакомцы Медведева: бывший партсекретарь 3-го полка Сергей Андроникович Павлович, Андрей Феофилович Арский, Владимир Николаевич Комаров и др.

Здесь же нашел прибежище видный партдеятель и оппозиционер-зиновьевец Александр Сафаров (Вольдин), один из идеологов-организаторов убийства Николая II. Среди прочих новоиспеченных «герценовцев» — И.И. Презент (р. 1902) — личность, к которой стоило бы присмотреться повнимательнее; сей преподаватель исторического материализма к 1929 году имел за душой — да и то в рукописи — лишь одну статью «Приоритет речи или мышления».

В такой-то компании и вращался Медведев, хохотун и любитель славянских речений. Багаж его литературно-критических работ весьма скромнен: вульгарно-социологические статейки о Шишкове, Форш, Лавренине, Н. Никитине, формальном методе в литературоведении (последняя работа в действительности была написана М. М. Бахтиным). Подписав по приказу своих хозяев с улицы Комиссаровской лживый протокол, он вряд ли испытывал угрызения совести, более того, сочинил в 1927 году посмертный «оправдательный» очерк о преданном им Есенине.

Именно Медведев утром 28 декабря распространял слухи о самоубийстве Есенина! Литературовед В. А. Мануйлов цитировал строки из письма к нему В. А. Рождественского, датированного тем же днем:

«Приходит (в редакцию журнала „Звезда“. — В.К.) П.Н. Медведев в солдатской шинели прямо со своих военных лекций. Вид у него растерянный.

— Сейчас в редакции «Красной газеты» получено сообщение, что умер Сергей Есенин.

— Где? Когда?

— Здесь, в гостинице «Angleterre», вчера ночью.

Мы с Медведевым побежали на Морскую в «Angleterre» (Звезда. 1971. №2).

Медведев действительно мог появиться «со своих военных лекций» из школы ГПУ, располагавшейся в доме по Комиссаровской, 7/15; здесь, в квартире №8, жил таинственный «Петров», тут же, к примеру, обитала «переписчица» 3-го чекистского полка Нина Александровна Ширяева-Крамер и многие другие сослуживцы «педагога». Сам Медведев квартировал неподалеку, на Комиссаровской, 26, и мог явиться по звонку (158-99) в любую минуту. Он, как мы уже ранее видели, был дисциплинированным. Вовсе не случайно Медведев коллекционировал фотографии мертвого Есенина и другие материалы, связанные с его гибелью. В одном из его альбомов сохранилась (Рукописный отдел Российской национальной библиотеки) телеграмма из Москвы (от 29 декабря 1925 г., оригинал) неизвестного отправителя: «Ленинград, ДН, копия ДС. ТЧ-8. Для перевозки тела Есенина прошу подготовить один крытый товарный вагон осмотренный сл. тяги на предмет годности следования с пассажирским поездом включив указанный вагон в п. №19 от 29 декабря для следования в Москву. №82.92/ДЛ/Д». Подпись на телеграмме неразборчива.

Документ этот еще предстоит исследовать и прокомментировать, подчеркнем лишь осведомленность «понятого» в такого рода бумагах. Так же, как преступника тянет к месту преступления, людей, причастных к убийству или укрывательству убийства поэта, тянуло — по службе и «по душе» — к собирательству на эту тему. Медведев складывал жуткие снимки и прочее в альбомы, Вольф Эрлих аккуратно подшивал вырезки из многих советских газет и журналов с некрологами и статьями о Есенине (позже коллекция перешла к приятелю Эрлиха, стихотворцу Г.Б. Шмерельсону, в квартире которого, кстати, одно время сексот ГПУ находил приют).

В 1938 году пробил час нравственного возмездия П. Н. Медведеву; было бы справедливо и полезно его сохранившееся «дело» опубликовать — в нем могут быть дополнительные детали к биографии легко и весело жившего типичного шкурника той смутной эпохи. Поистине прав оказался Есенин, когда писал: «Не было омерзительнее и паскуднее времени

в литературной жизни, чем время, в которое мы живем» («Россияне»).

Теперь набросаем несколько штрихов к портретам ленинградских писателей, имевших прямое или косвенное отношение к происшествию в «Англетере» или к его освещению в печати. Бросается в глаза оскорбительная для памяти Есенина несправедливость: в сборниках воспоминаний и статей о нем без конца печатаются материалы тех вульгарных ремесленников, которые при жизни поэта ненавидели и травили его и зачастую в одном кармане носили писательское удостоверение и мандат ГПУ. Составителям таких книг даже в голову не приходит, что они выступают пособниками продолжающегося морального убийства певца России. Его же подлинные друзья и искренние ценители поэзии, как правило, остаются на периферии Есенинианы (Федор Жиц, Иван Грузинов, Виктор Мануйлов, Вениамин Левин, Борис Лавренев, Иннокентий Оксенов, Михаил Слонимский и др.). Мелкие словокройщики, но большие завистники, — типа Кусикова, Мариенгофа, Шершеневича (не говоря уже об Эрлихе) и т.п., продолжают красоваться чуть ли не на первом плане, хотя в лучшем случае место им — в примечаниях, набранных нонпарелью. Прибавим к этой братии еще некоторые имена.

Николай Александрович Брыкин (1895-1979), плодовитый социалистический реалист, дважды арестовывался (1941, 1949) как участник, гласит справка архива ФСБ, «антисоветской правоцентристской организации», существовавшей среди литературных работников Ленинграда. Дело это за давностью лет покрыто мраком, и судить о нем не беремся. Но известно — Брыкин первый дал в «Новой вечерней газете» (1925, 29 дек.) пошловатую и клеветническую статейку-репортаж «Конец поэта». «В гостинице, бывшей „Англетер“, — расписывал он, — на трубе центрального провода отопления повесился Сергей Есенин. До этого он пытался вскрыть вены. Не хватило силы воли. Когда я увидел его, страшного, вытянутого, со стеклянным выражением в одном глазе, я подумал...» — и пр. Репортаж явно заказной, нога автора вряд ли ступала в злосчастный 5-й номер, он судит о причине смерти еще до результатов вскрытия тела покойного с молчаливого одобрения цензуры. Одним словом, товарищ Брыкин весьма угодил авантюристам и обеспечил себе в будущем чуть ли не ежегодные огромные тиражи своих толстенных опусов.

В том же номере «Новой вечерней газеты» заметка стихотворщицы Сусанны Мар «Сгоревший поэт» — лживая, сусальная, с претензией на социальную оценку произведений Есенина. И вывод: «...Пьяные слезы. Пьяные миражи... „Понимаешь, я влюблен“, — и заплакал. А через неделю горько плакала покинутая белокурая Анюта».

Вместо комментария процитируем строчку из воспоминаний Вадима Шершеневича о Сусанне Мар: «Она безбожно картавила и была полна намерения стать имажинистской Анной Ахматовой».

Поэзия Есенина, его внутренний мир, его трагедия остались чуждыми и закрытыми для таких словослагателей, увидевших в неожиданной его смерти лишь остренький сюжетец на потребу советским обывателям.

Михаил Васильевич Борисоглебский (наст. фамилия Шаталин) (1896-1942), писатель конфликтный, почтенный, разносторонний человек, в 1925 году известный как сценарист популярного кинофильма «Катюша — бумажный ранет», знакомый Михаила Булгакова, он нас интересует в связи с направленной ему 29 декабря телеграммой (хранится в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки): «Московский отдел Союза советских писателей просит вас быть представителями[9] Москвы при перенесении тела Сергея Есенина. Правление».

Этот документ дает основание предполагать, что Борисоглебский мог знать какую-то правду о закулисной стороне посмертного пути поэта, может быть, и некоторые тайные пружины англетеровской истории (кто лично отправил телеграмму, как изначально складывалась похоронная церемония, каким выглядело поведение причастных к сокрытию убийства лиц?).

К сожалению, недавно открытый архив Борисоглебского далеко не полон. Он подтверждает: отношения писателя с ГПУ складывались напряженно, хотя характер трений проясняется смутно. В одном из писем (адресат и дата отсутствуют) он сообщает: «...на днях арестован Вл. Алексеев, у которого, между прочим, при обыске отобрали и мои рукописи. Так что я ожидаю к себе ночных гостей». Непрошенные товарищи появились у него на квартире 14 сентября 1926 года; на следующий день состоялся допрос (протокол сохранился); Борисоглебского обвиняли в краже книг из бывшего имения Аничковой, где в 1925 году жил писатель. Обвинение надуманное. Чекисты прощупывали какие-то, возможно мифические, связи литератора с зарубежными белоэмигрантскими организациями; получив неизвестную нам информацию от арестованного, его выпустили 16 сентября постановлением начальника Секретно-оперативной части (СОЧ) Ленинградского ГПУ. Этот факт с Есениным, может быть, и не связан, но проверить бы не мешало. Существует и второе уголовное дело на Борисоглебского, хранящееся ныне в Управлении ФСБ по Башкирской республике.

Борисоглебский приятельствовал со многими знакомыми погибшего поэта (И.В. Иванов-Разумник, И.И. Садофьев, А.П. Чапыгин и др.), неоднократно брал денежную ссуду у М.А. Фромана, собирался написать очерк о ленинградском актере Н.Н. Ходотове, с которым крупно поскандальил Есенин. Следовало бы уточнить, верно ли, что Борисоглебский одно время возглавлял клуб Военно-технической академии РККА им. Дзержинского (известен его автограф на официальном бланке этого заведения).

Руководил отправкой вагона с телом Есенина писатель Николай Валерьянович Баршев (1887-1938), в недавнем прошлом — опытный железнодорожник. Какая-то полезная для нас информация, несомненно, у него имелась — и не только путевая. Баршев состоял с 1924 года в литературной группе «Содружество» (В. Рождественский, М. Борисоглебский, М. Козаков и др.) и мог знать немало о подоплеке преступления на проспекте Майорова, 10/24. Хорошо бы проследить и другие его связи, троцкистские, — в 1937 году он осужден и приговорен к семи годам лишения свободы по обвинению в том, «что вел контрреволюционную пропаганду среди писателей и вербовал единомышленников для формирования контрреволюционной организации». Если рядом с ним крутились «писатели» под стать П.Н. Медведеву и В.И. Эрлиху, мечтавших одну диктатуру сменить другой — «революционно-перманентной» — одно, если же перед нами борец с коммунистическим насилием — другое.

Нас так запугали 1937 годом, но о миллионах трупов 20-х годов непростительно-трусливо забыли.

Ленинградская литературная среда в интересующее нас время представляла в целом явление в нравственном отношении болезненное. Критик Иннокентий Оксенов 28 апреля 1924 года записал в своем дневнике: «Страшное, могильное впечатление от Союза писателей. Какие-то выходцы с того света. Никто даже не знает друг друга в лицо. „...“ Что-то старчески шамкает Сологуб. Гнило, смрадно, отвратительно“. На такой-то кладбищенской почве и взросло одно из гнуснейших преступлений XX века.

Продолжим галерею добровольных и невольных лжесвидетелей. Взглянем на человека, до сих пор не привлекавшего внимания в трагической есенинской хронике. А он-то как раз и составил первую подробную хронику англетеровских происшествий. Речь о Валентине Ивановиче Вольпине, авторе «Памятки» (1926 г.) о Есенине, проторившей (вольно или невольно) изначально фальшивый путь для исследователей трагедии поэта. Следует знать, Вольпина в основном снабдил информацией Эрлих, а ему верить нельзя ни на грош.

Старые литературные справочники и обнаруженные нами «личные дела» Вольпина помогают набросать эскиз его биографии. Родился он в 1891 году в Полтаве в семье инженера. Окончил коммерческое училище, но карьера торговца его не прельщала. В 1905 году мальчишкой бросился в революцию; в 1909-м — отбывал тюремное заключение в Могилеве,

в 1916-1923 годах осел в Ташкенте, где, предполагаем, знал М.А. Фромана, уроженца этого южного города. С ним же, возможно, примерно в одно время учился в Петербургском психоневрологическом институте. С 1923 года жил в Москве, зарабатывал хлеб насущный издательской, книготорговой, библиографической работой. В прошлом (с 1918 г.) эсер. Печатался в ленинградской вечерней «Красной газете» — главной поставщице мифов о самоубийстве Есенина; с 1 декабря 1925 года руководил книжным магазином №3 Ленгиза (директор Ионов) по рекомендации заместителя заведующего торговым сектором Госиздата (Москва) М. Я. Рабиновича. О поэтическом даровании Вольпина не стоит говорить, оно вписывается в элементарно-примитивную эстетику Пролеткульта.

Именно в вольпинской «Памятке» впервые перечислялись так называемые гости 5-го номера «Англетера». Приглядимся к ним.

Поэт Николай Клюев никогда не писал и не говорил о своем декабрьском посещении Есенина. В очевидцы его «пригласили» «Правда» и некоторые другие газеты. В «Памятке» есть особая оговорка о «Миколе» как чуть ли не единственном посетителе дома на проспекте Майорова, 10/24. Такое зыбкое свидетельство и породило позже многочисленные толки. Если верить художнику В.С. Сварогу (в пересказе журналиста И.С. Хейсина), Клюев намеревался навестить своего прежнего друга, но это ему не удалось (см.: Вечерний Ленинград. 1990, 28 дек.). Однако опять-таки это не более чем слухи, переданные через шестьдесят пять лет.

Чтобы установить истину, посмотрим на певца «избяной Руси» не из трагических для него 1934-1937 годов, как это обычно делается, а из 1925 года, когда он был весьма далек от «Погорельщины» и других своих антисоветских произведений. В послеоктябрьский период и годы Гражданской войны «угодник» Клюев — ярый пропагандист красного террора, активный большевик, реквизировавший в свою пользу дорогие православные иконы. Ему принадлежат кощунственные строки:

Убийца красный — святей потира[10],

Убить — воскреснуть, и пасть — ожить...

Браду морскую, волосья мира

Коммуна-пряха спрядает в нить.

Не менее жутка и такая его строфа из поэмы «Каин»:

Но вот багряным ягуаром

Как лань истерзана страна.

С убийством, мором и пожаром

Меня венчает сатана.

Вовсе не так прост и благообразен «ладожский дьячок» (выражение Есенина), как

представляют его ревнители старообрядчества. В его облике 20-х годов есть нечто жутковато-елейное, глубоко скрытное. Водился за ним и грех, связанный с расстройством, деликатно выражаясь, интимной сферы психики. Причин не возражать использованию своего имени в грязном деле у него было несколько. Самые серьезные — крайняя бедность и болезненность. Ниже приводим по этому поводу (впервые полностью) обнаруженное нами письмо Клюева, которое дает наглядное представление о его незавидном быте.

«

В Президиум Ленинградского губернского

Исполнительного комитета от поэта

Николая Клюева .ЗАЯВЛЕНИЕ

В год великих испытаний-1918-й, Советом Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов издана моя книга под названием «Медный кит» — в ней цена крови и думы земли о грядущих путях.

В 1919-й и 1920-й — время слета воронов на свежие пролетарские раны — Народным просвещением изданы две мои книги, — в них триста произведений где в тысяче образов простерто мужицкое сердце — от костра Аввакума до славных побед Октября.

В 1924 г., когда могилы на Марсовом поле расцвели резедой и геранью, но глухо обрушились ступени лестницы жизни под ногой дорогого вождя, Госиздат напечатал мою книгу под заглавием «Ленин», где на фоне полярной природы, как душа океана, проходит великая тень.

Помимо указанных книг, много моих красных стихов нашли себе место в революционных хрестоматиях, юбилейных сборниках и антологиях. Существуют переводы меня и на другие языки, вместе с музыкой на целый ряд моих произведений.

Я — крестьянин, из дремучей поморской избы, невероятным трудом вышедший, как говорится, в люди. В настоящее время я болен и уже три месяца прикован к постели.

Основываясь на изложенном, усердно прошу Президиум изыскать справедливую возможность освободить меня от подоходного и квартирного обложения, которыми я обязан, как лицо, отнесенное к свободной профессии, о чем и поставить в известность надлежащие учреждения.

Никаких доходов, а по нездоровью и работы, за мной не водится; питаюсь я случайными грошами, помещение же, в котором я живу, представляет низкую, полутемную комнату, затерянную на заднем дворе огромного дома на бывшей Морской улице. Дом этот до августа настоящего года принадлежал Госиздату, заведующим которого, товарищем Ионовым, и было разрешено пользоваться упомянутым помещением за плату 2 рубля 75 копеек в месяц. За переходом здания в Откомхоз мое жилое обложение выразилось в сумме 41 рубля 50-ти копеек.

За снисхождение к моей невозможности платить подоходность и квартирную плату по свободной профессии мое товарищеское сознание и русская поэзия будут Президиуму благодарны.

Николай Клюев

(подпись).

Ноября 1924 г.

Адрес: улица Герцена, №45, кв. 7».

В связи с заявлением поэта-бедолаги управляющий домом № 45 Т. Лукьянов 10 июля 1924 года дал справку, в которой указал площадь комнаты просителя — 6,31 сажени[11] и сделал примечание: «...гражданин Клюев вряд ли в состоянии платить как лицо свободной профессии. По имеющимся у меня сведениям, он за последнее время ничего не зарабатывает, лежал в больнице (у него нарыв на ноге) и вообще живет очень бедно».

Бюрократическая канитель с рассмотрением просьбы Клюева продолжалась и в 1925 году — это видно из сохранившейся по этому поводу переписки. Возможно, кто-то ему помог. Скорее всего, всесильный директор Лениздата Илья Ионов, шурин еще более всемогущего Г.Е. Зиновьева. В свое время Ионов порадел стихотворцу, выделив ему барской рукой комнату и разрешив платить за нее символическую сумму. Таким образом, постоялец находился у него «в кулаке». К декабрю 1925 года зависимость жившего Христа ради Клюева от ИONOва, вероятно, еще более возросла. Он и пикнуть не мог — иначе его бы выбросили на улицу. Под благовидным предлогом бывший в прошлом соучастник уголовно-политического убийства и каторжник Ионов вполне мог попросить квартиранта помалкивать о «тайне „Англетера“». Подвести своего благодетеля Клюев не мог. К тому же противиться было смертельно опасно. Поэтому-то „Микола“ и помалкивал.

Заметьте, 28 декабря, в час прощания с телом Есенина в ленинградском Доме литераторов, «...Ионов не отходил от гроба»; еще деталь: «Снимались у гроба — Ионов, Клюев, Садофьев...» (из «Дневника» Ин. Оксенова). Далее мы разовьем сюжет о связи ИONOва с «темными силами», здесь же ограничимся одним замечанием: ленинградский издательский магнат по-своему отблагодарил Клюева, опубликовав в отдельной книге (1927) его поэму «Плач о Есенине» (на наш взгляд, сомнительный) вместе со статьей о погибшем поэте критика и сексота ГПУ Павла Медведева (примечательное соседство!). Автор «Плача», возможно подозревая о тайной службе критика, относился к нему заискивающе. Известен следующий автограф на титуле книги «Сосен перезвон»: «Родимому Павлу Николаевичу Медведеву — целуя и благодаря. Николай Клюев» (без даты).

Ионов мог заставить Клюева лжесвидетельствовать через управляющего домом №45 по улице Герцена (бывшей Малой Морской) Ипполита Павловича Ццирия, того самого Харона из ГПУ, о котором мы уже говорили. Последний, являясь хозяйственным надсмотрщиком соседнего с «Англетером» дома №8/23 по проспекту Майорова, присматривал (с 30 октября 1925 г.) и забывшим госиздатовским зданием, во флигеле которого обитал Клюев.

Следующая важная подробность: по соседству, в том же «герценовском» строении, проживал художник-авангардист

Павел Андреевич Мансуров (1896

—1983), еще один «гость» 5-го номера «Англетера». В его известном письме к О.И. Ресневич-Синьорелли (1972 г.) живописуется застолье у Есенина 27 декабря. Тон письма пошловато-развязный, с претензией на декоративно-художественную расцветку трагедии. Неумная грязная фантазия автора не знает предела: Есенин является-де к нему, «товарищу с юношеских лет», 26 декабря (?) в шесть часов утра — прямо с вокзала «с огромным красным петухом», назначает приятельскую пирушку, продолжавшуюся с пяти часов вечера до пяти часов утра (Эрлих лгал иначе); вранье сдабривается постельным эротическим сюжетом и даже монологом хозяина номера о расстреле его друга, «фашиста» Алексея

Ганина. Причем в уста Есенина Мансуров вкладывает фразу: «...товарищ — ничего, но поэт говенный». Кошунство мемуариста доходит до того, что отправку тела «самоубийцы» в Обуховскую больницу он сопровождает жутковатой деталью: «Сани были такие короткие, что голова его ударялась по мокрой мостовой». (Эту печальную сцену видел критик Иннокентий Оксенов и описал ее в своем «Дневнике» так: «Лежал Есенин на дровнях головой вперед...»)

Кроме соседа по житью-бытью Ключева, четы Устиновых и неперемного Эрлиха, Мансуров не рискнул больше никого «зачислить в гости» к поэту. Осторожничал. Такую понятную сдержанность он с лихвой компенсировал своего рода погребальными выдумками: рано утром, «за день перед этой ночью», Есенин шел-де по улице с таким смертельно отрешенным лицом («все было им решено»), что встретившийся по пути мальчик, взглянув на него, закричал от страха. Сдержать свою бредовую и целенаправленную фантазию «авангардист» не желал. Что же давало ему такую наглую уверенность?

Мансуров жил не богато. В списке квартирных должников особняка №45 по герценовской улице его фамилия стоит на первом месте[12]. На 1 декабря 1925 года его долг за жилье составил 71 рубль 39 копеек — сумма потому времени солидная (данные архива Ленинградского треста коммунальных домов). Можно думать, должность заведующего экспериментальным отделом Государственного института художественной культуры (ГИНХУК) его кормила плохо. Круг общения Мансурова в институте: художники Малевич (директор), Филонов, Татлин, искусствовед Пунин и другие авангардисты. Помня, что почти все они не вписывались в художественную идеологию той поры и подвергались репрессиям, следует предположить, что и Мансуров не избежал этой участи. Но ему почему-то повезло, и вместо тюрьмы он оказался в 1928 году во Франции.

Строго говоря, он не был ни живописцем, ни графиком, умел лишь развесить предметы деревенского быта по стенам и порассуждать о преимуществах крестьянского обихода перед городским.

До закрытия ГИНХУКа в 1926 году его политические взгляды не отличались оппозиционностью к советской власти. Но, когда его «взяли», — превратился в смелого критика сталинского режима, выступал с так называемыми манифестами, под которыми подписался бы любой закоренелый белогвардеец. К примеру: «Наши братья художники, попавшие в ваш городской рай, умирают с голоду и вешаются с тоски» или: «Результатом господствующей политической философии явилось физическое вымирание художника, как равно и вполне разрушенная художественная школа» (из кн. «Авангард, остановленный на бегу. Л., 1989). Если учесть, что тогда к стенке ставили за менее либеральные речи, отъезд Мансурова в Париж выглядит по меньшей мере странным.

Однако, на наш взгляд, все было закономерно. Из забавлявшегося внешней этнографией товарища ГПУ сделало для известной надобности крупного художника и контрреволюционера. Нисколько не удивимся, если станет известно, что Мансуров являлся крупной фигурой советской разведки за рубежом (об этом уже приходилось слышать). Никакой метаморфозы в 1926-1928 годах с ним не произошло, он всегда был «готовый к услугам». В опубликованном письме (12 июля 1971 г.) к ленинградскому знакомому он, говоря об Октябрьском перевороте в Петрограде, признается: «Я в первое же утро залетел в совершенно пустой Зимний дворец к Луначарскому — сотрудничать». Новоиспеченный министр просвещения попытался остудить революционный пыл двадцатилетнего честолюбца возможной виселицей временно отступивших монархистов, на что тот храбро ответил: «Ну что ж, тогда повесят вместе». Далее в письме реплика: «Так решилась моя судьба, и мы больше не расставались».

Вряд ли расставался с властью и ее авангардом этот юркий человек. Ни в октябрьские дни семнадцатого года, ни в декабрьские двадцать пятого.

К сказанному добавим интересный для нас штрих: в 1924 году Мансуров, тогда преподаватель художественно-промышленного техникума, проживал вместе с матерью в квартире №2 по 13-й линии Васильевского острова, а его сестра Мария, студентка Военно-медицинской академии, — в квартире №1, и не одна, а с Борисом Дмитриевичем Комаровым, командиром роты в политшколе ГПУ им. Энгельса (его удостоверение №1635 от 6 сентября 1924 г.). Вот ведь как иногда бывает полезным читать скучные домовые книги. Родственная (?) связь с зятем-чекистом еще не доказывает сотрудничества Мансурова с ГПУ, но приглядеться к нему заставляет. Вскоре Мансуров идет на повышение в ГИНХУКе и получает новую квартиру в самом центре города, в уже знакомом нам доме по улице Герцена, 45. Почему ему порадел хозяин госиздатовского особняка Илья Ионов (в прошлом студент Одесского художественного училища), догадаться нетрудно. Ионов питал слабость к искусству; очевидно, с его согласия в том же доме с сентября 1924 года разместилась школа живописи и ваяния С.И. Шаргородской.

Владение чекиста-управдома И.П. Цкирия, несомненно, еще будет предметом внимания есениноведов. Они, к примеру, заинтересуются проживавшим здесь с сентября 1926 года сотрудником ГПУ А.Ф. Борзаковым и другими товарищами. Но, думается, уже сегодня можно сделать вывод: Николай Клюев и Павел Мансуров не могли быть гостями Есенина, потому что, во-первых, он в «Англетере» не останавливался, во-вторых, один «очевидец» благоразумно помалкивал, другой беззастенчиво лгал.

К «гостям» Есенина причисляют и писателя

Сергея Александровича Семенова (р. 1893). Обнаруженная нами его анкета (30 марта 1926 г.), личная карточка (1 февраля 1926 г.) и другие материалы позволяют полностью исключить его из «очевидцев», тем более сам он, насколько известно, никогда о своем посещении «Англетера» не говорил и не писал.

Уроженец деревни Наумов Починок Чухломского уезда Костромской губернии, Сергей Семенов учился только четыре года, а свои университеты проходил в Красной Армии, на Южном и Сибирском фронтах, где получил ранения и контузию. С 1918 по 1921 год он, большевик, был военным комиссаром, причем весьма заметным. Его хорошо знали Подвойский и Луначарский. С 1921 года — сотрудник «Правды», «Крестьянской газеты». В анкете сам указал: «воин комполитсостава Ленинградского военного круга», что, возможно, следует читать — один из комиссаров войск ГПУ. Далее Семенов пишет: «В Ленотгизе работаю с апреля 1923 г.» — то есть под началом все того же Ильи Ионова. «Записанный» в очевидцы литератор оставил в анкете разоблачительную строчку: «С

марта 1925 года по январь

1926 года находился в бессрочном отпуску (без сохранения содержания)». В это время он жил вдали от Ленинграда, в деревне, где залечивал фронтовые раны и туберкулез. Не исключено: его могли срочно вызвать в город для «дачи показаний». По этому поводу хранил молчание, зная жестокие нравы ревностных солдат мировой революции. В январе 1926 года его назначили членом редколлегии журнала «Звезда». Стал получать солидный «партмаксимум». В семье облегченно вздохнули: мать (урожденная Арольская), жена (девичья фамилия — Цолорва), три сына и дочь получили возможность улучшить свое материальное положение. Но у него были мучительные сомнения в своем избранном пути. Еще 27 июня 1924 года он написал в альбом Н.М. Гариной, жене драматурга Гарина-Гарфильда: «Не тоска Гамлета, а мука коммуниста, огромная и страшная, как черное солнце, заставляет задавать себе этот вопрос („Быть или не быть?“ — В.К.), и я часто встречаю на своем небе пугающее меня черное солнце. Тоска! Тоска! Да нет, не тоска. Георгий (Устинов[13]. — В. К.) сказал сегодня, что он и я сопьемся. В ту минуту я пожалел его, а не себя, а потом мне стало стыдно, что я пожалел его, а не себя». Эти исповедальные строки писались в «Астории», в нескольких шагах от «Англетера». 12 января 1925 года в

письме к Борису Лавреневу он скажет: «Все мироздание кажется протухшим и требующим дезинфекции».

Сергей Семенов, видимо, переживал свое вынужденное грехопадение, потому, мучаясь сделкой с совестью, написал к 1-й годовщине смерти Есенина в «Красной газете» от 31 декабря 1926 года проникновенное эссе, назвав поэта самым достойным и светлым среди окружавших его людей. «Сергей Есенин, — писал он, — был самым ясным среди нас, самым лучезарным и, вероятно, самым запоздавшим для времени, в котором мы живем. Мы чувствовали его нужную единственность среди нас...»

Тогда, в период начавшейся кампании против «есенинщины», слово Семенова выглядело смелым поступком.

«Тревога души» часто заставляла писателя уединяться от людей, погружаться в свои невеселые мысли. 27 октября 1931 года литератор Михаил Слонимский писал Константину Федину, как однажды Семенов где-то пропал до 1 часа ночи. Его родные и друзья переполошились и обшарили все больницы, отделения милиции, наконец пивные — исчез человек. «Оказывается, — шутливо сообщает Слонимский, — сей лирический джентльмен грустил на родных пепелищах. Дровяной склад оказался рядом с некоей окраиной, в которой он вырос; он там задумался на целых 12 часов и привез домой не дрова, а одну сплошную лирику». От такой иронии щемяще грустно: видно, сломался и потух прежний красный воин — и не столько от более физических, сколько духовных.

Следующий «визитер» 5-го номера «Англетера»

журналист Д. Ушаков. Его, как и других, Эрлих зачислил в кем-то назначенный список «гостей» Есенина. «Мне, остановившемуся в той же гостинице, — писал Ушаков, — ...пришлось быть свидетелем его последних дней» (Северная правда. 1926, 6 янв.). И далее привычный уже набор имен, фактов, псевдонаблюдений психики поэта («...раздвоенность, неуверенность в себе...» и т.п.). Этим выдумкам верили 70 лет, но никто не поинтересовался личностью автора воспоминаний. Мы покопались в архивах и выяснили следующее.

В 201-м номере «Англетера» в 1925 году жил Алексей Алексеевич Ушаков (р. 1890), представившийся в журнале постояльцев гостиницы как «архитектор» (может, «архитектор революции», как любил себя величать Троцкий). С Алексеем Алексеевичем разделяла будни жена Валентина Андреевна. При настойчивом желании личность А.А. Ушакова можно установить. С какой стати Есенин делил досуг с встречным-поперечным — непонятно. В Ленинграде жили более близкие ему люди, с которыми он мог разделить одиночество, но с ними он не встретился, а попал в заранее поставленный капкан.

Алексей, а не «Д.» Ушаков, — случайная подставная пешка в закулисной игре. Сестра самозванца, Варвара Алексеевна Ушакова (р. 1876), в 1925-1928 годах работала прислугой «пламенного революционера» Андрея Теофиловича (Феофиловича) Арского (наст. фамилия — Радзишевский (1886-1934), автора более 80 книг и брошюр большевистского пошиба. Плодовитый сочинитель жил в чекистском доме 7/15 по улице Комиссаровской, в квартире №4. Рядышком, в 8-й, отдыхал от гэпэушных зданий причастный к сокрытию правды о гибели Есенина уже неоднократно упоминавшийся «член партии» «Петров» (о нем речь впереди).

Итак, «засветился» очередной «друг» поэта, прочие его «гости» —

Илья Садофьев, Иван Приблудный, полунищий беллетрист Владимир Измайлов (р. 1870) — фигуры, призванные исполнять роль «козлов отпущения».

Остался последний знакомец Есенина, якобы посещавший 5-й номер «Англетера», — Григорий Романович Колобов (кличка Почем Соль). В тщательно идеологически причесанных примечаниях к собранию сочинений Есенина (1962 г. и др.) он скромно характеризуется:

«советский работник». Проверяем — чекист, что подтверждается сохранившимися протоколами заседаний бюро и общих собраний (1926 г.) парторганизации 3-го Ленинградского полка войск ГПУ. Косвенно о том же свидетельствует проживание (1929) его брата, Николая Романовича Колобова (р. 1907) в квартире №46 чекистского дома №3 по улице Дзержинского (бывшей Гороховой, затем Комиссаровской).

Как видим, напущенный Эрлихом туман в 5-м номере окончательно рассеялся. Все «названные» им гости оказались мифическими.

Нельзя не заметить, что в «деле Есенина» активно задействованы ленинградские литераторы. Перечень указанных выше фамилий можно продолжить. (Как тут не вспомнить горько-ироничные слова Ивана Бунина из его «Окаянных дней» о писателях-извращенцах: «Литература поможет...»)

О поэте Василии Князеве, охранявшем тело Есенина в Обуховской больнице в ночь с 28 на 29 декабря, расскажем чуть позже. Среди других выделим Г.Е. Горбачева — важную партийно-идеологическую персону, мечтавшую затмить в текущей критике Троцкого после его падения на XIV съезде РКП (б). Именно с Горбачевым связана история элегии «До свиданья, друг мой, до свиданья...».

...29 декабря 1925 года вечерняя ленинградская «Красная газета» напечатала ставшие печально известными строки:

До свиданья, друг мой, до свиданья.

Милый мой, ты у меня в груди.

Предназначенное расставанье

Обещает встречу впереди.

Под стихотворением имя Сергея Есенина и дата:

«27 декабря». В дискуссиях «Убийство или самоубийство?» это послание играет важнейшую роль, приводя в смущение сторонников версии преступления. В большинстве своем авторы разоблачительных статей автографа (?) этой последней «песни» не видели, так как его до сих пор строжайше охраняют, и открывался он глазам исследователей (тех, кто оставил свои подписи) за 1930-1995 годы не более пятнадцати раз.

Историю появления «До свиданья...» поведали Вольф Эрлих и журналист Георгий Устинов (?). Суть ее такова: ранним утром 27 декабря поэт якобы передал первому из названных «приятелей» рукописный листок, попросив не спешить знакомиться с «подарком». «Стихотворение вместе с Устиновым мы прочли только на следующий день, — утверждал Эрлих. — В суматохе и сутолоке я забыл о нем». Последняя оговорка многих не только смутила, но и возмутила (например, Августу Миклашевскую, которой посвящено стихотворение «Заметался пожар голубой...»). Устинов (?) в «Красной газете» (1925, 29 дек.), то есть в день появления в печати «До свиданья...», сделал жест в сторону «Вовы»: «...товарищ этот просил стих (неграмотно. — В.К.) не опубликовывать, потому что так хотел Есенин — пока он жив...» Других свидетелей рождения элегии мы не знаем, но верить им, как уже было сказано, нельзя. Так и думали наиболее внимательные и чуткие современники. Художник Василий Семенович Сварог (1883-1946), рисовавший мертвого поэта, не сомневался в злодеянии и финал его представлял так (в устной передаче журналиста И.С.

Хейсина): «Вешали второпях, уже глубокой ночью, и это было непросто на вертикальном стояке. Когда разбежались, остался Эрлих, чтобы что-то проверить и подготовить версию о самоубийстве. „...· Он же и положил на стол, на видное место, это стихотворение — «До свиданья, друг мой, до свиданья...“. «...·

...очень странное стихотворение...» (выделено нами. — В.К.).

Пожалуй, профессионально наблюдательный Сварог во многом прав, за исключением соображения о демонстрации Эрлихом «убийственного» послания. В этом просто не было необходимости — «подлинника» никто из посторонних тогда не видел. Более того, мы склонны считать, что его не видел в глаза даже сам «Вова» — ему, мелкой гэпэушной сошке, отводилась роль механического рупора оповещения.

В газетах о стихотворении сообщалось сумбурно, авторы писали о нем всяк на свой лад. В «Последних новостях» (Париж. 1925. 30 дек.) в информации ТАСС от 29 декабря говорилось: «На столе найдено

начатое стихотворение, написанное кровью» (выделено нами. — В. К.). Тассовец, конечно, с чьих-то слов определил степень завершенности послания и, не видя его, дал ему «кровавую» характеристику. О неосведомленности журналиста свидетельствует и такая его фраза: «Поэту было только 22 года».

Заметьте: так же, как назойливо лжесвидетели «поселяли» Есенина в «Англетер», с такой же настырностью писаки сообщали о стихотворении «До свиданья...». Причем совершенно по-разному. Спешившая всех опередить вульгарная «Новая вечерняя газета» (ответственный редактор Я. Елькович) 29 декабря, когда еще полной согласованности в действиях убийц и их укрывателей не наметилось, информировала нейтрально: «На небольшом письменном столе лежала синяя обложка с надписью: „Нужные бумаги“ (сочинял, видно, какой-то канцелярист. — В.К.). В ней была

старая переписка поэта». Миф о предсмертном послании уже родился, но еще не обрел законченную форму.

Очевидно, более всего нашего читателя повергла в недоумение гипотеза о «забывчивом» Эрлихе, в глаза не видевшем адресованных ему строк. Ничего дерзкого в нашем предположении нет. Во-первых, откуда известно, что стихотворение посвящено «Вове»? От его сообщников по сокрытию правды о гибели поэта. Во-вторых,

«До

свиданья...» в виденной нами рукописи не датировано (в газетной публикации помечено: «27 декабря»). В-третьих, обратите внимание, Эрлих об элегии нигде не распространяется, и это говорит не о его скромности, а об отчужденности «милого друга» от кем-то (?) наспех сочиненного восьмистишия. «Вова» отличался крайним тщеславием, и непонятно равнодушие к стихотворению, удержавшему его на плаву известности.

Наконец, никак не мог Вольф Иосифович быть «в груди» у Есенина — знали они друг друга шапочно — всего несколько встреч.

Настаиваем: Эрлих «До свиданья...» увидел впервые уже напечатанным в «Красной газете». Элементарная логика подсказывает: он «забыл» его прочитать 27 декабря, так как читать было нечего; согласитесь, если бы послание (в «подлиннике») существовало в тот день, его бы показывали всякому встречному-поперечному, дабы, так сказать, документально закрепить версию о самоубийстве поэта. Однако все это догадки. Обратимся к фактам, которые лишь подтверждают нашу версию.

Сравнительно недавно удалось точно установить: рукописный экземпляр «До свиданья...» принес в Пушкинский Дом (ПД) 2 февраля 1930 года заведующий редакцией и отдела рецензий журнала «Звезда» Георгий Ефимович Горбачев (1897-1942). Есть основательное подозрение, — оформлял прием «автографа» новоиспеченный сверхштатный сотрудник ПД, он же работник ГПУ П. Н. Медведев. В учетных данных рукописного отдела ИРЛИ Пушкинского Дома есть пометка о передаче этого листка через Горбачева «от В. И. Эрлиха». Вот так Эрлих! Есенин посвятил ему последнюю исповедь своей души (допустим такое), тем самым обессмертив его, а «Вова» не нашел времени доехать от своего жилья (ул. Литераторов, д. 19, кв. 3) до Пушкинского Дома на набережной Макарова, — тем более он эти февральские дни находился в Ленинграде (это известно из его писем к матери).

Г.Е. Горбачев являл собой слишком большую комиссарскую персону, чтобы находиться у Эрлиха на побегушках. Фраза из анналов Пушкинского Дома — «от В. И. Эрлиха» — лишь вынужденная дань легенде, по которой ему назначалась роль адресата «есенинского» послания.

Так как наше расследование приняло неожиданный оборот, расскажем о Горбачеве подробнее (мы нашли его «личное дело», анкеты, различные протоколы, фотографии и пр.).

Георгий Ефимович Горбачев родился в Петербурге в семье чиновника и акушерки. Девятнадцатилетним он, молоденький юнкер, щеголял в меньшевиках-интернационалистах. В июле 1917-го участвовал в «репетиции Октября», когда, по договору с немцами, петроградские большевики ударили в спину русской армии, сорвав ее наступление, запланированное на 5 июля. Вместе с Троцким, Луначарским, А. Коллонтай и другими (всего 141 человек) Горбачев попал в тюрьму за организацию военного мятежа и убийство более 700 казаков и мирных жителей (Ленин вместе с Зиновьевым скрылся в Разливе). А.Ф. Керенский, заигрывавший тогда с большевиками, многих государственных преступников выпустил из каталажки под денежный залог. В сентябре 1917-го освободился и Горбачев. В 1918 году он секретарствовал в петроградском рабочем клубе имени Бабеля, в 1919 году вступил в партию. Далее следует его быстрая комиссарско-чекистская карьера: сотрудник для поручений Политуправления Петроградского военного округа (ПВО), начальник Политотдела, заместитель начальника Политуправления ПВО, заместитель начальника ПУОКРА и т.д. По совместной работе (1920 г.) в агитотделе Петроградского губкома РКП (б) хорошо знал многих лиц, причастных к сокрытию «тайны Есенина».

Непосредственно по приказу Троцкого Горбачев вместе с другими «кожаными куртками» организовывал в 1921 году кровавое подавление Кронштадтского восстания. Энергичный, нахрапистый демагог, он успевал всюду: на партийной работе (одно время секретарствовал в Василеостровском райкоме партии), в лекционной пропаганде, на марксистских педагогических курсах и т.д. Как он учился в Петроградском университете (окончил его в 1922 г.), можно легко догадаться, — как все революционеры-недоучки. У него была страсть к коммунистическим поучениям: в 25 лет уже преподавал в «университете им. Зиновьева», в политической академии им. Толмачева и в других вузах. В том же духе ретиво воспитывал он двух сыновей и дочь.

Когда под ударами Сталина после XIV съезда РКП(б) поджигатели мировой революции получили крепкого пинка, Горбачев, один из них, пристроился в Ленинградское отделение Госиздата под начало директора Ильи Ионова, собиравшего вокруг себя осколки троцкистской гвардии. С сентября 1925 года работал в редакции журнала «Звезда», где занимал ведущее положение, сохраняя старые партийно-гэпэушные связи. Его слова боялись. По воспоминаниям Иннокентия Оксенова, Горбачев не возражал против публикации в газетах честных статей о смерти Есенина, но-де всемогущий Лелевич-Калмансон из Москвы одернул ленинградских литераторов. Думаем, эту «утку» пустил сам Горбачев, с помощью своих дружков из Политконтроля ГПУ наложивший вето на малейшую правду о трагедии в «Англетере». Не случайно именно из «Звезды» пошла гулять по Ленинграду весть о

самоубийстве Есенина.

С 1927 по 1932 год Горбачев бился за свое восстановление в партии. В первый раз его исключили из ВКП(б) 14 декабря 1927 года на заседании Василеостровского районного комитета, как сказано в протоколе, «...за активную фракционную работу, выразившуюся в распространении оппозиционной литературы, посещении фракционных занятий, даче подписей под платформой и заявлением 83-х и пр.». Далее в том же документе читаем: «Оппозиционную работу вел с XIV съезда, систематически получал информацию от (С. М.) Гессена и Евдокимова и передавал другим членам партии. Выступал на собраниях коллектива, писал резолюции, давал адреса к Зиновьеву и Троцкому и пр.».

Горбачев не примирился с исключением из партии, но вынужденно приоткрыл-таки завесу своей закулисной деятельности. 18 февраля 1928 года он покаялся, назвал троцкистов-сообщников: Куклина, Нотмана, Н. и С. Отрожденовых, Лукаса и др. Признался: «Передавал Нотману полученные оппозиционные документы (позже заявление ЦК за подписью Троцкого и Зиновьева и др.). Был раза два или три на квартире Зиновьева на 11-й роте, однажды давал адрес и пароль для прохода туда оппозиционерам из ЛГУ».

Признания Горбачева учли, в 1929 году он вновь стал коммунистом, но в 1931 году «погорел», однако через год все-таки получил красную книжечку. 21 июня 1933 года на Пленуме ЦК ВКП(б) специально слушалось его «дело» и утверждалась характеристика. В ней сказано: «Один из организаторов „Литфронта“, являвшегося отображением троцкистских теорий в литературе...»... объективно агентурой контрреволюционного троцкизма на литературном участке. После разоблачения Ломинадзе, Кострова и др., а также покровителя „Литфронта“ — Сырцова борется за его ликвидацию...»

В наше время предателя России в июле семнадцатого, душителя восставших кронштадтских матросов в двадцать первом, вдохновителя расстрелов в 20-х годах, пропагандиста террора в литературе наши новые «гуманисты» возводят в герои (см. сб.: Распятые. Вып. 1. М., 1993; составитель З. Дичаров). Лучше бы им заглянуть в архивные «святцы».

Итак, рукописное «До свиданья...» явилось на свет из рук человека, близкие единомышленники которого, несомненно, причастны к злодеянию в «Англетере». Уже одно это обстоятельство заставляет внимательно взглянуться в каждую букву трагического послания.

Для сравнения почерка руки автора «До свиданья...»мы положили рядом подлинный автограф тематически родственного стихотворения к строкам Есенина «Гори, звезда моя, не падай...».

Я знаю, знаю. Скоро, скоро,

Ни по моей, ни чьей вине

Под низким траурным забором

Лежать придется также мне.

Первое, на что невольно обращаешь внимание, — буквы «До свиданья...» крупнее, чем в стихотворении «Гори, звезда моя...». Смотрим другие есенинские автографы: действительно, букочки помельче; в «англетеровской» элегии какая-то показная каллиграфия. Сопоставляем написание букв: заметная разница в начертании Д, Н, С, Е, О, Я. И нет в сомнительном

автографе какой-то неуловимой мягкости, детской округлости и непосредственности буковок-букашек несомненного подлинника.

Известно, каллиграфию поэта аттестовал Д.М. Зуев-Инсаров в своей спекулятивной книжке «Почерк и личность» (М., 1929). «Предсмертное письмо (стихи) Есенина характерно выраженным центростремительным направлением строк, — писал явно близкий к Лубянке спец, — что указывает на депрессивность и подавленность состояния, в котором он находился в момент писания». Даже беглого, внешнего взгляда на «До свиданья...» достаточно, чтобы не поверить «эксперту». Он назойливо подгоняет свою трактовку почерка поэта под схему «есенинщины» и договаривается до такого вывода о «подопытном»: «Сердечности в натуре мало». Комментарии излишни. Указанная книжечка более интересна для нас одним примечанием: «Исследование почерка Есенина сделано мною

за несколько дней до его трагического конца (выделено нами. — В.К.) по просьбе ответственного редактора издательства «Современная Россия», поэта Н. Савкина».

Николай Петрович Савкин — фигура в есенинском «деле» любопытная, но, конечно, не как жалкого стихотворца и редактора вычурной имажинистской «Гостиницы для путешествующих в прекрасное» и т.п., а как человека, часто мельтешившего вокруг Есенина. В ноябре 1925 года он появлялся вместе с поэтом в Ленинграде.

Есенина он ненавидел. Однажды поэт писал сестре: «Передай Савкину, что этих бездарностей я не боюсь, что бы они ни делали. Мышиными зубами горы не подточишь». В контексте таких враждебных отношений интерес Савкина к почерку Есенина не может не настораживать.

Почерковедческую экспертизу «До свиданья...» проводил (1992 г.) криминалист Ю.Н. Погибко (почему-то не оставил в сопроводительном листке к «есенинскому» автографу своей подписи). Его крайне сомнительный вывод: «Рукописный текст стихотворения... выполнен самим Есениным»[14]. Далее мы увидим, что «слона-то он и не приметил». С некоторыми документами («акт Гиляревского» и др.) работала Н.П. Майлис, но она не удосужилась, к примеру, даже сравнить подлинный почерк судмедэксперта с подделкой.

Принципиальный вопрос: кровью написано «До свиданья...» или нет? Почему канд. медицинских наук Т. В. Стегнова проводила экспертизу одна? Миллионы людей волнует более чем загадочная смерть русского поэта; требуется объективное и независимое криминалистическо-научное исследование «До свиданья...», а столь ответственное дело поручают неизвестно кем назначенной «единице». Разве это не тенденция и не пренебрежение общественным мнением? И разве нельзя было определить группу крови и другие специальные показатели (например, резус-фактор) «автографа» и сравнить их с признаками крови Есенина (он не раз лежал в больницах Москвы и некоторых клиниках Европы, и установить тождественность или разнохарактерность соответствующих данных вполне возможно).

О том, насколько поверхностна и небрежна экспертиза вызывающей спор элегии, свидетельствует следующий факт: вверху,

над строчками псевдоавтографа «До свиданья...», нарисована... голова свиньи — искусный такой рисуночек (мы его разглядывали вместе с научными сотрудниками Пушкинского Дома в сильную лупу); уши тонированы вертикально, а морда хрюшки — горизонтально — на нечаянную кляксу никак не похоже. К этому кощунственному графическому шедевру годится для иллюстрации стихок Вольфа Эрлиха «Свинья»(1929?), в котором есть примечательная строфа:

Припомни, друг: святые именины

Твои справлять — отвык мой бедный век;

Подумай, друг: не только для свинины

И для расстрела создан человек.

Про какие «святые именины» говорит Эрлих? Вопрос не риторический... Есенина убили в поздний предрождественский вечер, 27 декабря.

«До свиданья...» требует специального и тщательного стилистического анализа. Ограничимся двумя принципиальными замечаниями. Канцелярское выражение «Пред-на-зна-чен-но-е расставање...» явно не есенинское, как и «...без руки и слова...». Поищите в его собрании сочинений — не найдете ничего подобного. Да и все восьмистишие, на наш взгляд, интонационно чуждо Есенину. В стихотворениях-предчувствиях на ту же тему, как правило, трогательная задушевность соединяется с «хулиганским» озорством («Любил он родину и землю, // Как любит пьяница кабак...» и т.п.). «До свиданья...» же звучит заданно погребально, в нем чужая, не есенинская музыка.

И последнее: мотив смерти, как известно, традиционен не только в русской, но и в мировой поэзии; даже если представить, что «До свиданья...» принадлежит Есенину (мы в это не верим), сие ничего не доказывает. Искреннейший и самый, пожалуй, культурный друг поэта, эстет Иван Грузинов, 25 декабря 1925 года написал:

Осень. Глушь. Шагаю наугад...

Запах смол. Лопаты мерный стук.

Упаду, затягивая петлю.

Мать-земля! Зерном не прорасту.

Звездочку над полем не затеплю.

(Памяти Сергея Есенина. М., 1926).

И, слава Богу, еще долго здравствовал.

Завершим перечень лжесвидетелей и лжеопекунов Есенина.

В декабре 1925 года объявился еще один — чуть ли не лучший друг поэта — издатель Илья Ионович Ионов (1887-1942?), проявивший внешне большую заботу о его посмертном пути из Ленинграда в Москву (хлопоты в Доме писателей, речь при прощании с телом покойного на железнодорожном вокзале и пр.). Многие видимые, а еще более невидимые нити соединяют этого психически неуравновешенного и капризно-грубого человека (свидетельства журналиста Ивана Майского и Максима Горького) с загадкой происшествия 27 декабря. Его чрезмерная суэта вокруг гроба поэта, бесцеремонно взятая на себя роль его ближайшего друга, тесная связь с «засветившимися» покрывателями убийства (Г.Е. Горбачев, П.Н. Медведев, С.А. Семенов и др.), наконец типичный драматический финал вечно интригующего

троцкиста увеличивают интерес к этой личности.

Ионов одно время работал наборщиком в типографии; недоучка, как и большинство пламенных революционеров (один курс художественного училища). Под влиянием брата, Бернштейна Соломона Шмеловича (так в старом справочнике), рано бросился в революционный террор; с 1904 года — член РСДРП, боевик, в 19 лет осужден военно-окружным судом, познал каторжные тюрьмы (Псков, Шлиссельбург, Орел, Нарым). В одной из своих брошюр восхищался лично знакомым ему по заключению в Шлиссельбургской крепости В.О. Лихтенштадтом (Мазиним), террористом, изготовившим (по его собственному признанию) в августе 1906 года бомбы для покушения на Столыпина (на даче премьер-министра взрывами бомб было убито более 25 и ранено свыше 30 человек; малоизвестный факт: в 1909 году в устройстве побега из каторжной тюрьмы Н. С. Климовой, одной из организаторов теракта на Аптекарском острове, участвовал поэт В. В. Маяковский). В 1907 году Ионов нелегально поселился в Петербурге, но скоро был арестован и пошел вновь по каторжному кругу. После 1917 года возглавлял издательское дело в Петрограде.

Любопытна новая деталь: в начале 20-х годов Ионов (в прошлом наборщик) в качестве коммуниста-пропагандиста в 1922 году состоял на партучете на Печатном Дворе — не он ли сагитировал наборщика Николая Горбова поступить на службу в Активно-секретное отделение УГРО? Если гипотеза подтвердится, появится еще одна ниточка криминальной связи рыцарей троцкистского плаща и кинжала.

Ионов охапками писал барабанно-революционные стихи (в 1926 г. — автор трех сборников); движение лирической страсти подменял энергией интерфанатизма. Его опусы в одном ряду с «железной» стихопродукцией 20-х годов. Два примера по одной строфе из двух его поделок:

Когда на нас враги точили

Исподтишка свои ножи,

Мы святотатственно разбили

Законов древних рубежи.

«Коммунисты»

Глашатай пламенной свободы,

Он с нами до сих пор живет

И восстающие народы

В даль бесконечную зовет.

«Володарский».

Автор этих тирад — видная партийная персона Ленинграда (переписывался с лично ему знакомым Лениным), шурин Г. Зиновьева (Радомысльского), здешнего советского хозяина

(сестра бывшего каторжника — Злата Лилина — символ местного политпросвета — его жена). Нет, никак сей товарищ не мог быть другом Есенина, о чем трещали в декабрьские дни ленинградские газеты.

Завершая беглый эскиз портрета буйного в политике и крайне скрытного человека, поделимся двумя принципиальными соображениями. Первое: после XIV съезда РКП(б), когда позиции «старой партийной гвардии» пошатнулись и ее представители стали приискивать новые теплые местечки, Ионов пригрел в Госиздате многих из тех, кто заметал следы убийства Есенина. Второе: в одном из архивов сравнительно недавно исчезло уголовное «дело» ИONOва, которое КГБ передало туда за ненадобностью на хранение.

Настоящую главу закончим неожиданной «новостью». Оказывается, Лев Разумникович Иванов (р. 1904), сын критика и историка литературы, «скифствующего» Р. В. Иванова-Разумника (последнему Есенин одно время поклонялся), в Гражданскую войну служил в войсках ВЧК, являлся заместителем секретаря политшколы ВЧК им. Энгельса в Петрограде, а с 1923 года трудился в Лениздате под началом все того же ИONOва. Эти сведения взяты из разысканной нами его «Анкеты». Есть над чем поразмыслить. Конечно, отец за сына не ответчик, однако уж очень «крутой» поворот сюжета. Впрочем, может, и не столь дивный, если знать, что Разумник Васильевич проявлял милостивое внимание к масонству — это видно из его неопубликованных писем к Михаилу Лемке. К чести «скифа», позже он прозрел, порвал с большевизмом, достойно вел себя на допросах следователей НКВД (их протоколы нам известны по оригиналам), написал о своих мытарствах и скитаниях правдивые книги. Где-то затерялись его воспоминания о Есенине, о чем свидетельствует письмо критика к В. Бонч-Бруевичу. Неужели и этот близкий поэту и неглупый человек верил в казенный миф о его самоубийстве?

ГЛАВА VI

ЧЕКИСТЫ В БЕЛЫХ ХАЛАТАХ

Вольно или невольно врал, конечно, Валентин Вольпин в есенинской «Памятке». Действительная хроника англетеровских событий выглядела, по-видимому, следующим образом: убийство поэта на последнем допросе в доме по проспекту Майорова 8/23 — перетаскивание тела в соседнюю гостиницу — срочный вызов в «Англетер» коменданта — организация кровавого театра с самоубийством — телефонный звонок Назарова в милицию — приезд агентов Активно-секретного отделения УГРО — составление фальшивого протокола Горбовым — прибытие «скорой помощи» — отправка трупа в Обуховскую больницу.

Теперь приглядимся к одному из малоизвестных звеньев кровавой цепи — «скорой помощи». Первым это ранее недостающее звено обнаружил есениновед Эдуард Хлысталов. Он поведал о московском враче Казимире Марковиче Дубровском, публично признавшемся, что 28 декабря 1925 года он, тогда брат милосердия станции №2 ленинградской «неотложки», выезжал в «Англетер» и помогал констатировать смерть Есенина. Правда, начинающий эскулап утаил свое сотрудничество с «органами». Мы проверили по остаткам архива «Скорой» сообщение Э. Хлысталова. Подтвердилось! Заведующий ленинградской «Скорой помощью» Меер Абрамович Мессель 8 января 1926 года издал приказ №34, его четвертый параграф гласил: «Полагать больным брата милосердия станции №2 Дубровского Казимира с 8 января. Справка: донесение по станции №2 на 8 января». Параграф третий того же приказа удостоверяет: «братец» и до официального разрешения заведующего уже на работе не появлялся, а с 13 января его продолжал замещать сотоварищ Бунин. За усердие и молчание

Дубровскому, видимо, позволили отдохнуть и подкрепить разгулявшиеся нервишки.

Милосердный «брат», разумеется, выезжал в гостиницу не один, а сопровождал какого-то врача. Кого? Пришлось вновь погрузиться в старые архивные залежи и попытаться «вычислить» потенциального чекиста в белом халате.

В конце 1925 года на станции №2 ленинградской «Скорой помощи» работали врачи: Г.П. Благовещенский (заведующий), Н.В. Балдин, М.М. Волк, Г.Б. Горенштейн (Геренштейн), О. И. Торкачева. Подозрение падает на троих из них. Почему-то из архивного хранения изъяты «личные дела» Марии Матвеевны Волк и Григория Борисовича Горенштейна — факт настораживающий. Согласны: доказательства шаткие. Третий в нашем списке — Николай Владимирович Балдин — представляет больший интерес. В сохранившейся «Алфавитной книге врачей» Ленинграда, кроме прочего, указана его временная должность: врач медпункта типографии им. Володарского, а здесь на партийном учете стояло не одно лицо, причастное к «тайне „Англетера“». В 1925 году Балдин жил на „чекистской“ Комиссаровской улице (д. №55), позже (1928-1929 гг. — точно) в квартире №119 по улице Красных зорь, 26/28, — в том самом партийном доме, где отдыхал от трудов несправедливых второй в Ленинградском ГПУ человек, Иван Леонтьевич Леонов, которого мы уже представляли. Соседство с ним само по себе показательно — далеко не каждый удостоится такой чести (напомним, в том же доме жил С. М. Киров). Предполагаем, Леонов лично не отдавал приказ Балдину „не поднимать шума“ при виде ужасной картины в 5-м номере „Англетера“, но рекомендовать кому-то включить его в спецбригаду „Скорой помощи“ он, полагаем, мог. Кому?..

Первое, что приходит на ум, — главному врачу «Скорой помощи». Он-то в первую очередь мог, кстати, сформировать нужную для «дела» бригаду «тишайших» медиков. Ищем какие-либо биографические сведения о главвраче М. А. Месселе. Его фамилия и служебная обязанность, как и тысяч других, открыто обозначены в справочной книге «Весь Ленинград — 1925».

И вот наконец-то найдены «Анкетные листы» (1937, 1940) и прочие документы заинтриговавшего нас эскулапа. Из них узнаем: Меер Абрамович Мессель родился в 1893 году в городе Петрозаводске Олонецкой губернии. Отец владел портняжной мастерской, мать — модистка, имела шляпный магазин. Учился вначале Меер Мессель в Петербургском психоневрологическом институте, затем в Юрьевском университете. В его «Автобиографии» (1937) записано: «С 1918 и до 1923 года служил на фронтах в Красной Армии (Мурманский фронт, Южный фронт, под Перекопом)». Далее, там же, настораживающая пометка: «Начальник 171-го эвакуационного пункта VI Армии (Южный фронт)». Эта должность, как нам известно, — чекистская. Многозначительна следующая строчка: «Начальник санитарной части южной завесы войск ГПУ Карельского района». Явно тянуло нашего доктора к тайному учреждению. В 1922-1923 годах он — старший врач 2-го Петроградского конвойного полка войск ГПУ (в другом документе указан 3-й полк, с которым были связаны критик-чекист П. Н. Медведев, подмахнувший милицейский протокол, и другие замешанные в есенинском «деле» лица).

Оставаясь охранителем здоровья гэпэушников, Мессель с сентября 1922 года возглавлял петроградско-ленинградскую «Скорую помощь». Его вполне можно назвать чекистом в белом халате. Такой служака наверняка имел связь с начальником Секретной оперативной части (СОЧ) ГПУ И. Л. Леоновым и по его сигналу (или чьему-то другому) отправил в «Англетер» «своих» людей.

Так замыкается еще одно подозрительное звено. Чекистская «скорая» промчалась по улицам Ленинграда более 70 лет назад, но только сегодня обнаруживается ее кровавый след.

...28 декабря в 16 часов тело поэта было доставлено в Обуховскую имени профессора Нечаева и в память жертв 9 января 1905 года больницу. Здесь, говорят газеты, состоялась

судмедэкспертиза тела покойного. Доказано: судмедэксперт А.Г. Гиляревский вскрытие не производил, во всяком случае известный архивный акт на эту тему — фальшивка. Мы не удивимся, если кто-нибудь докажет, что вскрытия трупа вообще не было. (Есенин, судя по всему, подвергался чудовищным побоям, и уже внешний осмотр позволил бы зафиксировать надругательство.)

Правду мог знать главный врач Обуховки Виктор Романович Штюллерн, работавший здесь с 1897 года. Но вскоре после описываемой трагедии он внезапно заболел и в сентябре 1926 года умер[15]. Еще в большей степени, по службе, мог быть хоть как-то посвящен в секрет старший прозектор больницы Вячеслав Николаевич Лукин, но каких-либо «ниточек» обнаружить пока не удалось. Архив Обуховки за 1925 год почти полностью уничтожен (увы, такая же картина документального разорения и по многим другим ленинградским организациям и учреждениям той смутной поры).

Добавим еще один темный «медицинский» мазок. Кто только не упражнялся в очернении поэта: политики, критики, журналисты, разная мелкая мемуарная братия... Многие из них только тем и зацепились в истории, что твякнули раз-другой на покойного «Сережу». Но, пожалуй, больше всех изгалялся некий заезжий (1911 г.) из Швейцарии (проездом в Цюрих) психиатр Иван Борисович Талант (под этим именем он фигурирует в современной литературе о Есенине. В 1926 году он опубликовал в «Клиническом архиве» (Л. Т. 11. Вып. 2), наверное, самую грязную в истории психиатрии статью «О душевной болезни Есенина». В ней такие выражения: «величайший лирик пьянства», «...остается удивляться поистине пьяной любви поэта к зверям и всякого рода скоту», «...распад, расщепление личности» и т.п. (Есенин признавал абсолютно здоровым всемирно известный французский психолог Пьер Жане).

Автор этих и многих других гнусностей приседал на цыпочки перед Леопольдом Авербахом, приятельствовал с небезызвестным рифмоплетом Александром Крученых, заполонившим своей антиесенинской «продукцией» (так он именовал жанр своих злобных брошюр) нэпмановский книжный рынок. Но Бог с ним, с этим околотелитературным шулером, вернемся к Евгению Яковлевичу Голанту — никакой ошибки! — так его правильно именовать. Сей жулик от науки, оказывается, одно время обретался в Ленинградском педагогическом институте им. Герцена. Что примечательно — штатным доцентом вчерашний «профессор» утвержден 1 сентября 1929 года, когда троцкистские крысы побежали из своих насиженных нор в спасительные теплые углы. В Ленинграде жила сестра Голанта, — тоже психиатр[16], — видимо, она и порадела братцу, — не исключено: редактировала его «трактаты» в «Клиническом архиве», собрание выпусков которого представляет почти всю русскую литературу сумасшедшим домом.

Отыскалось и небольшое «дельце» Е.Я. Голанта. В нем есть любопытная пометочка: «1918-1920 г. Внешкольн. п/о, криминол.», что, очевидно, расшифровывается как занятие сииим мужем в некоем специальном подотделе криминологией.

В 1933 году в пединституте им. Герцена Е.Я. Голант исполнял обязанности заведующего кафедрой педагогики, но студенты почему-то не замечали его ума и познаний и протестовали против его лекций (это во времена-то всеобщего послушания); в ту пору профессиональный лжец пропагандировал псевдонауку педологию, и на одном из собраний (2 апреля 1937 г.) директор института Н. И. Стриевская, разгромив новомодный абстрактный зуд, сказала о Голанте: «...редко бывает в институте, мало и плохо работает». И добавила: «Поменьше бы каялись, побольше бы работали...» Типичный негодяй своего времени, за свои мерзости наверняка «пострадал», позже за подлость реабилитирован... — скучно на этом свете, господа.

ГЛАВА VII

ОН СТОРОЖИЛ ТЕЛО ПОЭТА

«Не в припадке увлечения, а совершенно сознательно говорю, что после Демьяна Бедного и Маяковского Вы

более, чем кто бы то ни было (выделено автором. — В.К.) из наших поэтов, послужили пером революции впервые годы вооруженной борьбы, годы смертельной опасности, когда «смена вех» была не выгодным, а весьма рискованным делом» (рукопись, архив Пушкинского Дома).

Такую высокую оценку творчества Василия Васильевича Князева (Седых) дает в начале 30-х годов вульгарный критик — социолог Л.Г. Калмансон, более известный под псевдонимом Лелевич, — второй после Сосновского ненавистник Есенина. В тот период общественно-политические координаты сместились: самого Лелевича исключили из партии, он уже не комиссарил в советской печати как прежде, наводя страх на литераторов-попутчиков и всех недостаточно покрасневших авторов. А еще недавно этот новоявленный Писарев с партбилетом делал политику в литературе, нещадно хлестал в газетах и журналах писателей, используя методы «опертроек», председателем одной из которых он был в Гражданскую войну.

К тому времени сошла на нет и сомнительно-шумная известность Красного Звоняря — под таким псевдонимом любил выступать Василий Князев, сочинитель бойких стихотворных фельетонов, большевистских агиток и безбожных куплетов. Он вполне подходящий прототип Ивана Бездомного из «Мастера и Маргариты» Булгакова, но, в отличие от художественного персонажа, никогда не сомневавшийся в своем поэтическом таланте.

Князев пел оды коммунистам далеко не бескорыстно. По воспоминаниям современников, он мог зарифмовать любой «социальный заказ» и сшибал в редакциях не без помощи всемогущего Зиновьева наивысшие гонорары.

После XIV съезда РКП(б) и особенно после 1929 года Князева, пропагандиста красного террора и мировой революции, выставили на задворки литературы, против чего он горлодерски возмущался, кроя на всех углах Сталина. «Ваша судьба, — писал ему в тот период его друг Лелевич, — вызывает во мне целый взрыв возмущения. — И успокаивал: — ...Крепись! Классовая и неотделимая от нее историческая справедливость возьмет свое!» («Справедливость» сей «неистовый» ревнитель 20-х годов понимал как обязательное собственное господство.) По закону нравственного возмездия, в 1937 году пришел черед Красному Звонярю отвечать за рифмованные призывы к кровавому насилию и отрицание всего святого. Разумеется, позже нашлись духовные родственнички Князева-Шарикова и Лелевича-Швондера, реабилитировавшие своих предшественников.

Теперь, надеемся, понятно, почему в ночь с 28 на 29 декабря 1925 года Князев сторожил тело Есенина в морге Обуховской больницы на Фонтанке. Здесь-то он сочинил пространное стихотворение (опубликовано в ленинградской «Новой вечерней газете»). Из этого опуса часто цитируют следующую строфу:

В маленькой мертвецкой, у окна,

Золотая голова на плахе.

Полоса на шее не видна —

Только кровь чернеет на рубахе.

Четверостишие обычно приводят как деталь — аргумент в пользу версии убийства Есенина. Меж тем все стихотворение говорит как раз об обратном. Не мог Князев разделять мнения о насильственной смерти поэта. Не для того он был приставлен цепным псом у заледенелого тела. Подпись под элегической балладой («Живший его стихами») насквозь лицемерна. Никогда Князев не сочувствовал таланту Есенина и близких ему крестьянских поэтов — достаточно прочитать его пышущую к ним ненавистью книжку «Ржаные апостолы...», в которой он «стирает в порошок» Николая Клюева и его собратьев по перу, глумится над Россией и поет дифирамбы кровожадному Интернационалу.

«Все мы труп бесценный охраняем», — пишет странный ночной сиделец. С какой целью? — задаем мы резонный вопрос. Почему на роль сторожа выбран не какой-нибудь служитель прозекторской (здесь работали восемь человек), а заботливо опекаемый партцарьком Зиновьевым преданный ему бард?

Проверка показала: Князев действительно провел ночь в морге Обуховской больницы. В том же стихотворении он пишет: «Вон Беляев... кровью залит весь...» К трупу была прикреплена бумажка с фамилией страдальца. В ленинградской газетной хронике происшествий мы нашли заметку, сообщавшую о подростке Александре Беляеве, зарезанном трамваем в процессе его неудачной попытки вскочить на ходу на подножку. Так что Князев и вправду дежурил у тела убиенного Есенина.

Какой-то абсурд в стиле Гойи. Он присутствует во всей англетеровской истории: в контрольно-финансовых списках жильцов гостиницы фамилии Есенина нет, но его упорно в нее «поселяют»; ванны в 5-м номере нет (сохранилась инвентаризационная опись «Англетера», март 1926 г.), но воспоминатели «затаскивают» в нее поэта да еще присочиняют для пущей убедительности скандальный сюжетец с подогреваемым без воды котлом; милиционер, вчерашний наборщик солидной типографии, прошедший комиссарскую выучку и экзамен секретно-оперативной школы, составляет полуграмотный «акт» и дает его на подпись явно избранным понятием; следственный фотограф почему-то устраняется, а на его месте в злосчастном 5-м номере тут как тут придворный кремлевский мастер Моисей Наппельбаум, влюбленный в Свердлова и Дзержинского и «кстати» пожаловавший из Москвы; тело поэта еще не остыло, нет еще результата судмедэкспертизы, а ленинградские газеты наперегонки сообщают о самоубийстве, наконец — исчезают многие важнейшие документы есенинского «дела», как будто речь идет о зауряднейшем несчастном, а не о европейски известном человеке, стихи которого уже при жизни переводились в двадцати странах.

Однако пора давать ответ на поставленный выше недоуменный вопрос, связанный с ночным доброхотом. Василий Князев сторожил тело Есенина по чьему-то прямому приказу, а не по своей воле и душевному порыву (такового у него просто не могло быть). Здесь «темные силы» явно перестарались с подстраховкой; Красному Звонарю надо было бы помалкивать о щекотливом поручении, а он, томимый зудом версификаторства и гонорара, раззвонил на весь Ленинград. Не ошибемся, если предположим, что Князев выполнял в ГПУ роли самого дурного свойства (о его подобной склонности пишет в мемуарах хорошо его знавший по работе в «Красной газете» литератор А. Лебедеенко, приятель К. Федина).

Прослеживается связь Князева с чекистами-сексотами и даже непосредственно с ведомством ГПУ. 1 ноября 1924 года на заседании бюро коллектива 3-го Ленинградского полка войск ГПУ рассматривалось его заявление о восстановлении в партии (очевидно, как лицо «свободной профессии», он стоял на учете в этом полку). В тот день парторг Василий Егоров просьбу Князева отклонил — «в виду его неразвитости» и потери связи с организацией с 1922 года. Удивляться такой резкой оценке «горлана-главаря» не следует, он, самоучка, умел лишь бойко слагать звонкие рифмы, книг же читать не любил. Прижимистый в деньгах, подолгу не

платил партвзносов. Из протоколов собраний сотрудников «Красной газеты», где он печатался, известно, что в феврале — августе 1924 года (полгода) сей зиновьевский певчий не заплатил в партийную кассу ни копейки, хотя только в феврале того же года его заработок составил 259 рублей 68 копеек, а это месячный оклад советского чина губернского масштаба.

В протоколе №100-б заседания комиссии РКП(б) Центрального района (1924 г.) по идеологической проверке сотрудников «Красной газеты» о Князеве сказано: «Недисциплинирован. Член партии с уклоном к рвачеству. В партии является балластом». Позже, как видим, он пытается получить партбилет в чекистской организации, но и там ему это тоже не удалось.

Цель палачей и их порученца в морге Обуховской больницы: не допустить к осмотру тела поэта ни одного человека, ибо, повторяем, сразу же обнаружались бы страшные побои и — не исключено — отсутствие следов судмедэкспертного вскрытия. Поставленную передним кощунственную задачу негодяй выполнил — не случайно в 1926 году его печатали как никогда обильно. Иуда щедро получал свои заработанные на крови сребреники. Другого объяснения странного дежурства в мертвецкой стихотворца-зиновьевца трудно найти.

В одном из питерских архивов мы два года добивались «личного дела» Князева. Так и не добились...

В заключение сюжета о стороже изувеченного, как мы полагаем, тела Есенина две цитаты. Одна из стишка Князева «Откровение Муссолини», обыгравшего фразу итальянского фашиста о попечении Иисуса Христа над здоровьем ближних. Автор — конечно же пылкий интернационалист и безбожник, — потешаясь, заключает:

И доселе всякий знает

От Читы и до Ростова, —

На ослах лишь выезжает

Церковь кроткая Христова.

(Выделено самим сочинителем-похабником; вечерний выпуск «Красной газеты», 1927, №70.)

В ответ красногазетчику по почте пришла следующая эпиграмма с примечательной анонимной подписью:

Циничен, подл, нахален, пьян

Средь подлецов, убийц и воров

Был до сих пор один Демьян —

Ефим Лакеевич Придворов.

Но вот как раз в Великий пост

Из самых недр зловонной грязи

Встает еще один прохвост —

«Поэт шпаны» — Василий Князев.

Не Есенин

Вероятно, подпись не случайна. Аноним, может быть, что-то знал о кощунственном задании Князева в мертвецкой Обуховской больницы.

В 1937 году Красного Звоняра расстреляли по статье 58-10. Реабилитирован в 1992 году. Жаль, что тогда расхожая формула «антисоветская пропаганда» не комментировалась. Он всю жизнь был ярким советским пропагандистом, только в Кремле хотел видеть не диктатора Сталина и его окружение, а Троцкого, Каменева, Зиновьева и им подобных.

Часть 2

ГЛАВА VIII

МАТРОС-БОСЯК И ЕГО ПРИЗРАК

В начале ноября 1925 года Есенин спешно приезжает в Ленинград, встречается здесь с другом, партработником Петром Ивановичем Чагиным, и своим давним знакомым, журналистом Георгием Феофановичем Устиновым (1888-1932). Надо помнить, поэту в то время угрожали судом, и поездка, очевидно, носила отнюдь не развлекательный, а — можно выразиться — разведывательный характер. Есенин явно нервничал, вероятно, наводил какие-то справки, с кем-то встречался. Вряд ли он намеревался перекочевать в Ленинград — его бы «достали» и здесь. О будущем назначении симпатизировавшего ему С.М. Кирова и любившего его П.И. Чагина он вряд ли знал. О перемещении их из Азербайджана в Ленинград стало известно лишь в конце декабря. Настроение у Есенина было крайне пасмурное (об этом пишет в своей книге фотографировавший его в ноябре Моисей Наппельбаум). С Вольфом Эрлихом в тот раз он встречался, но близко не общался и не давал ему никаких серьезных поручений. В Ленинграде жили более близкие Есенину люди, и в свете этого его декабрьская телеграмма Эрлиху с просьбой о снятии квартиры неожиданна...

Что же заставило его внезапно броситься в город на Неве?

...В начале сентября 1925 года он ехал с Софьей Толстой в поезде Баку — Москва и наверняка вспоминал гостеприимный азербайджанский кров Чагина. Издатель Иван Евдокимов требовал его возвращения в столицу, в противном случае грозил расторгнуть договор на выпуск его собрания сочинений.

6 сентября произошла проклятая неприятная история. Оставив жену в купе, Есенин направился в вагон-ресторан, но чекист-охранник, ссылаясь на приказ начальства, преградил ему дорогу. Есенин вспылал. Услышав перебранку, дипкурьер Альфред Мартынович Рога (49 лет) принялся нудно воспитывать несдержанного пассажира. Он узнал его, и ему, очевидно, доставляло удовольствие прочитать знаменитому поэту нотацию, тем более, если не

ошибаемся, он сам пописывал вирши и не прочь был «дать урок» буяну-попутчику. Кстати, стихотворца по фамилии Рога нахваливал Вл. Маяковский на одном из заседаний Комакадемии в 1926 году.

Разгорелся скандал. Рога привлек к «делу» ехавшего в том же вагоне врача Юрия Левита, тогда начальника отдела благоустройства Моссовета. Эскулап-коммунальщик, видимо, чувствовал себя уверенно и видел в Есенине если не слесаря-водопроводчика или истопника, то уж никак не европейски известного поэта. Левиту покровительствовал «сам» Лев Каменев, проча его кандидатуру в наркомы здравоохранения Закавказской республики. Левит, вряд ли знакомый с понятием «такт», отправился в есенинское купе на предмет обследования психического здоровья «скандалиста». Легко представить, как последний реагировал на бесцеремонную выходку удачливого совчина.

Некоторые подробности этой истории впервые раскрыл английский есениновед Гордон Маквей в нью-йоркском «Новом журнале» (1972, кн. 109). Исследователь напечатал «Дело С. А. Есенина по обвинению его по статье 176 Уголовного кодекса». Дадим некоторые отрывки из этой публикации и сопроводим их нашими замечаниями.

В своем заявлении в прокуратуру А. Рога жалуется, что «известный писатель» пытался ворваться в его купе, и далее: «...он весьма выразительными и неприличными в обществе словами обругал меня и грозил мордобитием. <...> По дороге освидетельствовать состояние Есенина согласился врач Левит, член Моссовета, но последнего Есенин не подпустил к себе и обругал...» — следует известное «крамольное» выражение.

Рога не ограничился собственным видением конфликта, а пошел дальше: напомнил прокуратуре «возмутительное» общественное поведение Есенина в прошлом, даже сослался на «Правду», освещавшую в 1923 году некие его проступки. Уголовная яма рылась основательно, с намеками и прямыми обвинениями в духе типичных подобных процессов 20-х годов.

Не менее суров был и Ю. Левит. «Всю дорогу с момента посадки, кажется в Тифлисе, — писал он, — гражданин Есенин пьянствовал и хулиганил в вагоне... упорно ломился в купе Рога и обещал „избить ему морду“. И т.д. и т.п.

Вот как эту историю излагает Есенин:

«6 сентября, по заявлению Рога, я на поезде из Баку (Серпухов — Москва) будто бы оскорбил его площадной бранью. В этот день я был пьян. Сей гражданин пустил по моему адресу ряд колкостей и сделал мне замечание на то, что я пьян. Я ему ответил теми же колкостями.

Гражданина Левита я не видел совершенно и считаю, что его показания относятся не ко мне.

Агент из ГПУ видел меня, просил меня не ходить в ресторан. Я дал слово и не ходил.

В Бога я не верю и никаких «Ради Бога» не произношу лет приблизительно с 14-ти.

В купе я ни к кому не заходил, имея свое. Об остальном ничего не могу сказать.

Со мной ехала моя трезвая жена. С ней могли и говорить.

Гражданин Левит никаких попыток к освидетельствованию моего состояния не проявлял. Это может и показать представитель Азербайджана, ехавший с промыслов на съезд профсоюзов. Фамилию его я выясню и сообщу дополнительно к 4 ноября начальнику 48-го отделения

милиции.

29.X.-25.

Сергей Есенин ».

Своим заявлением поэт как бы говорит: отстаньте от меня, дело не стоит выеденного яйца. Столкнулись амбиции преуспевающих чинов и достоинство многократно защищавшего свою честь легко ранимого человека (ранее на него заводилось более десятка уголовных, пахнущих сиюминутной политикой дел).

С подачи А. Рога и Ю. Левита Народный комиссариат иностранных дел (НКВД) обратился в Московскую губернскую прокуратуру. Та весьма оперативно передала «крамолу» судье Липкину. Судебное колесо закрутилось. Последовали допросы, угрозы... Не помогли даже влиятельные заступники. Кто-то более всемогущий их отверг и, возможно, «порекомендовал» расправиться с поэтом.

...Сразу же после допроса Есенин ринулся в Ленинград. Подчеркнем, сентябрьский дорожный скандал 1925 года привел в конце концов к декабрьской трагедии. Обратите внимание, в том же тревожном сентябре Есенин сжег на квартире своей первой жены Изрядновой (согласно ее воспоминаниям) большой пакет со своими рукописями. Не сомневаемся, в том пакете были его честные откровения «о времени и о себе». Видимо, опасность для его жизни была настолько велика, что он, бесприютный, не решился уничтожать свои записи при нежелательных свидетелях и сделал это в надежном месте. Подчеркнем, вся эта грустная история десятилетиями или замалчивалась, или искажалась. После его гибели приткие газетчики и его трусливые знакомцы-мемуаристы трещали: покончил счеты с жизнью не случайно — ведь незадолго перед самоубийством почти свихнулся, что подтверждается его пребыванием в психиатрической клинике 1-го Московского государственного университета.

Волноваться Есенину было от чего — над ним тяжелой тучей навис несправедный суд с легко угадываемым печальным приговором. «Психов не судят», — напомнили ему родственники и с огромным трудом уговорили лечь в больницу...

Но вернемся к его странно-поспешной ноябрьской поездке в Ленинград. Скорей всего, он «наводил мосты» для подготовки бегства за рубеж. Из его письма от 27 ноября 1925 года к П.И. Чагину: «...вероятно, махну за границу». Полагаем, кто-то этот его замысел выдал. Предателя установить сложно, и на сей счет может быть немало предположений.

Мимоходом два небольших отступления. В свой ноябрьский приезд в Ленинград бесприютный поэт ответил на вопрос местного журналиста о материальном положении советских литераторов. «Хотелось бы, — говорил он, — чтобы писатели пользовались хотя бы льготами, предоставленными советским служащим. Следует удешевить писателям плату за квартиру. Помещение желательнее пошире, а то поэт приучается видеть мир в одно окно» (Новая вечерняя газета. 1925. №208. 18 ноября).

Резким контрастом к этим словам звучит ответ на тот же вопрос преуспевающего кремлевского Демьяна Бедного: «А вообще говоря — жаловаться мне не на что».

Ноябрьское посещение Есениным Ленинграда запомнил прозаик Николай Николаевич Никитин (1895-1963), автор известного романа «Северная Аврора». В своих воспоминаниях он опровергает, что в тот раз поэт жительствовавал в «Англетере», о чем любят порассуждать досужие следопыты. Оба они лишь заходили в гостиницу, где тогда остановились

руководитель Московского камерного театра А. Я. Таиров и его артисты.

Другая встреча Никитина с поэтом состоялась на квартире Ильи Садофьева. «...Когда я пришел, — пишет мемуарист, — гости отужинали, шел какой-то „свой“ спор, и Есенин не принимал в нем участия. Что-то очень одинокое сказывалось в той позе, с какой он сидел за столом, как крутил бахрому скатерти». В такое психологическое наблюдение можно поверить. Ожидавший суда затравленный Есенин мучительно искал выхода из создавшегося тупикового положения. Окружавшие же его благополучные литераторы не подозревали о смятениях московского гостя.

Метко охарактеризовал Николай Никитин и внезапный отъезд Есенина из Ленинграда — «...будто сорвался». Что-то случилось...

Далее наблюдательный прозаик вспоминает последние декабрьские дни 1925 года и роняет весьма примечательные для нашей темы фразы: «Помню, как в Рождественский сочельник кто-то мне позвонил, спрашивая, — не у меня ли Есенин, ведь он приехал... Я ответил, что не знаю о его приезде. После этого два раза звонили, а я искал его где только мог. Мне и в голову не пришло, что он будет прятаться в злосчастном „Англетере“. Рано утром, на третий день праздника, из „Англетера“ позвонил Садофьев. Все стало ясно. Я поехал в гостиницу».

Из многих вздорных записок о последних днях жизни Есенина свидетельство Никитина выделяется своей правдивой тревожной индивидуальностью (однажды они собирались вместе рыбачить на Оке). Особенно примечательны эти анонимные звонки каких-то псевдоесенинских радетелей. Уж не Анна ли Берзинь названивала? Позже она расписывала, как бросилась из Москвы в Ленинград «спасать поэта», искала его в гостиницах и прочее, но безуспешно. Если следовать логике Берзинь, беглец отказался от встреч со своими знакомыми, притаился в партийно-гэпэушном «Англетере», предпочтя общество «архитектора» Ушакова, «авангардиста» Мансурова и других незнакомых ему лиц. И какие оказались скрытые журналист Устинов, «имажинист» Эрлих да и тот же путаник-стихотворец Садофьев, никому не сообщившие о местопребывании Есенина. Сам же он, анахорет, почему-то за четыре дня не захотел позвонить ни доброму приятелю Оксену, ни ранее дававшему ему кров Сахарову, ни тому же писателю Никитину. В 5-м номере, согласно сохранившейся инвентаризационной описи «Англетера», телефона не имелось (да и откуда ему было взяться, как уже выше говорилось, в наскоро мебелированной комнате, бывшей аптеке. Но аппараты находились в 1, 2 и 3-м «а» номерах, висели рядом в коридоре, красовались у швейцаров (Оршман, Слауцитайс, Малышев); на просьбу постояльца в любую минуту мог откликнуться дворник Василий Павлович Спицын (р. 1877)[17] — благо он жил в той же гостинице. Нет же, Есенин сидит бирюком, рад-радешенек, если к нему взглянут «опекуны» Устиновы и Эрлих.

Продолжаем анализировать «парадокс молчания» поэта. В «Англетере» постоянно днюют и ночуют известные в ленинградской культурной жизни люди: киноартист Павел Поль-Барон, артистка Екатерина Инсарова-Максимова, режиссер Мариинского театра Виктор Рапопорт, певица Софья Троян, еще один мастер киноэкрана — Михаил Колоколов и другие интересные личности, а бедный поэт ни к кому носа не кажет, прямо-таки отшельник. Между прочим, Николай Никитин писал: «И до смерти Есенина и после мне неоднократно приходилось слышать о его невероятной общительности. Да, он был очень общителен».

И чтоб такой компанейский человек накануне Нового года и Рождества (по новому стилю) отсиживался в полуподвальном номере гостиницы? — в это невозможно поверить.

За семьдесят с лишним лет ни один жилец «Англетера» (фарисеи Устинов, Ушаков, Рубинштейн не в счет) — а их насчитывается до ста пятидесяти — не оставил ни строчки, ни словечка о необычном госте, ни один работник того же дома даже не заикнулся по тому же поводу. Многие воспоминатели видели поэта всего лишь мимоходом, но оставили, однако,

свои письменные разглагольствования, а здесь история, от которой вздрогнула не только читающая Россия, но и Европа, — нет, в которой раз утверждаем: не останавливался Есенин ни на час в злосчастном «Англетере».

Посоветуем всем, кто поверил «заботнице» А. А. Берзинь (псевдоним — Ф. Ложкин), «трогательно» разыскивавшей поэта в Ленинграде, обратиться хотя бы к ее биографии периода 1918-1921 годов, когда она, комиссар-политпросветчик, служила в 4-й и 12-й армиях, а одно время, если верить старому справочнику, заместителем начальника Политпросвета 44-й дивизии. Кто знает, не остался ли после того у Анны Абрамовны чекистский мандат. Есенин, кстати, в минуты откровения очень плохо отзывался о ней.

Нам на глаза попался протокол заседания бюро ячейки ВКП(б) отделения языка и литературы Ленинградского педагогического института им. Герцена (4 октября 1927 г.). Тогда филологи избрали некую Берзинь (имя и отчество не указаны) ответственной за работу в комсомоле. Не Анну ли Абрамовну? Помня, что здесь же работал «подписант» милицейского протокола Н.М. Горбова — Павел Медведев, литератор и чекист, недавно возглавлявший красную молодежь в 3-м полку войск ГПУ, историей педагогического образования в Ленинграде стоит заняться пристальнее.

Итак, поэт в лихорадочном состоянии возвратился вначале ноября в Москву, пожурил в письме за невнимание Чагина, упомянул Устинова, а через три недели спрятался от судилища в психиатрическую клинику. Дальнейшее известно.

От кого известно? Главным образом — от Эрлиха и Устинова. Двурюшная натура первого разоблачена, вся его декабрьско-январская возня антиесенинская. Портрет второго «благодетеля» не так ясен. Попробуем обрисовать его, используя новые документально-архивные материалы.

Устинов, уроженец уездной глухомани Нижегородской губернии. Родители — староверы. Изгнан из церковно-приходской школы за богохульство. Плавал на пароходах матросом. Частенько буянил, а позже выдавал свои проступки за политические акции, направленные против «живоглотов-кровопийцев». Написал на эту тему скандальную брошюрку. Босячествовал — в его облике и характере угадывается Горьковский Челкаш. Не раз попадал в тюрьмы, как водилось, бегал из них. В начале первой мировой войны издал книжечку, в которой заявил себя русским патриотом. Скоро, однако, резко изменил свою позицию (выгодно!) и стал ярым пропагандистом поражения России. Февральскую революцию встретил эсером в Петрограде, тогда-то и состоялось его знакомство с Есениным. В дни Октябрьского переворота переметнулся к большевикам, исполнял роль их воинствующего рупора. В декабре 1917 — январе 1918 года редактировал газету «Советская правда» (Минск), освещавшую борьбу Красной Армии на Западном фронте.

Бегло полистаем это издание, задерживаясь на устиновских статьях и заметках.

«Мы говорим прямо и откровенно: русская революция является началом социальной революции во всем мире» (№2).

Устинов часто печатался под псевдонимом Георгий Фанвич. В 4-м номере его стихотворный фельетон «Небесное совещание»:

А про Русь — отдельный сказ.

Исключительный приказ:

Если кончится война, —

Чтоб Гражданская была.

Пишет разухабисто — нагло, «художественно» иллюстрируя небогатый набор большевистских лозунгов. Вот, к примеру, его очередные компассажи из «Советской правды»: «...как бы ни вопили социал-патриоты, они все-таки должны признать, что большевизм спас человечество от продолжения кошмарной бойни...» (№15).

Устинов-Фанвич, он же Заводный, он же Клим Залетный, уверен: «...русская революция — гуманнейшая из всех революций» (№18), он зовет «...туда, где лучезарно сверкает яркое солнце Социализма» (№19). Как тут вместе с Иваном Буниным («Окаянные дни») не воскликнуть по тому же поводу: глаза твои бесстыжие, где и когда ты видел, чтобы в этой войне что-то сверкало, кроме штыков и сабель.

24-й номер (1917 г.) «Советской правды» примечателен для скорбной есенинской темы: на одной из страниц мелькнула фамилия М. Никольского, тогда начальника минского пункта №7. С 1920 года он знакомец Эрлиха, его опекун по ЧК, в 1925-м и позже (?) секретарь Секретной оперативной части (СОЧ) Ленинградского ГПУ, рабочая темная лошадка при начальнике И.Л. Леонове.

Полезным для выяснения обстоятельств глумления над покойным Есениным оказалось наше знакомство с предшественницей «Советской правды» — газетой «Фронт» (орган исполкома Съезда солдатских, рабочих и крестьянских депутатов Западного фронта). В 47-м номере (1917 г.) солдат Николай Савкин опубликовал свой стишок «Товарищу»: «О, друг мой, товарищ, // Оставь, не печалься. // Я вижу и чувствую душу твою...» Для создания полной картины преступления и хода его сокрытия эта деталь существенна (мы позже систематизируем наши «белорусские» наблюдения) — ведь именно Савкин за несколько дней до гибели поэта передал образцы его почерка чекисту-графологу Зуеву-Инсарову. Есенин презирал Савкина и его угрозы. В том же «Фронте» встречаются и другие наши «знакомые».

Вернемся к Устинову. В Гражданскую войну он занимался газетно-публицистической деятельностью (какой — пока секрет, мы его раскроем в финальной главе нашей книги), выпускал серию пропагандистских брошюр. В период нэпа и позднее сочинял совсем никудышные рассказы, повести и даже романы, героями которых становились конечно же уходящие в революцию босяки, руководимые сознательными интеллигентами.

Устинов работал в «Правде», «Известиях», его перо, не зная жалости, разило «контру». Мечтал он стать «писателем для женщин», но у жестокого, категоричного автора не имелось для этого никаких данных. Большую известность приобрел как литературный критик пролеткультовского толка. Его книга «Литература наших дней» (1923) — образчик политпросвета и агитпропа: разнос прежде так милых автору Горького, Бунина, теперь эмигрантов и «отступников», шельмование Блока, Орешина на фоне фанфар Гастеву, Герасимову, Садофьеву и прочим одописцам «железной поступи революции».

Устинов не знал сомнений, не мучался исследованием образного мира произведений писателей. Он выносил приговор, как в трибунале, воплощая на практике вульгарно-социологические идеи Фриче, Переверзева и им подобных «неистовых». Приведем важнейший устиновский постулат: «...у художника его стиль (форма) всегда и неизбежно, решительно без всяких исключений,

является отражением его классового самосознания» (выделено автором).

Именно с такой отмычкой критик, своего рода следователь Пролеткульта по особо важным литературным делам, рассматривает творчество Сергея Есенина. Его Пугачев из

одноименной поэмы — «...синоним оппозиции по отношению к пролетарскому государству». Поэт, по его мнению, «...совершенно отрекся от своих „большевицких“ заблуждений. Рязанский кулак может спать спокойно. Сын вполне оправдал его доверие», ему «...сладок запах отцовского навоза». Признавая талант автора «Пугачева», он вешает на него ярлык собственного изобретения — «...самый неискоренимый психобандит», который «плюнул на социализм». Согласитесь, так резко и доносительно не мог написать друг, в качестве которого без усталости представляли есенинского знакомого. В 1925 году Устинов мог, наверное, быть для Есенина лишь застольным собеседником, но никак не духовно близким человеком.

Теперь представьте себе вчерашнего авантюрного матроса-босяка и, по ироничной самооценке, «забулдыгу» — поэта вдвоем в «Англетере». Устинов вспоминает в сборнике «Памяти Есенина» (М., 1926): «Днем, передроковой ночью, Сергей, когда мы были вдвоем в его комнате,

нежно опрашивал меня про мою жизнь,

сидя у

меня на коленях. Спросил об одной девушке, о Р. П. И когда я ему ответил,

он долго плакал, склонившись ко мне на плечо...» (выделено нами. — В.К.). Как все это фальшиво-нарочито, плаксиво-сентиментально, как не вяжется с «хулиганом» Есениным. Даже нынешние недоброжелатели поэта (а таких немало) подметили «женский» стиль мемуаров (далее мы раскроем имя воспоминательницы).

Устинов вылил ушаты помоев на гроб усопшего 29 декабря 1925 года в ленинградской вечерней «Красной газете», где он время от времени печатался, наезжая в Северную Пальмиру. В той же газете «друг» представил своего знакомого законченным алкоголиком. И так писал человек, у которого обычно под кроватью валялась батарея пустых бутылок (по воспоминаниям хорошо знавшей его Н. М. Гариной, жены драматурга Гарина-Гарфильда).

Позволим себе отступление о пресловутом пьянстве Есенина, подаваемом чуть ли не в раблезианском духе. Бездомный поэт отдавал дань Бахусу, но, как правило, в компании с приятелями. Он чаще всего находился на виду, на него глазели, измеряя — каждый по-своему — количество выпитого им спиртного. Уверен, образ постоянного хмельного скандалиста навязан нашей прессой и его, любившими поживиться на чужой счет, мнимыми приятелями. Духовно же симпатичные Есенину люди, искренне почитавшие его, говорят о нем с большим тактом. Актриса Августа Миклашевская, которой посвящено стихотворение «Заметался пожар голубой...», в своих воспоминаниях почти не касается хмельной проблемы, потому что она при их встречах и не возникала, ибо в обществе сердечно расположенных к нему знакомых он сохранял душевное равновесие и в допинге не нуждался.

Многие литераторы-современники Есенина прикладывались к бутылке не реже, если не чаще. Так, из переписки благополучного Константина Федина известно: пил он мертвецки, но за домашними занавесками. Любил заложить за воротник ленинградский поэт Илья Садофьев. Этот список легко продолжить. Но в глазах читателей они выглядели скромными овечками, их образ лепился газетами и другими средствами информации. Не имея возможности дискредитировать творчество Есенина, пользовавшегося небывалой в начале XX века популярностью в народе, его хулители кинулись на него самого. Среди таких был и журналист Устинов.

Сегодня есть возможность набросать, так сказать, домашний портрет этого вездесущего журналиста. С фотографии на нас смотрит мордастый, крепкий мужчина, в сжатых губах ехидство. Ворот рубахи с небрежно висящим галстуком расстегнут.

Таким он предстал в своеобразном светско-советском салоне Нины Михайловны Гариной, жены драматурга, в недалеком прошлом этакого «морского волка» Сергея Гарфильда (псевдоним Гарин). Из его биографии можно легко написать детектив. Но современные справочники по-прежнему берут верхний слой его жизни, не задевая глубоко потаенного.

Салон Гариных до революции дарили своим вниманием Иван Бунин, Борис Зайцев, Александр Куприн, Евгений Чириков и другие известные писатели, о которых тщеславная женщина потом с удовольствием вспоминала. Куприн полушутливо играл роль Ромео, забавлялись и прочие гости. Все это было бы мило, если бы за хозяином квартиры не вился след политического авантюриста. Может быть, не все мастера слова знали о подпольной жизни Гарфильда, но их очевидная снисходительность к нему весьма поучительна. Такая приязнь вполне в духе даже больших русских художников, прозевавших революцию и слишком поздно прозревших.

В различных изданиях Гарин-Гарфильд предстает социальным романтиком, обратившим свое перо на благо народа. Между тем он стереотипный политик-авантюрист, кочевавший по разным странам и городам России с целью устроить в мире революционный кавардак. Его постоянно тянуло исполнить заглавную роль в каком-нибудь опасном политическом представлении — так же как отца его, оперного артиста, выступить в заглавной роли на сцене. Социал-демократ с 1903 года, он часто менял партийные клички (Сергей, Гафель, Штурман и др.). Матросом он побывал во многих странах. В 1919 году его интернировали в Данию, в 1920-м — он главный комиссар морских сил Дальневосточной республики.

Такой взлет карьеры не игра судьбы, а плата за долголетнюю и усердную подпольную работу — о ней он сам не без хвастовства рассказал в собственноручно составленной анкете (1926). Из нее мы узнаем о его активном участии в известных сормовских событиях 1902 года, описанных М. Горьким в романе «Мать». Гарин-Гарфильд, как и его приятель Георгий Устинов, так и просится в прототипы Павла Власова. Кстати, вместе с «Жоржем» (Устиновым) Сергей Александрович сотрудничал в «Нижегородском листке» — знали они друг друга прекрасно. В Нижнем Новгороде Гарин-Гарфильд познакомился с Я.М. Свердловым и другими «эксами», о чем он пишет как о незабываемых встречах. После ссылки в Архангельскую губернию он объявился во Владивостоке, где в 1906 году организовал нашумевшее покушение на генерала Селиванова и скрылся. Свои «подвиги» будущий драматург продолжил в Одессе. Если не ошибаемся, занимался он «мокрыми» делами вместе с Ильей Ионовым. Здесь в 1909 году его арестовали и посадили в тюрьму. Но вскоре он очутился на свободе. Затем был Кронштадт, где Гарин-Гарфильд в рядах большевиков готовил Октябрьский переворот. В 1917 году председательствовал в Гельсингфорсском рабочем совете (г. Хельсинки), позже опять превратился в крупного коммунистического «морского волка». Устав от революционных качек, осенью 1922 года обрел тихую пристань — где бы вы думали? — на посту заместителя ответственного редактора ленинградской «Красной газеты».

Гарин-Гарфильд активно сотрудничал с Севзапкино, куда тянутся нити, о чем мы еще скажем, антиесенинского заговора (П.П. Петров и др.).

Устинов, приезжая в Ленинград в 1922-1925 годах, частенько захаживал к Гариным в гостиницу «Астория» (1-й Дом Советов). Чаровница, по старой моде, вела фотоальбом (1904-1935), вклеивала в него снимки знаменитостей с их лестными для нее автографами. Альбом хранится в Пушкинском Доме, в нем нет ни строчки Есенина. Но Устинов руку приложил, «...для нас суп Нины Михайловны, — писал он, — значительно полезнее, чем наши стихи, статьи и рассказы. 1.VIII.1922».

Рядом автограф стихотворца Василия Князева: «Тов. Гарину. Сережа, говорят, Ильич умер. Немедленно узнай по телефону и сообщи мне. ...твой В. Князев». На следующей странице комплименты Гариной поэта Ильи Садофьева, заведующего редакцией вечерней «Красной

газеты» Ионы Кугеля и других лиц, так или иначе причастных к «зачистке» следов злодеяния в «Англетере».

В газетных и журнальных публикациях достаточно проанализированы сфальсифицированные мемуары публициста Устинова и, хотим надеяться, убедительно доказано: в декабре 1925 года нога его не ступала в «Англетер». Чтобы не повторяться, резюмируем аргументы в пользу нашего вывода.

Первое: в контрольно-финансовых журналах (они составлялись дважды в году) постояльцев «Англетера» (1925-1926 гг.) фамилия Устинова, как и Есенина, отсутствует.

Второе: 130-й номер гостиницы, где якобы поселился журналист с женой, — особенный, смежный с 131-м, который в списках не значится, но фигурирует в инвентаризационной описи. В этой комнате и рядом с ней обычно прописывались «военнослужащие», то есть сдвоенный, можно думать, номер представлял собой штаб-квартиру ГПУ. В 130-м, гласит

декабрьское примечание 1925 года к списку жильцов, был арестован ГПУ некий Евгений Васильевич Кушников. По-видимому, его «изъяли», дабы срочно «поселить» туда Устинова. Напомним, ранее в том же номере обитал автор лживой книги «На рассвете и на закате» Лев Рубинштейн.

Третье: странный есенинский «друг» — его никто из ленинградских литераторов (Эрлих не в счет) не видел 28 декабря в 5-м номере, во всяком случае из тех, кто написал об этом воспоминания (Ин. Оксенов, Н. Никитин и др.). Никто не заметил его и при прощании с телом поэта и Доме писателей, и на церемонии проводов гроба на железнодорожный вокзал.

Четвертое: воспоминания (газетный и книжный варианты) лжеопекуна Есенина о его пребывании в «Англетере» полны грубых противоречий и даже нелепостей. Ссылки Устинова на других так называемых гостей 5-го номера, например Сергея Семенова, не находят письменного подтверждения последних, в том числе и упомянутого писателя.

Пятое: насквозь надуманные и глупейшие мемуары (см. Приложение) Нины Гариной, приятельницы Устинова, лишь подтверждают фикцию о проживании журналиста в «Англетере». Мемуаристка перестаралась в защите друга семьи, в очернении Есенина, заставила нас пристальнее присмотреться к Гарину-Гарфильду, сыгравшему, на наш взгляд, пока до конца не выясненную пагубную роль в посмертной судьбе поэта.

Написаны мемуары («Есенин С. А. и Устинов Г. Ф.») в 1935 году, когда еще память Гариной была свежа на десятилетнее прошлое, но тем более поражаешься грубым и пошловатым ее выдумкам. Она свидетельствует, к примеру: 28 декабря 1925 года, в 1 час ночи, ей позвонил из «Англетера» Устинов и сказал: «...они с Сереженькой собираются к нам... Сереженька стоит тут же рядом». Затем якобы взял телефонную трубку Есенин, но Н. М. Гарина поняла, «что они оба уже совершенно готовы», и отказала хмельным визитерам. 28 декабря, около пяти часов утра, рассказывает дальше Гарина, ей кто-то позвонил из «Англетера» и сообщил о смерти поэта. Примерно в семь часов утра она «мчалась на извозчике в гостиницу

совершенно раздетая, в халате, в накинутой сверху шубе и в незастегнутых ботах». «Кроме Устинова, в комнате уже были И. И. Садофьев, Н. Н. Никитин...» В ответ на гневную тираду Гариной: «Ну, что?! Сделали свое дело?! Довели, мерзавцы!» Устинов будто бы обиженно ответил: «А ты сама... вчера...» (т.е. не пустила к себе домой) — и залился слезами.

Опровергнуть воспоминательницу не стоит труда — настолько она завралась (одно появление в семь часов утра Садофьева и Никитина в номере Устинова прямо свидетельствует о беспардонной лжи). Мемуаристка настрочила и много другой чепухи: «По словам Устинова, они после разговора со мной (по телефону. — В.К.) больше ничего не пили. Есенин очень нервничал... И вскоре ушел к себе в комнату. Устинов к нему заглядывал раза два, звал обратно, посидеть с ним. Есенин не пошел. И в третий раз, когда Устинов пошел опять, заглянул к Сереженьке своему, его уже не было в живых...»

Н.М. Гарина даже не удосужилась прочитать опубликованные заметки на ту же тему «заместителя папы» (так называл себя Устинов в ее семье), полностью опровергающие ее замыслы.

Сумбур Гариной любопытен в другом отношении: симпатизируя Устинову, лучшему другу своей семьи, она характеризует его «настоящим, неизлечимым алкоголиком и изломанным, искалеченным человеком», что недалеко от истины. Но для чего и во имя чего сочинялись предельно фальшивые фантасмагории? Ответ, мы полагаем, один: чтобы, не дай Бог, на ее мужа, Гарина-Гарфильда, не упало подозрение в его хотя бы отдаленной причастности к преступлению.

Опускаем подробности. Устинов отдал свое имя (скорей всего, его и не спрашивали) для организованной мистификации. Он играл роль призрака, убедившего советских обывателей в правдивости официальной версии смерти поэта (как не поверить — свидетельствует, уверяют газеты, близкий друг Есенина). Ход дьявольский, он увел исследователей на изначально ложную дорогу исканий истины. Но, как известно, все тайное рано или поздно становится явным. Когда-нибудь прояснится и загадочная смерть в 1932 году и самого Устинова — его нашли в петле в собственной московской квартире. То ли его «убрали», так как он «слишком много знал», то ли несчастного совесть замучила.

Существенное примечание: после кошмара в «Англетере», в 1926-1927 годах, Устинова печатали, как никогда, щедро (роман «Черный ветер», прозаические сборники «Пропащие годы», «Человеческое» и др.). Идеологи убийства поэта тогда же открыли просторную хлебную лазейку и другим послушным конспираторам, причастным к заметанию следов преступления: Николаю Брыкину («Дурак с партийным билетом», — окрестил его литератор Г. Матвеев на одном из писательских собраний в 1940 г.), автору (?) сфабрикованного репортажа из «Англетера», Михаилу Фроману, понятому, поставившему подпись в сфальсифицированном милицейском протоколе, Вольфу Эрлиху, заглавной фигуре грязного дела.

ГЛАВА IX

БЕСТИЯ ИЗ «КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ» И ДРУГИЕ

Проницательные читатели и наши сердитые оппоненты конечно же заметили — еще ничего не сказано о жене журналиста Устинова — Елизавете Алексеевне, жившей, согласно казенной версии, в 130-м номере «Англетера» и, если верить семейному дуэту, души не чаявшей в Есенине.

Выше говорилось — «мальчика-то и не было». А была ли «девочка»? Предвидим возмущенный ропот наших критиков, поверивших официальной пропаганде. Как же так, скажут они, — ведь Устинова оставила на эту тему воспоминания — разве недостаточно? Многие газеты сообщали о ее искреннем расположении к Есенину.

«Тетю Лизу» (как и ее псевдосупруга) в те декабрьские дни в Ленинграде никто не видел, не описал ее внешности, не разговаривал с ней. Даже приятельница Устинова, Нина Гарина (Гарфильд), в своих лжемемуарах «не заметила» этой дамочки.

И тем не менее на нее ссылаются, ее бесконечно цитируют. Изначально кто? Все тот же сексот Эрлих. Журналисты? Да они не могли тогда слова молвить без разрешения цензуры. В то время досмотру подвергались не только многотиражные органы печати, но — в это сегодня трудно поверить — даже стенные газеты.

17 марта 1925 года совещание представителей подразделов печати зиновьевского Ленгубкома партии решило: «...В развитии постановления Оргбюро ЦК РКП(б) о массовой печати, принять за правило, что издавать стенгазету могут...» И далее следует перечень: партячейка, фабзавком, ячейка РЛКСМ и пр. Как видим, «стенать» дозволялось лишь под присмотром идеологического ока. Появились тысячи самодеятельных «изданий». К примеру, в здешнем ГПУ — «Москит», на табачной фабрике им. Троцкого — «Факел», в типографии им. Володарского — «Шило». Грозный циркуляр (№3521 от 7/Х-1925), адресованный местным цензурным отделениям, гласил: «Главлит подтверждает к исполнению обязательность присылки в Главлит точного списка... стенгазет, функционирующих в пределах вашей губернии». Коллегия ленинградского Гублита 13 марта 1926 года предписала: «Расклейка стенгазет по предприятию разрешается лишь при наличии визы Гублита». Примерно в то же время та же карательная служба постановила: «Провести срочную регистрацию стенных газет в обычном порядке по особо разработанным аспектам». Предписание цензуры равнялось военному приказу. Всегда начеку были ленинградский Политконтроль ГПУ (начальник С. Новик), Гублит (заведующий И. Острецов), Агитотдел губернского комитета РКП(б) — ВКП(б) (заместитель заведующего Я. Елькович). Бдительно охраняли жестокую идеологическую систему специальные политредакторы, уполномоченные и прочие дозорные партии. Например, цензуру «Красной газеты» осуществлял С.М. Рымшан, «Новой вечерней газеты» — И.И. Тютиков, Корыхалов, Лениздата — Адонц. За различного рода нарушения инструкций и промахи контролеры печати подвергались суду.

Представлять, что газетчики при освещении смерти Есенина могли позволить себе «самодеятельность», — наивно. Кончины видных личностей СССР, как правило, сопровождалась циркулярами, запрещавшими личные взгляды журналистов. Это подтверждает следующая бумага:

«

Циркулярно. Совершенно секретно .

Всем уполномоченным Гублита.

Ленинградский Гублит предлагает всем уполномоченным впредь до особого распоряжения без согласования с Гублитом не допускать опубликования в печати материалов об обстоятельствах смерти т. Дзержинского, кроме правительственных сообщений, телеграмм ТАССа и перепечаток с московских газет «Известия» и «Правда».

Зав. Гублитом

Сарычев .

Врид секретаря.

Петров .

21/VII-1926 г.»

Не исключено, были соответствующие циркуляры (письменные или устные) и в связи со смертью Есенина. Такой информацией могли располагать глава ленинградской цензуры в интересующий нас период Иван Андреевич Острецов и секретарь Анатолий Матвеевич Карпов (Ревич). Последний жил в чекистском доме (ул. Комиссаровская, 7/15) в квартире №5, а рядом, напомним, в 8-й, располагался таинственный (пока!) П.П. Петров. Его житейское соседство с Карповым (тоже по сути чекистом) уже само по себе показательно.

...Однако мы не забыли о Елизавете Алексеевне Устиновой. Наоборот, отступление о карающей деснице — цензуре лишь приблизило к ней. Долгие и утомительные поиски ее следов привели к поистине сенсационному результату: оказалось,

роль Устиновой выполняла ответственный секретарь вечерней «Красной газеты» Анна Яковлевна Рубинштейн (1892-1937). Вначале разоблачим эту уголовно-политическую авантюристку, а затем представим ее.

В контрольно-финансовом списке работников «Англетера» за октябрь 1924 года (здесь тогда располагались иностранцы) значатся десять человек (сапожник Густав Ильвер, портной Самуил Серман, коридорный Антон Паученок и др.). Одиннадцатой по счету домоуправ Матвей Лисин карандашом вписал: «Кв. №114. Рубинштейн Елизав. Алек., членов семьи — 2, комнат — 2. Торг, москательн. товар. — Садовая, 83, торг, патент 3-го разряда. Полугодовая плата за кв-ру — 450 р.».

Само по себе странно появление какой-то торговли в ведомственном отеле, за которым присматривало «Бюро по обслуживанию иностранцев в Ленинграде» НАРКИДа (кроме Е.А. Рубинштейн, двенадцатой вписана владелица сапожной мастерской Ц.З. Рывкина, других советских жильцов нет).

Что могла делать хозяйка магазина москательных товаров среди иностранцев? Забегая вперед, предположим: выполняла какое-то секретно-оперативное задание (она, хотя и не свободно, говорила по-английски).

Однако оставим гипотезы и «проследуем» в лавку к Рубинштейн, то есть найдем соответствующую ревизорскую книгу. Наконец она у нас в руках. Открываем, читаем: действительно, «красочный магазин» (так в тексте), да, хозяйничает в нем Рубинштейн, но... Надежда Николаевна. Какого-либо автографа и особых пометок нет. Что ж, сочтем недоразумение небрежностью канцеляриста.

Сюжет не дает покоя. Ищем так называемые отрезки патентов на право торговли (не забудем: время нэпа!). Сохранились! Москательная лавка открыта в 1922 году, адрес тот же — Садовая, 83. Торговое предприятие действует в системе фирмы «Бовер». Все в порядке: оплата патента, даты, квитанции... — вплоть до 1929 года. Но — опять сюрприз! Здесь владелица именуется Рубинштейн Елизаветой Александровной (ранее именовалась Надеждой Николаевной). Что за метаморфоза? Адрес и прочее совпадают, а имя, отчество — нет.

Внимательно читаем «отрезки патентов». Новость: муж хозяйки магазина, ее помощник, — Рубинштейн Борис Вениаминович (однофамилец?). Упомянут в 1923 году и позже.

Привлекла наше внимание случайно попавшая на глаза бумажка, гласившая, что некий Яков Соломонович Рубинштейн торгует (1923-1928) канцелярскими и табачными изделиями по Советскому переулку, 21/28. Не отец ли «нашей» Анны Яковлевны? Похоже. Она писала, что батюшка ее занимался торговлей, но потом, увы, психически заболел и кончил свои дни в богадельне. Так и есть, указаны данные этого купца и грустного заведения, где он пребывает: поселок Шувалово (Ивановская ул., 6, кв. 2). Еще одно доказательство, что не Надежда Николаевна и не Елизавета Александровна, а Анна Яковлевна Рубинштейн числилась в 1924 г. в «Англетере».

Именно числилась, так как ее действительный адрес проживания — на тот же октябрь 1924 года — рядом с «Англетером», в гостинице «Астория», все так же пышно, по-советски именуемой тогда «1-й Дом Советов». Контрольно-финансовый журнал четко фиксирует под 81-м номером: А. Я. Рубинштейн живет в квартире №128, работает на Фонтанке, 27 (адрес «Красной газеты»), имеет дочь и присматривающую за ней няню, Анну Михайловну, обитающую здесь же. Красногазетчица наверняка знала В.М. Назарова, до службы комендантом «Англетера» работавшего ответственным дежурным 1-го Дома Советов. По соседству с «нашей» журналисткой, в квартире №126, поселилась Елизавета Ивановна Кингисепп, жена известного эстонского революционного деятеля.

Правильно, ответственному секретарю известной на всю страну газеты по чину жить в привилегированной советской гостинице. В ней отдыхают от прошлых революционных бурь тень Сталина — С. Я. Аллилуев (№215/216), партийно-чекистские деятели В.П. Макашев (№226/227), И.П. Петере (№230/231), В.М. Примаков (№252), редактор-куратор «Красной газеты» М.И. Лисовский (№233) и многие другие «пламенные революционеры».

Любопытен Павел Иванович Кушников (№303), служивший с Смольном, — не родственник ли Е. В. Кушниковой, таинственно исчезнувшего в декабре 1925 года из 130-го номера «Англетера», в который «поселили» журналиста Г. Ф. Устинова? Проследим за так называемой женой последнего товарища.

Просматривая справочник «Весь Ленинград — 1924», мы наткнулись на любопытную информацию: в доме №30 по улице Некрасова (Бассейной) имела прачечную Анна Яковлевна... Устинова.

Разумеется, этим сообщением мы заинтересовались. «Отправляемся» по указанному адресу, то есть опять-таки разыскиваем ревизорско-финансовые документы (форма №1). За 1924 год не сохранились, но за 1926-й целехоньки. Да, есть такая прачечная, открыта в октябре 1925 года. Три комнаты, 11,95 сажени, патент №277 первого разряда. Кажется, нужной нам зацепки нет: бесстрастная информация — не более. Но внимательно вглядываемся в автограф владелицы прачечной и видим: наша «знакомая» А. Я. Рубинштейн. Как она ни пыталась законспирироваться, почерк ее выдал. Сравниваем подписи в различных документах и убеждаемся — она! Конечно, нужна профессиональная графологическая экспертиза, но и визуального взгляда достаточно, чтобы убедиться: любительница чистого белья и ответственный секретарь «Красной газеты» — одно и то же лицо. Мы с этой конспираторшей уже давно «знакомы», ее автографы веером лежат на нашем столе, ошибки быть не может. Зная, что сия фурия в 1936 году была арестована НКВД за принадлежность к троцкистско-зиновьевской подпольной организации с пометкой «террористическая деятельность», мы не удивились ее нелегальщине. Если добавить, что на улице Некрасова, 29, рядышком с прачечной, жил сексот Вольф Эрлих, а в доме №31 — уборщица-горничная 5-го номера «Англетера» и по совместительству стукачка Варвара Владимировна Васильева, нэпмановский адрес А. Я. Рубинштейн вряд ли случаен. Очень удобно: и тот и другая всегда «под рукой».

Ограничимся вышеприведенным «следствием», хотя его известные нам лабиринты намного разветвленнее.

После сказанного резонно привести доказательства контактов А.Я. Рубинштейн с покрывателями убийства Есенина. Их более чем достаточно.

Познакомившись с биографией этой сатаны в юбке (одну из ее биографий мы приводили в журнале «Наш современник», 1995, №12), обратимся к другому ее собственному жизнеописанию (автограф), написанному вначале 30-х годов в качестве приложения к заявлению в Ленинградский областной комитет ВКП(б) о приеме в Коммунистическую академию на отделение истории Коминтерна (не поздновато ли в сорок с лишним лет). Приводимый вариант в определенной степени даже предпочтительней ранее обнародованного документа.

«Родилась в 1892 г. в гор. Ревеле. Отец был мещанином, из торговцев. Когда мне исполнилось лет шесть, он перестал торговать (очевидно, разорился), стал служить приказчиком. В связи с психическим заболеванием бросил службу и с тех пор жил на иждивении родственников и детей (отец умер). Мать — домашняя хозяйка. Я начала работать с 15 лет. Учась в гимназии, стала давать частные уроки и уроками жила до 1915 года. В 1915 году стала служить машинисткой. В 1916 году поступила в Женский медицинский институт, откуда ушла осенью в 1917 г. в связи с партийной работой.

Участие в революционной деятельности начала принимать примерно с 1909 г., когда работала в нелегальных кружках. В 1916 г. работала немного в пролетарском Красном Кресте, а в мае 1917 г. вступила в партию РСДРП(б). Работала сначала в институте, а потом в Военной организации партии (в редакции «Солдатской правды» и «Деревенской бедноте»). При слиянии этих газет с газетой Московской военной организации «Деревенская правда» стала работать в газете «Беднота».

В 1919 г. уехала на фронт в 3-ю армию, где работала членом редакционной коллегии газеты «Красный набат».

В 1919 г. приехала в Петроград и работала до осени 1920 г. в военной комиссии начальником Политпросвет-отдела Губоно. С 1921 по 1922 г., т. е. полтора года, работала отв. секретарем агитотдела губкома партии.

С 1922 по 1925 г. — в редакции «Русская газета» (зачеркнуто А. Я. Рубинштейн. — В.К.) «Красной газеты» — ответственным секретарем. С 1925-го по 1926-й год (1 год и 3 месяца) — в издательстве «Прибой». С 1926-го по 1927-й год в Лениздате зав. агитпроповской литературой. В 1927 г. перешла на профсоюзную работу ответственным секции работников печати. Потом (в 1928 г.) заведовала курсами подготовки пропагандистов, а с 1928 г. работала в Доме просвещения заведующей учебной частью.

Партийная работа: в 3-й армии, была сначала членом бюро коллектива, потом отвсекретарем коллектива штаба.

В ПУОКРе[18] — членом бюро коллектива. Начиная с 1921 г. прикреплялась к заводским коллективам, где веду пропагандистскую работу. В 1928 г. перешла в коллектив школы профдвижения, где веду пропагандистскую работу.

Зимой 1929 г. была выделена районной Контрольной комиссией председателем комиссии по чистке рядов ВКП(б), проводила чистку в коллективе ЛИИПСа.

Анна Яковлевна Рубинштейн

Член ВКП(б) с 1917 г., май.

Л/б №0142781.

Центральный городской район».

«Автобиография» (в ней есть неточности) достаточно красноречива. Перед нами женщина, одержимая коммунистической идеей и жаждой власти. Нет необходимости подробно комментировать ее «анкету». Попытаемся лучше выделить те узловые места ее карьеры (она, как видим, шла на спад), которые косвенным образом имеют отношение к Есенину.

Она указывает, что работала (ее навязчиво-любимое словечко) в «Бедноте». Уточняем: с августа 1918 года по март 1919-го. Если знать, что главным ее редактором в ту пору был лютей ненавистник Есенина — Лев Сосновский, можно догадаться, откуда пошла ее неприязнь к поэту.

Служба в Политотделе 3-й армии (Урал), очевидно, сблизила ее с организаторами убийства Николая II, Шайей Голощекиным, Георгием Сафаровым (Вольдиным) и прочими революционными деятелями, позже прямо или косвенно игравшими первостепенную роль в Ленинграде. Агитотдельская и политпросветская деятельность связывает ее имя со многими фамилиями, замешанными в «деле Есенина» (К.Г. Аршавский (Сыркин), Г.Е. Горбачев, Я.Р. Елькович и др.). В «Красную газету» тянется еще больше нитей лжи вокруг освещения гибели поэта (В.В. Князев, П.П. Петров, И.И. Садофьев, В.И. Эрлих, С.П. Гарин-Гарфильд и др.).

Близкое знакомство красногазетчицы с Устиновым — само собой разумеющееся. Закат политической биографии А.Я. Рубинштейн тоже понятен. После XIV съезда РКП(б), в январе 1926 года, главным редактором «Красной газеты» становится друг Есенина, Петр Чагин, — он-то и выпроваживает фурию из редакции.

Пригревает ее в Лениздате Илья Ионов, один из главных радетелей троцкистов — пораженцев. А в этом издательстве, как мы помним, собралась большая компания литераторов, бросавших камни в живого и мертвого Есенина.

Временно А.Я. Рубинштейн получила передышку от собственного интриганства в издательстве «Прибой», где работал Лазарь Берман, давний чекистский осведомитель и завистник поэта. В дальнейшем мы обозначим и другие контакты-следы Рубинштейн, ведущие в «Англетер» в конце декабря 1925 года.

Один из наших оппонентов представил в печати справку (частная коллекция) о действительной жене Г.Ф. Устинова, Елизавете Алексеевне: родилась в 1897 году в Твери, с 1921 года — секретарь секции беллетристики и поэзии Наркомпроса и т.д. Полемист тем самым попытался оспорить нашу точку зрения. Но даже если так оно и есть — нет предмета для дискуссии. Законная, а не какая-либо жена и должна была фигурировать в качестве «тети Лизы» (правда, она на два года моложе Есенина) — ведь журналист Устинов был достаточно известной тогда личностью, и какая-либо «подмена» исключалась.

Другое дело — находились ли муж и жена в декабре 1925 года в Ленинграде? Повторяем, в списке жильцов «Англетера» их нет, фактически никто из мемуаристов перед есенинской трагедией и после их там не видел и не упоминает. Разве это не странно?

Когда нам станет известна судьба супруги (если не ошибаемся — первой) Г.Ф. Устинова, спор

можно продолжить.

В 1932 году Устинова, как уже выше говорилось, нашли в петле в собственной квартире. А куда делась его подруга жизни? Она, можно думать, знала хотя бы в известной мере тайную сторону биографии своего спутника жизни и возражать против использования в грязной кампании его и своего имени не посмела бы.

Тем более для облегчения души Елизаветы Алексеевны могла быть придумана какая-нибудь благовидная «легенда» (к примеру: Есенина убили в кабацкой драке, очень жаль, но Сталин и его соратники поднимут шум на XIV съезде РКП(б), свалят нечаянную гибель замечательного поэта на «левую оппозицию» в Ленинграде — хорошо бы этого избежать; или: уличенный в бегстве за границу и в связях с английскими шпионами, Есенин покончил самоубийством, но не представлять же его, психически больного (лежал в больнице), но талантливого человека, отщепенцем, не лучше ли для его посмертной славы и репутации скрыть постыдный факт). Такие тонкости вряд ли возникали. В кругу первых лиц Советской России, с которыми общался Г.Ф. Устинов, неукоснительно работал принцип железной партийной дисциплины, приказ «надо» не обсуждался. Он и сам, отдав свое имя на историческое поругание, мог не знать всей правды.

Тщательно спланированная и разработанная операция по аресту Есенина-беглеца, возможно, несанкционированное убийство его на бурном допросе, заметание следов преступления вовсе и не требовали присутствия в Ленинграде Устинова и его «половины». В таком случае им нужно было бы актерствовать, играть психологически трудные роли, а они, легко допустить, на такой спектакль были неспособны. Вдруг все сорвется на какой-нибудь мелочи. Затеяники кровавого шоу, вероятно, учли это и оказались в своем змеином коварстве правы на целых 70 лет. Именно поэтому, полагаем, чета Устиновых пребывала в Ленинграде в качестве призрака. В конце концов мимолетное появление «на людях» соответствующей девы из ГПУ усыпило бы бдительность есенинских знакомых. Впрочем, очень мало кто из них, кроме художника Сварога, писателя Лавренева, критика Оксенова и разве что прозаика Касаткина (нелишне все-таки знать — в прошлом профессионального чекиста), сомневался в содеянном ужасе.

Была попытка открытых эмоциональных протестов против убийц Есенина на одном из московских вечеров его памяти (об этом сообщала белоэмигрантская пресса), но она вскоре угасла и не имела продолжения.

А.Я. Рубинштейн хорошо знала Устинова не только по «Красной газете», возможно, между ними даже когда-то существовала интимная связь, но это не имело большого значения. Она выполняла приказ: открыла страницы газеты потоку зловолия, сочиняла статьи о Есенине за Устинова и «тетю Лизу» (видимо, отсюда и сентиментально-плаксивые ноты в статьях Устинова, не свойственные по-мужски жесткому стилю публициста). Не забудем, стряпня эта до сих пор печатается в сборниках воспоминаний о поэте, вызывая десятки недоуменных вопросов.

Сохранилась фотография А.Я. Рубинштейн 1936 года времени ее допросов в ГПУ: похожа на ведьму — растолстевшая, обрюзгшая, с полубезумными глазами... Перед тем как ее арестовали, она преподавала ленинизм в ЛГУ, готовила диссертацию о Жюле Гедде (Базиле), основателе французской Рабочей партии, в первую мировую войну «социал-шовинисте»; такой же ярлык в свое время приклеили и Г. В. Плеханову.

Руководитель ее работы, Г. Зайдель, был доволен своей подопечной. Нам доводилось читатьopus аспирантки-марксистки, когда-то менее года формально учившейся в медицинском институте: вульгарно-социологическая мешанина из цитат вперемежку с потугами на философию, а еще точнее — писанина интеллектуально и психически нездорового человека, ослепленного собственной значительностью.

Да и вся ее биография — какой-то сплошной идеологический угар. Отец ее, как мы уже знаем, сошел с ума, видимо, дочь унаследовала родительский недуг.

В редакции «Красной газеты» А.Я. Рубинштейн выступала капризно-взбалмошной диктаторшей, казнившей и миловавшей исключительно по своей прихоти. Кстати, в 1925 году был снят кинофильм о работе сотрудников этого издания; если пленка сохранилась, можно будет воочию увидеть «тетю Лизу» и ее журналистскую команду: уже знакомого нам безнравственного стихоблуда Василия Князева, бывшего ревтрибунальца Ивана Тютюкова, в недавнем прошлом комиссара при удушении Кронштадтского восстания Давида Рахмиловича, псевдогероя Гражданской войны и мошенника Владимира Рахтанова и др. Можно вполне согласиться с Корнеем Чуковским, назвавшим в своем «Дневнике» красногазетчиков людьми «с дрянью в душе». Газета отличалась бульварной крикливостью и склочностью. 3 января 1925 года на заседании бюро парторганизации типографии им. Володарского (здесь состояли на учете сотрудники редакции — коммунисты) заведующий Губполитпросветом и одновременно (формально) главный редактор «Красной» Моисей Лисовский отметил: «Газета была желтая, вся заполненная сенсационными заголовками и рассчитана на Сенной рынок.<...> Нужно отметить недоразумения между заведующими отделами и ответственным секретарем, товарищем Рубинштейн, которые в процессе работы сгущались, и в данный момент перед нами стоит вопрос разрядки атмосферы».

На том же собрании парторг журналистов Антонов сказал о диктаторских замашках своей фактической хозяйки: «Если кто ей нравится, то она возится с ним и выдвигает...», многие сотрудники «к ней подделываются». Позже злопамятная фурия уволила Антонова.

Кончилось тем, что Лисовский сложил с себя полномочия руководителя редакции, а прежняя владычица продолжала крутить красное пресс-колесо по-старому. Не изменил, а еще больше ухудшил положение новый глава «Красной газеты» Я.Р. Елькович. И он 26 мая 1925 года на партийном собрании газетчиков сознался в своей бессилии что-то изменить и признал: «Нездоровая обстановка была связана с тов. Рубинштейн».

В большей степени она занималась не творческой деятельностью, а сплетнями. Это было настолько очевидно, что партийно-аттестационная комиссия 16 июля 1924 года постановила в ее адрес: «Оставить членом РКП (б), но за проявление мелкобуржуазных наклонностей вынести порицание». В прошлом член Военной организации ЦК РСДРП(б) и крупный чин в Петроградском военном комиссариате, она перенесла методы их работы в журналистские ряды, постоянно организуя своего рода идеологический террор против чем-либо не приглянувшихся ей людей. Ее выступления на собраниях полны демагогического партийного ража и политических спекуляций. Известно, эпоха была тяжелейшей, выживали и делали карьеру, как правило, прохвосты с неременной «идейной» начинкой, но эта дамочка перещеголяла многих. 10 апреля 1924 года выступила среди красногазетчиков с докладом «О коммунистической выдержке», в котором призывала к бдительности и, в частности, сказала (протокол сохранился): «Коммунисты слишком откровенничают с беспартийными сотрудниками, что является недопустимым с партийной точки зрения».

Похоже, тайны она умела хранить, сказывался большой конспиративный опыт; в его свете «дело Есенина» для нее лишь эпизод.

Поднаторела она в кровавых интригах в газете «Красный набат» (1918-1919) — рупоре Политотдела 3-й армии. Бегло полистаем это издание, не забывая о нашей ведущей теме. Не удивляйтесь, — за шесть-семь лет до декабрьской трагедии в «Набате» вокруг А. Я. Рубинштейн уже незримо спланивались разнокалиберные бесы, создавшие позже миф о добровольном уходе поэта из жизни.

В одном из номеров некий Кин (не писатель ли Виктор Кин?) заявляет: «Идеи коммунизма родил „Красный набат“, и пусть их осуществление на земле возвестит нам когда-нибудь его

торжественный звон». Переборщил, конечно, товарищ и вряд ли покраснел. В газете находим все перлы большевистско-экстремистской пропаганды. Встречаем здесь и уже знакомые по «делу Есенина» имена. Так, с шумными тирадами в честь 3-й армии выступает Василий Князев — вон еще когда будущий сторож бездыханного тела поэта свел знакомство с «тетей Лизой». А вот другое имя:

Над миром светлым и свободным

Горнилом вечного труда

Горит огнем международным

Красноармейская звезда.

(Красный набат. 1919. №211(301). 23 сент.)

Это пишет будущий издательский воротила Илья Ионов, содействие которого сокрытию «тайны Есенина» для нас несомненно, но достаточно пока не доказано (ничего удивительного: политические спекулянты конечно же реабилитировали каторжника, пособника убийства, — попробуй подступить к «жертве репрессий»). Идеологические пути-дорожки И.И. Ионова и Л.Я. Рубинштейн будут часто пересекаться в Ленинграде. Когда Анна Яковлевна в 1926 году «погорит» на защите Г.Е. Зиновьева и К°, дорогой ее душе автор «Красного набата», может быть, вспомнит свой стишок «Грядущее» (его мы цитировали) и пригреет комиссаршу под сенью Госиздата.

Не будем задерживаться на стихопродукции в «Красном набате» Демьяна Бедного — его вирши в те годы появлялись в большинстве красноармейских газет, пройдем мимо бездарных псевдонимщиков — Ленского, Бездольного, Ванькова, Горного, Бездомного (и такой есть), заполонивших многие выпуски «Набата». Остановим внимание на... Николае Ключеве и его стихотворении «Песнь похода» (1919. №204. 4 сент.). Сочинение это не вяжется с образом «Миколы-страдальца», певца «избяной» Руси, наставлявшего Есенина держаться подальше от пропагандиста красного террора, первейшего среди поэтов циника и богохульника Анатолия Мариенгофа, умевшего «молиться матерщиной за рабьих годов позор». Сам же Ключев, в частности, пишет:

За праведные раны,

За ливень кровавой

Расплатятся тираны

Презренной головой.

Купеческие туши

И падаль по церквам,

В седых горах, на суше

Погибель злая вам!

Если бы не подпись «Николай Клюев», стихотворение «Песнь похода» можно было бы отнести к наследию Василия Князева и ему подобных «красных звонарей». Певец старой Руси далеко не такой простака, каким его представляют себе нынешние поклонники его оригинального таланта — чего стоит одна строчка: «И падаль по церквам»! Из подобных стихотворений можно составить солидный клюевский сборник, способный смутить созданные сегодня в разных городах общества и клубы его имени. Не то у Есенина, несмотря на его ранний социальный романтизм, сохранившего сострадание к «маленькому человеку» на войне и ощущавшего растерянность перед революционным Молохом («И ничья непонятна вина...»), гордящегося чистотой своих крестьянских рук («Не расстреливал несчастных по темницам...»), понимавшего, что в страну грядущего единомышленники Троцкого гребут «Веслами отрубленных рук», что «Пришли те жулики, те же воры и законом революции всех взяли в плен...». В 1925 году Клюев недалеко ушел от времени «Красного набата», это значительно позже для него наступит период политического отрезвления. Нет, тогда Есенин внутренне был антиподом своего старшего собрата.

На страницах газеты (1919. №105. №211) публикуются заметки «красноармейца Медведева» о фронтовых буднях «Н-ского стрелкового полка», а в 105-м номере помещено стихотворение «Красноармейцу» за подписью «П. Медведев». В 64-м выпуске (27 марта 1919 г.) тот же автор призывает устранить из Советов в деревнях «кулаков» и посадить на их место армейских председателей, «чтобы солнце социализма освещало наши глухие и темные места».

Требуется тяжелая черная работа для уточнения личности этого «социалиста» (сексот ГПУ Павел Медведев свое участие в Гражданской войне в анкетах тщательно скрывал), но мы уже сейчас склонны думать, — красноармеец Медведев и понятой, одоббивший фальшивый милицкий протокол, регистрировавший смерть Есенина, — один и тот же товарищ, давний знакомый хозяйки «Красного набата» (и «Красной газеты») А. Я. Рубинштейн.

Согласитесь, чтение старых газет полезно — тем более в информационном «есенинском» вакууме, искусственно созданном на протяжении десятилетий (спецхранов и архивных тайников сегодня не менее, чем до «перестройки», и запретительных инструкций тоже предостаточно).

Закрывая «Набат», упомянем еще одного его автора, пулеметчика Перина (стихотворение «Павшим в бою», 1919, №150). Уж ни школьный ли приятель Эрлиха, называвшего эту фамилию в одной из своих рифмованных затей? Деталь существенная: «знакомый» уже нам загадочный П.П. Петров некоторое время проживал совместно с Периним в одной явочно-конспиративной квартире.

«Набат» — откровенно экстремистское издание. С полос газеты не сходит лозунг: «Да здравствует всемирная революция и ее вожди тов. Ленин, Зиновьев и Троцкий!»

Оговоримся, А.Я. Рубинштейн — далеко не единственная и зачастую не главная вдохновительница «Набата». В состав редколлегии в разные годы входили известные в истории революции и Гражданской войны деятели: Смилга, Семашко, Лашевич, Сафаров, Толмачев и др. Среди знакомых имен есть и неприметные, мало что говорящие сегодня массовому сознанию, но по значению не уступающие прославленным большевикам-краскомам.

Например, с 20 июня 1918 года во главе Политотдела 3-й армии стоял член Высшей военной инспекции Фейерабэнд, личность загадочная, темная, одно время глава военной разведки всей Красной Армии; Фейерабэнд, на наш взгляд, играл чуть ли не первостепенную роль в Могилеве при отречении Николая II от власти. Он один из разжигателей Гражданской войны.

В 1919 году в Северо-Американских Соединенных Штатах на русском языке вышла брошюра («Документы Сиссона») с сверхсекретной перепиской Ленина и его соратников с высокопоставленными чинами Германии (субсидировавшей «Великую Октябрьскую»). В этих материалах встречается и фамилия Фейерабенда, по нашему мнению, офицера кайзеровской военной разведки. Разумеется, «наша» Рубинштейн по роду службы поддерживала связь с первым политотдельским комиссаром 3-й армии Фейерабендом.

Тиражи газеты (бесплатной) были астрономические. За время существования «Красного набата» (1918-1920) политотдел 3-й армии (ПОАРМ) распространил 11 миллионов 119 тысяч 475 экземпляров, прибавьте сюда еще миллионы различных воззваний, листовок, газет-приложений и т.д. — и станут понятны чудовищные масштабы, влияние на умы «пролетарских масс» целеустремленных писак. Так за частным фактом одной биографии познается еще далеко не прочитанная история тех страшных лет.

В 1922 году уральский боевой опыт Рубинштейн учли, ее направили в ленинградскую «Красную газету», позже сделали главной подметальщицей кровавых англетеровских следов. История этой газеты сегодня маскируется; ее наследница, «Вечерний Петербург», выпустила (1968) помпезный юбилейный сборник, посвященный 50-летию своего существования. Полистав его, мы убедились, насколько осторожно «вечерники» обошли острые углы своего прошлого. Используя различные источники, мы — впервые за последние десятилетия — кратко восстановим желтую хронику «Красной газеты». Такая реставрация поможет лучше объяснить истоки ненависти к великому национальному поэту. При этом обещаем неожиданности.

Сразу сюрприз: оказывается, с первого номера (25 января 1918 г.) «Красной газеты», основанной Володарским, ее соредктором и активнейшим сотрудником выступал... Лев Сосновский, позже взявший на себя прокурорские обязанности по отношению к Есенину. Для тех, кто не знаком с пером «экса», соучастника убийства Николая II, одна цитата из его статьи «Развенчайте хулиганство»:

«В этом жутком логове (имеется в виду конечно же кабак. — В.К.) формируется идеология Есенина, которого

(не с похмелья ли?) нарекли «великим национальным поэтом» (выделено автором. — В.К.) и вывесили плакат без всякого протеста со стороны коммунистов, руководителей Дома Печати».

Доминанта иррациональной ненависти понятна. Кипящий злобой «картофельный журналистик» (характеристика Сосновского Есениным в его статье «Россияне»), абсолютно чуждый русской культуре да и вообще любой культуре, вопиет: «Только теперь спохватились, что с есенинщиной надо бороться». И далее совсем нагло: «Уже прошел первый угар, вознесший этого свихнувшегося талантливому неудачника чуть не в великие национальные поэты».

С первых же номеров в «Красной газете» подвизается Василий Князев, поспешивший в 1918 году, сразу же после убийства редактора-основателя, выпустить брошюру «В. Володарский». Он горячо откликнулся на слова своего кумира-благодетеля: «Мы требуем самой решительной и беспощадной борьбы со всеми контрреволюционерами...» Этому завету красный звонарь остался верен и в 1925 году, когда Володарскому в Ленинграде был поставлен памятник, а Есенин в том же городе зверски убит.

С первых же выпусков «Красная газета» публикует и заметки Ал. Сандро (Кусикова), ласкового врага Есенина, грозившего ему в 1923 году запрещением въезда в СССР после путешествия за границу с Айседорой Дункан. Сегодня отпали сомнения в том, какому идолу служил Сандро-Кусиков, эмигрировав в Париж. Да он и сам почти не скрывал своей хорошо

оплачиваемой тайной работы (см. его признание в сборнике «Русское зарубежье о Есенине»). Последний, излишне доверчивый, по пути из-за границы домой написал Кусикову о своем категорическом неприятии Февраля и Октября. Легко догадаться, что письмо не осталось в личном архиве адресата.

«Красная» издавалась на широкую ногу, бесплатно (!) распространялась по всей стране (в 1919 г. тираж поставляемой в провинцию газеты составлял более 60 миллионов экземпляров!). Идеологическая зараза, обильно сдобренная социалистическими и коммунистическими лозунгами, эпидемически быстро расползлась по земле, сея смуту и кровь. «Пусть всегда живет в ней пламенный дух революции! — приветствовал „Красную“ по случаю ее 5-летия Н.И. Бухарин. — Пусть звучит в ней голос великого города, его героического пролетариата, его погибшего трибуна Володарского...» Через четыре года Бухарин напишет «Злые заметки» с целью морально добить Есенина.

Редакционный особняк на Фонтанке, 57 видел многих сотрудников. В разные годы здесь работали: Г. Сафаров, А. Ильин-Женевский, Я. Никулихин, П. Коган, М. Левин (Северский), Н. Баскаков, А. Розовский (Рунов), М. Раппопорт, И. Гусев-Скальский, Н. Кузьмин (комиссар Балтфлота, один из главных душителей Кронштадтского восстания). Для многих красногазетчиков гитпроповское сочинительство было трамплином в большие партийные чины, в то же время редакция становилась гаванью для подуставших от «перманентной революции» видных членов партии.

В «Красной» оттачивали свои перья ее временные верховоды — поэт Илья Садофьев, критик Илья Груздев, драматург Сергей Гарин (Гарфильд). Закулисной роли первого из них после смерти Есенина мы касались, о травле его вторым из перечисленных говорить не хочется. О третьем дружке журналиста Георгия Устинова рассказы еще впереди. Кстати, дату смерти Гарина-Гарфильда указывают по-разному: одни — 1926-й, другие — 1927 год.

«Странный» мор напал на красногазетчиков после XIV съезда РКП(б); в 1926 году один за другим исчезли Самуил Фарфель, Иосиф Янкелевич, несколько раньше Илларион Гусев, Дмитрий Бразуль-Брушковский (один из основателей стенных газет) и др. Догадливые люди помнят «дипломатичный» разнос по различным годам дат смерти попавших в 1937 году под жернова репрессий. Не из этой ли загадочной серии и более ранние смерти?..

С изданием «Красной газеты» прочно связано имя ее второго после Володарского редактора — Моисея Ионовича Лисовского (1887-1938). В 1918-1919 годах он член редколлегии и одно время — полномочный хозяин «вечерки». Заведовал Губполитпросветом. С марта 1924 по январь 1925 года вновь у руля «Красной».

В этот период «Красная» стала большим издательским комплексом, выпускающим книги и различные приложения.

Справка о М.И. Лисовском: родился в селе Каменское Екатеринославской губернии. Образование низшее (все-таки не случайно многие лидеры большевизма отрицали классическое русское наследие — они его не знали). С 1904 года — партиец, в 1906-1910 годах скитался по тюрьмам и ссылкам. Как только нары и жандармский присмотр надоедали — убегал. В Гражданскую войну воевал почти на всех фронтах.

Практически Лисовский мало участвовал в работе газеты, лишь определял ее идеологическую стратегию. Единственной диктаторшей пребывала ответственный секретарь Рубинштейн.

Покинув «Красную газету», Лисовский оставался влиятельным и грозным партийным функционером и при необходимости мог оказывать сильное давление на ленинградские газеты. Его личное участие в журналистском шабаше при освещении события в «Англетере» не доказано, но круг его служебных и прочих знакомств не исключает заинтересованности в

исходе «дела Есенина». Собранные нами крохи биографии Лисовского, по-видимому, лишь начало нового сюжета.

Не менее сложными путями удалось «собрать» хронику жизни Якова Рафаиловича Ельковича. Он возглавил «Красную» с 22 января 1925 по 1 января 1926 года, то есть именно при нем красногазетчики изощрялись в очернении Есенина. Статьи и заметки готовились срочно в номер, в них немало путаницы, материалы не согласовывались со «Сменой», «Ленинградским рабочим» и другими здешними газетами — отсюда разноголосица в подаче фактов.

«Красная газета» первой поместила информацию о смерти Есенина 28 декабря 1925 года. На другой день критик Иннокентий Оксенов записал в своем «Дневнике»: «Вчера около 1 часа дня в „Звезде“ я услышал от Садофьева, что приехал Есенин, и обрадовался. Затем я поехал во Дворец Труда; заседание кончилось в 2 1/2 часа, и у ворот я купил „Красную“ вечерку. Хорошо, что мне попался экземпляр с известием о смерти, иначе я в этот день до вечера ничего не знал бы» (Москва. 1995. №9).

Пояснение: «Красная» стала платной газетой с 1922 года, нейтральная информация в ней 28 декабря была помещена в части тиража. Оперативность работы Рубинштейн и К° — фантастическая и крайне подозрительная.

Протокол №16 заседания бюро коллектива «Красной газеты» от 13 мая 1924 года гласит: «Секретариат редакции будет открываться вместо 12-ти часов — с 2-х часов». Такой порядок предложила сама Рубинштейн. Даже если в 1925 году секретариат «вечерки» вернулся к прежнему графику работы (с 12 час.), «Красная» никак не могла быть отпечатанной и переданной в киоски к 2 часам 30 минутам, когда ее приобрел Ин. Оксенов.

Заметим, «Правда» и другие газеты сообщили дату и время вскрытия 5-го номера «Англетера» — 28 декабря, 11 часов. При старой полиграфической базе, сложной организационно-технической практике выпуска газеты, необходимости ее транспортировки и т.п. за такой немислимо короткий срок (2-2,5 часа) издание не могло дойти до читателя. Очевидно, Рубинштейн знала об убийстве Есенина уже поздно вечером 27 декабря (воскресенье) и приготовила заранее материал для печати.

28 декабря, когда еще не состоялась судмедэкспертиза тела поэта, «вечерка» известила о его самоубийстве, показала «Красные клыки» (так называлась стенная газета при редакции). Ложь тут же подхватили ТАСС, РОСТА, зарубежные агентства.

По явному недосмотру Рубинштейн и цензуры «проскочила» статья Бориса Лавренева «Казненный дегенератами», единственное честное слово о свершившемся злодеянии в хоре фальшивых и трусливых голосов советских писателей. Лавреневу пришлось на собрании литераторов отстаивать свою точку зрения. Показательно: авторы материалов по скорбному поводу не были духовно близки Есенину.

Рубинштейн и Елькович в конце декабря 1925 года, при завершении работы XIV съезда РКП(б), прямо-таки свирепствовали, защищая зиновьевскую «новую оппозицию», бросая в корзины резолюции предприятий в поддержку большинства ЦК партии. Елькович даже выставил охрану в типографии, где версталась «Красная газета», — до того ситуация обострилась.

1 января 1926 года подпись ответственного редактора была снята. Но он затеял своего рода сражение, когда ему приказали передать редакторство сталинскому посланцу И. Степанову-Скворцову. Последний, правда, формально руководил редакцией, практически же дело возглавил (официально с 24 февраля 1926 г.) Петр Чагин, друг Есенина. И сразу тон отношения к памяти поэта изменился, посмертное над ним издевательство на время прекратилось. Кто знает, может быть, трагедии нелучилось, если бы С. М. Киров и его Санчо

Панса — Чагин — приехали в Ленинград пораньше (из газетной хроники известно, — Киров, назначенный новым партийным руководителем, прибыл в город 29 декабря).

Нельзя исключать, что своевременно информированный Есенин бежал от суда в Ленинград под защиту по-доброму к нему относившегося Кирова-Кострикова, кстати, в отличие от многих заметных большевиков, весьма неплохого литературного критика, ценителя поэзии.

Вскоре П. И. Чагин указал Рубинштейн, как мы знаем, на дверь. Через десять лет за троцкистско-террористическую деятельность ее арестуют и расстреляют.

ГЛАВА X

УБИЙСТВО ПО ПЛАНУ

Есенин, убегая из Москвы в Ленинград от грозившего ему суда и вездесущих чекистов, не мог остановиться в «Англетере». Это все равно что отправиться к черту на рога. В городе на Неве у него было немало добрых знакомых, которые наверняка рассказывали ему об особом режиме в доме по проспекту Майорова, 10/24. Имея богатый опыт одурачивания гончих службистов, на этот раз он тем более не мог рисковать (см.: Хлысталов Эд. Тринадцать уголовных дел Сергея Есенина. М., 1994). Декабрьская телеграмма Вольфу Эрлиху: «Немедленно найди две-три комнаты» — скорей всего, фальшивка, которая нужна была сексоту ГПУ для алиби. Ни один документ, как читатель мог убедиться, не подтверждает проживания Есенина в «Англетере». Доказательств по этому поводу предостаточно.

Если следовать официальной логике, но проверять ее архивными материалами, обнаруживается следующая странная картина: поэт поселился в 5-м, самом захудалом номере гостиницы, где нет не только ванны, но даже чернил; комната отгорожена шкафом от смежного большого помещения, в конном до 1917 года находился большой аптечный склад (данные контрольно-финансового журнала), ближайшие его соседи — сапожник, парикмахер и даже сумасшедшая чета Ильзбер

[19] .

Московский гость живет «по блату», не прописываясь. Такая вольность исключалась, напоминаем о записке (1925 г.) заместителя начальника местного ГПУИ. Л. Леонова в отдел коммунального хозяйства с просьбой поселить в «Англетере» своего агента. Европейски известный человек сидит одиноким отшельником четыре дня в своей полуподвальной обители, никуда не выходит, встречаясь, за двумя-тремя исключениями, совсем с незнакомыми людьми. 27 декабря, согласно мемуарной лжи Мансурова, устраивает пир, обильно сдобренный водкой и праздничным гусем, а по «наводке» Бермана, — выставляет чуть ли не десяткам гостей многочисленные графинчики и закуски на «длинном столе», а сам в это время дрыхнет пьяный на кушетке с зажатой в зубах папироской. Сработано топорно-грубо. «Гостиницы для приезжающих торгуют как обычно, — информирует 24 декабря 1925 года „Новая вечерняя газета“, — но без продажи пива и крепких напитков».

Продолжим: уходят собутыльники, поэт, обуреваемый хандрой, режет себе вены и даже ладони и плечо (протокол милиционера Горбова), бросает бритву и вскарабкивается с веревкой от чемодана на сооруженную высокую пирамиду на письменном столе, это после-то сильного кровотечения, не делает смертельную петлю на гладкой трубе парового отопления под самым потолком, а обматывает шею веревкой (лишь полтора раза), — будто шарфом и...

Дальнейшее известно. Не слишком ли много в этой трагедии «случайностей» и гэпэушников? Только сравнительно недавно стало известно, насколько плотно они (Берман, Дубровский, Медведев, Эрлих и др.), как коршуны, кружили над 5-м номером «Англетера». Следы запланированности кощунственного надругательства, а также следы его сокрытия, — налицо. Приведем наиболее убедительные аргументы.

Начнем с ленинградской «Новой вечерней газеты» («НВГ»), ее так же, как и «Красную газету», курировал Я.Р. Елькович. «Новая» не менее авантюрна, чем «Красная». 29 декабря «НВГ» напечатала подборку материалов о кончине Есенина, среди прочих — репортаж, как уже упоминалось, писателя Николая Брыкина «Конец поэта». Автор явно не появлялся в «Англетере», а просто поставил свое имя под чьей-то стряпней — достаточно сказать, что репортер изобразил «самоубийцу» обутом в сапоги, хотя на ногах Есенина были туфли.

Сусанна Мар, мечтавшая стать духовной музой ленинградских имажинистов (из воспоминаний Вадима Шершеневича), написала в том же номере «НВГ» слезливо-фальшивую заметку, в которой фигурирует покинутая поэтом заплаканная Аня. Что ни абзац — пошлые выдумки.

Но зловонные публикации появились еще раньше — 24 декабря 1925 года, в этот день Есенин приехал в Ленинград. Позволим себе полностью скопировать «маленький фельетон» журналиста-сатирика Александра Флита, претендовавшего на роль советского Козьмы Пруткова. Вчитайтесь, пожалуйста, в это сочинение.

ХОРОШИЙ ГУСЬ

(Строки из дневника)

Декабря 9-го. Я, крестьянский гусь-середняк Селижаровской волости Осташковского уезда Тверской губернии, деревни Первозвановка, от Машки-гусыни и Мишки-гусака, 22-х фунтов живого веса, прибыл сего числа в партии гусей-односельчан в Ленинград и поступил на склад Губгусьпрода.

Декабря 11-го. Держат в клетках. Теснота невообразимая. Питание отвратительное. Некоторые панически настроенные элементы уверяют, что нас скоро под зарез. Позвольте! Но ведь рождественский гусь — вопиющий предрассудок, это — религиозный дурман, это пережиток старого режима?!

Декабря 15-го. Четыре дня не брался за свое гусиное перо. События потрясли меня. Дорогого дядю Петра Никанорыча вчера отделили в числе сотни отборнейших, жирнейших гусей выпуска 23-го года, зверски убили и погрузили в порту на Лондон, в адрес английской мещанской утробы. Это у них называется экспортом битой птицы.

Декабря 17-го. Дни за днями катятся. Худею не по дням, а по часам...

Декабря 19-го. Вчера забрали соседа слева, сегодня забрали соседа справа. От страха у меня сделалась гусиная кожа. Но протесты бесцельны...

Декабря 21-го. Я знаю, что мне делать. Я — сознательный гусь, утру нос Губгусьпроду и брошу вызов всей человеческой утробе.

Прощайте, пока прощайте, мама, прощайте. Первозвановка Селижаровской волости Осташковского уезда Тверской губернии.

Протокол осмотра продажи живсекции Губгусьпрода.

Декабря 23-го, 1925 года, мы, нижеподписавшиеся, осмотрев партию гусей в 50 штук, запроданную ресторану «Кашира пьяная» и предназначенную к переводу в убойный отдел, составили настоящий акт о нижеследующем:

— из партии в 50 гусей, 50-й гусь найден повесившимся (здесь выделено ред. — В.К.) на крюке клетки и как погибший насильственной для гуся смертью, согласно инструкции Ветздравотдела, сдаче не подлежит.

Подписи. Место печати.

Александр Флит.

(Слова в тексте выделены нами.)

При беглом чтении в фельетоне, кажется, нет ничего особенного: автор-атеист («фля» называл его один из современников по аналогии — рифме «тля») накануне Рождественских дней натужно упражняется в остроумии, избрав не очень-то веселенький сюжетец. Разумеется, Флит аллегорически издевается над крестьянским сыном. Может быть, и не стоило обращать внимания на довольно типичный для 20-х годов дешевенький выпад против православия, если бы не ряд зловещих говорящих деталей. Первая: «...прибыл сего числа... в Ленинград...». Согласно тексту,

9 декабря 1925 года, но мы-то помним — «Новая вечерняя газета» датирована

24 декабря. Простите за напоминание, — в этот день в Ленинград приехал Есенин. Дальше:

«Четыре дня не брался за свое гусяное перо». Мистическое совпадение или информированность Флита? Ведь поэт провел в ленинградской «клетке», как мы доказываем, тоже четыре дня. Следственная тюрьма ГПУ находилась по соседству с «Англетером», по адресу: проспект Майорова, 8/23. А как прокомментировать фразу: «выпуска 23-го

года»? «Фля» явно отступает от «шутейного» и вольного набора подробностей, обращаясь к дате, которая что-то должна значить. В 1923 году Есенин возвратился после заграничного путешествия в СССР — изменившимся, утратившим свой социальный романтизм.

«Гусиного дядю» после убийства «погрузили в порту на Лондон...»? Здесь ощущается политический подтекст — советский режим тогда резко конфликтовал с правительством Великобритании. Но более важна другая параллель: Есенин, по распространяемым ГПУ слухам, собирался бежать в Англию, но, избалованный в своем намерении, вынужден был свести счеты с жизнью (впервые этот сюжет со ссылкой на свидетеля начал разрабатывать Э. Хлысталов). Нам такой вариант не кажется фантастическим (еще раз из письма Есенина к П.И. Чагину от 27 ноября 1925 г.): «Махну за границу» — тем более что страна Туманного Альбиона не была предметом его острой критики, как, например, США[20].

Возникающие при чтении флитовского фельетона другие ассоциации (см. выделенные нами слова) понятны. Пожалуй, остается один штрих: повесился 50-й гусь. Признаемся, в темной кабалистике мы не сильны. Помнится, в булгаковском «Мастере и Маргарите» Воланд со своей сатанинской свитой поселился в квартире №50. Чертовщина еще в том, что Есенин бывал в гостях у знакомого художника именно в этой квартире. Здесь же он познакомился с Айседорой Дункан.

Скептики наверняка будут упрекать нас в натяжках, но мы и не настаиваем на безусловной обоснованности аналогий, предмет сей требует дальнейшего анализа. Лишь заметим: флитовская шарада — не единственная в есенинской теме, есть ребусы и более занимательные.

Возможно, А. Флит выполнял некий «соцзаказ» с заранее заданными идеями и подробностями, не подозревая о реальном звучании фельетона. Ему дали «рыбу», расставили идеологические акценты — он задание выполнил. Наша настороженность еще более возросла, когда в том же номере «Новой вечерней газеты» за 24 декабря 1925 года мы прочли на сей раз стихотворный фельетончик с названием «ВОДСВИЖЕ со звездой путешествуют». Следом текст: «Ленинград. Площадь Восстания. Из вокзала выходит волхв с ручным чемоданом; к крыльцу подъезжает извозчик.

Волхв (извозчику)

Послушайте, где здесь вертеп?

Извозчик

Какой?

У нас их три и — разного размера:

Владимирский, Торговый, Трокадеро.

Два первых в центре, третий за рекой...

Едва ль другой отыщете такой:

Разденут в миг, — лишь попадите в лапы.

Оборвем богохульный диалог, речь конечно же об ожидании чуда несознательными беспартийными гражданами, не читавшими марксистских работ Емельяна Ярославского. «Произойдет рождение царя... небесного», — говорит любитель вертепов, приезжий волхв. Под фельетоном подпись «Товавакня» — вуаль для нас легкая и прозрачная — «Товарищ Василий Князев», знакомый нам стихотворец-циник.

Речь идет явно о приезде в Ленинград Есенина.

Есенин был неоднократно «отмечен» ГПУ и милицией. «Меня хотят убить», — не раз говорил он друзьям, и интуиция его не подводила. Скрывать его напряженные отношения с экстремистски настроенными шустрými «людьми заезжими», по крайней мере, нечестно. «В своей стране я словно иностранец», — писал поэт.

Не знаем, был или нет связан стихотворец Василий Князев с нечистой силой и оккультизмом, но его тесные личные контакты с людьми определенного лагеря (Г. Зиновьев, Г. Лелевич и др.) несомненны.

О спланированности убийства поэта можно говорить и по следующим признакам. Рассмотрим внезапные перемещения начальников 2-го отделения милиции. Именно оно должно было

заниматься расследованием обстоятельств происшествия в «Англетере», но его вытеснило Активно-секретное отделение УГРО (5-я бригада).

...Кто-то явно перепотрошил интересующий нас милицейский архив. Сохранились жалкие остатки — и даже в них грубые обрывы, о чем свидетельствует трижды менявшаяся нумерация «дел». По бумажным крупичкам, по крохоткам удалось установить (напомним): награжденный в ноябре 1925 года за отличную работу именованным револьвером начальник 2-го отделения ЛГМ Пантелей Федорович Распопов вдруг, 22 декабря, смещается со своего поста и на его место назначают Александра Семеновича Хохлова, человека неуживчивого, диктатора по натуре. При Хохлове 2-е отделение ничего не предприняло для расследования декабрьского события, и «дело» закрыли. Но начальник губернской милиции, аферист Герасим Егоров (напомним, в 1929 г. арестован и позже оказался за решеткой), вскоре удаляет «послушника» Хохлова, назначив на его место своего верного помощника по административному отделу Ленгубисполкома (АОЛГИ) некоего Шугальского. Точная дата его назначения нам неизвестна, но в ленинградском мартовском номере 1926 года журнала «На посту» он фигурирует в качестве начальника 2-го отделения ЛГМ. Есть над чем призадуматься...

Не будем возвращаться к участковому надзирателю Н.М. Горбову, его фальшивому протоколу, подписанному не жильцами или сотрудниками «Англетера», а понятливыми литераторами-понятыми. Обращает внимание анонимность хода освещения событий в печати после англетеровской трагедии: не названа фамилия специалиста, фиксировавшего час смерти поэта (им мог быть районный врач губернской милиции Кирилл Михайлович Афаносьевский); сообщение о судмедэкспертизе не сопровождается ссылкой на имя врача, проводившего вскрытие тела поэта; газеты скрывают ход милицейского следствия, отделяясь крайне тенденциозными или глумливыми публикациями (кроме статьи Бориса Лавренева); группа писателей, близких к сексоту ГПУ Эрлиху (Николай Тихонов в том числе), под благовидным предлогом организует контроль-цензуру за прохождением «есенинских» материалов в редакциях; Эрлих ссылается на гостей 5-го номера, а те почему-то отмалчиваются (кроме Ушакова и Мансурова).

О спланированности бесчеловечной акции свидетельствует и стихотворение «До свиданья, друг мой, до свиданья...», приписываемое Есенину. Эта элегия, пожалуй, последний бастион сторонников казенных небылиц. О ней, как мы уже говорили, много написано, сказано, она даже положена на музыку. Так как дискуссии продолжаются и после наших печатных и устных выступлений, повторим хотя бы тезисно наблюдения об искусной подделке.

Современные научно-криминалистические знания позволяют однозначно установить, — Есенин или не Есенин сочинил «До свиданья...». Сегодня и не такие головоломки решают. Да, подлинным и непредвзятым профессионалам провести экспертизу листка со строками загадочной элегии, написанной, как 70 лет уверяют, кровью самого Есенина, не представляет сверхтруда. Но фокус в том, кто и с какой целью ищет ответ. Экспертиза вызывающего споры стихотворения сравнительно недавно проводилась, но тенденциозно, без создания независимой комиссии и без контроля общественности. Разве можно назвать выводы экспертов объективными, если они работали (по разным направлениям)

в одиночку. Миллионы людей в России и за рубежом следят зато вспыхивающими, то угасающими дискуссиями вокруг этой проблемы, а некто предлагает им келейное одностороннее решение.

О том, насколько сомнительны заключения экспертов, можно судить уже по тому, что они брали, например, для изучения фальшивый акт судмедэкспертизы тела поэта, приписываемый А.Г. Гиляревскому, и на его основе делали далекие от науки выводы. Сегодня, как мы уже говорили, известны подлинные акты (1926-1928 гг.) этого врача, их-то и необходимо использовать для сравнительного анализа.

Другой факт: существующая уже давно «Комиссия по расследованию обстоятельств смерти Есенина...» привлекла для экспертизы протокол милиционера Н.М. Горбова и заверила общественность: документ подлинный, составлен на уровне правил и требований середины 20-х годов. Возможно, документ подлинный (копии автографов Горбова у нас имеются), но подлый, учитывая тайную службу составителя протокола, упрямого в 1929 году за решетку по причине его излишней осведомленности во многих ленинградских секретах. «Акт» Горбова — фальшивка, состряпанная сознательно уклончиво, непрофессионально, без соблюдения элементарных стандартов такого рода материалов. Не надо делать вид, что в изучении трагедии великого сына России сегодня ничего нового не произошло. Такая ложь — кощунственное издевательство над русской культурой.

ГЛАВА XI

СЛЕДЫ ВЕДУТ В МОГИЛЕВ

Систематизируя разыскания о лицах, так или иначе связанных круговой порукой в создании мифа о самоубийстве Есенина, мы обратили внимание на часто мелькающий у многих из них адрес периода революции и Гражданской войны: Белоруссия, точнее, города Могилев, Минск, Гомель и некоторые другие. В этих местах пересекались дороги, пожалуй, главных исполнителей кровавого заговора.

Журналист Георгий Устинов, как уже упоминалось, редактировал в Минске в конце 1917-го — начале 1918 года ежедневную газету «Советская правда». После того как красные оставили Белоруссию, написал воспоминания, в которых козырял своим знакомством со здешними видными зачинщиками революционной смуты (Могилевский, Позерн, Ландер и др.). В редакцию «Советской правды» стекались многие из тех, кто ненавидел Российскую империю и лелеял мечту не только о свержении царя, но и своем куске добычи.

Из Минска родом фотограф Моисей Наппельбаум (1869-1958), большой мастер своего дела, искусный ретушер, по нашему мнению скрывший в книге «От ремесла к искусству» свою причастность к революционному подполью. Правда, в одной из глав он почти открылся: «Меня захватила революционная борьба, которой был насыщен воздух в 1905 году, я ходил на митинги, взволнованно следил за развитием событий...» И все-таки остался непроницаемым для его биографов, предпочтя репутацию художника с объективом. Переменив много городов и весей, побывал в Америке. К нему благоволили Ленин, Троцкий, Свердлов и Дзержинский. Их революционные лики он не раз запечатлевал на портретах. Каким образом Моисей Наппельбаум, москвич, «кстати» оказался с фотокамерой в 5-м номере «Англетера» — загадка. Ее постаралась замолчать(?) дочь фотографа Ида Наппельбаум (жена литератора Михаила Фромана) в воспоминаниях «Угол отражения. Краткие встречи долгой жизни» (Спб., 1995). Книга очень осторожная, автор обходит наиболее «острые углы» эпохи 20-х годов, нередко описывает факты в ракурсе своего пристрастного видения, исключает рассказ о годах, когда она после войны хлебнула тягот концлагерей (не аукнулась ли ей приятельская связь Фромана с гэпэушниками типа Медведева и Эрлиха).

Открыто нами и подлинное лицо критика и педагога Павла Медведева, на поверку оказавшегося в 1925 году ответственным организатором комсомола 3-го Ленинградского полка войск ГПУ, в период революционных событий и в последующее время обретавшегося на Витебщине (здесь, кстати, провела свое детство Галина Бениславская). Точно выяснить круг обязанностей и места службы П. Медведева — «медведя в очках» — трудно, но, по косвенным данным, в начале гражданской междоусобицы он служил солдатом 132-й пехотной

дивизии Западного фронта, являлся членом комитета (3-й созыв) 10-й армии. Шустрый товарищ, находил выход своей энергии в печатании корреспонденций во фронтовых газетах; позже, перейдя на службу в ЧК — ГПУ, об этой стороне своей биографии помалкивал.

В 10-й армии служил стукач Георгий Колобов (кличка Почем Соль), позже лукавый знакомец Есенина. Как и Медведев, армейский активист, одно время член «Комитета спасения революции» на Западном фронте, был корреспондентом ряда газет. Возле Колобова мелькает и солдат Николай Савкин, злобный, мстительный недруг Есенина.

Читатель, возможно, помнит Леонида Станиславовича Петржак, в 1925 году начальника подотдела уголовного розыска при Ленинградском губисполкоме, ближайшего дружка главы губернской милиции Герасима Егорова. Оказывается, Петржак в молодости работал в Гомеле на заводе «Арсенал» — тоже из белорусских мест. Но еще интересней, что в Гомель по партийно-подпольным поручениям наезжала Анна Яковлевна Рубинштейн (об этом она пишет в своей «Автобиографии»). То есть имеются основания предполагать их давнее знакомство, скрепленное общими боевыми операциями. Попутно нелишне заметить в Гомеле в феврале 1917-го фигуру Якова Агранова, позже известного своими зверствами чекистского предводителя, которого судьба сводила на Лубянке с Есениным.

Наконец об осином гнезде Октябрьского переворота — городе Могилеве. Именно здесь Николай II сдался на милость масонов-генералов Алексеева, Рузского и других, именно здесь была разгромлена Ставка Верховного главнокомандующего и убит генерал Духонин — можно не продолжать: многие важнейшие революционные события вершились на Могилевщине. Недаром знавший не понаслышке местную предгрозовую обстановку Ольминский считал, что «...Могилев был в то время третьим (после Петрограда и Москвы) центром, решавшим исход революции». Нельзя умалчивать о значительных красных силах, копившихся в этом районе. Могилев стал вторым Версалем для России. Здесь выковывались биографии П.Н. Лепешинского, А. Ф. Мясникова и многих других «глашатаев» революции.

Несколько могилевцев пополнили ряды ярых есенинских нетопырей. Среди них Г. Лелевич, предпочитавший лирике Сергея Есенина фельетонную бойкость Василия Князева, классической русской литературе — пролеткультовскую трескотню. Из дневника ленинградского критика Ин. Оксенова узнаем, что Лелевич, комиссаривший в российской печати, вмешивался в содержательную направленность посмертных статей о поэте, стремясь возможно больше исказить его человеческое и творческое лицо. После XIV съезда РКП(б) карьера двадцатичетырехлетнего «неистового пропагандиста» мировой революции пошла на спад, и кончил он так же печально, как и многие его бывшие сообщники по «опертройкам».

В могилевский реестр можно занести и Валентина Вольпина, автора пресловутой «Памятки» о Есенине. Он — напомним — неплохо знал местную литературную жизнь, с семнадцати лет — с 1908 года — печатаясь в газете «Могилевский вестник», участвуя в работе здешних революционных кружков. Окончательно говорить о сознательном антиесенинском характере выступлений Вольпина у нас нет достаточных оснований. Он в соавторстве составил библиографию для четвертого тома собраний сочинений поэта (1927), но приглядеться пристальнее к окружению этого человека, считающегося ныне нейтральной фигурой, не помешает.

Еще одна новость: мать сексота Эрлиха — Анна Моисеевна, как удалось установить, родилась в местечке Дубровны (Дубровно) Горецкого уезда Могилевской губернии. Разумеется, этот факт ни о чем не говорит, но, не сомневаемся, скажет, когда мы узнаем ближайший круг ее родственников и знакомых, повлиявших на формирование ее нравственно уродливого сына.

Иногда земляческие узы бросают неожиданный отсвет на лиц, замешанных если не в убийстве Есенина, то в укрывательстве убийства. С Горецким уездом связана биография

неоднократно упоминавшегося «Петрова», сыгравшего, может быть, одну из самых главных ролей в спектакле абсурда, разыграншемся в поздний воскресный вечер.

ГЛАВА XII

РЕЖИССЕР КРОВАВОГО СПЕКТАКЛЯ

Занимаясь есенинским «следствием», мы не подозревали о существовании этого человека до тех пор, пока не встретились (1995 г.) в Петербурге со вдовой коменданта «Англетера» Антониной Львовной Назаровой (1903-1995).

70 лет не рассказывала она о декабрьском происшествии 1925 года. Ее заставляли молчать годы страха, незавидная судьба ее мужа, Василия Михайловича, чекиста, управляющего «Англетером» («Интернационалом»). Познавший вскоре после «дела Есенина» «Кресты» и Соловки («Не болтай лишнего»), вернувшийся оттуда духовно сломленным и физически разбитым, В. М. Назаров, кажется, навсегда научил «не распространяться» свою послушную спутницу жизни.

100-летний юбилей С.А. Есенина и новые общественные веяния дали старушке А.Л. Назаровой нравственные силы сказать известную ей правду. Если бы она не заговорила, «тайна „Англетера“ оставалась бы во многом нераскрытой. Это она помогла включить в ряд преступников управляющего домом 8/23 по проспекту Майорова (соседнего с „Англетером“) Ипполита Павловича Цкирия, сотрудника ГПУ, знавшего истинные обстоятельства гибели поэта. Антонина Львовна помнила лишь его фамилию, склонность к застолию на грузинский лад и слабость к хорошеньким женщинам — не более. Причастность же И.П. Цкирия к ведомству Дзержинского и его осведомленность в кошмарной истории доказаны без ее участия.

В беседе с нами А. Л. Назарова назвала еще одну фамилию — «Петров». В результате наших неоднократных мягких «допросов» выяснилось следующее (собеседница была на редкость откровенной, библиотечарь, она давно, хотя и запоздало, открыла для себя и поэзию Есенина).

Внезапно вызванный поздно вечером 27 декабря в «Англетер» Василий Михайлович Назаров вернулся домой днем следующего дня. Он рассказал жене о случившейся в его «хозяйстве» беде, бедняжке-поэте, которого он видел вечером в гостинице, в номере у «члена партии товарища Петрова». Конечно, хорошо знавший чекистскую дисциплину муж врал — да и зачем беспокоить молоденькую женщину совсем ненужными ей подробностями (в тот же день она в первый и в последний раз ходила в «Англетер» и видела покойного поэта). Муж-конспиратор также присочинил, что накануне своего скорбного часа Есенин будто бы выглядел хмельным, а «член партии» его радушно угощал пивом. Вот и все, что удалось узнать.

Спустя несколько дней, при новой встрече, мы как бы невзначай спросили у нее:

— Значит, Василий Михайлович заходил к члену партии журналисту Устинову?

Наше тактическое лукавство не удалось. Она стояла на своем:

— Петров.

Сколько мы ни бились — никаких дополнительных сведений о загадочном коммунисте получить не могли.

— Но почему ваш муж заходил именно к нему, а не к кому-либо другому? — цеплялись мы, как за соломинку, за последнюю возможность получить хоть какую-нибудь «ниточку».

Подумав, он ответила:

— Наверное, для Василия Михайловича Петров являлся авторитетным партийным товарищем.

Не густо, даже неизвестны ни имя, ни отчество. Легче найти иголку в стоге сена, чем человека с такой распространенной фамилией в более чем миллионном Ленинграде (1925 г.).

Прошло более года... И вот вдруг... Впрочем, «вдруг» не бывает, если систематически не «прочесывать» горы старых архивных залежей (в большинстве своем мы были их первыми исследователями). Проводя фронтальное знакомство с жильцами домов по Комиссаровской (то есть просматривая контрольно-финансовые документы по форме №1), — а улица та (бывшая Гороховая, в будущем Дзержинская) поближе к чекистскому штабу (д. №4) — заселялась в основном «железными рыцарями революции», мы наткнулись на... Петрова. Первое, на что мы обратили внимание: родился он в 1895 году в городе Черикове (Горецкий уезд!) Могилевской губернии. Припомнилась Анна Моисеевна Эрлих, мамаша «нашего» сексота. Она ведь тоже родом из того же города.

Ну и что? Мало ли Петровых. Остудив исследовательский пыл и «взяв след», продолжили поиски. Скучные, на первый взгляд, финансово-ревизорские бумаги помогли установить внешнюю хронику жизни уроженца Горецкого уезда с 1922 по 1929 год. Рубежные даты. В 1922-м с полей Гражданской войны и из отдаленных от центра подпольных и окоподпольных «гнезд» в Петроград хлынули «пламенные революционеры», а в обратном направлении и в эмиграцию отправились (под конвоем «кожаных курток») — пароходами, поездами, пешим строем — коренные петербуржцы, ученые, писатели, «буржуи» — одним словом, «контра». Тогда-то Петров и прибыл в «колыбель трех революций». В 1929 году грезы о мировой вакханалии испарились, а ее глашатай Троцкий был изгнан из СССР. Наверняка Петрову тогда пришлось несладко. Но он выжил и тешил себя «мировым пожаром» вплоть до 1952 года.

Однако все по порядку.

...В 1922 году в служебных ведомостях на получение заработной платы в архиве ФСБ мелькнула фамилия цензора Петрова. Далее предстала вот такая картина. Действительно, в 1922 году Петров служил в петроградской цензуре. Нашелся и соответствующий документ:

«Начальнику Политконтроля ГПУ.

О конфискации книги Ф. Ю. Левинсон-Лессинга «Математическая кристаллография».

Зав. Петроглавлитом Легран.

Зав. административно-инструкторским подотделом

Петров ».

1/XII 1922 г.

Подпись Петрова весьма характерная, «писарская», с кудрявыми завитушками. Эта

особенность помогла нам отличать его от многих других Петровых. Гублит в то время фактически находился в системе ГПУ. Об этом свидетельствует обнаруженная нами в архиве запись на листке календаря: «По распоряжению заместителя заведующего т. Харченко привлечь 3-ю государственную типографию к ответственности. Политинструктор ГПУ Петров. 7/II 1923 г.». На бумажке и другие автографы. Дальнейший поиск Петрова шел по книгам контролеров-финансистов, следивших за уплатой налогов советскими гражданами по месту жительства. Выяснилось следующее.

год. Октябрь. Петроград. Улица Комиссаровская, 7/15: «Петров Павел Петрович служит в ГПУ (зачеркнуто в документе. — В.К.). Занятие, профессия — Политконтроль ГПУ. Комиссаровская — 7, кв. 12. Служебный адрес: Комиссаровская, 4. Удостоверение №40116».

г. Апрель. (Здесь и ниже адрес тот же.«Кв. №8. Петров Павел Петрович, на иждивении 4 человека. Занятие, профессия — сотрудник ГПУ. Адрес места работы или службы: Комиссаровская, 4. Примечание: сведений не дал...»

1924 г. Октябрь. «Кв. №8. Петров Павел Петрович, членов семьи — 4, число комнат — 3. Занятие, профессия — артист, служит в Северо-Западном кино. — В командировке в Москве. Примечание: „сведений не доставил“.

1925 г. Октябрь. «Петров Павел Петрович. 3 комнаты (13 сажений). Режиссер. (Просп. 25 Октября, 80). Севзапкино. Справка от 19/IX 1925 г. за №».

1926 г. Апрель. «Кв. 8. Петров Павел Петрович. На иждивении — 3, возраст — 31, число комнат — 2, площадь-10, 75 сажени, по какой расценке оплачивается — 37%. Занятие, профессия — ... густо замазано чернилами и тушью, далее карандашом вписано. —

В. К.] — режиссер. Точный адрес места работы: кинофабрика Севзапкино, ул. Красных зорь, 10. Категория «А».

г. Октябрь. «Кв. 8. Петров Павел Петрович. На иждивении — 3. 31 год. Режиссер. Случайный поденный заработок. Безработный (справка Севзапкино от 12/VII 1926 г., №226. Примечание: в настоящее время состоит на службе в штате Севзапкино».

г. Октябрь. «Кв. 8. Петров Павел Петрович, 1895 г. рождения, на иждивении — 3, 1 прислуга; число комнат — 2, занимаемая площадь в кв. метрах — 67,2, месячная квартплата — 25,11. Кинофабрика Севзапкино, режиссер. Служебный адрес: ул. Красных зорь, 10. Указание подлинных документов: №66. Профсоюз — РАБИС работников искусств — №24476».

1929 г. Октябрь. «Кв. 8. Петров Павел Петрович, 1895 года рождения. На иждивении — 4, прислуга. Совкино, режиссер. 300 руб. — заработок. Служебный адрес: ул. Красных зорь, 10. Указание подлинных документов. Член какого профсоюза — РАБИС, №24476».

1929 г. Декабрь. «Кв. 8, комната 7. Петров Павел Петрович (Место рождения): г. Чериков Могилевской губернии, 1895 года рождения. На иждивении — нет. Одна комната <...>. Основная статья дохода — зарплата: 63,31 р. По первому разряду. Документы — Р192, Р168. Режиссер. Кинофабрика Совкино (ул. Красных зорь, 10). Расчетная книжка от 2/IV 1929 г., №— (Профсоюз) — РАБИС, №38598».

Дополнительная информация из тех же источников. Вместе с «артистом» до 1929 года проживала его жена, Зоя Константиновна, домашняя хозяйка, и двое дочерей. С 1927 года за бытом семьи присматривала юная служанка-няня Мария Семеновна Саржина, 1911 года рождения. Позже такую же дату рождения имела вторая жена Петрова, подробностей о которой мы, по этическим причинам, не сообщаем.

Отыскивались архивные обрывки деятельности Петрова в качестве режиссера Севзапкино. Его

экранный псевдоним — Бытов. Значительных следов кинопродукции Петрова-Бытова мы не обнаружили. Понятно, его тайная служба отнимала слишком много времени.

В 1925-1926 годах в ленинградском кинематографе работали Григорий Козинцев, Юрий Тынянов и другие известные мастера — не исключено, в их переписке может фигурировать и «наш» чекист-режиссер. Кинофабрика им явно не дорожила. В феврале 1926 года начальство предлагало «сократить немедленно, без ущерба для дела», 25 человек, среди них восьмым по списку значился Петров-Бытов. Видно, проку от него было мало, а нахлебничал он значительно — получая оклад по самому высшему, 17-му разряду.

Приступаем теперь, пожалуй, к самому сложному вопросу, — доказательству, что Петров-Бытов именно тот самый «член партии», с которым в день гибели Есенина «советовался» в «Англетере» его комендант Василий Назаров.

Проще всего заглянуть в чекистское досье Петрова — оно раскроет тайны, но, увы, нам сие недоступно: советской власти давно уже нет, но память о ее охранителях бдительно бережется. В бумагах обязательно должно быть написано — никакой он не Петров, а... Макаревич (впервые это установили авторы именного указателя к «Дневнику» (1991) Корнея Чуковского). Интересный фокус!

Он заставил нас обратиться к истории революционного движения в городе Черикове и в Горецком уезде Могилевской губернии. Оказывается, сын судебного чиновника Александр Михайлович Макаревич (П. П. Петров) рано ступил на стезю борьбы с царизмом, состоял в разного рода Комитетах и Советах. Себя не выпячивал, предпочитал оставаться в тени, имея склонность к художествам. Заметили, пригласили в Петроград следить за направлением умов. Но авантюрная, подпольная натура Макаревича-Петрова, по-видимому, заскучала, и скоро он перешел в штатные сексоты. Служил, надо отдать ему должное, профессионально, мастерски, почти не оставлял следов. Но...

Систематизируя информацию о «темных силах», видишь: «Петров (оставим избранный им псевдоним) все-таки „засвечивался“. 16 января 1925 года он выступил, как уже упоминалось, с докладом на тему „Ленин и Октябрь“ на объединенном собрании коллектива (парторганизации) №85 при 3-м Ленинградском полку войск ГПУ (ответственный организатор Павлович) и коллектива ревтрибунала 1-го стрелкового корпуса.

Оратор вещал: «В империалистической войне, в патриотизме, в крови рабочего класса капиталисты хотели утопить революционное движение». Типичная демагогия интербродяги.

Неужели надо доказывать, если на твою родную землю пришел враг, то его надо гнать. Так, между прочим, думали революционеры-патриоты Георгий Плеханов, Вера Засулич, Вера Фигнер, Петр Кропоткин, но более молодые революционные деятели об этом постарались забыть.

В упомянутом 3-м чекистском полку комсомолию возглавлял, как уже говорилось, Павел Николаевич Медведев, для профанов — критик и литературовед, для «посвященных» — сотрудник ГПУ, надзиравший за творческой интеллигенцией. Нелишне заметить, партячейка 3-го полка располагалась по соседству с «Англетером», в доме №16 по проспекту Майорова (бывшей Вознесенской ул.), где витийствовал литератор-осведомитель. Его домашний адрес: проспект Майорова, 26. Он же мог встречаться с Петровым в доме 7/15 по Комиссаровской, где преподавал в школе ГПУ: она размещалась в 7-й квартире, а «киношник» — в 8-й (во 2-й находился чекистский Политконтроль).

8-я коммуналка, можно сказать, была напичкана «кожаными тужурками» разного достоинства. Тут проживали переписчица 3-го полка Нина Алексеевна Ширяева-Крамер (удостоверение №1019 от 29/111 1924 г.), сотрудница Главпочтамта Минна Семеновна Бомбан (очевидно, занимавшаяся перлюстрацией чужих писем). Неподалеку квартировал помощник

политкомиссара 3-го полка Яков Котомин. Несомненно, Петров поддерживал связи с этой карательной частью.

Сегодня полностью доказать его участие в кощунственном действе крайне сложно — ведь мы извлекли «невидимку» из «небытия», поэтому улики приходится собирать по крохам. Но что ни новый шаг в исследовании его личины — прелюбопытные совпадения и аналогии. Буквально рядом с лжережиссером, в 7-й квартире, обитал Рейнгольд Иванович Изак (р. 1888), преподаватель университета им. Зиновьева, заметный в ту пору идеолог, — тот самый, который упорно препятствовал в 1930 году восстановлению в партии отбывшего заключение милиционера Н. М. Горбова.

Небезынтересны и другие соквартиранты Петрова. Например, Варвара Алексеевна Ушакова (№4), как мы полагаем, сестра псевдожурналиста и лжемемуариста А. А. Ушакова, написавшего две статьи о том, как он общался в «Англетере» с Есениным перед его кончиной. Ушакова прислуживала А. Т. Арскому (Радзишевскому), видному в прошлом революционному деятелю, тогда экономисту, педагогу и литератору. Его фамилия частенько мелькает в ряду лиц, устраивавших фальшивую завесу вокруг гибели Есенина.

Анатолий Матвеевич Карпов, секретарь Гублита, жительствовавший в 5-й квартире; в 1924 году, до своей цензорной службы, — штатный работник ГПУ (удостоверение №3925 от 20/III). С ним Петров, видимо, знался близко и мог, не мудрствуя, сказать ему, в каком свете необходимо освещать смерть Есенина. Было бы полезно разузнать имя и отчество некоего матроса Карпова, вместе с которым матрос 2-й статьи Гарин-Гарфильд в 1895 году дезертировал в Плимуте (Англия) с русского учебного судна «Генерал-адмирал». Не был ли один из дезертиров будущим ленинградским цензором?..

Формальная работа Петрова в Севзапкино дает возможность установить его предполагаемые связи с другими деятелями экрана. В этом отношении важна фигура драматурга Сергея Гарина-Гарфильда, другом семьи которого был журналист Г. Ф. Устинов. Они, «морские волки», отлично знали друг друга еще по совместным революционным акциям в 1902-1905 годах в Нижегородской губернии. Повторимся, чтобы восстановить в вашей памяти уже сказанное выше: наспех, сумбурно-нервно сочиненные вдовой Гарина-Гарфильда, Ниной Михайловной, лжевоспоминания (1935 г.) об обстоятельствах гибели Есенина дают основания думать, — мемуаристка пыталась отвести подозрения в причастности мужа и Устинова к тайным англетеровским манипуляциям.

Мы уже говорили, — грязную для памяти поэта статью в «Красной газете», скорее всего, готовила Анна Рубинштейн, хотя стоит подпись Устинова. Еще один небольшой аргумент в пользу справедливости наших слов: вряд ли бывший матрос-босяк так бесцеремонно-развязно называл бы Есенина законченным пьяницей, как это прозвучало в статье, — ведь сам он, по выражению Н. М. Гариной, был «...настоящим, неизлечимым алкоголиком и изломанным, искалеченным человеком».

Знакомство Петрова с Гариным-Гарфильдом, в 1922 году заместителем ответственного редактора «Красной газеты», в 1923-1924 годах заведующим научно-агитационным отделом Севзапкино, выходит за рамки гипотезы. За последним вился старый шлейф «мокрых дел» — покушение в 1906 году на генерала Селиванова во Владивостоке, позже, в 1909 году, одесские политуголовные приключения и пр.

Петров, бывший работник Политконтроля ГПУ и цензор, не мог не знать литератора-экстремиста. Агент ГПУ числился членом профсоюза СОРАБИС (Союз работников искусств), что видно из его вышеприведенного послужного списка. С конспиративными целями часто менял профсоюзные книжки, что заметно из того же перечня. Профсоюзными «липами» Петрова снабжала Секретно оперативная часть ГПУ и не исключено — лично ее начальник, уже знакомый нам И.Л. Леонов. Если знать, что в

1925-1926 годах членом президиума и правления СОРАБИСа, председателем его киносекции был... Гарин-Гарфильд, получается совсем небезынтересное «кино». Для развития сюжета дадим из архива документальное подтверждение:

Совершенно секретно

В Союз работников искусств.

Секретная Оперативная Часть Полномочного Представительства ОГПУ в Ленинградском Военном Округе настоящим просит выдать десять (10) штук членских книжек для секретно-оперативных работ под ответственность ПП ОГПУ в ЛВО.

Начальник ПП ОГПУ в ЛВО (

Мессинг) (Подпись)

Начальник СОЧ (

Райский) (Подпись)

Начальник 4-го отделения СОЧ (

Кутин) (Подпись)

30 декабря 1925 г.

На секретной бумаге стоит среди прочих автограф Райского, а не Леонова, но то обычная служебная рутина. Иван Леонтьевич Леонов к подобным «просьбам» тоже не раз прикладывал руку. Более ранний пример:

Совершенно секретно

В Севзапкино.

Ленинградский Губотдел Госполитуправления просит выдать представителю сего 10 (десять) штук чистых бланков[21] за подписями и печатью для секретно-оперативных работ под ответственность начальника ЛГО ОГПУ.

Начальник Ленинградского Губотдела ОГПУ (

Леонов) (Подпись)

Начальник СОЧ (

Подпись неразборчива)

1/X 1924 г.

16 декабря 1925 года в подобном же письме (№33152) И. Л. Леонов «просил» 20 «чистых бланок» для опрофсоюзивания своих агентов.

Власть всемогущего штаба на улице Комиссаровской была безраздельной. Тайный и явный сотрудник ГПУ мог получить любой официальный документ, проникнуть в любую сферу жизни Ленинграда. Очевидно, Петров максимально пользовался такой возможностью. Можно представить, насколько непререкаемо прозвучало слово этого «члена партии» для послушного коменданта «Англетера» В. М. Назарова.

Цепочка Петров — Гарин-Гарфильд — Леонов явно существовала. Подтвердим нашу уверенность еще одним соображением.

В 1924-1927 годах членом Художественного бюро Севзапкино был Константин Григорьевич Аршавский (Сыркин) (р. 1896), по совместительству — ответственный редактор ленинградской газеты «Кино». В печати особенно ценил ее идеологическую направленность. В 1924 году на одном из собраний коллектива Севзапкино его сотоварищи постановили: «Просить тов. Аршавского взять на себя идейное руководство стенной газетой». К экрану имел лишь то отношение, что, вероятно, время от времени заходил в кинотеатр. Зато мог похвалиться революционной биографией: в анкетах писал: «партийный профессионал». Участвовал в терактах, организовывал забастовки, арестовывался, сидел в тюрьмах, бегал из ссылки и т.п., за что удостоился личного внимания Яна Рудзутака и других «пламенных революционеров». В 1918-1919 годах заведовал Агитпропом в Петроградском губкоме РКП(б), — кстати, секретарем при его особе одно время была А. Я. Рубинштейн. Затем, в 1919-1921 годах, возглавлял Политуправление военного округа (под его началом служил Г. Е. Горбачев, передавший в 1930 г. псевдоесенинское «До свиданья, друг мой, до свиданья...» в Пушкинский Дом). Учился в Новороссийском университете, слыл крупным спецом в юриспруденции и экономике. В 1925 году преподавал в Ленинградском политехническом институте и в других вузах, одновременно являясь помощником комиссара Военно-морской академии.

Предположить его знакомство с Петровым естественно. Аршавский-Сыркин достаточно «наследил» в печати в связи с трагедией в «Англетере», и вполне будет оправданно включить его имя в есенинский «черный список». Свои троцкистско-зиновьевские конспиративные связи (Г. Е. Горбачев, Яковлев, Семечкин, Ямщиков) раскрыл в 1934 году, когда его «чистили» на одном из партийных собраний. Между прочим, каявшийся парт-муж заявил: «Я знал людей, которые подумали, что убийство (С.М. Кирова. — В.К.) — это единоличный акт. Я же сразу понял, что за ним (неким военным чином из Политотдела Балтфлота. — В.К.) стоят люди — те, кто вел подкоп».

Сведущий, можно сказать, товарищ. Наши «раскопки» подсказали — о «деле Есенина» он мог знать немало. На том же собрании-проработке Аршавского присутствовал «от имени и по поручению» член губкома ВКП(б) Борис Позерн, вскоре сам попавший в репрессивный переплет и, как говорят сведущие памятливые люди, на одном из допросов рассказавший о действительных обстоятельствах гибели Есенина. Не шла ли такая информация от Аршавского, весьма перепуганного своим арестом и выдававшего троцкистов-зиновьевцев направо и налево?

Отбыв в «сталинских» лагерях назначенный срок, Аршавский очищал свое имя от старой нелегальной скверны на фронтах Великой Отечественной, получил контузию. В 1955 году, в пору реабилитации старой революционной гвардии, его простили, восстановили в партии. Несколько лет работал в Библиотеке Академии наук СССР в Ленинграде, вышел на отдых

персональным пенсионером.

Мы не забыли Петрова, просто о нем, как об оперативно-секретном агенте ГПУ, сведений, понятно, не густо.

Требуется дальнейшая «разработка» его контактов, что, думается, поможет выйти на след непосредственного убийцы Есенина. К примеру, возможны линии пересечений по службе чекиста-режиссера с сексотом Вольфом Эрлихом, автором ряда киносценариев. По недостаточно проверенным архивным данным, дружок последнего, Борис Перкин, состоял при «члене партии» связником. Когда ФСБ откроет хранящееся за семью замками досье Петрова-Макаревича-Бытова, мы узнаем о нем много нового, — правда, вряд ли в потайной папке найдется листок хотя бы с одной строчкой о Есенине. Уверены, поэта арестовывали, пытали, убивали и создавали мифы о самоповешении по негласному заказу-приказу. Если бы следствие носило официально санкционированный характер, о нем знали бы многие гэпэушники да и спрятать или уничтожить абсолютно все бумажки было бы трудно.

Финал судьбы лже-Петрова печальный. Из справки архива ФСБ: «Арестован 2 сентября 1952 года. Обвинялся в преступлении, предусмотренном ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР, то есть в том, что занимался изготовлением и распространением антисоветских документов, в которых возводил клевету на учение марксизма и на одного из руководителей ВКП (б) и Советского правительства».

Известно и сочинение «антисоветчика». Мы взяли расхожее определение в кавычки, потому что таковым он не был, 30 лет через глазок кинокамеры, а еще больше, так сказать, через замочную скважину подглядывая за чужими жизнями и уродуя их. Бредовые мудрствования свидетельствуют о психическом заболевании многолетнего «бойца невидимого фронта». Неудивительно, ведь на его совести много загубленных невинных людей, впрочем, достаточно и одного святотатственного кровавого спектакля в «Англетере», чтобы в конце концов сойти с ума.

ГЛАВА XIII

ПРИКАЗ ОТДАЛ ТРОЦКИЙ

Эта часть исследования вызовет, наверное, наибольшее сопротивление и раздражение наших оппонентов.

За последние годы вышло немало книг о Троцком — этом «демоине революции» (И. Дойчер, Н. Васецкий, Д. Волкогонов и др.). Почти все они под флером академической объективности реанимируют труп главного революционного палача, бесконечно комментируют его бредовые прожекты мирового пожара (идея «перманентной революции», заимствованная у торговца отечеством, агента кайзеровской Германии Гельфанда-Парвуса).

Давно стало общим местом наблюдение, что облеченные властью тираны и диктаторы нередко баловались искусством. (Ленин питал слабость к музыке, Сталин — к стихам, Гитлер — к живописи.) Троцкий, в молодости переводивший на украинский язык басни Крылова, мнил себя большим эстетом в литературе. Некоторые его оценки творчества современников самостоятельны, не лишены наблюдательности и лихости ума. Например, он не принял натужно-уличной крикливости Маяковского, несмотря на весь его революционный пафос. Но Троцкий еще в детстве «ушибся» социологией и политикой — эта болезнь постоянно давала себя знать при анализе тончайших явлений литературы.

«Стиль — это класс, — пишет он, — и не только в искусстве, но прежде всего в политике». Для него агитки Демьяна Бедного — «явление совершенно небывалое, единственное в своем роде», Безыменский — «надежда» поэзии. От стихов Есенина, пишет Троцкий, «попахивает средневековьем», как и от всех произведений «мужиковствующих». Отстаивая интернациональную алгебру, он выхолащивал образную специфику художественного слова. Очевидно, сказывался иррационально-религиозный фактор, стоящий выше логических конструкций.

Есенина-человека Троцкий не любил, Есенина-поэта вынужден был терпеть, так как самим фактом своего существования его нежнейшая лирика служила укором железобетонным словесным строениям Александровского, Алтаузена, Гастева, Кириллова — несть им числа. У Льва Давидовича, городского умника, была ампутирована способность проникнуть в крестьянскую стихию творчества Есенина, в чуждый ему нравственно-этический деревенский мир. Но он не мог не считаться с международным признанием дара русского поэта, с его громадной популярностью в народе.

Поплутав в молодости, как и многие другие, в революционно-экстазном настроении, Есенин вернулся к вечным ценностям бытия. Зарубежная поездка завершила ломку его мировоззрения, открыла глаза на духовно-больную западную цивилизацию («жадную пасть») и зараженную революцией любимую Россию. Он, уже «выпуска 23-го года» (А. Флит), а не 17-го, мучительно осознавал трагедию русского народа. Троцкий следил за эволюцией Есенина, писал почему-то уверенно: «Воротится он не тем, что уехал».

От общих рассуждений перейдем к криминальному сюжету. Завязку его нужно искать в суде Краснопресненского района Москвы, куда через посредство прокурора в сентябре 1925 года по линии Наркомата иностранных дел обратились партчиновник Юрий Левит и дипкурьер Альфред Рога. Они требовали сурово наказать Есенина за скандал в вагоне поезда Баку—Москва. Из опубликованных недавно заявлений истцов и объяснительной записки поэта видно, что конфликт навязан самими амбициозными «потерпевшими».

Дело принимало серьезный оборот. Не помогло заступничество Луначарского (его волновала прежде всего нежелательная огласка «дела» в белоэмигрантской печати). Кто-то более всемогущий отверг ходатайство наркома просвещения и поощрил раж судьи Липкина. Последний, узнав, что «хитрец» Есенин находится в психиатрической клинике, названивал туда, посылал за притворцем чекистов.

Мы думаем, мнение Луначарского игнорировал Лев Троцкий. У него было немало причин «проучить» поэта. Во-первых, после заграничного путешествия поэт на всех углах «кроет» советскую власть (об этом говорил в Италии Андрей Соболев). Во-вторых, порядком надоел своим нескрываемым российским патриотизмом. Троцкий давно предал это чувство проклятию. Есенинская Русь противоречит любимому детищу Троцкого — мировой революции. И хотя поэт распевал с Дункан в Европе «Интернационал», доверять ему нельзя, его сольские концерты лишь бравада и фронда. Чтобы иметь «право на песню», его, это право, нужно заслужить верностью РКП(б).

Критик Ин. Оксенов 20 июля 1924 года записал в «Дневнике»: «...когда Троцкий сказал Есенину: „Жалкий вы человек, националист“, — Есенин якобы ответил ему: „И вы такой же“».

Поэт уже давно стал внутренним эмигрантом, видите ли, пишет:

«Отдам всю душу Октябрю и Маю.

Но только лиры милой не отдам».

Если партия потребует, дорогой товарищ, не только лиру, но и голову отдашь, — не таких обламывали. Еще не забыто, как кудрявенький деревенский мальчишка читал стишки вдовствующей императрице и великим княжнам.

Опекуна-чтеца, царского мажордома, полковника Ломана, в 1918 году хлопнули, а его прихвостня отпустили — и напрасно. Он тогда не случайно водил дружбу с Каннегисером, убийцей петроградского комиссара Урицкого. Каннегисера поставили к стенке, а приятеля его опять пожалели.

Есенин, мог полагать Троцкий, — социально опасный элемент. Недавно благодаря Дзержинскому и Агранову арестован есенинский закадычный дружок Ганин, тоже стихотворец.

Дурачок Ганин клюнул на наживку ГПУ — «князя» Вяземского, подговорившего его написать статью о своих взглядах и опубликовать ее в Париже. Деревенский карбонарий поверил, написал. Тут-то и взяли новоявленного публициста. Храбрец сошел с ума на допросах, но такого вольнодумца живым оставлять было нельзя. Расстреляли в марте 1925 года.

А Есенин тогда почувствовал неладное, сбежал; вероятно, вспомнил, как Ганин однажды в кабаке предлагал ему шутя пост министра просвещения в новом правительстве. Хороши шуточки! Партия будет с корнем выдирать инакомыслие. Недавно бахвалился, что у него сохранилась телеграмма Льва Каменева, в которой тот в феврале 1917-го благодарил великого князя Михаила за отречение от престола. Хвостун бросил тень на единство наших рядов.

Два года назад вся американская печать шумела, какой постыдный скандал учинил «отщепенец» Есенин в доме поэта Мани-Лейба. Неймется.

В ноябре 1923 года кучку «мужиковствующих» рифмоплетов — опять во главе с Есениным — прорабатывали общественным товарищеским судом (председатель Сосновский) в Союзе писателей. Скандалисты сумели тогда выкрутиться, и не в первый раз. Но, видно, побывки на Лубянке Есенину не пошли впрок.

Троцкому многое известно о его антисоветских проделках, он, наивный деревенщина, и не подозревает, что глаза и уши партии везде, даже в постели. Его подруга, Галина Бениславская, по своей «дури», кое-что рассказала Льву, сыну Троцкого, об откровениях Есенина, когда разводила амуры. Неоднократно Льва Давидовича информировал об опасной болтовне Есенина Яков Блюмкин, надежнейший младший товарищ-чекист. Говорят, он в Баку однажды чуть не застрелил говоруна, когда тот сказал лишнее. Перепуганный оратор тогда сбежал в Тифлис.

Так мог думать Троцкий — мы ничего лишнего не присочинили, есть документальный материал для более резкого внутреннего монолога «вождя».

Врага Есенина не устраивала его чуждая Октябрю поэзия последних лет, о чем сам «архитектор революции» и напишет в статье, напечатанной в «Правде» 19 января 1926 года: «Поэт погиб потому, что был несроден революции».

Рязанский скандалист позволял себе и личные резкие выпады против членов Политбюро ЦК РКП(б), характеризовал Гражданскую войну как «дикость подлую и злую», сгубившую тысячи прекраснейших талантов:

В них Пушкин,

Лермонтов,
Кольцов,
И наш Некрасов в них.
В них я.
В них даже Троцкий,
Ленин и Бухарин.
Не потому ль моею грустью
Веет стих,
Глядя на их
Невымытые хари.

Имеющая богатое смысловое значение рифма «Бухарин» — «хари» не оставляет сомнений в отношении автора к «вождям».

Выделенные нами выше крамольные строки выбрасывались революционизаторами творчества поэта с 1926 по 1990 год, да и сегодня без них обходится стихотворение «Русь бесприютная» во многих сборниках. Так советская редакция препарировала отчаянные и крайне рискованные есенинские строки.

Да, он вернулся в 1923 году в Россию «не тем, что уехал». «Хари» все помнили. Литературовед В.А. Вдовин подметил, что дерзкие строчки Есенина в «Руси бесприютной» могли послужить Николаю Бухарину личным мотивом для недовольства его поэзией в известной статье «Злые заметки» (Правда. 1927. 12 янв.). Коля Балаболкин (так именовал Бухарина Троцкий) добивал усопшего поэта испытанным большевистско-интернациональным оружием: «Идейно Есенин представляет самые отрицательные черты русской деревни и так называемого „национального характера“.

Троцкий, в отличие от Бухарина и своего друга Сосновского, питавшего к Есенину зоологическую ненависть, — более страшная и хитрая бестия (недаром Ленин, сам политик коварный, называл Троцкого «Иудушкой», говорил о его «иезуитстве» и «утонченном вероломстве»). Внешне он выступал чуть ли не радетелем Есенина. После его возвращения из-за границы даже хотел его «приручить», предлагая ему возглавить новый литературный журнал. Тогда они не смогли договориться. Поэт тоже был не лыком шит, иногда публично говорил о своей, так сказать, лояльности к всесильному «вождю революции». На самом деле все было намного острее и сложнее. Исследователи убедительно доказали, что прототипом интербродяги Чекистова в есенинской поэме «Страна негодяев» (убийственный заголовок!) послужил Троцкий, как и литературный персонаж, одно время живший в городе Веймаре.

Не исключено, что до Троцкого могла дойти фраза Есенина, сказанная в Берлине писателю-эмигранту Роману Гулю (опубликовано): «Не поеду в Россию, пока ею правит Троцкий-Бронштейн. <...> Он не должен править».

Поводом для арестов поэта не раз служили доносы юрких, вертлявых товарищей: 1920-й, сентябрь — А. Рекстень, Шейкман; 1923-й, сентябрь — М. Роткин (Родкин); 1924-й, январь —

Ю. Эрлих; 1924-й, февраль — С. Майзель, М. Крымский; 1924-й, март — братья Нейман.

Поэт осуждал культ генералов в искусстве, порождавший идеологический таран и примитивизм. «Уже давно стало непреложным фактом, — писал он, — как бы не хвалил и не рекомендовал Троцкий разных Безыменских, что пролетарскому искусству грош цена...» (Россияне. 1923). Так и случилось.

Он органически не умел лгать, не скрываясь, прямо говорил: «...мы в русской литературе не хозяева...» (из письменного показания поэта в милицию от 21 ноября 1923 г.). И опять оставался прав — отрицать им сказанное могут только невежды и фарисеи. В этом отношении у поэта есть авторитетнейшие предшественники, отмечавшие создавшуюся нездоровую и одностороннюю раскладку сил в русской литературе. Максим Горький, «буревестник», «основоположник», «великий пролетарский писатель» и т.д., которого трудно заподозрить в любви к Отечеству и национальной России (см. его брошюру «О русском крестьянстве». Берлин, 1922), с грустью говорил: «...все мы, писатели русские, работаем не у себя, а в чужих людях, послушники чужих монастырей...» (запись И. М. Касаткина; из его письма от 2 февраля 1916 года к критику Льву Клейнборту. Пушкинский Дом, ф. 586, ед. хр. №88, №35). Правде этих слов можно доверять. Их запомнил и передал друг Есенина и журналиста Г.Ф. Устинова прозаик Иван Михайлович Касаткин, тоже послуживший в ЧК на пользу революции, а в 1938 году сам попавший в ее железные сети. Кстати, Касаткин был одним из немногих друзей Есенина, сомневавшихся в официальной версии его гибели.

Есенин не хотел быть пасынком на своей родной земле, с болью осознавал себя «чужестранцем». Его подруга Галина Бениславская записала в горячах сказанную им фразу: «Поймите, в моем доме не я хозяин, в мой дом я должен стучаться, а мне не открывают». Как непохожи эти выстраданные слова на убеждение Вольфа Эрлиха: «Мой дом — весь мир, Отец мой — Ленин...» (из сборника «Необычайные свидания друзей». Л., 1937). Несомненно, абстрактный Эрлих был Троцкому ближе, чем земной Есенин.

Все вышесказанное приближает нас к выводу: стремление Луначарского предотвратить судебный процесс над поэтом перечеркнул Троцкий.

Допустим, гипотеза верна, возразят наши оппоненты, но при чем тут убийство, — ведь нет никаких доказательств причастности Троцкого к трагедии в «Англетере». И будут не одиноки. Огорчим возражателей — доказательства есть, мы их специально приберегли, чтобы комплексно, разом выставить улики против главного вдохновителя бандитской расправы над поэтом. И это, надеемся, только начало «допросов истории».

Прежде всего обратим внимание: 19 января 1926 года в своей статье о Есенине Троцкий пишет: «Больше не могу, — сказал 27 декабря побежденный жизнью поэт, — сказал без вызова и упрека...» И далее: «Только теперь,

после 27 декабря (выделено нами. — В.К.)

, можем мы все, мало знавшие или совсем не знавшие поэта, до конца оценить...» — и прочая кудрявая красивость: «...каждая почти строка написана кровью пораненных жил», «сорвалось в обрыв незащищенное человеческое дитя!». Никогда автор этих крокодиловых слез не писал прежде о Есенине в таком возвышенно-сентиментальном стиле.

Дело тут, конечно, не в грустном поводе, а в другом: Вольф Эрлих как раз к выходу «Правды» успел оформить в Ленинграде «Свидетельство о смерти» Есенина (мы его цитировали). Справка загса Московско-Нарвского района датируется 16 января 1926 года. Той же датой помечено письмо Эрлиха к матери, Анне Моисеевне, в Симбирск: «...живу в Москве с тех пор, как привез сюда Сергея (Есенина. — В.К.). Нет! На два дня выезжал в Питер». В другом, более позднем письме (не датировано) к тому же адресату Эрлих, посетовав, как говорилось, на свою ссору с Михаилом Фроманом из-за растраченных тем общих денег, лежавших на

счета в издательстве «Радуга», сообщает: «Зимой я был несколько раз в Москве, а после смерти Есенина прожил там без малого 2 месяца» (известно, сексот ГПУ в это время встречался в столице с Галиной Бениславской, но где жил — остается тайной).

Ловкий товарищ явно хлопотал, «приводя в порядок» «дело Есенина». 16 января 1926 года, дата оформления «Свидетельства о смерти» поэта, вернее «Справка», регистрировавшаяся Эрлихом (в ней значатся его фамилия и адрес, есть автограф) — не случайна. Очевидно, выполнив очередное срочное задание, он тут же укатил в Москву для отчета (возможно, письмо к матери он начинал писать в Ленинграде 16 января, когда заходил в загс, а закончил его, приехав в столицу). Необходимость в оперативном оформлении «Справки» объясняется тем, что она, по-видимому, потребовалась, как мы замечали, бывшей жене Есенина Зинаиде Райх, прибывшей тогда в Ленинград вместе с Вс. Мейерхольдом. Это косвенно подтверждает запись в «Дневнике» Корнея Чуковского от 25 января 1926 года: «Неделю тому назад я был у Мейерхольда». Пожалуй, Чуковский точен: вероятней всего, Зинаида Райх получила необходимую ей «справку» — для суда о наследовании права на есенинские гонорары — 18 января, в понедельник, или несколько позже.

Примечательна спешка Эрлиха: он расписался в «Справке» 16 января (в субботу!) и ринулся в Москву.

Это объясняется «очень просто»: на 18 января назначался вечер памяти Есенина в МХАТе, где должен был зачитать руководящее слово Троцкого артист Качалов, и ничего не должно было смущать организаторов лицемерного зрелища. Все сошло превосходно. Позже Эрлих ликовал. В письме (без даты) он сообщал мамаше о своем предстоящем путешествии — «вплоть до Америки». Двухлетняя шестерка ГПУ вдруг разбогатела. Вряд ли Троцкий тогда встречался с ним, но, помня, что в свое время он явился для спасения России из-за океана, предположить его окольное милостивое внимание к «Вове» вполне возможно.

Однако вернемся, по крайней мере, к ошибочной дате Троцкого — «27 декабря», как он фиксирует время смерти «такого прекрасного поэта». Что за абсурд? Его верный холуй, журналист Георгий Устинов, якобы трогательно опекавший Есенина в «Англетере», пишет (существуют газетные и иные варианты редакций его лжевоспоминаний): «Умер он в пять часов утра 28 декабря 1925 г.». О том же сообщали, ссылаясь на медицинские данные, не только ленинградские, но и московские издания. «Красная газета» (вечерний выпуск, понедельник, 28 декабря 1925 г., №313): «Сегодня в Ленинграде умер поэт Сергей Есенин». Утренний выпуск «Красной газеты» (в номере за 29 декабря 1925 г.) в редакционной заметке информирует: «Вчера в Ленинграде умер Сергей Есенин...» «Ленинградская правда» (1925. 29 дек. №300): «Вчера утром покончил жизнь самоубийством один из крупнейших современных поэтов, Сергей Александрович Есенин». Примечательное исключение в «Правде» (28 дек. №296. С. 11): «Всероссийский Союз писателей с глубочайшей скорбью извещает о трагической кончине Сергея Есенина, последовавшей

в ночь на 28 декабря в Ленинграде...» (выделено нами. — В.К.).

Не будем утомлять читателей: все газеты датировали кончину поэта 28 декабря, лишь Троцкий — 27 декабря. Как это объяснить? Вероятно, занятый ходом интриг на XIV съезде РКП(б), он не читал последних декабрьских газет или читал невнимательно (смерть Есенина в печати тех дней освещалась скупой, съездовская тема вытеснила все другие). Полученное же 27 декабря известие (шифротелеграмма? условный звонок?) о «часе X» в Ленинграде отпечаталось в памяти и сохранилось в статье.

Троцкий не ошибся по сути. Повторимся: именно 27 декабря, поздним вечером, в воскресенье, коменданта «Англетера» В.М. Назарова, по воспоминаниям его вдовы, срочно вызвали на службу, где он находился вплоть до следующего дня.

Весьма возможно, прочитав в «Правде» статью Троцкого о Есенине, облегченно вздохнул участковый надзиратель 2-го отделения ЛГМ Н. М. Горбов. Он, как ниже будет засвидетельствовано, поклонялся Троцкому и находился в зависимости от его ленинградских единомышленников. На следующий же день после появления фарисейского монолога Троцкого в «Правде», 20 января 1926 года, заведующий столом дознания И.В. Вергей (2-е отделение милиции) закрыл так и не начавшееся следственное «дело Есенина». Возник следующий документ, точнее, — резолютивная часть заключения (впервые опубликовано Э. Хлысталовым):

«...На основании изложенного, не усматривая в причинах смерти гр. Есенина состава преступления, полагал бы:

Материал дознания в порядке п. 5 ст. 4 УПК направить народному следователю 2-го отделения гор. Ленинграда — на прекращение за отсутствием состава преступления.

Завстолом дознания

Вергей (подпись-автограф)

Согласен: нач. 2-го отд. ЛГМ (

Хохлов)».

Кратко прокомментируем послушность милиционеров лицемеров. Иван Васильевич Вергей (р. 1891), судя по сохранившимся архивным материалам, отличался дисциплинированностью. Родом он из местечка Макаричи Мозырского уезда Минской губернии (еще один земляк наших многих «героев»). Одолел четыре класса училища. Как и тысячи других, в 1923 году устремился в поисках выгодной карьеры в Петроград. В 1935 году был уволен, как гласит архивная милицейская карточка, «на инвалидность». Мы в его нетрудоспособности позволим усомниться. В этом году, после убийства С.М. Кирова, в среде подобных Вергею наступила подлинная паника, и кадровые перетряски происходили неспроста.

О начальнике 2-го отделения ЛГМ А.С. Хохлове мы уже рассказывали. В прошлом ростовщик, он привык к выгодным сделкам. Партиец с ноября 1919 года, он умел выполнять приказы. Когда 22 декабря 1925 года он принимал «дела» 2-го отделения ЛГМ от прежнего неугодного начальника П.Ф. Распопова, последний передал ему по акту текущую «Книгу входящих и исходящих телефонограмм». Было бы интересно ее полистать, но, увы, как и многие другие документы, она была уничтожена.

Следователь нарсуда 2-го отделения Бродский (Гилелевич) Давид Ильич (р. 1895) не приступал к производству дознания. Жил он с супругой Брониславой Семеновной в 24-й квартире по соседству с родственниками в доме по улице Марата, 16. Мы об этом говорим не только для дальнейших поисков, а в связи с поистине бесценной для нас деталью: Бродскому прислуживала Анна Леоновна (Леонтьевна) Леонова (р. 1880), уверены — сестра известного читателям И.Л. Леонова, заместителя начальника Ленинградского ГПУ (полезный штришок: в одном из «личных дел» отчество чекиста — Леонович). Его «некрасивые поступки», как мы помним, критиковал, выйдя из Первого исправдома, милиционер Н.М. Горбов.

Сочинитель фальшивого «есенинского» протокола в интересующий нас период был «на дружеской ноге» с сослуживцами-троцкистами, вероятно, находился в зависимости от них.

Есть тому и подтверждения. 16 июля 1926 года Горбов делал доклад на партийном собрании коллектива 2-го отделения ЛГМ (18 человек) по поводу организационного отчета ЦК ВКП(б). Оратор, разумеется, не мог обойти проблему троцкистско-зиновьевской «новой оппозиции» в Ленинграде. Присутствующим явно не понравилась «левизна» докладчика. Он не ответил на заданные острые вопросы, прояснявшие точку зрения «уклониста». В протоколе записано: «...тов. Горбов только дал ответ на первый вопрос, на второй и третий — дать не мог».

Участвовал и председательствовал на собрании «от оргколлектива №29» Павел Сергеевич Силин (р. 1900), тот самый, который 11 апреля 1927 года, как уже говорилось, дал совершенно секретную негативную «Характеристику» па Горбова, подозревая его в незаконном владении «лишними» домами. Силин, видимо, терпеть не мог притких и крепко спянных троцкистов. 7 октября 1926 года он резко говорил о них на очередном партийном собрании и, в частности, заметил: «...в Москве на ячейке „Авиаприбор“ появление тт. Троцкого, Зиновьева, Пятакова, Радека и ряда других оппозиционеров послужило сигналом для начала открытого выступления» (из протокола собрания). Коммунисты решили «положить конец» всем раскольникам.

Иной взгляд имел Горбов. Когда в ноябре 1927 года сотрудники 2-го отделения ЛГМ проголосовали за исключение Троцкого и Зиновьева из партии (конечно, не без указания свыше), Горбов остался им верен. С ним были солидарны милиционеры Т.В. Варврук, М.Д. Гвай, В.Д. Свенцицкий и некоторые другие. Мы присматривались к компании смельчаков, дерзнувших «свое суждение иметь». Картина предстала банальная — все они «одного поля ягода».

Фрондеров, как тогда водилось, пригласили 29 ноября 1927 года на заседание бюро коллектива и заставили покаяться и проявить классовое чутье. Дело принимало нешуточный оборот (дискуссии 1925-1926 гг. завершились), и все милиционеры-фракционеры дали обратный ход. Сохранилось покаянное заявление примкнувшего к ним «нашего» протоколиста. В рамках развиваемой в этой главе темы документ (машинопись, автограф) небезынтересный:

В бюро коллектива при 2-м отделении ЛГМ

от кандидата партии ВКП(б) Горбова Николая.

15 ноября на экстренном собрании коллектива по поводу исключения из партии ВКП (б) Троцкого и Зиновьева — после прений, я поднял руку за преждевременное исключение, то есть до съезда партии. Считаю, что это была с моей стороны ошибка. Я никогда оппозиции не сочувствовал и активно не работал, поэтому прошу голос мой, данный на собрании коллектива за неправильное исключение Троцкого и Зиновьева из партии, снять. И я всецело присоединяюсь к большинству решения коллектива за то, что ЦК партии исключил Троцкого и Зиновьева правильно.

28/XI-1927 г.

И. Горбов .

Заявление участкового надзирателя говорило о начале пересмотра им своей партийной

позиции и, естественно, хозяев. Прежние, понимал он, могли завести его «не в ту степь».

Поможем нашим современникам, обратившись к вчера еще сверхсекретным обзорам Ленинградского ГПУ за 28-30 декабря 1925 года, то есть за дни, особенно нас волнующие, понять ситуацию. Информация предназначалась для особо доверенных работников губернского комитета РКП(б) и представляла собой «...отклики рабочих и служащих и настроений б/п (беспартийных) в связи с дискуссией на XIV съезде РКП (б)». Ценность «голосов из народа» в их непричесанности, в реальной, можно сказать, рентгеновской картине напряженных, судьбоносных для страны дней.

Даем отрывки из записей, сделанных «слухачами».

Рабочий фабрики «Красное знамя» Трачум: «Правильно ЦК Зиновьева осадил, нечего ему свою личную диктатуру проявлять». «Пролетарский завод» (бывший Обуховский). Некто: «Зиновьев и Сафаров (Вольдин Г.И., идеолог убийства Николая II, одно из первых лиц партийной элиты Ленинграда. — В.К.) хотят создать в ЦК, чего у нас не должно быть». Слухи: «Прибыло 80 человек из Москвы для ареста губисполкома». Некий студент Я.Л.О.: «Зиновьев с сатрапами (Лилина, Ионов, Евдокимов) свил себе прочное гнездо в Ленинграде...» Рабочий кожеобрабатывающего завода Антипов: «Зиновьев &...& в день смерти Ленина пустил пропаганду и объявил себя президентом России, а я охотно сейчас бы еще раз повоевал с подлецами». Беспартийный поэт Геннадий Фиш: «Зиновьев — компилятор; в наши дни компилятор может быть председателем треста, но не вождем Коминтерна. Зиновьев всегда трус, всегда увертывался от опасности, — даже в Кронштадтскую волынку, когда Ленинград спас Троцкий». Рабочий Путиловского завода Чигалев: «Раз начали ругаться — что-нибудь выйдет у них между собою и нам опять придется бить друг друга, как били в 19-м году». Рабочий завода «Красный путиловец» Кудрявцев: «Наша ленинградская делегация... забыла бедняков». Беспартийная учетчица Екатерина Саговская: «Теперь т. Троцкий сидит и посмеивается — в партии будет раскол». Работник гослитографии табачного треста Лихтенштейн: «Если Троцкий и Сафаров — порядочные люди, то они должны были бы застрелиться...»

Информационный отдел ГПУ поработал основательно. К примеру, только обзор суждений о внутренней жизни СССР за декабрь 1925 года составляет более 500 сообщений.

Чекистская сводка мнений советских обывателей говорит больше о настроениях той напряженной поры, чем все газеты, вместе взятые. Цензура не давала просочиться в печать ни одному правдивому слову о ходе московской партийной драки. На этот счет имелось следующее строгое указание:

Всем Гублитам, Обллитам, Крайлитам, Главлитам и политредакторам при ведомствах и типографиях.

Главлит сообщает к исполнению, что без санкции и разрешения редакционной комиссии XIV партсъезда никакие материалы XIV партсъезда (как издания отдельных речей, резолюций, а равно и бюллетеней съезда) издаваться не могут.

За начальника Главлита

Мордвинкин .

28/XI1-1925 г.

На фоне драматического поворота в жизни страны судьба Есенина лишь капля в пучине народного горя. Во многом его трагическая доля явилась отражением борьбы двух ведущих политических сил, в которой он занимал особое место. Указующий перст в «Правде» тогда еще всемогущего Троцкого есть в известной мере демонстрация власти. Его слово повлекло за собой странные сюжеты и превращения.

Ленинградская «Новая вечерняя газета» (1926, №18) 19 января — одновременно с «Правдой»(!) — поместила изложение «есенинской» статьи Троцкого. Удивительная заинтересованная оперативность, а главное, — осведомленность. Мы не забыли, — в той же «Новой» 24 декабря 1925 года, в день прибытия поэта в Ленинград, «Товавакня» — «Товарищ Василий Князев» напечатал загадочный фельетон «ВОДСВИЖЕ со звездой путешествуют»

[22] , а Александр Флит — не менее таинственный «дневник» «Хороший гусь». И вот еще одно, думается, вовсе не случайное совпадение. Кто-то в «Новой вечерней газете» был негласно связан с Троцким или его ближайшим помощником. Такой контакт мог поддерживать Я.Р. Елькович, заместитель заведующего агитотделом губкома партии, официальный редактор «Новой». Помалкивавший на XIV съезде Троцкий заговорил на Пленуме ЦК, когда речь зашла о перестановке руководящих редакционных кадров в Ленинграде, и заступился за Ельковича и других близких ему по духу идеологов.

Не исключено, Лев Давидович держал связь с бывшим ревтрибунальцем Иваном Ильичом Тютиковым (р. 1899), тогда сотрудником «Красной газеты» и одновременно цензором «Новой вечерней газеты», человеком крайне сомнительной биографии (при проверке партстажа в августе 1926 г. Контрольная комиссия указала на фальшивость его личной анкеты). Может быть, с Троцким контактировал и другой цензурный надсмотрщик «Новой», уполномоченный Гублита Корыхалов. Но пока это гипотезы, требующие проверки.

19 января — число рубежное. Оно круто повернуло житейские судьбы некоторых товарищей, отдавших свое имя в качестве лжесвидетелей происшествия в «Англетере». Один из них — прозаик Сергей Александрович Семенов, о котором уже шла речь. Мы вспомнили его в связи с троцкистским зигзагом темы, о чем говорит следующее его собственноручное заявление:

Зав. редсектором Ленгиза от Семенова Сергея.

Согласно переговоров с заведующим Ленгизат. И.И. Ионовым, прошу о направлении меня для работы

с сего 19 января (выделено нами. — В.К.) в журнале «Звезда» в качестве 3-го члена редколлегии.

Ионов : согласен (подпись).

Пом. заведующего

Ленотгиза Лихницкий (подпись).

19 января 1926 г.

Еще один весьма показательный документ:

«Тов. Горбачева и Семенова исключить из штата сотрудников Ленотгиза с 15 апреля на основании договора, заключенного с журналом „Звезда“.

21 мая 1926 г. Управделами

Славуцкий

В гору пошел товарищ Семенов, бывший комиссар, «организатор провинциального пролетариата», как он сам пишет в «Личной карточке» (1 февраля 1926 г.). В своей «Автобиографии» (1928) с гордостью сообщает: «Дрался три года. Был ранен, контужен, принял под Кронштадтом ледяную ванну и демобилизовался с испорченным правым глазом». Далее: «Лично для меня Октябрь 1917 года был безудержным прыжком в ослепительную, грохочущую жизнь». Человек в ту пору небезызвестный, напомним, за фронтовые и творческие заслуги его почитали Подвойский и Луначарский.

На перемещение Семенова можно было бы и не обратить внимания, если бы не «сигнальная» дата — 19 января — и не менее привлекающая нас оговорка «Согласно переговоров с заведующим Ленгизат. И.И. Ионовым...» О чем они говорили в день выхода директивного слова Троцкого о Есенине? О нелегких житейских тяготах Семенова, о его годовой отлучке с редакционной работы для лечения туберкулеза и ноющих фронтовых ранах? Возможно. Заметим, имя литератора еще не фигурировало в есенинской трагической хронике, заказанная (не Ионовым ли?) Валентину Вольпину «Памятка» еще не была готова (в ней впервые будет сказано о Семенове — госте 5-го номера «Англетера».

Понятно, реставрировать диалог 19 января 1926 года шурина Г. Е. Зиновьева и знаконца А. В. Луначарского невозможно, но сама моментальность повышения карьеры писателя заставляет задуматься. Творческое хитро сплетение фамилий «Семенов» и «Горбачев» из того же ряда загадок.

Журнал «Звезда» как источник первых вестей о самоубийстве Есенина тоже прелюбопытен. Биография Георгия (Григория) Ефимовича Горбачева, уже достаточно нами представленного троцкиста и «литфронтовца», еще будет предметом дальнейшего исследования есениноведов. Они обязательно прочтут пока нам недоступные протоколы его допросов в 1937 году (архив ФСБ, Москва) и сделают соответствующие комментарии. Ограничимся одной лишь строчкой в адрес Горбачева из протокола заседания ленинградской областной Контрольной комиссии от 6 апреля 1928 года: «...давал адреса к Зиновьеву и Троцкому...» В июле 1917 года с вдохновителем переворота Троцким он, как уже говорилось, сел в «Кресты» за попытку остановить наступление русской армии против кайзеровской Германии. Не ошибемся, — дружба предателей России продолжалась и в 1925 году.

Вряд ли обо всем этом подозревал С.А. Семенов, сентиментальный комиссар, совершивший 19 января 1926 года нелегкий для него «прыжок» к сраму.

Уголовный характер политики Троцкого известен. Масон и агент австрийского правительства, предатель интересов России, награбивший после 1917 года астрономическую сумму денег

(читайте «Золото партии» Игоря Буничя) на нужды своего семейства и мировой революции, не гнушался никакими средствами для достижения цели. В своей книге «Их мораль и наша» (1938) («их» — сталинистов, «наша» — троцкистов) социально-классовый гуманист приравнивал большевиков к секте иезуитов и писал: «Так, даже в самом остром вопросе — убийство человека человеком — моральные абсолюты оказываются совершенно непригодны. Моральная оценка, вместе с политической, вытекает из внутренних потребностей борьбы».

Философия гангстера с идеологией. В период революции и Гражданской войны наркомвоенмор воплощал эту философию по «высшей мере».

И все-таки Троцкий вряд ли отдавал приказ убить Есенина; вполне может быть, он лишь санкционировал его арест в Ленинграде, дабы «проучить» поэта-скандалиста, уклонявшегося от суда. Причем, полагаем, санкция последовала полуофициальная, адресовалась она одному из его ближайших оруженосцев. Последний на допросах бурно реагировавшего поэта, возможно, переусердствовал, что и привело к трагическому финалу. Как разворачивались, на наш взгляд, события дальше?

Объявить Есенина убитым в кабацкой драке, подбросив его тело в темный переулок, было опасно. Не забудем, шел XIV съезд РКП(б), Ленинград слыл городом оппозиции Сталину — не только слыл, но шумными провокациями и разного рода демонстрациями (вплоть до применения оружия) заявлял о поддержке Зиновьева и К°. Позволить, чтобы русский поэт погиб в гнезде оппозиционеров, было для них невыгодно. Сталин мог бы воспользоваться ситуацией (хотя сам Есенин его не интересовал), докопаться до истины и приобрести лишний веский козырь для уже физической расправы со своими политическими противниками. Вот почему и созрел план организации кошунственного спектакля с самоповешением московского беглеца. Кто лично был инициатором этого театра-злодеяния — сегодня сказать трудно. Кровавая машина была пущена в ход. Ее обслуживали в основном верные Троцкому люди, доказавшие свою преданность ему еще в Гражданскую войну. Бывшему наркомвоенмору пришлось подумать, прежде чем назначить устроителей небывалого кошмара. Сообщники скоро нашлись. Далее мы впервые приводим факты, добытые с большими трудностями, и «припрятанные» нами аргументы.

1. Георгий Феофанович Устинов, журналист. Темная лошадка в сокрытии следов убийства Есенина. Избранна роль лжеопекуна поэта в «Англетере», так как был удобной фигурой для создания нужного мифа (приятель поэта и т.д.). В свою очередь, Устинов чуть ли не первый сочинил о своем военном начальнике книжечку «Трибун революции» (написана в 1918 г., издана в 1920 г.), в которой поднял Троцкого до небес: «джентльмен революции», «пламенная карающая десница революции», «Горьковский Данко», «пламенный революционный трибун», «экстракт организованной воли», «лицо Троцкого — лицо русской революции» (это, пожалуй, единственно верное сравнение) — какими только эпитетами не награждал своего господина вчерашний Челкаш. Брошюра Устинова — сплошное суесловие с реверансами. Биографию своего хозяина автор героизирует до неприличия, но не заставляет себя подумать о некоторых странностях его поведения в важнейших событиях российской истории начала XX века. 1905 год: гремят словесные фанфары автора Троцкому, спешно примазавшемуся в Петербурге к Совету рабочих и крестьянских депутатов, органу темной закулисы. Устинов называет проходимца-спекулянта, позже агента кайзеровской Германии, предателя России, Гольфанда-Парвуса (духовного наставника Ленина и Троцкого) «человеком больших знаний и выдающегося политического и литературного дарования».

В июле-августе 1917 года устиновский божок сидел в петроградских «Крестах» за руководство большевистским вооруженным путчем, попытку сорвать наступление русской армии и организацию убийства петроградской матросней более семисот человек. Репетиция Октября провалилась, обнаружилась тесная связь Ленина, Троцкого и их «пломбированной» гвардии с

германской военщиной (на эту тему имеется до сих пор тщательно скрываемый 21 том неопубликованного следственного дела).

Устинов — слепой фанатик и честолюбец — не знает и не хочет знать исторической правды, он всецело во власти того, кто его пригрел, дал ему возможность уверовать в свой художественный и публицистический талант. А еще недавно, в 1914 году, этот перевертыш писал в своей брошюре об обязательной необходимости защиты России от Германии.

Книжечка о Троцком создавалась в 1918 году, когда Устинов сопровождал наркомвоенмора в специальном поезде, наводившем ужас на красноармейцев своими расстрельными рейсами. Журналист выполнял в «Поезде Троцкого» обязанность ответственного секретаря газеты «В пути» (она выходила в 1918-1922 гг.). Взглянем на ее страницы.

Первый номер. 8 сентября 1918 года. Передовая статейка «Дружно!»: «Они погибают!.. Никакие ухищрения, никакие подкупы, никакие обманы не помогут русским и иноземным купцам и помещикам сломать власть рабочих и крестьян». Тирада Устинова.

Третий номер. 10 сентября 1918 года: «Революционное Бородино» (о взятии красными Казани). Подпись: «Г.У.», то есть Георгий Устинов. Печатаются приказы, телеграммы и статьи Троцкого.

Четвертый номер. 15 сентября 1918 года. Вопль Устинова: «У последней черты»: «Черносотенно-меньшевистский и белогвардейско-меньшевистский стан переживает последние минуты». Далее о расстрелах царских министров, грядущей не завтра-послезавтра мировой революции и т.п. В следующих выпусках «В пути» призывы расстреливать дезертиров, отступников революции. Кроважидная газетка. В одном из ее номеров (1919) читаем: «...Казачество... прелюбопытнейший вид самостийных разбойников. Общий закон культурного развития их вовсе и не коснулся, это своего рода зоологическая среда. <...> Стомиллионный русский пролетариат даже с точки зрения нравственной не имеет права здесь на какое-то великодушие. Мы говорили и говорим: очистительное пламя должно пройти по всему Дону и на всех них навести страх и почти религиозный ужас. <...> Пусть последние их остатки, словно евангельские свиньи, будут сброшены в Черное море!»

Обратите внимание, что ни слово — лицемерие. Откуда политические гангстеры взяли «стомиллионный русский пролетариат» в крестьянской России, о какой культуре и нравственности поминают сплотившиеся бесы, так ненавидевшие христианскую мораль? Так мчавшийся на всех парах карательный поезд идеологически и практически реализовывал директиву Я. М. Свердлова о геноциде казачества.

Рядом с Устиновым в походной типографии торчал «Товавакня» — товарищ Василий Князев, его будущий сообщник по клевете на замученного Есенина. Князев, очевидно, гордился личным приглашением предреввоенсовета помочь обеспечить художественную завесу вокруг поезда. И он, как и Демьян Бедный, исправно отрабатывал доверие, печатая «В пути» рифмованные тирады. К примеру, «Красноармейскую песню» (1919. №27. 6 апр.):

Враг кровавою расправой

Мнит покончить с голытьбой

Левой — правой, левой — правой —

Марш, товарищи, на бой.

В том же газетном номере пышущая звериной злобой к старой России статья Троцкого «Издыхающая контрреволюция». Он же 14 сентября 1919 года (№94) обрушивается на командарма 2-й Конной армии Филиппа Миронова, позже расстрелянного по его личному указанию.

Большевицкая инквизиция на колесах летела к триумфу, оставляя за собой горы мужицких трупов. Люмпен Устинов был повязан с Троцким одной кровью и позже, когда последнему понадобится буйная голова Есенина и сокрытие его казни, — «Жорж» не осмелится восстать против преступления.

Троцкий считал убийство оправданным средством утверждения коммунистической идеи. «Мы должны, — писал он, — превратить Россию в пустыню, населенную белыми неграми, которой мы дадим такую тиранию, которая не снилась никогда даже жителям Востока. Путем кровавых бань мы доведем русскую интеллигенцию до полного отупления, до идиотизма, до животного состояния...» Есенин мешал исполнению плана антихриста и сознавал уготованную ему незавидную судьбу:

И первого

Меня повесить нужно,

Скрестив мне руки за спиной,

За то, что песней

Хриплой и недужой

Мешал я спать

Стране родной.

Продолжаем реестр представителей «страны негодяев».

2. Анна Яковлевна Рубинштейн, она же «тетя Лиза», нареченная женой Устинова, она же Елизавета Алексеевна (Елизавета Александровна, Надежда Николаевна), ответственный секретарь ленинградской вечерней «Красной газеты».

Более подходящей кандидатуры на роль заботливой и сердобольной хранительницы покоя Есенина в гостинице трудно было придумать. В 1924 году ее уже «поселяли» в «Англетере» (постоянно жила в «Астории») для выполнения какой-то, как мы предполагаем, антибританской акции.

В декабре 1925 года опыт (очевидно, удавшийся) повторили. Порученное ей задание — обеспечить информационное прикрытие убийства Есенина — она выполнила далеко не безупречно, но в предновогодней и предрождественской суете, в напряженном ажиотаже завершавшегося XIV съезда РКП(б) все сошло с рук. Люди поверили ее сумбурной писанине от имени «тети Лизы», «искупавшей» поэта в ванне 5-го номера, которой, согласно инвентаризационной описи, как мы уже знаем, там вовсе и не было, «носившей» туда свой самовар, хотя в этом не было никакой необходимости.

Статья-воспоминание о последних четырех днях Есенина, написанная, по нашему мнению, за Устинова, истерично-сентиментальна, что выдает, как уже замечалось, автора-женщину. Назойливое стремление утвердить читателей в мысли, что поэт остановился именно в 5-м номере, а его заботники в 130-м, подвели ее: «есенинская» комната, как выяснилось, выглядела бутафорской, одной из самых неприглядных, соседствовавшей с жилыми углами «дяди Васи», дворника Спицына, и другими малозаметными работниками «Англетера»; 130-й номер, смежный с таинственным 131-м, не фигурировавшим обычно в списках жильцов, лишь укрепляет уверенность в спланированности проведенной операции.

Провокация-дезинформация раскрывается сравнительным анализом статей и заметок в «Красной газете» и в других ленинградских изданиях — договориться о единой системе подачи фактов журналисты-лжецы и контролировавшие печать цензоры и политредакторы не успели.

Почему выбор Троцкого пал на Рубинштейн, в чем мы абсолютно уверены? Причина в их давних военно-партийных связях. Троцкий несколько раз приезжал на совещания ответственных работников 3-й армии, и Рубинштейн, очевидно, представляла на них газету (например, 24 апреля 1918 г. в Вятке, там же в конце апреля — начале мая). «Красный набат» освещал шумные рейсы «Поезда Троцкого», писал о влиянии бронированного штаба на колесах на идеологию газеты (1920, №63 (458), 7 марта). Дороги «трибуна революции» и журналистки-комиссарши могли пересекаться и в других горячих точках революционной России. Он не мог не оценить организаторский неистовый пыл этой фурии, личную ему преданность, ее интернационалистскую убежденность.

Рубинштейн сохранила верноподданничество Троцкому до конца своей авантюрной биографии. Проживая в ленинградской «Астории» (1-й Дом Советов), она, несомненно, общалась с расположившимися там же многими троцкистами и конечно же с первой женой «мессии» — А.Л. Соколовской-Бронштейн и ее дочерьми. На последний факт ей особо укажут следователи-энкавэдэшники, допрашивая ее в 1936 году.

10 мая на вопрос: «От кого вы получали информацию о семье Троцкого?» — она ответит: «Кроме Невельсона, я информации о семье Троцкого не получала ни от кого. (Невельсон Ман, участник Февральской и Октябрьской революций в Петрограде; в период Гражданской войны был на партийной работе, занимал должности от комиссара полка до начальника политотдела дивизии. В январе 1928 г. сослан, находился в заключении в политизоляторах — Тобольском, Верхнеленском и других. Он являлся мужем дочери Троцкого — Нины, умершей от чахотки. — В.К.) Признаю, что полученная от Невельсона информация о смерти за границей Зинаиды Бронштейн — дочери Троцкого носила политический характер и предназначалась для распространения среди партийных кругов с целью показать жестокую расправу руководства ВКП(б) и Сталина со своим политическим противником Троцким и месть его семье. Об этом назначении полученной мной информации для меня было очевидно из того факта, что Невельсон является родственником семье Троцкого» (справка от 17 июня 1996 г. архива ФСБ, публикуется впервые. Стиль ответа сохранен).

В показаниях Рубинштейн примечательны два обстоятельства: первое — смерть Зинаиды Бронштейн от психического заболевания она использует в качестве повода для политической истерии; второе — семейно-бытовая интимность ее связи с предметом обожания. Она могла выполнить любое его преступное задание, что и сделала, печатая в «Красной газете» заведомую ложь.

Общение Рубинштейн с Маном Невельсоном, мужем Нины Бронштейн, заставило нас внимательнее присмотреться к жильцам «Астории» (1-го Дома Советов). Контрольно-финансовый список высокопоставленных советских квартирантов подтвердил наши предположения: здесь в 1925 году удобно расположилось семейство Троцкого по первому браку. Бывшая его жена Александра Львовна Соколовская-Бронштейн (1872-?)

занимала номер 315/316 (4 комнаты). Служила в Смольном (удостоверение №20/4648 от 22 сентября 1924 г.). Рядом, в номере 317/318, обитали ее дочь Нина, студентка, и ее сестра Соколовская Мария Львовна, работавшая (кем?) по адресу: улица Комиссаровская, 15 (напомним, в доме №16 по той же улице располагались штаб и партячейка 3-го Ленинградского полка войск ГПУ, где витийствовал комсомольский вожак и одновременно сексот тайного ведомства П.Н. Медведев).

Троцкий давно оставил свою первую семью, но отношения с ней сохранил, видимо, помогал своей прежней подруге жизни материально, может быть, иногда звонил, справлялся о здоровье и пр.

Когда-то он познакомился с Александрой Львовной не только на сердечной, но и на общей идейной почве. Можно с уверенностью сказать, что и в 1925 году их партийно-деловые связи не оборвались и, весьма возможно, время от времени она выполняла какие-то его поручения. В книге И. Дойчера «Троцкий в изгнании» (М., 1991) сказано, что со своим бывшим мужем она «...переписывалась до самой смерти» (арестована в 1935 г., находилась в Тобольском политизоляторе, дальнейшая ее судьба неизвестна). В исследовании (весьма конъюнктурном) Н. Васецкого об «архитекторе революции» о той же прежней семейной парочке читаем: «Жизнь развела их, но они сохранили идейную связь и дружбу».

Естественно, Анна Яковлевна Рубинштейн («Астория», №128), заметная военно-идеологическая особа в Ленинграде, фанатичная троцкистка, по-свойски заходила к Бронштейнам (об этом ей напомним на допросе в 1936 г.). Если к тому добавить, что буквально рядом с Соколовской-Бронштейн, в номере 319-м, жила помощница Рубинштейн по «Красной газете» — Дебора Исааковна Кантор, появление в здешних апартаментах комиссарши-красногазетчицы не вызывает сомнений, тем более что ради своей сотоварки она выгнала из редакции некоего Соловьянка (написание фамилии требует уточнения). О последнем факте мы узнаем из протокола заседания партбюро «Красной» от 13 мая 1924 года.

Несколько раньше, 28 марта того же года, на подобных же идеологических посиделках Рубинштейн настояла изгнать из журналистского коллектива Наумова, заменив его «членом РКП» (протокольная запись) Саррой Борисовной Раскиной. Заглядываем в журнал постояльцев «Астории» — в номере 129-м, оказывается, жила приглянувшаяся Рубинштейн подруга. Поистине прав Петр Чагин, главный редактор «Красной газеты», после окончания XIV съезда РКП(б) говоривший на одном из собраний редакционного коллектива: «До 26-го года здесь была какая-то новгородская вольница». То есть Рубинштейн и К° по своей прихоти распоряжались судьбами людей, выбрасывали с работы негодных «чужих», выписывали себе баснословные гонорары и т.п. — все это под демагогические пересуды о «единстве партии».

На собраниях нового состава редакционного аппарата Чагин не раз резко выступал против «старой троцкистской песенки» о мировой революции (например, 18 ноября 1926 г.). Идеализировать друга Есенина нет необходимости, он тоже являл собой «продукт» жестокого времени, но в стане политических хищников выглядел намного человечнее.

Итак, выявленное троцкистское гнездо в «Астории» и ряд других прозвучавших фактов доказывают несомненное радение Рубинштейн своему высокому кумиру. По его приказу она могла не только облить грязью гроб Есенина, но и совершить любое подлое дело. О чем она думала, когда ее поставили к стенке в Соловках — о Троцком и кровавых расправах во имя мировой революции? Не знаем. Но имя замученного и оболганного поэта она вряд ли вспомнила.

3. Василий Васильевич Князев, сын тюменского купца, владельца двух магазинов, стихотворец-фельетонист, псевдоним Красный Звонарь, богохульник, сторожил тело Есенина в ночь с 28 на 29 декабря 1925 года в Обуховской больнице.

О подоплеке его странной охранной миссии уже говорилось — покрыватели убийства Есенина не могли допустить даже внешнего осмотра трупа случайными людьми: настолько он, вероятно, после пыток был обезображен.

А.Я. Рубинштейн отлично знала Князева, его вирши периодически публиковались в «Красном набате» (например, «Красному командиру». 1919. №251 (341). 2 ноября) и соревновались в лихости со стихами Демьяна Бедного.

Сохранившиеся протоколы собраний красногазетчиков помогают представить личность поэта-ремесленника: анархист по натуре, игнорировал так называемую партийную работу, частенько устраивал в редакции «бузу», выбивал где только возможно гонорары за свои рифмованные отклики на злобу дня.

Мемуарные и другие источники говорят: постоянно льнул к Г.Е. Зиновьеву, бывал у него дома, получал от него различные подарки и моральную поддержку; охотно, за мзду, выполнял сомнительные поручения; когда зиновьевская команда была вытеснена с высоких постов, ругал на всех перекрестках Сталина не столько по соображениям идеологическим, сколько из-за потери кормушки. Систематически делал вырезки из газет, в которых критиковался его идол. Арестован в марте 1937 года. Хлебнул лиха, которое раньше накликивал на других, призывая к красному беспощадному террору. Расстрелян. Реабилитирован в 1992 году.

Троцкий вряд ли лично просил Князева «постеречь» брэнное тело Есенина в мертвецкой Обуховской больницы, но назвать его имя в качестве помощника в заметании следов преступления мог, — ведь он сам в 1920 году пригласил Красного Звонаря в бригаду «Поезда наркомвоенмора». Князев счел, очевидно, за честь обеспечить главковерха свежерифмованной продукцией, курсировал (сколько времени — нам неизвестно) в ощетинившемся пушками и пулеметами карательном «штабе» Троцкого.

Так одно за другим сковалось уголовное звено Устинов — Рубинштейн — Князев. Но оно было слабоватым для обеспечения масштабной акции прикрытия святотатства.

Для участия в криминальной акции первый гангстер России пригласил других действующих лиц.

4. Петржак Леонид Станиславович, родился в 1891 году в Краноставском уезде Люблинской губернии (Польша); отец — мельник, мать — домохозяйка; два года учился в начальном училище; получил первые навыки кровавого террора в 1905 году, совершенствовался в том же духе в подпольной партшколе. Профессиональный революционер, то есть жил на кем-то экспроприированные или пожалованные «на революцию» деньги, готовя поражение в войне России и приближая в стране политический кавардак. Исполняя обязанность начальника губернского уголовного розыска, вместе с Г.А. Гольцикером, руководителем Активно-секретного отделения (АСО) того же ведомства, высылал в «Англетер» 5-ю бригаду агентов во главе с инспектором-орденоносцем П.П. Грозовым.

Дальнейшее известно. То, что не ГПУ и милиция непосредственно занимались «делом Есенина», а таинственное АСО, наводит на мысль об особых полномочиях Петржака. Факт совмещения им службы в УГРО с должностью заместителя начальника иностранного отдела Ленинградского военного округа это подтверждает.

Троцкий не мог не знать ловкого подпольщика-конспиратора. В 1919-1921 годах он черпал

необходимую ему секретную информацию из рук заведующего осведомлением, затем начальника агентуры ВЧК товарища Петржака. Понятно, между ними наверняка установились доверительные отношения. В декабре 1925 года Лев Давидович, как нам представляется, лично попросил «об услуге» Леонида Станиславовича, который не мог отказать, тем более что Троцкий знал о неблагоприятных страстишках бывшего подопечного (ранее он был осужден за должностное преступление; читатели, надеемся, не забыли о громких финансовых махинациях Петржака и его начальника, главы губернской милиции Г.С. Егорова, раскрытых ГПУ.).

Всех недовольных скупостью информации о связях Троцкого и Петржака просим запастись терпением: изложенные здесь информационные крохи собирались несколько лет — тайна сия до сих пор велика есть.

5. Леонов Иван Леонтьевич, в 1925 году начальник Секретно-оперативной части (СОЧ) Ленинградского ГПУ, заместитель Станислава Адамовича Мессинга, первой здешней «кожаной куртки».

Напоминаем: участковый надзиратель Н.М. Горбов, выйдя в 1930 году из тюрьмы, письменно заявил, что его пребывание за решеткой объясняется тем, что он «критиковал некрасивые поступки» Леонова.

Служебное досье Леонова нам недоступно (а оно многое бы прояснило), но имеются, как мы уже замечали, серьезные детали. В то время, когда он был начальником Особого отдела и одновременно заместителем председателя Московской ЧК (1920-1921), на Лубянку попадал Есенин (например, как уже говорилось, в августе 1921 года по делу о «Зойкиной квартире»), то есть поэт вполне мог быть в поле зрения Леонова. Несомненно, Троцкий по долгу службы знал второго человека в столичной ЧК, не исключено, давал ему секретные поручения и, допуская, проникся к нему доверием после их исполнения. Он же мог заметить в мае 1917 — марте 1918 годов Леонова — члена президиума Василеостровского Совета Петрограда (позже члена коллегии ЧК северной коммуны, а затем председателя Иваново-Вознесенской ЧК). Плотная закрытость чекистской архивной информации мешает говорить на интересующую тему подробнее. Но то, как Леонов успешно раскрутил в декабре 1925 — январе 1926 годов маховик лжи вокруг «дела Есенина» с помощью конечно же известных ему «своих» сексотов (Л.В. Берман, В.В. Васильева, В.В. Князев, П.Н. Лукницкий, П.Н. Медведев, В.М. Назаров, П.П. Петров, И.П. Цкирия, В.И. Эрлих и др.), может свидетельствовать об отклике Ивана Леонтьевича на сигнал Льва Давидовича.

Есениноведаы утверждают, что, возможно, сохранились шифротелеграммы, летевшие из Ленинграда в Москву и обратно. Выскажем наше соображение: такие шифротелеграммы существовали, но они носили, скорей всего, неофициальный характер, потому что расширение сферы допуска к подобным документам увеличивало риск утечки сверхсекретной информации. Вряд ли «есенинские» материалы регистрировались традиционным путем, все шло «по-домашнему»: условный звонок, келейная конспиративная встреча и прочее в том же роде. Нелегальные квартиры А.Я. Рубинштейн под видом москательной лавки и прачечной лишь подтверждают наше предположение.

Существовал, очевидно, тайный оперативно-организационный треугольник по сокрытию убийства Есенина: «человек Троцкого» (он-то и был убийцей поэта) — Петржак — Леонов. Первый из них и осуществлял всю оперативную связь со своим хозяином в Москве и с двумя распорядителями — назовем их так — в Ленинграде. Петржак, по-видимому, отвечал за первую, очень важную стадию операции: задать изначально надежный и ложный ход возможного последующего — уже официального — расследования. Милицию и даже ГПУ оттеснили на задний план, на первом этапе им отводилась роль пассивных статистов, что с

помощью Г.С. Егорова и И.Л. Леонова и было исполнено. У нас, кстати, нет уверенности, что об этой закулисной возне знал начальник Ленинградского ГПУ С.А. Мессинг, по имеющимся данным, вовсе, кажется, не благоволивший к Троцкому и троцкистам.

На втором этапе псевдорасследования, когда АСО УГРО сделало свое черное дело, подключился к операции Леонов, «чистильщик» грязных следов; его ищейки срочно создавали официальную легенду о самоубийстве поэта, брали под свою опеку его приехавших в Ленинград родственников, распускали слухи, контролировали «Англетер», заботились о фальсификации документов — возни хватало.

Наладив «машину лжи», «человек Троцкого», дабы лишний раз не маячить в городе, поспешил отбыть с докладом в столицу, поручив дальнейшую связь Эрлиху. Потому-то последний так часто в январе — феврале 1925 года вояжировал между Москвой и Ленинградом.

ГПУ, прежде всего в лице Леонова, «приняло» тело поэта в 5-м номере «Англетера» от 5-й бригады АСО УГРО.

6. Далее, на наш взгляд, в вакханалию вмешался чекист Павел Петрович Петров (Макаревич), прятавший свою гэпэушную физиономию под личиной кинорежиссера Севзапкино. Человек именно его профессиональных знаний и конспиративного опыта и выступил режиссером «постановки». Авторитетный для коменданта «Англетера» Назарова «член партии» свое задание, однако, выполнил плохо. Доверившись громилам, перетащившим труп по подвальному лабиринту из дома, как мы доказываем, следственной тюрьмы ГПУ по проспекту Майорова, 8/23, Петров не проверил подготовленный для открытого обозрения 5-й номер. В результате возникло немало недоуменных вопросов: почему веревка обвивала горло несчастного лишь полтора раза и не было петли; как Есенин, истекающий кровью, смог с порезанными ладонями и другими ранами соорудить на столе столь сложную пирамиду и взобраться под потолок; что за страшный вдавленный след над переносицей (официальная версия — ожог); наконец, куда исчез пиджак покойного??? Кстати сказать, видевший его Оксенов растерянно записал в «Дневнике»: «...вдоль лба виднелась багровая полоса (ожог — от накаленной трубы парового отопления, о которую он ударился головой?), рот полуоткрыт, волосы, развившиеся страшным нимбом вокруг головы.<...> Когда надо было отправить тело в Обуховку, не оказалось пиджака (где же он? Так и неизвестно)». И далее: «В гробу он был уже не так страшен. Ожог замазали, подвели брови и губы».

Начинавший тогда сексотскую службу молоденький стихотворец Павел Лукницкий свидетельствует: «Есенин мало был похож на себя. Лицо его при вскрытии исправили, как могли, но все же на лбу было большое красное пятно, в верхнем углу правого глаза — желвак, на переносице — ссадина, и левый глаз — плоский: он вытек» (Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1. 1924-1925. Paris: Ymca-Press, 1991).

Мы часто преувеличиваем качество змеиного ума некоторых чекистов. В истории с Есениным садисты действовали напролом. Парадоксально, но факт: нет ни одного убедительного доказательства самоубийства поэта.

Итак, выполнив преступное задание, домоуправ-гэпэушник Ипполит Цкирия передал «дело» Петрову, разыгравшему дальнейший жуткий сценарий.

«Сценарист» мог заочно или лично познакомиться с Троцким. Косвенно это подтверждается следующим образом. Ленинградский Гублит, как уже говорилось, возглавлял И.А. Острецов. Встречавшийся с ним Корней Чуковский в своем «Дневнике» записал такой монолог амбициозного цензора: «Недавно я запретил одну книгу по химии, иностранная книга в русской переделке. Книга-то ничего, да переделка плохая. Получаю письмо от Троцкого: „Тов.

Острецов. Мы с вами много ссорились, надеюсь, что — это в последний раз“.

С трудом, но можно предположить: если глава местной цензуры часто переписывался с Троцким, значит, в какой-то форме с последним мог иметь дела и Петров, ранее служивший под началом Острецова.

Возможны и другие каналы связи. Кинорежиссер-чекист родом с Могилевщины, где начинал свою революционно-подпольную работу. С тем же краем во многом перекликается и деятельность председателя Реввоенсовета Троцкого — так что их встречи не исключаются. Любопытно: в есенинской «Стране негодяев» один из героев говорит Чекистову-Лейбману, за которым — это известно — угадывается «демон революции»: «Все равно в Могилеве твой дом». Разумеется, строчка с подтекстом, но здесь важно видеть не земляческую, а духовную близость. Интуиция не подводила Есенина: к примеру, начальником личной охраны Троцкого был П.Р. Севрюк, уроженец тех же мест.

Еще мелочь: Петров по совместной работе знал заведующего коммерческой частью Севзапкино Я.П. Чудновского. Последняя фамилия не пустой звук для биографов «вождя». Вместе с ним в Америке до 1917 года занимался партийной журналистикой Георгий Исаакович Чудновский. Возможно, кинокоммерсант не седьмая вода на киселе соратнику Троцкого по эмиграции (инициалы имя и отчества не должны смущать, тогда перекрашивались тысячи вчерашних конспираторов).

Обнаружилась тоненькая ниточка знакомства Петров ас журналистом Г. Ф. Устиновым, прихвостнем Льва Давидовича. В сохранившемся протоколе (1925) приема новых членов в ленинградский профсоюз РАБИС их фамилии (с инициалами имен и отчеств) стоят рядом. Вряд ли это случайное совпадение. Тайная работа и того и другого требовала определенной легализации документов. Кстати, обоим в заочном приеме в РАБИС отказали, назначив незнакомцам испытательный срок.

Продолжаем реестр негодяев.

7. Илья Ионович Ионов (Бернштейн), директор Ленгиза. В его тесном знакомстве с Троцким сомневаться не приходится — достаточно прочитать протокол (1937) «репрессивных» допросов Иопова в архиве ФСБ. Не случайно он укрывал под сенью издательства от возможных неприятностей причастных к англетеровской истории А.Я. Рубинштейн, П.Н. Медведева, С.А. Семенова, щедро печатал под маркой Госиздата В.В. Князева, И.И. Садофьева, М.А. Фромана, В.И. Эрлиха и других.

Ионов всегда мгновенно и горячо откликнулся на смерть сотоварищей Троцкого по эмиграции в США и другим его подпольным делишкам. Пал от руки мстителя Володарский — Ионов сочиняет ему рифмованный некролог. Отмщен другой «пламенный», Урицкий, — он первый спешит на Марсово поле и произносит поминальную речь.

Мало известен и такой факт: на том же пышном кладбище похоронен Семен (Самуил) Восков (1888-1920), сотрудничавший в Америке вместе с Троцким в эмигрантской газете «Новый мир». Ионов посвятил Бескову стихотворение «Памяти пролетария» (каковым тот никогда не был), принял участие в сборнике, восхвалявшем радетеля мирового Интернационала. Нелишне повторить и уже звучавший факт: Илья Ионович на том же месте упокоения «пламенных» отдавал почести В.О. Лихтенштадту (Мазину), знакомцу Троцкого, изготовителю бомб, прогремевших в 1906 году на даче П.А. Столыпина.

Критик Оксенов записал в «Дневнике» слова, будто бы сказанные Есениным: «...таких, как

Ионов, я люблю». Может быть, зависевший от издателя поэт и обронил когда-нибудь такую фразу. Но мы находим у него о том же человеке и другие, холодные и резкие отзывы. Прекраснодушный Оксенов по-детски растерялся, увидев в «Англетере» изуродованное лицо Есенина, но, увы, не задумался, куда мог исчезнуть из 5-го номера пиджак покойного. А мог бы. Не хватило мужества и зоркости, как и у многих «почитателей» поэта. Также недоставало Оксену и мудрости увидеть подоплеку отношений двух совершенно разных по духу и культуре людей.

Сочувствие Ионина есенинской беде было официально-показным, отдавало нарочитостью. О такого рода фарисеях писал жене в 1917 году затравленный большевиками Г.В. Плеханов. «Как мало ты знаешь этих людей! Они способны подослать наемного убийцу, а после убийства проливать крокодиловы слезы» (Год на родине. Т. 1. Париж, 1921). У Ионина не нашлось ни одного доброго слова памяти поэта на партийных собраниях Ленгиза, состоявшихся 29 декабря 1925 и 2 января 1926 годов (протоколы сохранились). Внешне шурина Г.Е. Зиновьева, если верить воспоминаниям Павла Лукницкого (к ним следует относиться весьма осторожно), больше всех хлопотал при прощании с гробом Есенина, даже занял у какой-то женщины денег на билет одному из пассажиров печального вагона. Но, — обратите внимание! — провожали гроб в Москву, кроме Софьи Толстой-Есениной и Василия Наседкина, Илья Садофьев и Вольф Эрлих. Двух последних — отбросим сомнения — снарядил Ионов по подсказке некоего режиссера официальных похорон (спустя несколько дней он и сам отправился в Москву, передав, согласно сохранившемуся приказу, директорские обязанности Польшковскому). Выходит, от имени ленинградских литераторов присматривали за ходом событий — секретный сотрудник ГПУ «Вова» и «постукивавший» в ту же тайную дверь Садофьев.

Раньше, обращаясь к последней фамилии, мы подозревали ее носителя в укрывательстве убийства, — теперь появились новые доказательства. Так думать позволяет письмо (от 13 июля 1964 г.) литератора Леонида Ильича Борисова к собрату по перу Владимиру Викторовичу Смиренскому (он сберег листочек из похоронного венка на гробе Есенина, маленькая эта реликвия цела до ныне). Цитируем: «...Садофьева не вижу, — говорят (наши, живущие в доме), что ему трудно стало выходить, — он стал, как слон, и голова у него подобна бурдюку бараньему. Не люблю, простите, сего господина; немало зла сделал он много лет назад — и Вагинову (Константин Константинович Вагинов (Вагенгейм) — 1900-1934, поэт, участник литературной группы обэриутов. Репрессирован явно по доносу И.И. Садофьева. — В.К.), и мне отчасти, — балда этот Садофьев изрядный, хотя и „веха“, мать его за ногу...»

Мы вовсе не отвлеклись от Троцкого, — наоборот, приблизились к нему, обращаясь, казалось бы, к далеким от него именам. Проследить дорожку в его логово невероятно трудно. В его дебри приходится продирается по почти заметным следам.

8. «Наследил» в есенинской истории и Георгий Ефимович Горбачев, уже известный нам персонаж. Сей товарищ не просто знал Троцкого, но и давно с ним сотрудничал. С тех пор как они сидели в «Крестах» в июле-сентябре 1917 года за организацию военно-большевистского путча в Петрограде, их дорожки постоянно пересекались. Председатель Реввоенсовета Троцкий в годы Гражданской войны наверняка выслушивал отчеты Горбачева, политинспектора Петроградского военного округа, в 1921 году — заместителя начальника Политического управления 7-й армии. В 1926-1928 годах, в период все нараставшей борьбы Сталина со «старой гвардией», у Льва Давидовича, пожалуй, не было в Ленинграде более преданного сторонника, чем Георгий Ефимович. Причем воинственного, упрямого, использовавшего нелегальные средства для утверждения идей разжигателя мировой революции.

22 июля 1932 года областная Контрольная комиссия в очередной раз исключила Горбачева из партии. Тогда в его характеристике записали: «...состоял активным членом троцкистско-зиновьевской оппозиции...», один из организаторов «Литфронта», «...являвшегося отражением троцкистской теории в литературе... — объективно агентурой контрреволюционного троцкизма...». В протоколах допросов Горбачева следователями НКВД, которые остались нам недоступными, кондово-партийной фразеологии наверняка поменьше, а конкретных фактов побольше. Протоколы те, по данным архива ФСБ, целехоньки и находятся в Москве, в тайниках той же службы.

Эти подробности нас интересуют в связи с подделанным кем-то стихотворением «До свиданья, друг мой, до свиданья...». Фальшивка, на наш взгляд, готовилась не в Ленинграде, а в Москве, в «конторе» Троцкого. Полагаем, в «Красной газете», опубликовавшей эту элегию, так называемый оригинал и в глаза не видели — да в нем Анна Яковлевна Рубинштейн, ответственный секретарь «Красной», и не нуждалась.

Почему «До свиданья...» оказалось в руках Горбачева и почему именно в феврале 1930 года он передал «от Эрлиха» листок в Пушкинский Дом? По-видимому, Троцкий в свое время через надежного человека, не доверяя мальчишке «Вове», переслал так называемый есенинский автограф Горбачеву. Скорей всего, таким посланцем выступал небезызвестный Яков Блюмкин. (3 ноября 1929 года его расстреляли за личную связь с Троцким в Константинополе. На допросах в обмен на обещанное помилование он выдал всех сообщников-троцкистов, в том числе ленинградских.)

Когда весть о расстреле Блюмкина дошла до Горбачева, последний занервничал: а вдруг на коллегии ОГПУ, помимо троцкистских нелегальных делишек, вскрылось и убийство Есенина. Может быть, поэтому Горбачев «на всякий случай» поспешил передать в феврале 1930 года рукопись псевдоесенинского «До свиданья...» в Пушкинский Дом? Он благоразумно не привлек к этой акции Эрлиха, хотя тот в феврале того же года находился в Ленинграде, что устанавливается по датам его писем к матери в Ульяновск. Возможно, оформлял регистрацию фальшивки сексот ГПУ Павел Медведев, в то время сверхштатный сотрудник Пушкинского Дома, которому также было из-за чего волноваться. Факт появления на свет столь важного документа не разглашался, что само по себе характеризует обоих «деятелей» и говорит о тайне операции.

Соображение о том, что Троцкий видел элегию-подделку, как бы подтверждается его фарисейским варьированием в «Правде» факта существования «До свиданья...». Читаем: «Он ушел сам, кровью попрощавшись с необозначенным другом...», «Кому писал Есенин кровью в свой последний час? Может быть, он перекликнулся с тем другом, который еще не родился, с человеком грядущей эпохи...»; «каждая почти строка написана кровью пораненных жил». Невольно рождается ощущение: если бы «До свиданья...» вообще не существовало, его надо было выдумать для украшения руководящей статьи автора, вдруг так нежно полюбившего Есенина.

Высылка из СССР Троцкого и расстрел Блюмкина заставили засуетиться и Эрлиха, принявшегося за мемуары о Есенине. К тому времени тема, можно сказать, увяла, книжка понадобилась автору в качестве оправдания. Обратим внимание, в конце 1929 года Эрлих собирался встретить Новый год с родителями в Ульяновске и писал матери: «В феврале выходит отдельной книжкой „Софья Перовская“, в апреле — книга о Есенине»; в том же письме (без даты): «...сдам книгу о Есенине и буду ждать корректуры».

Поэма «Софья Перовская» успела выйти в 1929 году, воспоминания «Право на песнь» появились, как и планировалось, весной 1930 года. Все эти выкладки убеждают: Эрлиха подхлестнул к мемуарам расстрел троцкиста Якова Блюмкина 3 ноября 1929 года. Видно, он лихорадочно создавал «Право на песнь», стремясь в брошюрке отмыться от есенинской крови. В ней он впервые опубликовал текст телеграммы Есенина от 7 декабря 1925 года (о

найме квартиры) на свое имя. Каков заботник и скромник! Более пяти лет хранил такой важный документ и помалкивал. Г.Е. Горбачев всполошился, устроил возню с псевдоесенинским «До свиданья...», Эрлих с помощью друзей-чекистов соорудил телеграмму.

Тираж эрлиховской гнусной стряпни 4200 экземпляров — достаточный для реабилитации струхнувшего сочинителя. Воспоминания пропитаны ядом плохо скрытой ненависти автора к Есенину и заметным пиететом к Троцкому (в заголовке книги использовано его выражение из статьи в «Правде»). В то время как последний подвергался в СССР анафеме, Эрлих — и тут оставался подлецом! — сделал его любимцем поэта, то есть превратил Есенина... в троцкиста. По тому времени довольно вероломный удар по репутации Есенина. В его уста Эрлих вкладывает следующий монолог: «Ты знаешь, я ведь ничего не понимаю, что делается в этом мире! Но я знаю: раз такие большие люди говорят, что так надо, значит, это хорошо. Ты подумай только: Троцкий! Сталин!» Каков автор шельмец: «подсунул» Есенину Троцкого, а для собственного спокойствия и Сталина не забыл.

Эрлих выполнял в «Праве на песнь» две сверхзадачи — отвести от себя и от Троцкого любые возможные подозрения. В результате тайный ненавистник поэта превращается в друга, явный могущественный враг — в любимца. Эрлиховский Есенин говорит: «Знаешь, есть один человек... Тот, если захочет высечь меня, так я сам штаны сниму и сам лягу! Ей-Богу, лягу! Знаешь, — кто? — Он снижает голос до шепота: — Троцкий...»

Ложь беспардонная, но целенаправленная: уничтожить в обществе малейший намек на причастность Троцкого к гибели Есенина. Попутно поражается и другая мишень: поэт-то, оказывается, обожал нынешнего врага-изгнанника, а раз так — нечего печалиться о троцкисте. Ловкий ход. Есенин был добит новейшим для той поры идеологическим оружием. Когда в 1937 году троцкиста Эрлиха допрашивали старший лейтенант Г. и оперуполномоченный НКВД Т. (их фамилии нам известны), вопроса о судьбе Есенина не возникало — грехов за подследственным и без того хватало.

Эрлих приписал Есенину чуть ли не любовь ко Льву Давидовичу, что уже мы опровергли. Добавим на прощание с сексотом один красноречивый штрих из берлинской эмигрантской газеты «Руль» (1923, 21 февраля). Здесь излагается известный «американский» конфликт поэта в доме переводчика Мани-Лейба (М.Л. Брагинского). После чтения острых для публики мест из «Страны негодяев» гостя связали и бросились избивать. Он отчаянно сопротивлялся, пишет «Руль», «...стал... проклинать Троцкого». Эту сцену видел бывший эсер и знакомый Есенина по сотрудничеству в петроградских газетах «Дело народа» и «Знамя труда» Вениамин Левин, человек большого такта, готовый тогда, по его словам, «с документом в руках» опровергнуть «этот просто невежественный выпад» против поэта. Троцкий, конечно, скоро узнал о случившемся, а в декабре 1925 года наверняка вспомнил об этом эпизоде.

Лжет Эрлих. Есенин никогда не выпрашивал «право на песнь» у своего губителя. Это бесило диктатора, и, когда ему доложили о новом скандале поэта с Левитом и Рога осенью 1925 года, в его иезуитской голове, очевидно, созрел сатанинский план уничтожения непокорного поэта.

Троцкого явно могли раздражать и некоторые произведения Есенина, в которых автор в эзоповской манере позволял себе личные против него выпады. Так, «трибун революции» мог узнать себя в поэме «Страна негодяев» в образе комиссара Чекистова, «гражданина из Веймара», приехавшего в Россию «укрощать дураков и зверей». Он презрительно говорит красноармейцу Замарашкину, в лице которого представлен политически наивный крестьянский люд:

Я ругаюсь и буду упорно

Проклинать вас хоть тысячи лет,
Потому что...
Потому что хочу в уборную,
А уборных в России нет.
Странный и смешной вы народ!
Жили весь век свой нищими
И строили храмы Божию...
Да я б их давным-давно
Перестроил в места отхожие.

Станислав Куняев убедительно доказал, что прототипом Чекистова был Троцкий, одно время живший в эмиграции в городе Веймаре. Хорошо известны его многочисленные тирады об «отсталости» русского народа. Ныне известно и секретное письмо Ленина от 19 марта 1922 года, в котором он предлагает членам Политбюро программу физического уничтожения православного духовенства и изъятия церковных ценностей. Руководителем чудовищного плана официально должен был выступить М.И. Калинин, но фактическим исполнителем намечался Троцкий, о чем Ильич строго предписывал помалкивать.

В «Стране негодяев» «гражданин из Веймара» разглагольствует:

А народ ваш сидит, бездельник,
И не хочет себе ж помочь.
Нет бездарней и лицемерней,
Чем ваш русский равнинный мужик!
Коль живет он в Рязанской губернии,
Так о Тульской не хочет тужить.
То ли дело Европа!
Там тебе не вот эти хаты,
Которым, как глупым курам,
Головы нужно давно под топор...

Рязанская губерния упомянута Чекистовым-Троцким вряд ли случайно. Автор поэмы, певец Руси, как бы ведет внутренний спор с чужим ему по духу «европейцем».

Вряд ли стоит касаться опосредованной или иной связи с Троцким разных мелких сошек, привлеченных к англетеровской истории. Заметим лишь, — не мешало бы проследить возможные контакты с «демоном» Д.М. Зуева-Инсарова, чекиста-графолога, автора книги «Почерк и личность», в которой поносится Есенин и чуть ли не вся русская словесность. Поделка-то эта (тираж 5 тысяч экз.) вышла в «троцкистском» 1929 году...

Не затрагиваем мы подробно «английского» сюжета, связанного с гибелью поэта. Эдуард Хлысталов расследовал этот неожиданный узел и пришел к заключению, что убийцы и их покровители негласно распускали слухи о безвыходности положения московского беглеца, уличенного в сотрудничестве с разведкой Великобритании, куда он собирался бежать. Как ни диковатой покажется эта тема, она имеет некоторое основание — не забудем, трагедия произошла в доме, где в 1924 году размещалась, если мы не ошибаемся, консульская английская миссия, а сама гостиница не случайно называлась «Англетер». Троцкий же по части Туманного Альбиона был неплохо подкован личным своим советником г-ном Хиллом, британским разведчиком (см. книгу: Найтли Ф. Шпионы XX века). Учитывая не стихавшую в 1925-1926 годах истерию в советской печати по поводу напряженных отношений Англии и СССР, версия о Есенине-шпионе в глазах Троцкого, политика-авантюриста, выглядела пикантной. Он всегда питал слабость к «художественному» оформлению кровавых акций (вспомним приглашение стихотворца Василия Князева к участию в рейсах «Поезда наркомвоенмора»).

Существенная деталь, косвенно подтверждающая «английский» вариант побега Есенина: его «делом», вероятней всего, занимались служившие в ГПУ именно по иностранному отделу Л.С. Петржак (одновременно глава Ленинградского уголовного розыска) и непосредственный убийца поэта (о нем ниже), кстати, несомненный знакомец И.Л. Леонова, второй местной «кожаной куртки». Нелишне сказать, — виновники нависшей над Есениным судебной расправы Ю. Левит и А. Рога обратились в прокуратуру через НКВД.

Оставляя Москву, Есенин простился со всеми родными и близкими ему людьми, а Софье Толстой написал: «Уезжаю. Переведи квартиру на себя, чтобы лишнего не платить». Человек, решивший переселиться всего-навсего в другой город (с какой стати?), так бы не «сжигал мосты». Это еще раз подсказывает: явно намеченный им нелегальный маршрут был заграничный.

Исследователям-есениноведам, уверен, не мешает полистать английские газеты декабря 1925 — января 1926 года. В них может мелькнуть информация из Ленинграда, которая поможет приблизиться к истине.

Еще раз обратимся к уже цитированному письму Есенина к П.И. Чагину от 27 ноября 1925 года. Он в завуалированной форме объясняет свое пребывание в психиатрической клинике: «Все это нужно мне, может быть, только для того, чтоб избавиться кой от каких скандалов. Избавлюсь, улажу... и, вероятно, махну за границу. Там и мертвые львы красивей, чем наши живые медицинские собаки». Собаки тут, конечно, ни при чем. Речь, очевидно, идет о тех псах, которые его систематично травили в печати, таскали в «тигулевку» и т.п.

Интересен нам и такой штрих: в 1923 году, если не ошибаемся, Есенин возвратился из своего заграничного путешествия через Ригу. Не намеревался ли он покинуть Советы по уже знакомому пути?..

Давно пора оставить разговоры о большевистских иллюзиях поэта в зрелый период. Да, по инерции он иногда еще продолжал говорить и писать об «Октябре и Мае», но в душе отринул комиссародержавие. Малоизвестные строки из его письма к отцу 20 августа 1925 года, в котором он, обещая помочь двоюродному брату Илье поступить в какое-либо учебное заведение, говорит: «Только не на рабфак. Там коммунисты и комсомол».

Разумеется, подобные письма с крамольными строками до читателя не доходили. И сегодня далеко не все почитатели Есенина знакомы с его письмом (7 февраля 1925 г.) А. Кусикову в Париж. Между тем это послание — одно из центральных и принципиальных для характеристики его мировоззрения того времени. Он резко отказывается от своих заблуждений и социального романтизма по отношению к Февралю и Октябрю 1917 года и, в частности, пишет: «...как вспомню про Россию и вспомню, что там ждет меня, так и возвращаться не хочется. Если бы я был один, если бы не было сестер, то плюнул бы на все и уехал бы в Африку или еще куда-нибудь. Тошно мне, законному сыну российскому, в своем государстве пасынком быть. <...> Не могу, ей-Богу, не могу! Хоть караул кричи или бери нож да становись на большую дорогу». Можно представить, сколько боли в сердце накопилось у него к декабрю 1925 года. Он действительно мог тогда устремиться не только в Англию, Африку, но и на любой край света.

ГЛАВА XIV

УБИЙЦА

Наконец, нам остается ответить на самый главный и трудный вопрос: кто убил поэта?

...Однажды в Баку один из знакомцев Есенина попытался разрядить в него свой револьвер, но поэту удалось бежать и вооружиться для самозащиты. Такая предусмотрительность была не лишняя: грозивший самосудом человек слыл психопатом. Неудивительно, — в свое время петлюровцы изувечили его до полусмерти, выбили все зубы и выбросили на железнодорожные рельсы. Четырежды его находили пули «контры» (в июне 1918 г. киевские эсеры, мстя за предательство, тяжело ранили его в голову), дважды его резали ножом — было от чего стать психом.

25 октября 1920 года тот же авантюрный товарищ «взял на поруки» Есенина, тогда в очередной раз попавшего в подстроенный чекистами капкан. Не раз встречались они в кафе, где растерявший нервы тип иногда пугал знакомых расстрелом, заполняя на их глазах подлинными бланки ОГПУ.

Читатель, конечно, уже догадался: речь идет о Якове Григорьевиче Блюмкине (1900-1929), известном чекисте-террористе, прославившемся убийством германского посла графа Мирбаха.

Представим авантюриста подробнее. В своей «Краткой автобиографии» (2 ноября 1929 г.) Блюмкин рассказывает: «В 1908 г., восьми лет, я был отдан в бесплатное еврейское духовное начальное училище (1-ю Одесскую Талмуд-Тору). Училище я окончил в 1913 г. <...> 13 лет я был отдан в училище, в электротехническую мастерскую.<...> Подлинно каторжные горькие условия жизни ремесленного ученика у мелкого предпринимателя в эту эпоху настолько общеизвестны, что на них не стоит останавливаться. В связи с ними скажу лишь только то, что именно к этому периоду моей жизни относится появление во мне — полуиюноше — классового чувства, в последствии облекшегося в революционное мировоззрение»[23].

Международный разбойник, он всегда оправдывал свои многочисленные кровавые похождения необходимостью «пролетарской борьбы». По сути же — один из «беспачпортных бродяг в человечестве», как когда-то метко аттестовал таких «перекати-поле» В. Г. Белинский. Патологическая жажда власти и болезненное честолюбие — вот главные двигатели его преступной жизни.

В самом начале 1918 года вертлявый юнец командовал революционным «Железным

отрядом», сформированным в его родной Одессе; позже комиссарил в 3-й армии (Румынский и Украинский фронты); с мая по июль того же года возглавлял — подумать только! — первый отдел ВЧК по борьбе с международным шпионажем. Последний факт умилителен: именно под его «руководством» германские и прочие шпионы запленили Россию, о чем теперь можно прочесть в книгах (до недавнего времени они прятались в спецхранах), вышедших накануне Великой Отечественной войны. Неоспоримо: в 1914-1918 годах германская военщина и дипломатия всячески помогали «ленинской гвардии»[24], что ей справедливо аукнулось в 30-е годы.

Блюмкин разжигал революционный пожар в Персии, создавал Иранскую компартию, служил советником по разведке и контрразведке в гоминьдановской армии, представлял ОГПУ в Монголии. Спецубийца часто использовался как знаток Востока, куда его направляли под видом торговца древними хасидскими рукописями и книгами. В апреле 1929 года такой «просветительской» деятельностью он, резидент ОГПУ, занимался в Константинополе, где тайно встретился со своим кумиром-изгнанником Троцким. Они толковали о создании нелегальной организации, оппозиционной Сталину, об участии в ней Блюмкина-чекиста.

Политика политикой, но к золотому тельцу авантюрист-пройдоха льнул не менее. Перед арестом его чемодан и портфель были набиты долларами и советскими дензнаками. Бывший еще раньше в опале Лев Сосновский и его жена Ольга Даниловна после возвращения Блюмкина из-за границы посматривали на меркантильного товарища заискивающе-просительно и даже прямо говорили о ссуде. Яков Григорьевич великодушно одалживал есенинского ненавистника.

«Высылка Троцкого меня потрясла, — признавался в своих „показаниях“ Блюмкин. — В продолжение двух дней я находился прямо в болезненном состоянии». За тайную связь с «архитектором революции» и попытки распространения в СССР его секретных шифрованных инструкций троцкистского холуя и арестовали. Перед тем, почуяв опасность, он лихорадочно заметался, строчил и рвал «объяснительные», говорил что-то несуразное, часто щелкал спусковым крючком револьвера, пугая близких знакомых самоубийством. Выдавший его ОГПУ сотрудник журнала «Чудак» Борис Левин в своем доносе писал о нем как о душевно больном.

Любовница Блюмкина, Лиза Горская, служившая, как и он, в иностранном отделе ОГПУ и лично «сдавшая» его на Лубянку, охарактеризовала дружка: «...трус и позер». Да, безжалостный расстрельщик многих невинных людей, он ужасно запаниковал перед своим смертным часом. О нравственном возмездии за пролитую чужую кровь он вряд ли когда задумывался. Читать его «дело» нельзя без омерзения: чувствуется его животный страх перед своими вчерашними сослуживцами, он судорожно, в надежде на сохранение жизни, цепляется за «идею», выдает всех и вся, даже своего идола Троцкого.

Прервем лицемерие троцкиста-киллера и попытаемся, насколько сегодня возможно, с помощью собранных фактов доказать, что именно Блюмкин допрашивал, истязал и убил Есенина в пыточной дома №8/23 по проспекту Майорова, а затем (не по его ли приказу?) тело перетаскивали по подвальному лабиринту в соседний «Англетер», повесили.

Заметьте, если мы правы, «дело английского шпиона» вел не какой-нибудь «обычный» чекист, а опытный «работник закордонной части ИНО» (иностранного отдела ОГПУ), как определял свою специализацию Блюмкин в «показаниях» Якову Агранову. Профессиональная направленность службы Якова Григорьевича сама по себе примечательна (вспомните есенинское: «...вероятно, махну за границу»). Но это, конечно, слабенький довод. Есть аргумент посущественней.

В 1920-1922 годах душегуб учился на восточном факультете Генштаба РККА, или, как сам он пишет, в Военной академии РККА. В свободные от повышения своего чекистского

образования месяцы (если образованием можно называть практику безнаказанно убивать) он состоял в секретариате Троцкого, совершал вместе с ним кровавые рейсы в «Поезде наркомвоенмора» — и не рядовым бойцом, а начальником охраны колесного бронированного чудовища. Вот интересующие нас строки из его признания после ареста: «Так как я в свое время работал у Троцкого, занимался историей Красной Армии и, в частности, поезда Троцкого и так как Троцкому нужны были для автобиографии данные о поезде, то я

по памяти (выделено нами. — В. К.) составил ему довольно точную справку о деятельности поезда». Темнил, нервничал оказавшийся в застенке радетель мировой революции. Нет чтобы прямо написать: так, мол, и так, — сопровождал председателя Реввоенсовета в его террористических набегах на красно-серошинельную солдатню — жметесь, недоговаривает, пытаюсь отмежеваться от своего хозяина. Итак, Троцкий, Блюмкин, журналист Устинов, стихотворец Князев (кто еще?) из одной уголовно-политической шайки, составившей в 1925 году преступное антиесенинское ядро.

К преступной группе без натяжки можно присоединить и ответственного секретаря ленинградской «Красной газеты» А. Я. Рубинштейн. В доказательство этого Блюмкин дает нам еще одну «ниточку»: в своей «Краткой автобиографии» он пишет, что в начале Гражданской войны «...ездил на Восточный фронт к т. Смилге...». Заглядываем в газету «Красный набат» (1920. №63), орган 3-й армии (Урал), основу которой, нелишне заметить, составили остатки бывшей 3-й армии, ранее действовавшей на Украинском и Румынском фронтах (здесь, напомним, Блюмкин комиссарил и служил в штабе). В указанном номере «Красного набата» изложена история газеты. С 10 сентября 1918 года ее редактировал И. Т. Смилга (1892-1938). Там же читаем: «Тов. Смилге не пришлось долго редактировать „Набат“: получив более ответственный пост, он сдал газету редакционной коллегии, в которую вошли гг. А. Рубинштейн, Н. Иконников и Л. Аронштам». Далее есть и уточнение: «С ноября 1918 года, с передачей руководства Политотделом областному комитету партии, его аппарат был значительно расширен. Привлечено много ответственных работников, уральских и приехавших из центра...» Затем второй по списку была названа А. Я. Рубинштейн.

Естественно и логично, тогда работник ПУРа Блюмкин, контролируя красную фронтовую печать, встречался с А. Я. Рубинштейн, выражаясь на современный лад, секретарем парторганизации штаба 3-й армии, с августа 1918 по март 1919 года фактическим редактором «Красного набата». Планируя англетеровское кощунство, Троцкий и Блюмкин вспомнят Анну Яковлевну, и она, мы не сомневаемся, в том роковом для Есенина декабре обернется «тетей Лизой» и сыграет в «Красной газете» и в лживых мемуарах-сборниках об убитом поэте роль жены журналиста Г. Ф. Устинова.

Иной поворот «троцкистско-блюмкинского» сюжета. В 1923 году Дзержинский пригласит Блюмкина служить в иностранном отделе ОГПУ. В 1925 году Яков Григорьевич представлял Лубянку на Кавказе. А туда обычно летом приезжал сотрудник тайного ведомства Вольф Эрлих (иногда в компании с Павлом Лукницким, Всеволодом Рождественским и другими вездесущими приятелями) — и по своей охоте, и как командир запаса войск пограничной и внутренней охраны ОГПУ. То есть Блюмкин был для Эрлиха высоким начальством, и они могли встречаться по службе. Много раньше, осенью 1917 года, одесский авантюрист пристроился членом Симбирского Совета, ораторствовал в нем, и не исключено, пятнадцатилетний школьник «Вова», рано вкусивший революционный плод, мог слышать имя Блюмкина и даже познакомиться с ним.

Новый зигзаг сюжета. 5 сентября 1924 года Есенин оказался в Баку, куда бежал после своего шумного разрыва с московскими богемниками-имажинистами. В здешней гостинице «Новая Европа» он встретил давнего знакомого чекиста Якова Блюмкина, «гангстера с идеологией», тогда представлявшего Лубянку в Закавказье и инспектировавшего войска пограничной и внутренней охраны ОГПУ. У наделенного огромной властью авантюриста, вероятно, были и тайные делишки, так как в ту пору в Баку плелись политические интриги с прицелом на

«мировую революцию».

Поначалу застольные беседы двух знакомцев текли мирно, но однажды... Слово есенинскому приятелю, сотруднику тифлисской газеты «Заря Востока» Николаю Вержбицкому: «...вдруг инспектор начал бешено ревновать поэта к своей жене. Дошло до того, что он стал угрожать револьвером. Этот совершенно неуравновешенный человек легко мог выполнить свою угрозу. Так оно и произошло. Ильин (ошибка мемуариста, действительная конспиративная фамилия Блюмкина — Исаков. — В.К.) не стрелял, но однажды поднял на Есенина оружие, что и послужило поводом для скорого отъезда поэта в Тифлис в начале сентября 1924 года.

Об этом происшествии мне потом рассказывал художник К. Соколов. Сам Есенин молчал, может быть не желая показаться трусом. <...> Через несколько дней Есенин вернулся в Баку за своими товарищами, получив от них уведомление о том, что Ильин куда-то отбыл.

Вторично приехав в Тифлис и остановившись в гостинице «Ориант», Есенин снова неожиданно столкнулся в коридоре с Ильиным. Это сразу испортило ему настроение» (Вержбицкий И. Встречи с Есениным: Воспоминания. Тбилиси, 1961. С. 23).

«Сам Есенин молчал...» — пишет мемуарист. Весьма примечательная деталь, если знать, что после второй неприятной встречи с Блюмкиным поэт жил у Вержбицкого на квартире (ул. Коджерская, 15), о чем журналист упоминает в своей книге. Раз уж общительно-искренний Есенин помалкивал — значит, на то была серьезная причина. Скорей всего, конфликт вспыхнул вовсе не из-за «дамы сердца» Блюмкина (кстати, он был холост), а по мотивам куда более серьезным.

Некоторые мемуаристы (азербайджанец Гусейн Дадош и др.) рисуют напряженный бакинский эпизод несколько иначе: будто Есенин позволил отпустить по адресу блюмкинской пассии какую-то фривольность. Допускаем, — в его лукавом пересказе сентябрьской стычки звучало нечто подобное. Он, не раз «стреляный» на Лубянке «воробей», конечно же не хотел рассказывать всей правды, так как она могла ему «выйти боком». Между прочим, тот же Вержбицкий подчеркивал: «В быту Есенин никогда не смаковал эротики, не любил сальных анекдотов...» Эту черту его натуры отмечают и другие современники. Нет, видимо, дело было куда сложнее.

Год назад поэт вернулся из поездки за границу «...не тем, что уехал» (выражение Л. Троцкого). Он решительно отказался от Великого Октября («...от революции остались только хрен да трубка»), пересмотрел свое отношение к партийным вождям и прежним знакомым литераторам («Надоело мне это б... снисходительное отношение властей имущих, а еще тошней переносить подхалимство своей же братии к ним»), стал осторожнее в общении с «кожаными куртками» («...оставим этот разговор про Тетку» — так поэт вслед за Ивановым-Разумником называл ГПУ). (Все цитаты из письма Есенина от 7 февраля 1923 года к приятелю А. Кусикову.)

Чуть ли не смертельная распря с Блюмкиным-Исаковым не прошла для Есенина бесследно и ассоциативно переплавилась в стихотворение «На Кавказе», написанное вскоре после бакинского происшествия. Любуясь благодатным краем, он, очевидно, не случайно вспомнил о трагической судьбе Лермонтова («Он, как поэт и офицер, Был пулей друга успокоен») и автора «Горя от ума» («И Грибоедов здесь зарыт, Как наша дань персидской хмари...»), провидчески увидел в нацеленном на него револьвере предупреждение о своем «последнем звонке»:

А ныне я в твою безгладь

Пришел, не ведая причины:

Родной ли прах здесь обрыдать

Иль подсмотреть свой час кончины!

И далее невольные житейско-образные контаминации несомненны:

Они бежали от врагов

И от друзей сюда бежали.

Чтоб только слышать звон шагов

Да видеть с гор глухие дали.

И я от тех же зол и бед

Бежал, навек простясь с богемой,

Зане созрел во мне поэт

С большой эпической темой.

Он не только пел замечательно талантливый Кавказ, но и мистически предчувствовал «...свой час прощальный».

Расстрел Блюмкина, считаем мы, послужил предупредительным сигналом для лишенной каких-либо нравственных основ преступной компании «чистильщиков», вольно или невольно исполнявших приказ Троцкого относительно подсудимого Есенина. Вольф Эрлих, как мы помним, вдруг принялся сочинять мемуары «Право на песнь», Георгий Горбачев поспешил передать листок со стихотворением «До свиданья, друг мой, до свиданья...» в Пушкинский Дом; бывшего коменданта «Англетера» Василия Назарова и бывшего участкового надзирателя 2-го отделения ЛГМ Николая Горбова в спешном порядке упрятывают в тюрьмы; недавний комсомольский комиссар чекистского полка Павел Медведев быстренько устраивается преподавателем пединститута, сексот ГПУ и рифмоплет Лазарь Берман суетливо подыскивает работу в Москве, военно-партийная красногазетчица Анна Рубинштейн неожиданно оставляет Дом профпросвещения и устремляется в аспирантуру Коммунистической академии, бывший директор Лениздата Илья Ионов, в то время заведующий издательством «Земля и фабрика», тоже бежит со своего поста, секретарь Ленсовета И. Л. Леонов, в прошлом второй дзержинец в Ленинграде, переходит (с 25 ноября 1929 г.) на хозяйственную работу и т.д. Словом, причастные к сокрытию убийства Есенина проявили тогда удивительно своевременную и практическую прыть.

О крахе троцкистского холопа Блюмкина его ленинградские послушники, в основном околотитературные дельцы, могли своевременно узнать «из первых рук». В октябре — самом начале ноября 1929 года его допрашивал М.А. Трилиссер, начальник иностранного отдела ОГПУ. Можно предположить, он «по-свойски» поделился информацией с братом Д.А. Трилиссером (1897-1934), в 1925 году руководителем административной группы Ленинградской областной рабоче-крестьянской инспекции (ОКИ). Кстати, «иностранец» чекист М. А. Трилиссер, член всемогущей коллегии ОГПУ, явно сочувствовал «диссиденту» Блюмкину и голосовал за его помилование, но Сталин настоял на расстреле. Легко представить, как переполошились ненавистники Есенина, узнав о судьбе оруженосца

Троцкого. Так как в тайне «Англетера» множество хитросплетений и повторяющихся пересечений, нелишне повториться: рабоче-крестьянский ревизор Д. А. Трилиссер в 1930 году настойчиво «засаживал» милиционера Горбова в тюрьму.

Не раз писали и говорили, что сразу же после гибели Есенина в «Англетере» видели Блюмкина. Недавно обнаружилась сравнительно новая и весьма существенная деталь. О ней подробнее.

Выяснилось, Блюмкин был не только специалистом по «мокрым делам», бичом врагов мировой революции, но и настоящим профессионалом по части подделки чужого почерка. В июле 1918 года, подготавливая покушение на германского посла Мирбаха, он искусно «изобразил» в фальшивом мандате ВЧК подпись Ксенофонтова, секретаря Дзержинского. Лиха беда начало. Позже самодеятельный графолог и не такие «липы» мастерил.

А. И. Солженицын, встречавшийся в лагере с зеком М. П. Якубовичем, в прошлом чекистом, передает в «Архипелаге ГУЛАГе» его воспоминание: «...в конце 20-х годов под глубоким секретом рассказывал Якубовичу Блюмкин, что это он написал так называемое предсмертное письмо Савинкова, по заданию ГПУ. Оказывается, когда Савинков был в заключении, Блюмкин был постоянно допущен к нему в камеру лицо — он „развлекал“ его вечерами. <...> Это и помогло Блюмкину войти в манеру речи и мысли Савинкова, в круг его последних мыслей».

После суда Борис Савинков «послал» за границу революционерам-эмигрантам открытые письма, в которых призывал их прекратить безнадежную борьбу с большевизмом. Многие адресаты, и даже «охотник за шпионами» и разоблачитель Азефа Владимир Бурцев, поверили в это раскаяние. Они не подозревали, что фальшивки сочинил и лично «нарисовал» Блюмкин. В мае 1925 года гэпэушники выбросили Савинкова из не огражденного окна камеры во внутренний двор лубянской тюрьмы. Официально самоубийство объяснили пессимистическим настроением политического банкрота. Блюмкин на этот счет даже подделал прощальное письмо контрреволюционера — да так ловко, что в него опять-таки поверили.

Как знать, не рук ли Блюмкина опубликованное в «Красной газете» стихотворение «До свиданья, друг мой, до свиданья...», которое якобы написал Есенин, уйдя из жизни, как красиво выразится Троцкий «...без крикливой обиды, без позы протеста, — не хлопнув дверью, а тихо прикрыв ее рукою, из которой сочилась кровь»?..

Если Блюмкину было по силам овладеть буквой и духом савинковских писем, очевидно, ему не составляло большого труда начертать восемь «есенинских» строк «До свиданья...».

В раскрытии последней загадки «Англетера» должно помочь следственное дело Блюмкина октября — ноября 1929 года, хранящееся в бывшем Центральном архиве КГБ. Нам эти бумаги не удалось прочитать. Журнал «Отечественная история» (1992. №4) печатал документальный очерк о чекисте-авантюристе, но нужной нам информации там не содержится.

Для нас были бы особенно важны те показания Блюмкина, в которых он называет своих сообщников троцкистов по Ленинграду. Если среди них фигурируют К.Г. Аршавский, С.А. Гарин-Гарфильд, Г.Е. Горбачев, Я.Р. Елькович, В.В. Князев, П.П. Петров, А.Я. Рубинштейн, В.И. Эрлих и другие наши «знакомые», право назвать Блюмкина убийцей Есенина возрастет.

Есть и другие каналы недостающей пока информации, но они труднодоступны. Надеяться на официальную поддержку в розысканиях не приходится. Если сегодня многие тома следственного дела об убийстве С. М. Кирова остаются засекреченными, не надо удивляться, что так сложно распутывать «англетеровский клубок».

Есенина давно вели к гибели, с января 1920 года Лубянка систематически занималась его «делами», а стукачи не выпускали его из своего поля зрения. Доброхот Марк Родкин (Роткин), подслушав в столовой-пивной разговор Есенина с друзьями, в ноябре 1923 года сигнализировал в 46-е отделение милиции г. Москвы: «...когда они с неслыханной наглостью и цинизмом позволили себе оскорбить вождей русской революции, я понял, что это такие интеллигенты и „литераторы“, которые сознательно стараются при удобном случае дискредитировать и подорвать авторитет советской власти ее вождей...» (цит. по кн.: Сидорина Н. Златоглавый: Тайны жизни и гибели Сергея Есенина. М., 1995).

Доносчик Родкин имел безошибочное классовое чутье. Он мог бы потащить поэта в кутузку за такие его строки из поэмы «Страна негодяев»:

Пустая забава,

Одни разговоры.

Ну что же.

Ну что же вы взяли взамен?

Пришли те же жулики,

Те же воры

И законом революции

Всех взяли в плен.

В плен взяли всю страну. Есенин взошел на голгофу за любимую свою Россию. Но открыто убивать его временщики не посмели. Понадобилась грязная провокация. Так возникла фальсификация XX века. Наконец-то в основных своих чертах сделан решительный шаг к ее окончательному разоблачению. К нам возвращается чистым и гордым имя великого русского поэта Сергея Александровича Есенина.

ПРИЛОЖЕНИЯ

НЕИЗВЕСТНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ О ПОЭТЕ

Иннокентий ОКСЕНОВ

«НИКТО ДРУГОЙ НАМ ТАК НЕ УЛЫБНЕТСЯ» [25]

(Из дневника)

20 апреля 1924 года. У Шимановского[26] всегда было очень людно, светло, шумно — по-студенчески. Есенина я не видел уже шесть лет, и внешних перемен в нем немного, если не считать морщин на лбу... <... > ...а читать он стал превосходно, вдохновенно, с широкими волнующими жестами, владея голосом вполне. Когда читает — рязанский паренек, замолчит — московский бродяга, непременно отмеченный роком (так мне кажется). Перед стихами он сказал несколько слов в защиту петербургского поэтического языка, оклеветанного Эрлихом[27]

«В Петербурге есть писатели Чапыгин, Зощенко, Никитин, есть поэты — Садофьев [28]

, Полонская

[29]

, Тихонов

[30]

». Позже Есенин мне говорил, что он действительно ценит Садофьева, что Садофьев за последнее время «поправел» и много борется.], затем о времени — «время сейчас текучее, я ничего в нем не понимаю», говорил о роли художника, как мог бы сказать Блок. Когда его Лебедев (это уже за кулисами) спросил, бывает ли он у себя в деревне, Есенин ответил: «Мне тяжело с ними. Отец сядет под деревом, а я чувствую всю трагедию, которая произошла с Россией».

Припоминаю свой разговор с Клюевым, когда я нынче пил у него чай под «песенным Спасом». Я спросил, что он думает о смерти Ленина.

Роковая смерть. До сих пор глину месили, а теперь кладут.

А какое уже здание строится? Уж не луна-парк ли?

— А как же? Зеркала из чистого пивного стекла! Посмотри кругом, разве не так?

26 апреля 1924 года. Есенин живет так, как он должен жить. Старая роскошь прежде богатой квартиры (я заметил превосходный книжный шкаф с бронзовыми барельефами — в стилях я плохо разбираюсь), вереница пивных бутылок в углу, томная хозяйка Анна Ивановна — вероятно, не последний пример национальной породы, хозяин — Сахаров[31], читающий вирши по поводу, кажется, учиненного вчерашними гостями; собутыльник «командует» (нечто вроде Степ. Петровича, только ступенькой выше), бесконечные полутрезвые разговоры о выеденном яйце. После 3-4 бокалов пива (выпитых при мне) Есенин захотел читать Языкова [32]. Жаль, что книжку не принесли.

— В России чувствую себя, как в чужой стране. За границей было еще хуже.

Говорил о «расчленении» России, о своих чувствах «великоросса-завоевателя», делавшего революцию[33].

О Клюеве: Клюев два года был коммунистом, получил мандат на реквизицию икон по

церквам, набрал себе этих икон полную избу, вследствие чего и был исключен из партии[34].

О Чернявском[35] (с большой любовью), говорил о гамлетизме внутри аристократизма Чернявского.

Трехлетний мальчишка пел нам «Колю и Олю», «Марусю». Есенин по-детски хохотал и спрашивал: «А тебе жалко Марусю? Жалко?» — а сам ронял штопор, не мог открыть ни одной бутылки.

Шарф на шее, повязанный галстуком, на ногах гетры, лицо изрытое, плохо выбритый и синие-синие васильковые глаза. «Жизнь моя с авантюристической подкладкой, но все это идет мимо меня».

28 апреля 1924 года. Слонимский говорит, что Воронский[36] одной фразой «Дайте нам о разложении офицерства строк на триста» отучил его писать на эту тему.

Страшное, могильное впечатление от Союза писателей. Какие-то выходцы с того света. Никто даже не знает друг друга в лицо. Никого из нового правления, кстати, не было тогда. Что-то старчески шамкает Сологуб[37]. Гнило, смрадно, отвратительно. В тот вечер мы сбежали к Слонимскому.

У Слонимского говорили о происшествии у Ходотова (все это было в прошлый вторник). Выяснилась незавидная роль Никитина[38].

20 июля 1924 года. Вчера был настоящий именинный день. Денежный, пьяный, полный хороших известий.

В Госиздате встретил Клюева и Есенина, а вечером они были у меня.

Клюев жалуется, что его заставляют писать «веселые песни»[39], а это, говорит, все равно что Иоанна Гуса заставить в Кельнском соборе плясать трепака или протопопа Аввакума на костре петь «Интернационал». Кстати, Аввакума он числит в ряду своих предков. Клюев — родом — новгородец...[40]

Троцкого... Сергей любит[41], потому что Троцкий «националист», и когда Троцкий сказал Есенину: «Жалкий вы человек, националист», — Есенин якобы ответил ему: «И вы такой же!» В Ионове тоже ничего еврейского нет, хотя его предки из польских евреев, но — «таких, как Ионов, я люблю»[42]. Кстати, «Москва кабацкая» издана Госиздатом без марки.

«Не хочу отражать... крестьянские массы. Не хочу надевать хомут Сурикова или Спиридона Дрожжина[43]. Я просто... русский поэт, я не политик... поэт, это — тема, искусство не политика, оно — остается, искусство — это», — и он делает неувовимо-восторженный жест.

Жуков напомнил об «Инонии»[44], и Есенин должен был согласиться, что «Инония» была поэмой с общественным значением, но — «этот период прошел».

Но разве можно говорить о прочном антисемитизме Есенина, когда он вчера — и это было из глубины — возмущался зверствами Балаховича, убившего его друга-еврея, с уважением говорил о Блюмкине, получившем задание убить Конради[45]. Тот «позвоночник», который действительно налицо в его лирике, совершенно отсутствует в мировоззрении Есенина.

Но, черт возьми, как читает он стихи! Как гремел его голос о селе, которое —

Быть может, тем и будет знаменито,

Что некогда в нем баба родила

Российского скандального пиита!

И какие переходы, какие переливы голоса — «по-байроновски, только собачонка...» встречает чужого всем поэта. Клюев степенно, по-крестьянски, пил чай (единственный из моих гостей, все пили пиво), разговаривал с кошкой по-кошачьему. Клюев весь — уютный, удобный, домашний. Принес мне фунтик земляники в подарок и стыдливо положил ее «незаметно» в кульке на стол. Просили и его читать, но при Есенине Клюев не читает (во избежание скандала) и отговорился тем, что зуб царапает язык...

29 декабря 1925 года. Вчера около часа дня в «Звезде» я услышал от Садофьева, что приехал Есенин, и обрадовался[46]. Затем я поехал во Дворец Труда; заседание кончилось в 2

1 /

2 часа, и у ворот я купил «Красную» вечерку[47]. Хорошо, что мне попался экземпляр с известием о смерти[48], иначе я в этот день до вечера ничего не знал бы. Я помчался снова в Ленгиз, там в вестибюле узнал кое-что от Рашковской, нашел Брауна[49], и вместе с ним и еще кем-то мы пошли в «Англетер». Номер был раскрыт. Направо от входа, на низкой кушетке, лежал Сергей, в рубашке, подтяжках, серых брюках, черных носках и лакированных «лодочках». Священнодействовал фотограф (Наппельбаум)[50], спокойный мужчина с окладистой бородой. Помощник держал слева от аппарата черное покрывало для лучшего освещения. Правая рука Есенина была согнута в локте[51], на уровне живота, вдоль лба виднелась багровая полоса (ожог?[52] от накалившейся трубы парового отопления, о которую он ударился головой?), рот полуоткрыт, волосы, развившиеся страшным нимбом вокруг головы. Хлопотала о чем-то Устинова[53]. Пришли Никитин, Лавренев, Семенов, Борисоглебский, Слонимский (он плакал), Рождественский[54]; тут же с видом своего человека сидел Эрлих. Когда нужно было отправить тело в Обуховку, не оказалось пиджака (где же он? Так и неизвестно)[55], Устинова вытащила откуда-то кимоно, и, наконец, Борису Лавреневу пришлось написать расписку от правления Союза писателей на взятую для тела простыню (последнее рассказывал мне вечером Борис). Понесли мы Есенина вниз — несли Рождественский, Браун, Эрлих, Лавренев, Борисоглебский, я — по узкой черной лесенке во двор, положили Сергея Есенина в одной простыне на дровни, ломовые дровни (поехал он в том, что на нем было надето, только «лодочки», по совету милиционера, сняли — «наследникам пригодится». Хороший был милиционер, юный, старательный). Подошла какая-то дама в хорьковой шубке, настойчиво потребовала: «Покажите мне его», — и милиционер бережно раскрыл перед нею мертвое лицо. Лежал Есенин на дровнях головой вперед, ничего под тело не было подложено. Милиционер весело вспрыгнул на дровни, и извозчик так же весело тронул.

Мы разошлись, и каждый унес в себе злобу против кого-то, погубившего Сергея. Вечером у Четверикова[56] сошлись снова. Рождественский, я, Лавренев принесли по статье. Хорошо и смело написал Борис[57]. Всеволод вспоминал, как нынче в Москве он видел избивание Есенина: Петровский и Пастернак держали его, бил кто-то третий, в комнату никого не пускали, Воронский посмотрел и махнул рукой: «А, черт с ним!»[58] Всеволод вспомнил также, как на пароходе, во время экскурсии в Петергоф, Есенин у пивного ящика разливал пиво и в ответ на замечание капитана крикнул: «Проходи, пока я тобой палубу не вытер!»[59]

У Четверикова оказалось клише американского портрета (решили его отпечатать для раздачи на похоронах). Четвериков припомнил, как в «Зорях» не хотели помещать портрет Есенина.

Сегодня появилась в вечерней «Красной газете» неприлично-глупая статья Устинова и не менее глупая (по-другому) статья Пяста[60]. В 6 часов я позвонил с почты к Фроману и узнал от Иды Наппельбаум[61], что в 6 часов в Союзе писателей гражданская панихида. Приехали мы около 7 часов. Скульптор Бройдо снимал посмертную маску[62], лил гипс, тело лежало покрытое газетами.

Из разговоров трудно понять, как провел Есенин свой последний день. Слухи такие: будто он был трезв; Эрлих ушел от него в 8 часов, но вечером был у него Берман[63], видевший Сергея пьяным. Передают, что в этот день он уже пытался повеситься, но ему помешали. В номере найдена разорванная в клочки карточка его сына (от З. Райх), склеенная милицией. Будто бы Сергей с кем-то говорил о сыне, что он не от него.

Всеволод рассказал, что Горбачев[64] хотел беспрепятственно пропустить все наши статьи, но вмешался Лелевич[65] (образина!), восставший против статей Всеволода и моей. Однако Браун Яков[66] сдал все в печать явочным порядком.

4 января 1926 года. Сегодня ровно неделя, как Есенина нет. Весь ужас осознается понемногу. Вспоминаю, как он пришел ко мне с Клюевым и принес мне «Москву кабацкую» — единственный экземпляр, который он только что получил в Ленгизе. Сказал, что дарит мне, потому что я именинник, нельзя не подарить, хотя книжка одна. Пока мы тогда сидели и пили, мой отец, по обыкновению, ходил по коридору. Есенин страшно беспокоился, это его пугало. Руки дрожали (ронял папиросу), «клянусь Богом» через полслова. Было тогда выпито полдюжины пива на пятерых, а сойти с лестницы Есенин один уже не мог. Помню, как он, уходя, присел в передней на чемодан и не мог подняться. Сводили его вниз мы с Клюевым. Не помню, кто из них (кажется, Есенин) спросил меня тогда же, — не коммунист ли я?

В гробу он был уже не так страшен. Ожог замазали, подвели брови и губы. Когда после снятия маски смывали с лица гипс, волосы взмокли, и, хотя их вытерли полотенцем, они легли, как после бани, пришлось расчесывать. Ионов не отходил от гроба.

С.А. Толстая[67] похожа на своего деда, здоровая женщина и мало привлекательная. Пришла даже Мария Михайловна Шкапская[68], она сидела рядом с Толстой. С важным видом выгонял посторонних Лаганский. Были Никитин, Клюев, Садофьев, Всеволод Рождественский, Борисоглебский. Народа на выносе было немного, публика не знала; «летучки» разбрасывались почему-то, говорят, только на Загородном. Полонская положила в гроб хризантемы. Впервые я заметил, что у Тихонова голова вся седая. Когда скульптор кончил свое дело, гроб вынесли на катафалк — в ту комнату, где происходят все собрания в Союзе писателей. Снимались у гроба — Ионов, Клюев, Садофьев... Маленькая задержка, — пока пошли вниз за инструментом. Понесли: я шел слева, на узкой лестнице гроб прижимал несших к стене; несли Рождественский, Браун, Козаков[69], Борисоглебский и др. Внизу нас встретил последний марш, было торжественно.

Я хотел плакать и не мог. За гробом шло около сотни людей. Баршев[70] заказал специальный вагон для тела и распорядился, чтобы процессию пустили в ворота, с Лиговки, прямо к платформе. Очень быстро двигалась процессия.

ПАМЯТИ ЕСЕНИНА[71]

Пускай во сне, пускай — не наяву,

Когда смолкают все дела и речи,

Я памятью послушной призову,
С тобою дорогие встречи.
Приди опять!
Я буду ждать звонка,
Я у окна бесменно отдежурю,
Твоим коням не надо ямщика,
Они несут тебя сквозь снег и бурю.
Ты весел, милый!
Руки не дрожат,
Клянешься Богом — старая привычка.
И вот уже друзья к тебе спешат,
Спешат друзья к тебе на перекличку.
Глаза на миг чуть заслонив рукой.
Ты улыбаешься слегка лукаво —
Над дружбой, или над судьбой.
Иль над своею звонкой славой?
Ты говоришь:
Ведь я ничей поэт. —
Искусство? Да, искусство остается,
А ты уходишь, разве нет?
Никто другой нам так не улыбнется!
Не уходи! Еще такая рань,
Куда спешишь? Ведь ты побудешь с нами?
Сергей, Сергей! Куда ни глянь,
Весь мир цветет веселыми огнями.
Но заволакивает все туман.
Конечно, я уснул и бредил,
Доносится из дальних стран
Неумолимый голос меди.

Виктор МАНУЙЛОВ

«О ЛЕНИНЕ ТАК НЕ ЖАЛЕЛИ...» [72]

(Из дневника)

29 декабря 1925 года. Вторник. 29-е — несчастное для меня число. Сегодня в редакции «Молодой рабочий» узнал о самоубийстве Сергея Есенина. Целый день все не клеится, все думаю о нем.<...> О Ленине, говорят, так не жалели...

Меня уже многие спрашивают, что я знаю о смерти Сергея Есенина. Ничего, кроме того, что было в газетах. Узнал я об этом 29 декабря утром в редакции газеты «Молодой рабочий», где я редактировал литературный отдел. Я не поверил. Побежал по другим редакциям. В одной (газета «Труд») некий деятель литературы подтвердил, что телеграмма получена, озлобленно попросил не мешать работать и разразился ругней по адресу босяка и хулигана, которому давно было пора отправиться восвояси, затем досталось и мне — оказалось, что я прибежал не первый, что справлялись уже многие, — как будто действительно что-либо важное произошло. Много было сказано непроходимых глупостей, — но я не дослушал, побежал в «свою» редакцию — «Бакинский рабочий», — в этой газете печатался всегда Есенин, здесь его ценили. Тут уже началось экстренное заседание по организации гражданских панихид и пр. Мне было как-то не до того. Я ушел.

В еще большее уныние повергла меня вся эта панихидная болтовня. Я выслушал все траурные заседания терпеливо. Скулили профессора о том, что, мол, «не уберегли паренька в лапоточках, поэта голубой Руси». Перевирая каждую цитату, тот самый «литературный деятель», который вчера еще ругался в редакции, теперь распространялся о трагедии поэта, выражавшего определенную идеологию определенного шатающегося слоя. Все эти самодовольные лицемеры, отворачивавшиеся от Сергея при его жизни здесь, среди нас, в Баку, — теперь говорили о потере величайшего русского поэта, бывшего чуть ли не другом всех этих ораторов, льющих крокодиловы слезы. Было жаль, что Сергей не может прийти сюда и запустить во всю эту публику увесистой бутылкой, — чтобы не трепались зря.

Конечно, ни на одном заседании я не выступал ни с речами, ни с воспоминаниями — слишком было тяжело, даже не от самой потери, но от всей этой гадости неудержимого словоблудия. И стихов не написал. Живому легче писалось, а теперь вот какая-то немота одолела — и начал было писать ругательное «На смерть Есенина» по адресу всей этой панихидной публики, но и того не докончил — не стоят они этого, и ругаться не хочется. Очень было трудно и тяжело. Только сейчас смог я вернуться к запущенной за эти дни переписке, чтению, работе; только теперь могу говорить и вслух вспомнить о Сергее.

Грустно мы встретили Новый год. О Есенине как бы условились не говорить, но все думали о нем, и трудно было отвязаться от этой мысли. Я предложил два тоста: «За четыре искусства: искусство жить, искусство любить, искусство терпеть и искусство молчать». Второй: «За странствующих комедиантов».

Тостов не поняли и почти не поддержали, а я их предложил не случайно.

Когда я вспоминаю о Сергее, мне представляются чаще других следующие картинки.

Первая: Москва. Тверская. Кафе «Стойло Пегаса». На эстраде имажинисты и халтурящие актеры — внизу жрущие спекулянты. Все в синем табачном дыму. Душно и скучно.

Лето 1921 года. Я еще меньше, чем теперь, со своими стишками, о которых теперь стыдно и горько вспоминать. Сажу у стены на красном диванчике. Рядом Есенин, а на сцене актеры читают стихи Шершеневича[73]. В перерывах Есенин перелистывает мою тетрадку. Критикует. Только не по-брюсовски — неоспоримо и авторитетно точно, но больше интонацией, говоря не о мелочах, а о самом главном, о том, что составляет поэзию. Потом вспоминает о своих первых опытах. Спрашиваю о «Марфе-Посаднице». «Я, — говорит, — ее шестнадцати лет написал. Конечно, такой теперь уж не напишу — другой стал. Я ее люблю, хоть и ничего тогда еще не смыслил».

Потом уж не помню, о чем говорили, — кажется, о пирожных. Я просил для себя эстраду и был горделиво рад, когда получил согласие на выступление в «Стойле» и гонорар в 25 рублей. Тогда я любил еще читать и все это воспринимал иначе. На своем выступлении я наскандалил, прочтя «Сапоги» с ругательными выпадами против Шершеневича.

В тот же вечер Есенин уплатил эти злополучные 25 рублей и ласково-ласково, не строго, сказал мне, что, к сожалению, меня больше не сможет выпустить на эстраду, так как я позволил себе слишком многое. И тогда же, кажется, дал записку (на обратном листке тетради со стихами), просьбу — пропустить меня на первое чтение «Пугачева» на Арбате в Доме им. Грибоедова, в литературном особняке (там я впервые увидел Брюсова). Эта тетрадь с его запиской была через год украдена по дороге из Тифлиса в Баку — помню только, что текст записки приятный.

На другой день в литературном особняке читался «Пугачев». Все были захвачены — Есенин читал с редким воодушевлением и мастерством, слегка задыхался, но звонко и буйно — так через два года после он не читал.

Я сидел с поэтессой Сусанной Мар[74] и Николаем Прохоровым. Во время читки вошел Брюсов с Адалис, потом Рукавишников[75], потом Маяковский с Лилей под руку и с пушистой лисой на плече (потом он кормил ее пирожными, держа ее за золоченую цепочку — у стола). Обычно появление таких имен, как Маяковский. Брюсов, в литературных собраниях вызывало легкий шум, шелест всего зала — теперь даже не обернулись. Есенин скакал на эстраде. Отчаянно жестикулируя, но это нисколько не было смешно, — было что-то звериное, единослитное с образами его поэмы, — в этом невысоком странном человеке на эстраде.

Он кончил. Потом разнеслась весть о смерти Блока (Брюсов только что получил телеграмму). Все были потрясены, но разговоры о «Пугачеве» не прекратились, их даже не заглушила смерть Блока. «Пугачев» еще не был напечатан, все были убеждены, что это лучшая вещь Есенина, большое литературное событие, — еще не успели разобраться, понять, что драматическая поэма ему не далась — слишком уж были загипнотизированы его читкой. Потом читали Кусиков[76], Брюсов и другие, но все это было как-то беспомощно и вяло, а Брюсов был смешон и жалок, как состарившийся акробат, которому уже не служит его изумительная техника, который поблек и потерял главное — силу и молодость. Тут я окончательно разочаровался в Брюсове, перед которым преклонялся до этого года два.

Раз поздно ночью шел я по одному из московских переулков с тем же Прохоровым, и сзади нас легко и бесшумно обогнала серая фигура в широком плаще — такой быстрой и призрачной я никогда не видал. «Это Есенин прошел», — сказал Прохоров. Тут я в первый раз понял, что я его очень люблю.

Еще было несколько встреч в «Стойле» — всего не перескажешь. После мы не виделись до осени 1924 года. Мы едва, правда, не встретились с ним в 1923 году у Нины Грацианской, когда он приезжал на юг. И вот тут я поразился его редкой памяти на людей. Нина

передавала мне потом, что он не забыл меня, спрашивал обо мне и весело рассказывал о моей выходке в «Стойле». Для меня было дорого тогда, что он меня помнит, а главное — «не сердится», впрочем, впоследствии мы никогда и о Москве и о московских встречах не вспоминали.

В 1924 году осенью мы встретились в солнечном Баку. Не помню, как я узнал, что Сергей приехал, — так или иначе утром, часов в 10, я пришел в отель «Новая Европа», где попросил проводить меня в номер к Есенину.

Постучал. Он открыл сам (в комнате были еще двое, тотчас же ушедшие). Он сразу узнал, и мы встретились как хорошие знакомые. Бывает, что разлука не отчуждает, а, наоборот, сближает. Так случилось и на этот раз. Мы не переписывались, не общались и тем не менее встретились гораздо более близкими, чем расстались в Москве.

В комнате воняло какой-то гадостью, которой хозяин гостиницы натирал паркетный пол, и Сергей тотчас же стал ругать номер, говоря, что сегодня же хочет куда-нибудь съехать на другое место.

Еще не одетый (брюки и рубашка), он занимался до моего прихода «американской гимнастикой», а теперь стал мне показывать резиновую «американскую штуку», предложив попробовать ее растянуть. Я попытался и не смог. Тут он рассмеялся и с удивительной легкостью развел руки, растягивая тугую резину. «Я давно ею силу развиваю. Теперь в деревню отвезу. Пусть поупражняются». Тогда я уже заметил, что в этой еще не угасшей силе и ловкости — чисто звериной — была какая-то нервность, может быть еще более усиливающая этого усталого и слегка обрюзгшего молодого старика. Сергей за два года изменился чисто внешне еще больше, чем внутренне, но скука во взгляде и легкие подергивания горькой улыбки напомнили мне, что Москва кабацкая позади, что сейчас он убежал от нее.

Он стал рассказывать об Америке, показывал вывезенные оттуда вещи. Обязательно называлась цена, которая «была плачена» за «эту штуку», — в этом было какое-то детски-наивное хвастовство. Сергея все еще забавляли игрушки цивилизации, подаренные ему жизнью.

Нужно было услышать, как он читал: «Некому мне шляпой поклониться», чтобы понять, насколько был от него далек критик, указывающий, что, мол, шляпой не кланяются. Ведь вся суть как раз в этой шляпе. Есенин в деревне должен поклониться именно шляпой — не даром же он в «Исповеди хулигана» так настойчиво говорит о лакированных башмаках и своем лучшем галстуке. Так и теперь в залитом солнцем номере «Новой Европы» он показывал «американские штуки», радуясь им, как дикарь радуется бусам, презирая их как легко покорившегося врага

Потом с четвертого этажа, по широкой лестнице, поднимались мы на крышу отеля, в сад-ресторан — позавтракать, разговаривая об изданных его книжках за последнее время. И тут все по тому же он свел разговор на построчную плату: «Сейчас в России кому хорошо платят? „Русский современник“ только мне и Ахматовой по 3 рубля дает. Еще Маяковскому хорошо платят. Поэтов много, — а хороших нет?» И опять в этом наивном хвастовстве и хитрой улыбке не было самодовольства, — нет, просто ему было забавно говорить об этом, звучало все это приблизительно так: «Вот, мол, смотри, какие дураки нашлись, за стихи какие деньги платят!»

В ресторане, за столиком, разговорились о его любимых поэтах. «Я все так же Кольцова, Некрасова и Блока люблю. У них и у Пушкина только учусь. Про Маяковского что скажешь. Писать он умеет — это верно, а разве это стихи, поэзия? Не люблю я его. У него никакого порядка нет. Вещи на вещи лезут. От стихов порядок в жизни быть должен, а у Маяковского

все как после землетрясения, да и углы у всех вещей такие острые, что глазам больно».

Потом стал читать свое очень остроумное стихотворение про Кавказ, написанное на днях в Тифлисе, — тут и Маяковскому за «Моссельпром» досталось. Сейчас этого стихотворения у меня нет, но оно было напечатано здесь, в газете, тогда же. Там начинается с того, что, мол, все поэты отдавали дань Кавказу. Есть цитата: «Не пой, красавица, при мне».

Подали белое и холодное «Цинандали». Чокнулись «на встречу». Есенин стал уговаривать закусить с ним. Я мяса тогда не ел и потому «богобоязненно» отказался, не говоря, конечно, причины. Тут он мне впервые с глаза на глаз читал свои стихи:

Отговорила роща золотая

Березовым, веселым языком,

И журавли, печально пролетая,

Уж не жалеют больше ни о ком.

<.....>

Это стихотворение мне так врезалось в память, может быть, оттого, что тогда меня неожиданно поразила его простота, иногда даже доходящая до примитивного ромansa. Я сразу понял, какой большой путь уже пройден, понял, что не случайно так изменилась интонация Сергея. Какая разница! То как барс он прыгал на эстраде арбатского литературного особняка, энергически жестикулируя и выкрикивая «Пугачева», из которого больше выглядывал имажинист Есенин, чем Пугачев, просивший:

...Расскажи мне нежно.

Как живет здесь мудрый наш мужик?

Так же ль он в полях своих прилежно

Цедит молоко соломенное ржи?

Так же ль здесь, сломав зари застенки,

Гонится овес на водопой рысцой,

И на грядках, от капусты пенных,

Челноки ныряют огурцов?

Теперь:

Не обгорят рябиновые кисти

От желтизны не пропадет трава.

Как дерево роняет тихо листья,

Так я роняю грустные слова.

И если время, ветром разметая,

Сгребет их все в один ненужный ком...

Скажите так... что роща золотая

Отговорила милым языком.

Потом читал отрывки из «Песни о великом походе», которую тогда только написал. Читал нараспев, как частушки:

Эх, яблочко, куды котишься...

Я высказал опасение, что вещь может получиться монотонной и утомительной, если вся поэма будет выдержана в таком стихе. «Ясам этого боялся, а теперь вижу, что хорошо будет».

Напротив, на качающемся кольце, сидел зеленый попугай. Он сильно забавлял Сергея своей болтовней. Было еще занятнее смотреть на их разговоры. Есенин хотел попугаю втолковать что-то, уже не помню что, — попугай не понимал. Помню только ласковые глаза: «Чудная птица, а только скворцы лучше».

Потом мы пошли в редакцию «Бакинского рабочего». Здесь его обступили со всех сторон. Я ушел, условившись зайти на другой день, чтобы идти гулять. Сергей стал диктовать машинистке свои стихи.

На другой день мы встретились в редакции. Есенин был уже там, когда я вошел. Какой-то рабкор ругал его за то, что он не признает Демьяна Бедного. Сергей отплевывался. Гулять нам не удалось, потому что ребята потянули его в духан. Кажется, тогда же произошел при мне занятный разговор о гонораре за стихи в «Бакинском рабочем».

Есенин долго доказывал, что стихи его очень хорошие, что никто так теперь не пишет, а Пушкин умер давно. «Если Маяковскому за „Моссельпром“ монету гонят, — ужели мне по рублю не дадите.»

Редакция сдавалась. А выходило в общей сложности немало. В каждом номере печаталось по два-три больших стихотворения. Они потом вошли в сборник «Русь советская», изданный в Баку.

Получив деньги, Есенин часто шел на почту — отправлял матери. Много он раздавал беспризорным, с которыми часто пил и среди которых у него было немало друзей.

Раз уже совершенно пьяный встретился он мне на улице. Взял за руку и стал доказывать, что его никто не понимает. Стал говорить, что он самый первый в России большевик. Много говорил... Таких уличных встреч в Баку у меня с ним бывало много и днем и ночью. Я был один из немногих, кто не пил с ним вместе и регулярно. Бывали случаи каждый день, но я уклонялся, хотя знал, что теряю многое — нигде он так хорошо не читал, как в духане. Было слишком тяжело на все это смотреть...

Раз мы условились зайти к нему компанией, чтобы ехать кататься на парусной лодке. Долго ждали, пока он освободится — ему вообще здорово надоедали все мы. Наконец, бесконечные телефонные разговоры были окончены, телеграммы в деревню составлены и отправлены на телеграф. (Есенин почти никогда не писал писем домой, но посылал с деньгами сопроводительную телеграмму.) Казалось, все было готово, но, на нашу беду, на лестнице встретился хозяин гостиницы, и начались бесконечные препирательства с ним по

поводу счетов. Сергей убеждал его, что он большой поэт, которому «все надо даром давать, лишь бы он только согласился взять». «Я тебе, милый человек, откровенно говорю, я не интеллигент какой, чтобы скромности строить. Один я. Ты подумай, какие цены. Да что я, буржуй, что ли, не нэпман я. Один я такой, а ты, сволочь, шкуру дерешь! Да я в Москву буду жаловаться!» Дальше шли новые возмущения, упоминания, что и у буржуев в Европе все дешевле и т.д.

Наконец хозяин пугался этого чудака, махал руками и делал уступку.

Мы спустились в вестибюль, когда Есенин вспомнил, что мы собирались катать его на лодке. «Нет, я не поеду! Я воды боюсь. Цыганка мне сказала, чтобы луны и воды боялся, я страшной смертью умру».

Я уверял его, что морс сегодня спокойное, — все было напрасно.

Я попросил у него посмотреть ладонь левой руки. Меня поразила глубокая и небывалая линия Солнца — прямая и чистая, перерезанная Сатурновой линией у кисти. (Линия Солнца аполлонийская — искусство и слава, Сатурна — рок и судьба.)

Обо всех случаях и встречах не расскажешь. Не все сейчас и в голову приходит.

Последний раз мы увиделись в Москве летом 1925 года. Это было ночью — за стихами и вином у Софьи Андреевны Толстой (потом его жены). Я приехал к 11 часам. Было уже много выпито, но на смену пустым бутылкам из-под стола доставались все новые. Под столом стояла целая корзина.

Были еще Бабель, Всев. Иванов (все дремал на диване, очкастый и добродушный, накануне кутил); Наседкин[77] наседавал на шпроты и деловито кричал. Приблудный[78] в спортивном костюме, оголив могучую грудь, напевал что-то на диване. «Вот — гляди, — сказал Есенин, — замечательная стерва и талантливый поэт... верь мне, я все насквозь и вперед знаю».

Заговорили о моих стихах. Сергей говорил, что я «(хороший парень), только стихи у меня слишком головные». Потом он стал говорить о том, что я «очень умный», «умнее всех» — ему иногда бывает «страшно со мной говорить». Я, возражая ему, не соглашался насчет головных стихов, оценки по части ума но он настаивал на своем и начинал сердиться — он не любил, когда ему противоречили.

Потом, часов с двенадцати, Сергей стал вспоминать о детстве, вызывая остроумнейшие насмешки Бабеля. Вообще он подтрунивал над ним всю ночь, и такого насмешника, как Бабель, я никогда не видывал. Бабель рассказывал, как Сергей в один день продает десяти издательствам одну и ту же книгу стихов, составленную из трех <nrзб> до этого, как редакторы и издатели скрывают друг от друга о своей покупке, и все прогорают через месяц на одной и той же книге.

Потом не давали ему покоя рассказами из его же детства. Знали все чуть ли не наизусть, потому что, выпив, Сергей рассказывал всегда одно и то же: о неладах с отцом либо о своей любви к деду и матери, о сестрах, драках и иногда о первой любви.

Под утро Сергею взгрустнулось. Он подсел к Соне и стал ей рассказывать, что вот они скоро поедут в Тифлис, что там тепло и очень хорошо. Бабель трещал еврейскими анекдотами, Всев. Иванов храпел.

Уже светало. Есенин посреди комнаты с бутылкой в руке напевал, подплясывая:

Есть одна хорошая песня у соловушки,

Песня панихидная по моей головушке.

<.....>

От этой разгульной и страшной песни, от веселого мотива и тоскливого взгляда становилось жутко (я редко употребляю это слово).

На прощанье Сергей подарил мне «Березовый ситец» с надписью: «Дорогому Вите Мануйлову с верой и любовью Сергей Есенин» — кажется так, книжки этой у меня сейчас нет с собой, она осталась в Черкасске.

Мы простились с ним как-то странно. Сам не зная, что я делаю, я поцеловал его в шею, чуть пониже уха. Я никогда его так не любил, как в эту минуту. Это редко бывает со мной, но мне хотелось плакать. Может быть, потому, что больше нам не было суждено увидеться.

Сегодня в редакции «Бакинского рабочего» видел чуть ли не единственный список неопубликованной поэмы «Черный человек». Мне дали ее прочесть, но не списать, — как жаль, что у меня такая дырявая голова, — я не запомнил ни одной строфы. Ведь совершеннее, исключительнее и страшнее я никогда ничего не читал. Начинается:

«Друг мой, друг мой,

Я очень болен».

И дальше к нему приходит по ночам «Черный человек, Черный, черный!», садится на кровать и, как монах по покойнику, читает над ним какую-то «проклятую книгу». Это бессонница. Такой бессонницы не снилось ни одному шарлатану и авантюристу. А «черный человек» читает жизнь какого-то рязанского мальчика, ставшего большим поэтом. И приходит к нему женщина лет сорока с лишним и говорит «Милый» и еще «гадкий». «Я не хочу слушать тебя, Черный человек». А снега за окном дьявольски белые. Черный человек читает дальше...

<1926 г., январь>

Нина ГАРИНА

«НЕУЖЕЛИ ЭТО ВСЕ ПРАВДА?»[79]

<...> В двадцать пятом году Устинов появился в Ленинграде, но на более продолжительный срок, о чем он мне сразу же и заявил. Пришлось устраивать его где-либо, помимо нашей квартиры, хотя и очень обширной, так как мужу моему становилось все хуже и хуже. И я устроила его в одной из ленинградских гостиниц, что также было весьма трудно, ввиду полного отсутствия в тот момент каких-либо свободных жилых помещений.

Вслед за ним появился вскоре и Есенин, которого я также устроила в той же гостинице[80], благодаря знакомству с одним из ее сотрудников — большому любителю литературы и искусства.

О приезде Есенина Устинов сообщил мне с несказанной радостью, и дня через два-три они вместе пришли к нам. Пришли оба сильно выпившие, но Устинов, как всегда, корректный и культурный, Есенин, наоборот, развязный и даже наглый...[81]

Устинов успокаивал расхолодившегося «Сереженьку», но ничего не выходило, и все, что взбурело в тот момент в одурманенную голову поэта, он нам и преподносил, ни с кем и ни с чем не считаясь.

Все это было настоящим и пошлым бахвальством. В конце концов я не вытерпела и после его выкрика: «Я бог!», «Я всё. Вы все ничтожества!» — я сильно и неожиданно для себя самой схватила Есенина за руку... и... выкинула его за дверь, закрыв се за собой.

Устинов как-то съезжился и просящим голосом начал уговаривать меня «пустить Сереженьку обратно». Я не соглашалась, мотивируя свой отказ тем, что ему, Сереженьке, надо прийти в себя. И действительно, неожиданное положение, в котором Есенин очутился, сразу привело его в себя и протрезвило. И он вошел к нам обратно тихим и спокойным, — как ни в чем не бывало.

В этот вечер после ужина Есенин много читал нам. Читал прекрасно, вдохновенно, незабываемо.

Дни шли... Устинов появлялся у нас ежедневно[82]. Есенин же пропал бесследно, и я умышленно о нем не спрашивала Устинова. Обижен ли был Есенин на меня, замотался ли он окончательно, — не знаю, но последнее предположить можно было свободно, так как за этот короткий промежуток времени он успел уже устроить несколько скандалов и дебошей. И один из них на вечере у Ходотова[83]. Скандал, как говорится, на весь город. Кто-то что-то не так ему сказал, а между тем не так и посмотрел. Он запустил бутылкой. В ответ полетела вторая... Одни из присутствовавших стали на сторону Есенина, другие — на сторону его противника.

И опять «произошел бой» при непосредственном и благосклонном участии и инициативе Есенина. Этот громкий скандал у Ходотова заставил, по-видимому, московского гостя «скрыться» на время от публики и искать «тихое семейство». Вспомнил он и о нас. И приходил вновь и вновь с Устиновым. И оба выпившие, но, к сожалению, не вновь...

Мы сидели в столовой и пили чай. В этот вечер мы были не одни, и у нас в гостях был один из врачей-хирургов, очень обрадовавшийся встрече и знакомству с Есениным и неоднократно, при моем содействии, уговаривавший Есенина в этот вечер прочесть что-либо.

Есенин «ломался». И вновь и вновь — с самовлюбленным выкриком, неизменным бахвальством и пьяным пренебрежением, которое он и кидал нам, присутствующим, — кажется, и на сей раз всех «богов». Но и у меня «вновь» начала чесаться рука. Есенин, по-видимому, вспомнил старое. Успокоился и прочел два или три из своих стихотворений. Прочел так же прекрасно, так же вдохновенно, как бы перевоплощаясь в далекое ему, уже и безвозвратное прошлое.

Врач слушал восторженно и внимательно, но все упорнее и упорнее не сводя глаз с Есенина. И когда чтение окончилось, он вдруг, совершенно неожиданно, обратился к Есенину с вопросом: «Не болит ли у Есенина нос?»

Есенин замаялся и ответил... отрицательно. Попросив разрешения пройти ко мне в спальню, врач попросил туда же и меня, и Есенина, и, поставив Есенина вплотную перед собой, он быстро обеими руками вправил Есенину поврежденную, по-видимому, переносицу. Есенин «смирился» и стоял сильно смущенным.

Ни я, сидевшая рядом с Есениным, и никто из остальных присутствовавших не заметили совершенно не уловимого простым глазом дефекта на лице Есенина, кроме глаза хирурга.

На все мои вопросы — как и когда «это» произошло — Есенин неохотно начал рассказывать мне о «падении его с лошади» во время верховой езды. Где и когда «катался верхом»

Есенин, в каком «помещении», — так и осталось покрытым мраком неизвестности. Но... как «катался» Есенин — было ясно... Об этом «падении» не знал ничего даже и Устинов, давший мне в этом слово.

Прощаясь, уходящий врач дал Есенину карточку с указанием места нахождения клиники, времени приема и тому подобное, искренне советуя Есенину обязательно на другой день зайти к нему на прием. Есенин так же искренне поблагодарил. И через неделю, если не более, на мой вопрос — был ли Есенин в клинике, я услышала отрицательный ответ хирурга.

Телефона в номере гостиницы у Устинова не было. Телефон был лишь внизу, в швейцарской, куда Устинов и сходил обыкновенно говорить.

...Около часа ночи в моей комнате раздался телефонный звонок. Все, кроме меня, уже спали. Я подошла и услышала совершенно незнакомый мне голос, спрашивавший меня. И на мой утвердительный ответ последовала фраза: «С вами сейчас будут говорить». А затем и голос Устинова, приветствовавший меня в этот день вторично и сообщивший мне, что они с Сереженькой собираются к нам[84] и что Сережа стоит тут же, рядом. В ответ я начала доказывать Устинову, что очень поздно, что мы уже все спим; чувствуя по голосу Устинова, что он выпивши, я высказала ему и это.

Он начал меня разуверять. Тогда я выставила второй, более веский мотив, болезнь моего мужа и необходимость для него полнейшего спокойствия.

Устинов принялся доказывать мне, правда, в весьма осторожной форме, что < «квартира громадная и что они не будут ни мешать ему, ни шуметь, так как оба трезвые». И закончил фразой: «Подожди... С тобой хочет говорить Сережа...»

Когда заговорил Сережа, — сразу стало ясно и несомненно, что они оба уже совершенно «готовы», в особенности Есенин >[85].

И я в категорической форме, чтобы не узреть их опять в таком виде и в такой поздний час — да что самое главное — при наличии в квартире больного, отказалась и очень дружески, дабы их не обидеть, закончила: «Сереженька, завтра приезжайте, — хоть в шесть утра. Я буду очень и очень рада, но сегодня не надо...»

В ответ я услышала отчетливую и «убедительную» фразу: «То есть как это — „не надо“, раз мы этого хотим». И вот это «мы», да еще повторяемое Есениным «я», вновь взорвало меня, и я резко и коротко оборвала разговор: «Ты опять пьян... раньше... протрезвись». Даже моему бесконечному терпению и то пришел конец.

* * *

< Часов около пяти утра я проснулась от телефонного звонка[86]. Недоумевая и посмотрев быстро на близлежащие часы, я схватила трубку, совершенно еще сонная, и услышала опять совершенно незнакомый голос, опять спросивший: «Это Нина Михайловна?»[87] — «Да.. Кто говорит?!» И в ответ услышала коротко, но ясно:

«Есенин приказал вам долго жить!..» [88]

Я фразы этой сразу не осознала, но в мгновение ока проснулась. Сначала меня форменно всю затрясло. Но затем, моментально придя в себя, я крикнула: «Кто это говорит?! Алло!.. Hello!» >

Ответа не было... Полная тишина... <Я была «разъединена». >

Какое-то странное, я бы сказала, 'жуткое' чувство — чувство непреодолимого, непонятного страха подкрадывалось ко мне и овладевало мною.

И вдруг взамен так же неожиданно и быстро я была во власти другого уже чувства — чувства страшнейшего возмущения, вернее, негодования, вырвавшегося постепенно в неприязнь, так как я ничуть уже не сомневалась, что Устинов и Есенин, оставшись вдвоем после разговора со мною, допились «до чертиков» и, решив «отомстить» мне за мой отказ встретиться с ними накануне, решили разыграть меня, специально подговорив кого-то сообщить мне эту «веселенькую» историю.

Успокоенная этими своими доводами и предположениями, но все еще полная негодования, я решила действовать и впервые за долгие годы нашу дружбу высказать наконец Устинову несколько теплых слов правды и этим разговором убедиться окончательно в их несомненном разыгрывании меня.

<И, успокоившись окончательно своими предположениями, но полная негодования, я соединилась с гостиницей и, вызывая Устинова к телефону, решила в категорической форме... высказать ему несколько «теплых» слов правды. К телефону подошел тот же человек... И я его на сей раз уже узнала определенно по голосу...[89]>

«Попросите, пожалуйста, Устинова», — сухо сказала я. «Он подойти не может», — так же сухо услышала я в ответ.

«Тогда попросите Есенина», — с непонятной, вновь появившейся тревогой попросила я.

«Он также подойти не может».

< Сердце вдруг начало леденеть... А вдруг правда?! Резко и жутко закрались вопросы: «Почему это они оба подойти не могут?! В чем дело?! Что случилось?! Стремительно начала я бросать вопросы в телефонную трубку. В комнату, как бомба, ворвался холодный ответ: «Есенин скончался... Он лишил себя жизни...[90] Да вы же не пустили его сами вчера к себе».

Трубка выпала.

Я все поняла.

* * *

Какой страшнейший упрек кинул мне кто-то!.. Кто?! И по какому праву?! Какой все ужас... Неужели это все правда?! Вот мысли, которые резали, перегоняя друг друга, мой мозг.

И я опять соединилась, но уже как в гипнозе, с гостиницей. Опять говорила... Узнала, что комнату Есенина уже опечатали...[91] Никого не пускают... И т.д. и т.д.

Семи утра, вероятно, не было еще, как я мчалась уже на извозчике в гостиницу[92] — совершенно раздетая, в халате, в накинутой сверху шубе и в не застегнутых ботах.

На улице было еще тихо и пусто кругом. Мысли сковали разум. Неужели — правда?! Не может этого быть... И в то же время вырывался другой вопрос: «А как иначе могла кончиться жизнь человека, зашедшего в настоящий тупик?»

* * *

В комнате Устинова был форменный разгром. У стола Устинов — черно-лилового цвета. Сгорбленный, осунувшийся. Горе... Невыразимое горе было на его лице.

Я вбежала в комнату и крикнула: «Ну что?! Сделали свое дело?! Довели, мерзавцы!»

Кроме Устинова, в комнате уже были Садофьев, Никитин[93] ... Стоя в шубе и ботах посреди номера, увидя растерянные, подавленные лица, я кинула «Случилось то, что должно было случиться; все это ваша работа, теперь поздно!»

И вдруг глухой, сдавленный голос Устинова оборвал мои разбросанные слова: «А ты сама, вчера..»

На это детское самоуспокоение Устинова пришлось в тот хрупкий момент смолчать. Уж слишком велико и неожиданно было общее горе.

Постепенно я узнала тут же от заливавшегося слезами Устинова все подробности этой ночи. По словам Устинова, они после разговора со мной больше ничего не пили. Есенин очень нервничал... И вскоре ушел к себе в комнату. Устинов к нему заглядывал раза два; звал обратно, — посидеть с ним. Есенин не пошел. И в третий раз, когда Устинов пошел опять, заглянул к Сереженьке своему — его уже не было в живых...[94] [95]

Часто впоследствии Устинов, думая вслух и вспоминая Есенина, с большой душевной болью говорил мне: «Какую гнусную смерть он, мерзавец, выбрал». >

* * *

...В передней раздался звонок, и передо мной стояла первая жена Устинова, с которой он давно уже разошелся, — приехавшая, как видно, сейчас только из Москвы. Она не успела сказать мне ни слова, как я с сильной тревогой бросила ей нелепый и рискованный вопрос:

«Что-нибудь с Жоржем случилось?»

«Да», — последовал ее короткий ответ.

«Он лишил себя жизни!» — вдруг вырвалась жуткая, дикая моя фраза.

«Да..»

Все кончилось и с Устиновым.

И сильный когда-то Устинов, — так же, как и опустошенный Есенин, — «такую же гнусную смерть и он, мерзавец, выбрал». Оставив лишь на столе записку...

Лазарь БЕРМАН

ПО СЛЕДАМ ЕСЕНИНА [96]

Мой рассказ о первых встречах с Есениным (точнее, — с ранним Есениным), опубликованный в №4 «Звезды» (?), в записи Конопацкой, кончается прекращением издания журнала «Голос жизни», где начались эти встречи. После них Есенин исчез из поля моего зрения, — словно Петроград оказался для него исчерпанным. Но вскоре отыскался след Сережин: всего два — но все-таки два письма получил я от него со штампом Константиново, а затем имя его стало

появляться в московских изданиях. Видимо, в Москве его паруса наконец «надулись, ветра полны».

В пору исторических переломов и в литературе происходят бурные события; переживала их и поэзия — с наступлением двадцатых годов. Черты ее обострились, напряжение возросло, литературные споры ожесточились. Одни, уже установившиеся поэты, призывали «слушать революцию», другие отгораживались от жизни, уходя в камерную поэзию, и держались установившихся литературных традиций. Третьи опрокидывали эти традиции, становились глашатаями «победившего класса». Поэты сходились в разнообразные, часто эфемерные группы. Так, в одном из выпущенных в 21-м году сборников стихов обнаруживалось 15 разных поэтических направлений. Споры шли в аудиториях Политехнического музея, Дома печати и других публичных местах; выступали поэты и в своеобразных кабачках, в которых оркестру приходилось делить с ними эстрадное время.

В этой словесной войне находили свое отражение и глубокие революционные изменения и вторжение в литературную среду новых имен. «Безъязыкая» до сих пор улица обретала свой голос.

Такова была обстановка, когда «ранний» Есенин второй раз появился в Москве.

Писание стихов — почти закономерность для юношеского возраста, и каждый при этом уверен в своей будущности как поэта. Между тем даже лучшие знатоки литературы, вчитываясь в строки начинающих, не могут достоверно предсказать, утвердится ли данный автор в литературе или нет. Тут много званых, но мало избранных. А полная энергии молодость хочет помочь скрытым во мгле судьбам...

Одним из средств, к которым она прибегала, было провозглашение каких-нибудь литературных принципов, которые будто бы воплощались в их творениях. Они возвещались в громких манифестах, непременно от лица какой-либо группы. При этом каждая группа выбирала себе броское название, а внутри ее обычно выделялся свой лидер. Он мог обладать наибольшим, по сравнению с остальными, литературным талантом, но необязательно: напористость тоже могла пригодиться. В результате сколько-нибудь продвигались все.

Не отказывались они добиваться успеха и чисто внешним путем — стилевыми крайностями, необыкновенным исполнением стихов, даже покромом или цветом одежды, желтой блузкой, деревянной ложкой в петлице, даже гримом. Хочется договорить и то, — а это полностью относится и к Есенину, — что все эти ухищрения для лидера, если он действительно был талантлив, оказывались никчемными: он и без того достиг бы успеха. Но это становилось ясно только задним числом.

В начале 20-х годов довелось мне проехать по командировке из Петрограда в Москву. Я проходил однажды на уровне здания телеграфа вверх по Тверской... Москва не была тогда так многолюдна, как нынче. Дома, образующие эту улицу, не были еще так широко раздвинуты, как теперь, и тротуары были узковаты, почему поток пешеходов по ней казался особенно густым. Вглядевшись сегодняшним глазом в уличную толпу, вы бы удивились внешнему виду людей. До благосостояния было еще далеко: на мужчинах преобладали кепки, одежда была поношена, обувь истоптана. Эпоха не благоприятствовала и женщинам: одежда на них часто была старательно перелицована, текстильная промышленность, по-видимому, не могла предложить им хороших материалов, не располагала она и хорошими красителями.

Вдруг в случайно поредевшем потоке возникла резко отличающаяся от других фигура

Подпрыгивающей походкой шел какой-то молодой человек. Было видно, что он в отличном расположении духа. Блестело черными шелковыми лацканами его легкое пальто, обувь была

явно модельная и на совесть начищенная, на голове цилиндр, в руке тросточка с изящным набалдашником. Откуда взялся такой?

Я вгляделся в него, и мне показалось, что я его когда-то встречал. Так и есть, но где же облекавшее его тогда выцветшее и несколько длинноватое осеннее пальто и мятый картуз на голове?

Это не с ним ли бродили мы по улицам Петрограда, ничего вокруг не замечая в беседе? Это не тот ли появившийся у нас в редакции паренек из-под Рязани — Сережа Есенин? А теперь он уже установившийся поэт.

Вот, оказывается, какое превращение произошло с ним в Москве! Вот каким он стал, возглавив шумную группу поэтов, окрестивших себя французского происхождения названием «имажинисты». Слово это происходит от французского *image*, означающего по-русски «образ». Оправдано ли такое название, как признак какой-нибудь отдельной группы поэтов, отличающий их от других групп, если образность есть специфический признак любой поэзии. Но удобное для манифеста иноязычное слово придавало само по себе какое-то своеобразие есенинско-мариенгофской группе поэтов. На деле различие между поэзией Есенина и Мариенгофа оставалось таким же большим, как различие между рязанским маковым закатом и режущим глаз электрическим освещением столичных литературных кабачков.

Так, оставляя невидимый след, прошел мимо меня мой, уж давний, собеседник и конфидент. Догонять его я не стал...

В декабре 1925 года я узнал, что Есенин в Ленинграде. Большой путь прошел он после наших с ним встреч. Он мог бы сказать: «...десять лет ушло с тех пор — и много переменялось в жизни для меня».

Он завоевал за этот срок наши сердца. Известность его пересекла границы страны, изведал и он вершины и пропасти. Высокое вдохновение и тягостная бредь — все было им испытано. Захотелось мне встретиться с ним.

От редакции «Ленинских искр», в которой я работал, было недалеко до «Англетера», где, как я узнал, он остановился. Приближаясь к дверям его номера, я услышал из комнаты приглушенный говор и какое-то движение. Не приходилось особенно удивляться — о чем я не подумал, — что я едва ли застану его одного. Постучав и не получив ответа, я отворил дверь и вошел в комнату. Мне вспоминается она как несколько скошенный в плане параллелограмм, окно слева, справа тахта. Вдоль окна тянется длинный стол, в беспорядке уставленный разными закусками, графинчиками и бутылками. В комнате множество народа, совершенно для меня чуждого. Большинство расхаживало по комнате, тут и там образуя отдельные группы и переговариваясь.

А на тахте, лицом кверху, лежал хозяин сборища Сережа Есенин в своем прежнем ангельском обличий. Только печатью усталости было отмечено его лицо. Погасшая папироса была зажата в зубах. Он спал. В огорчении стоял я и глядел на него.

Какой-то человек средних лет с начинающейся полнотой, вроде какого-то распорядителя, подошел ко мне.

— Вы к Сергею Александровичу? — спросил он и, видя, что я собираюсь уходить, добавил: — Сергей Александрович скоро проснется.

Не слушая уговоров, я вышел из комнаты.

На следующее утро, спешно наладив работу редакции, часу в десятом, я снова направился к Есенину. В это время я его, наверное, уже застану не спящим, думал я, быстро сбегаю по

лестнице. Внизу, навстречу мне, из входных дверей, появился мой знакомый, ленинградский поэт Илья Садофьев.

— Куда спешите, Лазарь Васильевич? — спросил он.

— К Есенину, — бросил я ему. Садофьев всплеснул руками:

— Повесился!

Здесь навсегда обрываются видимые следы нашего поэта.

* * *

Годы шли. Наступило грозное время Отечественной войны. Вслед за молодежью и мое поколение облеклось в хаки и овладевало стрелковым оружием. Я был определен рядовым в караульную роту в Москве, где пробыл месяцев восемь. Тыловые будни — в то время как шли ожесточенные бои — переживались тяжело и подавляли меня. Рапорт за рапортом подавал я начальству, что я автомобильный специалист и прошу откомандировать меня в автомобильную службу фронта, а оно возвращало мне мои рапорта, говоря, что, как таковой, я понадоблюсь только после войны! (В конце концов я все же вырвался на фронт.)

В другом взводе моей части был боец, фамилию которого вспомнить не могу, кажется, на букву «П». Я нередко с ним встречался, и мы беседовали, лежа на траве, пока не приходило время кому-нибудь из нас заступать на пост. Оказалось, у нас есть общий интерес.

В этих своих заметках а не сказал еще, что был причастен к поэзии, не сделав ее, впрочем, своим профессиональным делом. Но я не коллежским регистратором сидел в редакции «Голоса жизни» и на других моих редакционных занятиях. Несколько лет спустя после отъезда Есенина из Петрограда мне довелось быть и секретарем Петроградского Союза поэтов. Моей причастностью к поэзии объясняются, вероятно, и мои недолгие, но близкие отношения с Есениным. Imaget, т. е. образы, не покидали меня и в карауле. Например, в характерном для времени моем стихотворении «Доярка» с ее образом происходит совершенно неожиданная метаморфоза. Привожу его:

На раздолий огромном

Ты пасешься с давних пор

От донских лугов поемных

До суровых Холмогор.

Солнце мира озаряло

Благодатные края.

Из сосцов твоих, бывало,

Била белая струя.

Но пришла к тебе доярка

Не в платочке набивном,

Но пришла к тебе доярка

С саблей, вычищенной ярко,
В шлеме воина стальном.
Звонко в вымытый подойник
Льются струи молока,
А теленок, как покойник,
Валится от ветерка.

Понятно, что для меня с моим собеседником интерес сосредоточился на Есенине. Дело в том, что этот мой товарищ оказался его односельчанином и сверстником. В школьные годы, рассказывал он, все они сочиняли стихи. Именно стихи! Подчеркиваю, такие стихи требуют большего дарования, — они были на высшей ступени по сравнению даже с широко распространенным среди деревенской школьной молодежи мастерским сочинением частушек, «выпаливаемых» к тому же экспромтом. Сочинение стихов, по словам моего собеседника, было в Константинове каким-то поветрием. Здесь, может быть, мы найдем и питательную среду, в которой вырос наш поэт, переросший в дальнейшем своих товарищей. Здесь, возможно, самое начало оставляемого им за собой следа. В то время общественное мнение деревни ставило стихи Есенина не выше стихов его товарищей. Едва ли в этих рязанских Афинах такое предпочтение диктовалось завистью: это сочинительство никому не доставляло никаких преимуществ. Первоначально успех Сергея на его родине относили только за счет его удачливости.

Мой безымянный знакомец читал мне некоторые запомнившиеся ему стихи других авторов. Они действительно были отличные: колоритные, гибкие, с настоящим лирическим напором, но надуманные. Мелодичность, навеянная, возможно, народными песнями, сказывалась и на них. И конечно, не было ничего от того, что в последствии стали называть «есенинщиной». К ней Сергей пришел только сложными и запутанными путями. К сожалению, двойной передачи эти стихи не выдержали, забылись, а может быть, были заглушены для меня громом военной непогоды.

Еще не совсем поздно, — может быть, удастся найти живых свидетелей и участников константиновского цеха поэтов. Литературоведам поиск привычен.

Лев КЛЕЙНБОРТ

«В СТИХАХ ЕГО БЫЛА РУСЬ...»[97]

I

Познакомился я с Есениным весной 1915 года. Но еще до того я знал о нем.

«Издательская работа продвигалась трудно, — пишет о суриковцах Деев-Хомяковский. — Есенина волновало это обстоятельство. После ряда совещаний мы написали теплые письма известному критику Л.М. Клейнборту, приложив рукописи Есенина, Ширяевца и ряда других товарищей». С Ширяевцем, заброшенным в одну из наших дальних окраин, я уже состоял в переписке. О Есенине же я слышал в первый раз.

По совету С.Н. Кошкарлова (Кошкарева), у которого он жил, Есенин и сам переслал мне тетрадь своих стихов. Он писал мне, что родом он из деревни Рязанской губернии, что в Москве с 1912 года, работает в типографии Сытина; что начал он с частушек, затем перешел на стихи, которые печатал в 1914 году в журналах «Мирок» и «Проталинка». Позднее печатался в журнале «Млечный Путь». Когда возник «Друг народа» — двухнедельный журнал Суриковского кружка, С. Д. Фомин мне писал: «В редакционную комиссию избраны: Кошкарлов, Деев, Фомин, Есенин, Щуренков и др.». Наконец в январе 1915 года я получил и первый номер журнала со стихами Есенина «Узоры».

Первое представление о Есенине связалось у меня, таким образом, с суриковцами. И не об одном Есенине. О Клюеве существует мнение, что до «Сосен перезвон» он не печатался; его же стихи либо устно, либо в списках переходили из местности в местность. Однако это не так. Клюев получил крещение там же, где Есенин, только пораньше, и не в «Друге народа», а в «Доле бедняка». Я напомнил как-то об этом самому Клюеву. Он смотрел на меня так, точно я о нем открывал ему вещи, которых он сам не знал. Нет, это было так. Ширяевец, в свою очередь, начинает с того, что вступает в Суриковский кружок. В том же «Друге народа» помещены и его стихи.

Все это не удивительно. Но вот что удивительно: ни стихов Клюева, ни стихов Ширяевца тех лет не выделишь из всей груды виршей, которыми заполнялись все эти издания. И то же должно сказать о тетради, присланной мне Есениным. Ни что, почти ничто не отличало его от поэтов-самоучек, певцов-горемык. Чтобы дать представление о ней, привожу одно из них. Речь идет о девушках в светлицах, что вышивают ткани в годину уже начавшейся войны:

Нежный шелк выводит храброго героя,
Тот герой отважный — принц ее души.
Он лежит, сраженный в жаркой схватке боя,
И в узорах крови смяты камыши.
Кончены рисунки. Лампа догорает.
Девушка склонилась. Помутился взор.
Девушка тоскует. Девушка рыдает.
За окошком полночь чертит свой узор.
Траурные косы тучи разметали,
В пряди тонких локон впуталась луна.
В трепетном мерцанье, в белом покрывале
Девушка, как призрак, плачет у окна.

И другие стихи были не лучше, например, «Пороша», «Пасхальный благовест», «С добрым утром!», «Молитва матери», «Сиротка», «Воробышки». Без сомнения, лучшее из них было «Сыплет черемуха снегом...», напечатанное позднее в «Журнале для всех» (1915. №6), затем «Троицыно утро, утренний канон...». Что говорило о будущем Есенина в этих стихах — это местный колорит, местные рязанские слова Недаром этих стихотворений поэт не ввел

впоследствии ни в один из своих сборников, насколько мне известно[98]. II

— Лев Максимович? — обратился ко мне паренек, подходя со стороны калитки: совсем юный, в пиджаке, в серой рубашке, с галстуком, узкоплечий, желтоволосый. Запахом ржи так и пахло от волос, остриженных в кружок.

— Есенин, — сказал он своим рязанским говорком. Я сидел в саду своего загородного дома в Лесном. Тихие сумерки уже заволакивали и скамейку, на которой я сидел, и калитку, в которую он вошел. Но в воздухе, сухом и легком, ничто еще не сдавалось, и звонок был крик диких птиц где-то в высоте.

— Вы обо мне писали в «Северных записках».

Синие глаза, в которых было больше блеска, чем тепла, заулыбались.

Я поднял на него глаза. Черты лица совсем девичьи. В то время как волосы его были цвета ржи, брови у него были темные. Он весь дышал здоровьем... Не успел он, однако, сесть, как откуда-то взялась моя собака, с звонким лаем кинувшись на него.

— Трезор! — прикрикнул я. Но это лишь раззадорило ее.

Ничего, — сказал он, не тронувшись с места. Затем каким-то движением привлек собаку к себе и стал с ней на короткой ноге.

— Собака не укусит человека напрасно.

Он знал, видимо, секрет, как подойти к собаке. Более того, он знал и секрет, как расположить к себе человека. Через короткое время он уже сидел со мной на балконе, тихий сельский мальчик, и спрашивал:

— Круглый год здесь живете?

— И зимой, и летом.

— В городе-то душно уже.

Потом сочувственно:

— Житье здесь! Воздух легкий, цветочки распускаются.

Ему здесь все напоминало деревню.

— У нас теперь играют в орлянку, поют песни, бьются на кулачки.

Во всем, что он говорил, было какое-то неясное молодое чувство, смутная надежда на что-то, сливавшаяся с молодым воздухом лета. Хотя он происходил из зажиточной крестьянской семьи, помощи от родных, видимо, у него не было. Приехал на средства кружка. Но что кружок мог ему дать? Очевидно, уверенности, что не уедет назад, у него не могло быть.

Он рассказывал мне об университете Шанявского, в котором учился уже полтора года, о суриковцах, о «Друге народа», о том, что он приехал в Петроград искать счастья в литературе.

— Кабы послал Господь хорошего человека, — говорил он мне прощаясь. III

Опять пришел: выходила ему какая-то работа, нужна была связь. И вот он рассчитывал тут на меня. Принес несколько брошюр, только что вышедших в Москве, — сборничков поэтов из народа, отчеты университета Шанявского и секции содействия устройству деревенских и

фабричных театров, ряд анкет, заполненных писателями из народа. Принес и цикл своих стихов «Маковые побаски», затем «Русь», еще что-то.

— На память вам, — сказал он. Но мысль у него была другая. Я предложил ему их самому прочесть. Читал он нараспев, не глядя на меня, как читают частушки, песни.

Читал и сам прислушивался к ритму своих стихов. Стихи уже резко отличались от тех, которые я знал. Суриковцы, вообще говоря, грешили против непосредственности, исходя из образцов, данных Кольцовым, Никитиным, Суриковым. Есенин же здесь уже не был поэтом-самоучкой. Правда, кольцовское еще звучало в «Маковых побасках». «Ах, развейтесь кудри, обсекись коса, // Без любви погибнет девичья краса..» Это было еще под лубок. Однако в молодых таких стихах была травяная свежесть какая-то.

Я передал часть из них М.К. Иорданской, ведавшей беллетристическим отделом в «Современном мире», часть Я.Л. Сакеру, редактору «Северных записок». Сказал об Есенине и М.А. Славинскому, секретарю «Вестника Европы», мнение которого имело вес и значение в журнале. «Северные записки» взяли все стихи, «Современный мир» — одно. Это сразу открыли его. IV

Теперь о суриковцах говорил он не столько уже с расположением, сколько с насмешкой. Помнится, о Лазареве — секретаре кружка — он сказал:

— Люблю таких. Простой совести.

Да еще об С. Д. Фомине, стихи которого вышли с предисловием Н. А. Рубакина:

— А! Живая душа на костылях...

Об остальных же таких слов у него не нашлось.

— В голове, как в мельнице... На медные похожи копейки...

О Кошкарове, перекраивавшем Кольцова, Некрасова, Бальмонта, он сказал:

— Кто-то где-то говорит, а кто именно и где, — не знаю...

Еще о ком-то:

— Мастачит... Дать ему деньги — пивную откроет... В нем кулак сидит.

Так нередко друг о друге говорили писатели из народа. Но за всем тем чувствовалась чисто крестьянская хитрость. Сын деревни, — скрытая, без сомнения, натура, — он, конечно, не мог не питать крестьянских чувств к городу; но и о мужике он говорил с «усмешкой, правда неуловимой.

Увидев на столе моем «Современник» — журнал, только что начавший выходить под редакцией Амфитеатрова, — он обратил внимание на рассказ «По-темному», напечатанный в одной из книжек. Автором рассказа был А.С. Новиков-Прибой.

— Вот кого рекомендую.

— Разве Новиков-Прибой из народа? — спросил я.

— Как же! Матрос... Вот бы свести с ними вас...

— А как это сделать?

— Очень просто, — сказал он. V

Не уезжал, конечно, Есенин. Напротив, пришел как-то с таким огоньком в глазах и рассказал, что был у Мережковских. Был там Д.В. Философов, еще кто-то, не припомню кто (из круга Мережковских). Все они пришли в восторг от его стихов, от его частушек.

И я тотчас уловил разницу между тем, что он читал мне, и тем, что читал Мережковским. Разумеется, в общем, это был один круг (одна система образов). Русская деревня уже далеко ушла от того смирения, которым она так прельщала Ив. Аксакова и Хомякова. 1905 год раз и навсегда расшатал все, что искони отстоялось в сыне земли, — эту покорность всему, что ни прикажут сверху. Теперь красный петух гулял по усадьбам, рос социальный гнев и выражением его было крестьянское движение, выдвинувшее уже своих Подъячевых и Вольтовых. Наконец, война еще более обострила то, что копилось по хатам, по полям, недавно столь смиренным, застойным. Но Есенин был вне этих чувств... Сам по себе он, конечно, не был общественно наивен. Напротив, все, что он мне рассказывал о типографии Сытина, об университете Шанявского, говорило о политическом налете. Но в стихах его была старая-престарая дедовская Русь, была кротость и дремотность, точно никакого движения в деревне нет и не было. Это была любовь к оврагам и перелескам, к скирдам и коровам, то же преклонение перед гармонией земли, что и у Кольцова, и если эта кротость граничила с грустью, то это была грусть об утерянной связи с этой гармонией. Отсюда один шаг до мужицкой религии. И вот мне бросилось в глаза: стихи, которые мне читал поэт, были насыщены этим консерватизмом, но все же в них Божьи Матери и Миколы не играли роли: то же, что он читал у Мережковских, была поэзия иконная, китежная, в чистом виде, та, что светится избожниц красных углов.

— Верите вы в своих Иисусов и Микол? — спросил я. Это было бы естественно. И отец, и дед его были хранители древне-русской церковности, которую он впитал с молоком матери. И сам он рос под колокольный звон, не говоря о школе, в которой учился несколько лет. Церковность, которую он впитал с молоком матери, однако, уже была разбита, по его словам. Образы его не означали верности официальной, по его словам, Церкви. Пусть в избе пахнет скотиной, прелью и угаром. Не быт деревни интересовал его, а бытие, то, что связано с исконным, изначальным. Начала же этого, узловая завязь все же здесь...

Между тем Мережковский, Философов, Гиппиус уже рассказывали о новом поэте, ставя его рядом с Николаем Клюевым. И было чему радоваться. Еще накануне 1905 года наши модернисты, наши деятели религиозно-философских кружков повернули от самодержавия к революции. Мистический анархизм Вяч. Иванова и Чулкова, неохристианство Мережковского и Гиппиус, мистическое народничество Блока и Белого — все знаменовало революционное перерождение символистов и мистиков. Но все это было беспочвенно — без «народа»; без него ведь ни одно левое течение не обходилось. Необходимы были, конечно, неохристиане, мифотворцы из народа. А вот едва обозначился С. Клычков, его издает модернистская «Альциона» («Песни», 1910 г.). Вслед за ним Валерий Брюсов, Свенцицкий выводят Клюева («Сосен перезвон», «Братские песни»). Теперь же вырисовывается Сергей Есенин. VI

Затеяв работу о читателе из народа[99] — работу, опубликованную целиком уже в годы революции, — я разослал ряд анкет в культурно-просветительные организации, библиотеки, обслуживавшие фабрику и деревню, в кружки рабочей и крестьянской интеллигенции. Объектом моего внимания были по преимуществу Горький, Короленко, Лев Толстой, Гл. Успенский. Разумеется, я не мог не заинтересоваться, под каким углом зрения воспринимает этих авторов Есенин, и предложил ему изложить свои мысли на бумаге, что он и сделал отчасти у меня на глазах.

Он, без сомнения, уже тогда умел схватывать, обобщать то, что стояло в фокусе литературных интересов. Но читал он, в лучшем случае, беллетристов. И то, по-видимому, без системы. Так, Толстого он знал преимущественно по народным рассказам, Горького — по первым двум томам издания «Знания», Короленко — по таким вещам, как «Лес шумит», «Сон Макара», «В дурном обществе». Глеба Успенского знал «Власть земли», «Крестьянин и

крестьянский труд». Еще хуже было то, что он не любил теорий, теоретических рассуждений.

— Люблю начитанных людей, — говаривал он, обозревая книжные богатства, накопленные на моих книжных полках.

А вслед за тем:

— Другого читаешь и думаешь: неужели в своем уме?

Он всем существом был против «умственности». Уже в силу этого моя просьба не могла быть ему по душе. Однако он то и дело углублялся в сад, лежа на земле вверх грудью то с томом Успенского, то с томом Короленко. За ним бежал Трезор, с которым он был уже в дружбе. Правда, пишущим я его не видел. Все же, однако, он мне принес рукопись в десять — двенадцать страниц в четвертую долю листа. VII

Писал он вот что.

О Горьком он отзывался как о писателе, которого не забудет народ. Но в то же время убеждения, проходившего через писания многих и многих из моих корреспондентов, что Горький человек свой, родной человек, здесь не было и следа. В отзыве бросалась в глаза сдержанность. Так как знал он лишь произведения, относящиеся к первому периоду деятельности Горького, то писал он лишь об их героях — босяках. По его мнению, самый тип этот возможен был «лишь в городе, где нет простору человеческой воле». «Посмотрите на народ, переселившийся в город, — писал он. — Разве не о разложении говорит все то, что описывает Горький? Зло и гибель именно там, где дыхание каменного города. Здесь нет зари, по его мнению. В деревне же это невозможно».

Из произведений Короленко Есенину прились по душе «За иконой» и «Река играет», прочитанные им, между прочим, по моему указанию. «Река играет привела его в восторг. „Никто, кажется, не написал таких простых слов о мужике“, — писал он. Короленко стал ему близок, „как психолог души народа“, „как народный богоискатель“.

В Толстом Есенину было ближе всего отношение к земле. То, что он звал жить в общении с природой. Что его особенно захватывало — это «превосходство земледельческой работы над другими», которое проповедовал Толстой, религиозный смысл этой работы. Ведь этим самым Толстой сводил счеты с городской культурой. И взгляд Толстого глубоко привлекал Есенина. Однако вместе с тем чувствовалось, что Толстой для него барин, что какое-то расхождение для него с писателем кардинально. Но оригинальнее всего он отозвался об Успенском. По самому воспроизведению деревни он выделял Успенского из группы разночинцев-народников. Как сын деревни, вынесший долю крестьянина на своих плечах, он утверждал, что подлинных крестьян у них нет, что это воображаемые крестьяне. В писаниях их есть фальшь. Вот у Успенского он не видел этой фальши. Особенно пришелся ему по вкусу образ Ивана Босых. Он даже утверждал, что Иван Босых — это он. Ведь он, Есенин, был бы полезнее в деревне. Ведь там его дело, к которому лежит его сердце. Здесь же он делает дело не свое. Иван Босых, отбившись от деревни, спился. Не отравит ли и его город своим смрадным дыханием!

Повторяю, все это было малограмотно, хаотично. Но живой смысл бил из каждого суждения рыжего рязанского паренька. VIII

Я спросил у Я.Л. Сакера: не даст ли он Есенину работу. Таковой не предвиделось в конторе журнала. Но он предложил дать ему аванс под рассказ, принятый им. Есенин пришел с радостным чувством. Я приписал было это авансу. Однако это было не так: он, оказывается, был у Блока, который направил его, в свою очередь, к Городецкому; оба приняли в нем участие.

В своих записях Есенин говорит, что первый поэт, к которому он пришел в Петербурге, был Блок. Однако еще до Блока он рассказывал мне о Мережковском. Я это помню.

Когда он входил, я собрался — после работы — в один из парков, которых в Лесном такое изобилие. Он побежал вперед своей стремительной походкой. Вся его фигура была теперь воплощением какого-то чувства, которое владело им в этом предвечернем воздухе. Блестел веселый васильковый взор... Что-то волнующее звучало в самих переливах его голоса..

Вибрируя, поплыл над улицей задумчивый звон колокола. Я говорил с ним о Блоке. У него совсем не было навыков в изложении «взглядов». Однако мне было ясно, что Блок ему близок дальним, запредельным, тем, что отвечало мистике древних устоев, от которых он шел, его деревенской хмари.

Однако к «Незнакомке» он был равнодушен. И вместе с тем я вспомнил, что женщиной совсем не пахнет в стихах самого Есенина, по крайней мере тех, которые я знал. Место женщины у него занимала родина. И мы заговорили на эту тему... IX

Он как-то обратил внимание на стихи, присланные мне одной поэтессой из Москвы. Сами по себе стихи ничего привлекательного не представляли собой. Но примечательно было чувство, которым они были согреты. На первый взгляд это были песни язычницы, блудницы. Но достаточно было вчитаться в них, чтобы почувствовать, что это была лишь видимость. На самом деле из всех строк глядела грусть одинокого существа, та, которая бывает лишь у очень несчастных женщин. Заглянув в стихи, Есенин усмехнулся.

— Чему вы? — спросил я.

— Знаю я эту... блудницу... Ходил к ней...

— Ходили? — переспросил я.

— Да... Не один. Ходили мы к ней втроем... вчетвером...

— Втроем... вчетвером? — с удивлением повторил я. — Почему же не один?

— Никак невозможно, — озорной огонь заблестел в его глазах. — Вот — не угодно ли?

Он прочел скабрёзных четыре стиха.

— И это ее! — сказал он. — Кто ее «меда» не пробовал!

Жена моя, конечно, не слышала этого разговора. Но вечером этого же дня она почему-то сказала мне о тихом, сельском Есенине:

— Знаешь, я представляю себе его в деревне... озорничает, безбоязненно обнимает девушек...

После того мне бросились в глаза очертания его рта. Они совсем не гармонировали с общим обликом его, таким тихим и ясным. Правда, уже глаза его были лукавы, но в то же время все же наивны. Губы же были чувственны; и за этой чувственностью пряталось что-то, чего недоговаривал общий облик.

— Теперь, — не отвечая мне, собственно, на вопрос, он вдруг сказал, — я баб люблю лучше... всякой скотины. Иной раз совсем без ума станешь.

И затем, немного погодя:

— Но глупей женского сердца ничего нет.

В это время, направляясь куда-то, прошла бывшая наша прислуга; он ее не раз видел у нас.

— Как зовут её? — спросил он.

— Маша.

— Эта кой-кому сокрушит мозги! — сказал он.

И вдруг точно весь стал озорной. Он уже не пропускал женщины, чтобы не сказать о ней чего-либо, а то и самое задеть. Вот няня сидит у ворот с детьми.

— Присматривай, девушка, присматривай! — говорит он ей.

И затем уже мне:

— Я не прочь, коль просватаете.

Вот мешаночка... гладит белье в саду, брызгая на него изо рта водой. Заметив издали пятно, он делает сердитое лицо:

— Эх ты, кура! Посуди сама...

И затем мне с видом знатока:

— Такой нужен молодец, чтоб кровь заходила..

Он уже был женат на работнице той типографии, где работал, имел ребенка. Но ни одним словом не вспоминал ни о жене, ни о ребенке. Даже лицо его сделалось совсем шалым.

Уже совсем стемнело, когда мы повернули к трамваю. Шли мы мимо дощатых заборов, со скамеечками у ворот. Усталость лежала на лице улицы. Точно кто-то беззвучный бродил в потемневших садиках. Вдруг где-то вдали задрожала простонародная песня. Два голоса воспевали мать-дубравушку, широкую дорогу, грусть-тоску об ушедшей молодости и т.д. Есенин остановился.

— Люблю наши песни, — сказал он. — Когда я их ни слышу, то не утерплю, чтобы не подойти к кругу.

Ни в голосе, ни в фигуре уже ни тени не было того хмеля, с которым он пришел. X

Рязанский паренек, чуть-чуть стилизованный уже, в самом деле побеждал всех своим внутренним чувством природы, своим узорным, народным языком. Но в особенности ухватились за него символисты. Появление Есенина было для них «осуществлением долгожданного чуда», по словам Сергея Городецкого. «Стык наших питерских литературных мечтаний с голосом, рожденным деревней, — писал он, — казался нам оправданием всей народной работы и праздником какого-то нового народничества»[100].

И той легкостью, какой Есенин вошел в литературу, он был, прежде всего, обязан им. Блок и Городецкий свели его с Клюевым, и теперь они были нерасторжимы друг с другом.

Появились стихи Есенина в «Северных записках» (№ VII-VIII. 1915). По его словам, он уже состоял и секретарем редакции. Этому трудно было верить; разговор с Сакером у нас шел о чисто технической работе. И фактически он секретарем не состоял, вопреки тому, что в литературе о нем это стало общим местом. Вслед же за «Записками» его стихи стали брать все... «Хорошего человека», на которого он уповал, уже не надо было.

И вместе с тем появляется он в литературных кружках. С одной стороны, с ним носятся Городецкий и Ремизов, с другой — Ясинский из «Биржевки», «открывший» перед тем Пимена

Карпова[101].

Образуется кружок и издательство «Краса»; в него входят, наряду с Городецким, Ремизовым, Вяч. Ивановым, — Есенин, Клюев, Клычков, Ширяевец. Выходит альманах Ясинского «Страда». Есенин и Клюев начинают появляться в «Привале комедиантов»[102], в «Бродячей собаке», выступать на вечерах в салонах.

Разумеется, «простачки» наши чувствуют себя на иной ноге с этими кругами, чем Алексей Кольцов. Есенин скрывает свою культурность. Однако было бы ошибочно думать, что он в самом деле простак. Напротив, втягиваясь в эту богему, в противоположность Кольцову, он разбирается в этом чуждом ему мире не хуже, чем последний. Ничто не ускользает от его пронизательности. Он все взвешивает своим мужицким умом... Разумеется, судить о его впечатлениях нашему брату нелегко. У Кольцова ведь был Белинский. У Есенина же Белинского не было. Однако, — не подлежит сомнению, — многие из тех, кто принимал за чистую монету то, что выкладывал Есенин, были бы удивлены, если бы могли судить о том, что он думал на самом деле.

Если кто и подчинил его своему влиянию, то это был Клюев и только Клюев, смиренный Миколай, которого Свенцицкий объявил пророком, — тайный мистик крестьянского обихода, выпустивший уже три книги своих стихов.

— Парень! — говорил Есенин о нем. — Красному солнышку брат! — Значит, послал-таки Господь «хорошего человека»?

Рязань и Олонию соединяло первозданное поэтическое бытие, братские песни, лесные были, раскольничьи легенды. Наконец, одно и то же прикидывали они своим мужицким умом по отношению к Петрограду. Вот что сливало их воедино.

— Да, да, послал... На Покрова будем свадьбу справлять... XI

Теперь уже Есенин бывал у меня все реже... Встретишь его где-нибудь:

— Что не заходите?

— Недосуг, Лев Максимович! Чистосердечно вам скажу.

Теперь он приходил лишь звать меня на свои выступления.

— Шагнули? — сказал я ему как-то.

— Я знал, что так будет, — с гордостью ответил он.

Запах славы опьянял его, и весь вид его уже говорил об этом. Крепкое чувство, хмельное восприятие мира, шедшее от каких-то темных церквушек, сливаясь уже с него с изломом, который сообщали ему теперь среда эстетов, богоискателей, «понедельничьей» богемы, среда, где он играл на «тальянке», пел частушки. Выступлений его я еще не видел. Но вот он стал звать меня на Серпуховскую, где когда-то еще устраивались наши вечеринки 8 февраля, а теперь готовился вечер Клюева и Есенина. Этот зал, вообще, облюбовала «Страда», устроив здесь свой клуб с дешевым буфетом.

— Приходите, — говорил он, — очень вас просим.

— Что же будет?

— Вот придете... увидите...

Когда я пришел, была масса каких-то девиц и молодых людей. Здесь был Ясинский, если мне

память не изменяет, Измайлов, критик «Биржевых ведомостей»; Городецкого не заметил. Разумеется, из этих людей, столь типичных в театрах, на вечерах, на журфиксах, я тотчас выделил Клюева, которого Есенин собирался привести ко мне, но так и не приводил.

Крепкий, высокий, с мохнатыми бровями, он был в поддевке, в сапогах бутылками. И в такой же поддевке и рубахе с поясом был Есенин. Но различие было заметно. Клюев напоминал хозяйственного мужичка, который приехал себя показать и на людей посмотреть: он весь был в степенности. В Есенине клюевской степенности не было и следа.

Увидев меня, он тотчас заулыбался мне: что-то заученное мелькнуло в этой улыбке... И только что отошли мы с ним в сторону, он мне возбужденно сказал:

— А Городецкому я в морду дал... да..

Я раскрыл глаза от удивления. И, лишь взглянув на него, понял, что им руководило, когда он говорил эти слова.

Как-то — уже после того, как он появился в литературных кружках, — заговорили мы с ним о Кольцове.

— Кольцова уж очень подсушил Белинский, — сказал он неожиданно. — Попортил-таки ему его рожок.

В его словах была доля истины. Но то ведь был Белинский, натура, столь созвучная и логике, и чувству! Какой же трещиной грозили эмоциональной натуре Есенина те влияния, которым он подчинялся теперь, в которых было столько надуманного, фальшивого! И я ему советовал оставаться самим собой. Мало того, в это время шли у меня переговоры с Горьким насчет участия моего в «Летописи». Речь шла как раз об отделе, имеющем своим предметом народную литературу. В одну из встреч я убеждал Горького отвлечь Есенина и иных от этих влияний, от этой стилизации, едва отвечавшей стихии их таланта. Горький, помню, ничего не отвечал. Передавая этот разговор Есенину, я, однако, советовал ему зайти к Горькому. Советовал зайти и к Чапыгину, автору «Белого скита», с которым у него было столько созвучных струн...

И вот это был ответ на предостережения. Разумеется, личного смысла я не вкладывал в свои слова. Напротив, я считал, что личная близость хотя бы с тем же Городецким была ему лишь на пользу. Но он это так принял...

Даже между первым и вторым актом он не переставал вводить меня в курс «скандала». Я сидел в буфете со скульптором И. Н. Жуковым, которого он не знал. Но он, не стесняясь ни его, ни других, убеждал меня:

— Нет, с чем подойдут, с тем и отойдут.

И затем, уже ломаясь:

— Ну их... Нешто мы сами себе не можем сделать удовольствие?

Тут только я заметил алкоголический блеск в его глазах...

Сцена представляла собой сельский вид, вид крестьянского двора; сами же Клюев и Есенин — в своих поддевках, сапогах бутылками — театральные пейзажи. Клюев читал былины, сказки, Есенин — песни; уверенно выходили на сцену. Есенин-чтец еще не достигал той музыкальной силы выражения, какая у него была впоследствии. Но чтение шло от естества, стихи их покоряли всех. И лица их светились сознанием своего значения. XII

Вскоре после того Есенин стучался в мой кабинет. В облике его пряталась тишина, которую

уже я знал по встречам, и вместе с тем уверенность, что он желанный гость.

— Вот и я, старуха, — сказал он, пожимая руку.

Он мне дал накануне свой «Яр», позднее напечатанный в книжках «Северных записок», единственная как будто вещь, в которой он себя попробовал как прозаик.

— Не разобрался я местами, — сказал я. Но все же высказал свой взгляд на «Яр». Это была иллюстрация к первому же стихотворению, которое он мне прочел. Помните?

Потонула деревня в ухабинах,

Заслонили избенки леса.

Только видно на кочках и впадинах.

Как синеют кругом небеса.

Воют в сумерки долгие, зимние

Волки грозные с тощих полей.

По дворам, в погорающем инее

Над застрехами храп лошадей...

Повесть так и начиналась: «По оконцам кочкового болота скользили волки». Тот же колорит лежал на языке: «вяжири», «бурыга», «голицы»... «Просинья тыкала в лапти травниковые оборки». Как и в стихах, божеское было перемешано с человеческим, с звериным... Та же древность, та же изначальная грусть маячила между строк рассказа. Но в то же время стихия таланта отсутствовала. Не было тайников, из которых шла ветровая воля его поэзии». Все это я ему и высказал. Выслушал он это уважительно, как всегда.

— Да, мне это говорят, — сказал он. — Но я могу и получше сделать.

Потом, помолчав:

— Понимаете, хотелось изобразить... Люблю я мужиков этих, коров, телеги, хомуты...

Он сделал какой-то жест, хотя, вообще, еще не жестикулировал рукой. Рыжеватое лицо засветилось. Но ничего не округлилось у него. Я предложил ему две-три мелких поправки.

— Что ж, это можно. Оно, в самом деле, ловчее.

Потом встал, прошелся. Скользнул взглядом по книжным полкам. И как будто вне связи с тем, о чем шла у нас речь, полюбопытствовал:

— Не заглушаете вы себя среди этих знаний?

— Почему это вам пришло в голову? — спросил я, не отвечая на вопрос.

— Да так, у нас в народе говорят: не виляй умом, как собака хвостом.

Если бы это сказал другой, можно было бы заподозрить обидный смысл. Но в словах Есенина ничего не было, кроме наивности, которая граничила, правда, с хитростью. Между тем с

улицы уже доносились звуки вечера.

— Как мы увлеклись, — сказал он, — уже звезды сияют.

Мы вышли в сад. В самом деле, уже танцевал гуляка-месяц, как думал, наверное, Есенин.

— Зачем вы это с Городецким? — спросил я.

— С Городецким? — удивился он. — Ах да! Ну, это ничего; люди и не то делают, да проходит.

— Вы, поди, выпиваете уже вместе?

— Это нам по климату. Да кто Богу не грешен?..

Опять прошла Маша. Он прищурил левый глаз, поднял правую бровь.

— Что-то есть в них такое, чего « не встречал в ваших барышнях, — сказал он, едва она скрылась за балконом в своей светлой кофточке.

— В ком в них?

— Да вот в этакой... В бабенке! XIII

Затем он перестал ко мне ездить. Лишь изредка встречал я его в местах, где он читал стихи, а вслед за тем — частушки. Что меня удивляло в этом чтении, так это самый переход от стихов к частушкам. Разная сущность какая-то сидела в нем тогда, когда он читал стихи, и тогда, когда пел частушки. В стихах его белели снега, синели дали среди придорожных берез, мерцали свечи прадедовских времен. Что-то волновало сердце неясным раздумьем. В частушках же ничего не было, кроме озорства, часто похабщины. И пел он их забудьгой, с хмельными интонациями, под свою пресловутую «тальянку». Но переходил он от того к другому без борьбы. В глазах искрилась лишь веселость.

Его окружали какие-то люди. И мы даже не говорили здесь друг с другом. Но раз — по выходе уже «Радуницы» — мы столкнулись как-то на углу Невского и Садовой. Под белесоватым небом высились многоэтажные дома, и все кругом было сутолокой столичной жизни. Он остановился, тронул рукой волосы.

— Знаете, «Радуницу» мою выпустили...

Он мне даже книжки не прислал; об ее же издании хлопотал и я. Написана она была им, кажется, еще в Москве. А в те дни, когда она была привезена им, мой знакомый А. П. Еремин, директор Елисеевской больницы в Лесном, сказал мне как-то, что у него есть денежный излишек, который он предназначает на издание какого-либо поэта из народа. Я предложил ему на выбор «Радуницу» Есенина и «Шляхам Жыцця» Янки Купалы, белорусского Шевченко, с которым тоже был лично связан. Еремин, однако, остановился на Купале, с которым соединяли его белорусские симпатии. Теперь книжка вышла наконец.

Оказывается, он уезжал на время в деревню.

— Ну, что же, хорошо вам уплатили? — спросил я. Он усмехнулся.

— На это икота не прокормишь.

Затем, помолчав:

— Холодно как! Хорошо бы теперь водки выпить.

В самом деле, сеял мелкой изморозью ветер. Я стал с ним прощаться.

— Я зайду к вам... «Радуницу» привезу.

— Честное слово?

— Честное слово.

— Смотрите же, я жду вас.

Он в самом деле приехал на другой же день. Топилась печь в моем кабинете, и свет пламени спорил с блеском снега, который был здесь же где-то. За окнами все было бело... Стоял сад в инее. Что-то хрустнуло в звонкой тишине. А в доме было домовито. И неуловимая черта отделяла одно от другого.

— Нравится мне у вас, — сказал Есенин и вынул свою «Радуницу» из кармана.

— Милости просим, с кого гривен восемь, а вам — даром. На ней значилось: «Дорогому Л. М. На ласковом слове спасибо».

Затем на словах:

— Не взыщите, уж ведь порядочно как вышла книжка.

Перелистывая книжечку, я остановил свое внимание на четверостишии, которого раньше не знал (стихи «Край любимый», переделанные несколько во втором издании). «С тихой тайной для кого-то Затаил я в сердце мысли», — писал поэт.

Все встречаю, все приемлю,

Рад и счастлив душу вынуть.

Я пришел на эту землю,

Чтоб скорей ее покинуть.

Я заметил ему, что строфа не гармонирует ни с самим стихотворением, ни со всей книгой.

— По-ночному залаял пес? — усмехнулся он. И нагнул рыжую голову. — Что, жалко? Верьте — не верьте. А истинная правда: придет день, и уже не встанешь...

Я спросил его, был ли он у Горького.

— Как же, как же, — сказал он, — в «Летописи», конечно...

И вспомнил о Чапыгине, с которым познакомился в «Северных записках». Чапыгин был явно ближе ему, чем Горький... Опять рассказывал о Клюеве, о своих успехах у рецензентов, у мистиков, у патриотов, у дам. Я лишь покачивал головою:

— Н-да! Сиротское дело такое. Заступиться некому. XIV

Так в революцию Есенин вошел рядом с Клюевым. До них был Кольцов. Вслед за ними шли: Клычков, Орешин, Ширяевец. Однако на них уже были щегольские поддевки, расшитые рубахи, лакированные сапоги. Всю весну и лето 1916 года они выступали по салонам. И в тех

же театральных нарядах разъезжали с Плевицкой по городам и весям. Все это начало создавать им репутацию балетных: «...ничего не видали вовеки мы сходней: настоящий мужик!»

Даже в среде тех, что встретили их как вестников глубинной народной жизни, которые созрели, определились в величины, раздались насмешки. Конечно, профессор Сакулин в «Вестнике Европы», Иванов-Разумник в «Заветах» произносили их имена с почетом. Н. Лернер же, например, уверял, что они господа «Плевицкие». «Трудно поверить, что это русские, — писал он, — до такой степени стараются они сохранить „стиль рюсс“, показать национальное лицо». Конечно, Лернер не обнаружил вкуса, высмеяв их словарь. Пусть язык их уснащен провинциализмами. Это все же был жемчуг, самородный жемчуг в истинном смысле этого слова, особенно у Клюева. Однако опьяненные успехом, они, в самом деле, разыгрывали из себя — столько же из расчета, сколько из озорства — то, что от них требовал этот маскарад: народничество салонов. В числе последних значился и салон Распутина: гостиная графини Игнатьевой.

Революция, конечно, освободила Есенина от «жанра Плевицкой», от «поэтического авантюризма». Он отходит от этой среды, сходится с Ивановым-Разумником. В чем состояла эта полоса его жизни, не берусь, конечно, писать. Что-то с год — вплоть до февральских событий — я его совсем не видел. В 1917-м же году встретил раза два-три, и то в осенние уже месяцы. И из этих встреч запомнилась мне одна, в Александровском саду. Он шел, посвистывая, по узенькой аллейке, когда рыжеватое лицо его бросилось мне в глаза. Как будто похудел за время, что я его не видел. Но от всего его девичьего лица веяло чувством жизни.

Мы присели. Невдалеке суетились дети.

— Городские эти желторотые мальчишки, — сказал он.

А от них веяло чем-то давно забытым и в то же время таким близким. Потом расположились мы в каком-то кафе. Он был, по-видимому, на стороне переворота. Но принимал его по-своему, совершенно не разбираясь в соотношении сил его, в реальном ходе событий. Что-то блоковское было в его взглядах. Он был уверен, что больше всего выиграет от революции мужик.

— Смотрите, батенька, в ту ли дверь входите, — сказал я ему. Но он уже рассказывал о «Скифах», с которыми сошелся, об альманахе, который должен выйти в свет под редакцией Иванова-Разумника («Красный звон»), об успехе таких его вещей, как «Марфа-Посадница», «Товарищ» и др. Действительно, «Марфа-Посадница» была крупнейшим произведением, написанным на темы о войне, как «Товарищ» был революционной поэмой наибольшей внутренней силы. Всем становилось ясно, что он уже мастерски выпиливал свой узор, что он делает много, очень много... Им уже не интересовались лишь как поэтом из народа.

— Ну, как с Клюевым? Справляли свадьбу на Покрова? — спросил я.

Какая-то тень пробежала по его лицу. Мы стали прощаться, но, уже разойдясь со мной, он вдруг обернулся, точно забыл что-то сказать:

— Ну, как Трезор? Помните...

И беспричинная грусть — грусть о прошлом — заблестела в его глазах.

Для меня было ясно: Клюев уже для него не учитель, а может быть, и не старший брат. Способность любить — то же, что талант. Оба — и Клюев, и Есенин — были рождены, чтобы светить. Едва ли, однако, и тот, и другой рождены были вместе с тем, чтобы греть. XV

В 1918 году я уехал в Киев, Есенин — в Москву.

Доходили до меня сведения о его издательстве, книжной лавочке, «Стойле Пегаса». Доходили даже книжки, изданные «Трудовой артелью художников слова», как и все эти «Плавильни слов», «Харчевни зорь», в которых его именем козыряли Шершеневич, Ивнев, Мариенгоф. Но представления о нем и о его делах я не имел до тех пор, пока не вернулся в Петроград, не стал наезжать в Москву, где он жил теперь.

Конечно, о московском Есенине я могу судить уже потому, что он писал в Москве. Это уже не была та заутреня, за которой стоял он с Клюевым. Ныне, «как Петр Великий», он рушил под собой твердь. Имажинизм был бунтом против этой заутрени. «Благолепие» перешло в богоборчество. Он грозил, что «выщиплет Богу бороду» «осколком своих зубов», «тело Христово выплюнет изо рта». «Не молиться тебе, а лаяться Научил ты меня, Господь», — заявлял он, швыряя себе под ноги клюевские иконы. Заявлял, что «уже нет любви» у него ни к деревне, ни к городу, что он «московский озорной гуляка». Об этом, конечно, наслышан был я в Киеве, как знал и о той кампании, которую повела против него пресса. Это уже не была ирония Лернера. «Горн» — орган пролеткультовских писателей — писал, что он «ушел от народа», стал «поэтом времен упадка», «позволил надеть на себя шутовской колпак потешающего праздник хозяев жизни красная» (№2, 3, стр. 115). «Гудок» — другой орган того же учреждения — называл его «ощетинившейся сукой» (№2, стр. 13). Правда, отношения рабочих и крестьянских писателей к тому времени уже обострились. Но ведь им вторил и Орешин:

С Богом! Валяйте тройкой,

Шершеневич, Есенин, Мариенгоф!

Если мир стал простой помойкой.

То у вас нет стихов!

Вы думаете: поэт — разбойник?

Но у вас ведь засучены рукава!

От того, что давно вы покойники,

И мертвы в вашем сердце слова!

Ну, скажите, кого вы любите.

Если женой вам овца?

Клянусь, — в ненависти погубите

Вы даже родного отца.

Все это читал я. Однако живые слухи, которым он давал уже немало пищи, стали доходить до меня лишь в Ленинграде, в Москве. XVI

Помню, Клюев принес мне свою книжку «Четвертый Рим», целиком направленную против Есенина. Естественно, разговор у нас зашел о Есенине. Давно ли он возлюбил «отрока вербного с голоском слаще девичьих бус»? Давно ли он писал о своем ученике и

продолжателе:

В твоих глазах дымок от хат,
Глубинный сон речного ила,
Рязанский, маковый закат —
Твои певучие чернила.
Изба — питательница слов —
Тебя взрастила не напрасно:
Для русских сел и городов
Ты будешь Радуницей красной.

Давно ли, наконец, он сообщал елушке-сестрице, вербе-голубице: «Белый свет — Сережа, с Китоврасом схожий, Разлюбил мой сказ». Думал, что может быть, что и вновь полюбит. Теперь же он решительно ставил крест над ним.

Похоже было, что жило-было два

брата, старший и младший. И было у них все: земля добрая, изба с коньком, запасы сытые, да еще такое... Словом, мужицкий рай. Но вдруг ничего не осталось. Разве поддевки да рубашки шелковые. Ну, что ж, сгорело — так сгорело, на то воля Божия. Но старший брат пронес мужицкую душу через все испытания, что были ей ниспосланы, младший же захирел, свихнулся, пропал и продал душу дьяволу, да еще бахвалится: «А теперь хожу в цилиндре и в лаковых башмаках». Нет, он ему более не брат:

Анафема, анафема вам,

Башмаки с безглазым цилиндром!

Пожалкую на вас стрижем,

Речным плотикам и выдрам.

Не хочу цилиндрами и башмаками

Затыкать пробойну в барке души!

Цвету я, как луг, избяными коньками,

Улыбкой озер в песнозвонной тиши.

Не хочу быть «кобыльим» поэтом,

Влюбленным в стойло, где хмара и кал! — и т.д.

Все это было в «Риме», поэтическом выпаде против Есенина. На словах же выходило еще хуже. Выходило, что «глава имажинистов» ходит в цилиндре, в шелковом белье, что стихи для него уже плевое дело; выпады же против прошлого — одна лишь реклама скандалистов. В то время как талант его — вопреки разладу с самим собой — приобретал все больший размах, хотя бы и лирический, хотя бы в таких вещах, как «Москва кабацкая», «Исповедь хулигана». Клюев уверял, что Есенина уже нет, а есть бродяга, погибающий в толпе собутыльников, — тот, что изменил «отчому дому», из которого пришел в литературу...

Я невольно сопоставлял то, что говорил мне Клюев, с тем, что говорил А.П. Чапыгин, не терявший связи с Есениным. Чапыгин объяснял все драмой, которой мы, быть может, не знаем, какой-то тревогой души. Клюев же, по-видимому, не отдавал себе отчета даже в том, что судьба Есенина, в сущности, судьба его самого, что «речные плотицы и выдры» так же могут помочь Есенину, как и Клюеву, как и Клычкову с Ширяевцем. XVII

В 1923 году мне понадобился материал для моих «Очерков народной литературы», где видное место отводится (II том) Клюеву и Есенину. Клюев мне доставил свои — высоколюбопытные — записи о себе. Остановка была за Есениным, который теперь объезжал Восток и Запад. И вот как раз в момент, когда я раздумывал о том, как списаться с ним, на одном из заборов Каменноостровского бросилась мне в глаза афишка с несколькими строками текста. Смысл строк состоял приблизительно в следующем. Всем... всем... всем... Сергей Есенин едет в Ленинград... Сергей Есенин выступит со своими стихами... Всего лишь один раз... Сергей Есенин... Разузнавайте, где...

Через день пришел ко мне Чапыгин.

— Читал? — спросил я его, имея в виду «объявление Есенина».

— А!.. Сережка уже здесь. Мы виделись.

Вечер, оказывается, назначался в тот же день. После же чтения они собирались вместе ужинать. Звали и меня. Но я был занят в этот вечер.

— Будь добр, передай Есенину... Надо нам повидаться, — сказал я. Но не тут-то было. Вечер начался со скандала. Есенин, как это и следовало ожидать, вышел пьяный. Первые же его слова — слова, в которых он объяснял, почему он хулиган, а стихи его — стихи хулигана — вызвали ропот. Мужчины стали выходить, предложив то же сделать женщинам. Однако женщины им воспротивились. «Уходите, если хотите, — раздались голоса. — Зачем же нам мешать слушать?» Но только Есенин перешел к стихам, в зале водворилась тишина. Кончилось же все тем, что его вынесли из зала на руках. Он был в такой степени запружен толпой, что Чапыгину таки не удалось сойтись с ним. А на следующий день он уехал. Я написал ему, но не получил ответа. Написал вторично. Тогда он ответил, что в кратчайший срок пришлет все, что нужно. И все же он ничего не высылал... Я совсем было отчаялся с ним столкнуться, когда случайно, уже зимой, в одну из своих поездок в Москву, встретился с ним лицом к лицу на Воздвиженке, у кассы Гос. издательства.

Так ли он в самом деле изменился, потому ли, что так уже меняли его меховая шуба, бобровая шапка — они не гармонировали с тем обликом, к которому я привык, — но узнал я его не сразу. И он поздоровался со мной официально. Что-то чужое было в лице, припудренном как у актера, в волосах, завитых у парикмахера. И лишь когда я подошел к нему, печальная тревога сдавила мне сердце. Он был испит. Волосы редели. Во всей осанке было что-то больное... Видя, что он совсем не идет мне навстречу, я стал подниматься вверх, как вдруг его рука легла мне на плечо.

— Эк вы гоните! — сказал он. Затем, спросив мой адрес, сказал, что на другой день вечером придет ко мне. Но на другой день утром я его вновь встретил на Воздвиженке. XVIII

Я входил, он же выходил из Госиздата Но это был уже другой человек. Улыбаясь прежней улыбкой, он взял меня под руку и повлек вниз.

В забвенье канули года,

Вослед и вы ушли куда-то... —

цитировал он собственные стихи. Он был весь нараспашку, какой-то легкий. Я предложил ему позавтракать где-нибудь неподалеку. Он тотчас же согласился, повел меня в ресторан, очень чистенький, прямо нарядный для тех лет. Ввиду раннего часа посетителей было еще мало. Но уже играл струнный оркестр. Мы присели у огромных окон, ливших зимний свет на столики, на цветы, на лакеев во фраках. Он закурил, чего, кажется, за ним не водилось прежде.

— Давно, давно я хотел с вами повидаться, — сказал он, не упоминая ни словом о моих письмах. — Здорово изменился я?.. Здорово изменился, Лев Максимович?

Мне не хотелось его огорчать, но он прочел в моем взгляде ответ.

— Ох, ох, — сказал он, — чувствую, весь мой домишко разнесется, все у меня прахом пойдет. А верно: прошли мои красные дни. И вдруг без перехода:

— Теперь любовь моя не та...

Так начинались стихи, в которых он обращался к Клюеву, уверял его, что он «сердце выпеснил избе, но в сердце дома не построил». «И тот, кого ты ждал в ночи, — писал он, — прошел, как прежде, мимо крова. О, друг, кому ж твои ключи ты золотил поющим словом?»

Он говорил в них правду. Но говорил без сердца, до странности без сердца.

— Мы разошлись, вы знаете, — сказал он. Теперь он убеждал меня, что Клюев уже во втором томе «Песнослава» погубил свой голос, а теперь он — гроб.

Это было то же, что доказывал Клюев о нем. И тот же был холод. Вот что было пострашнее и его пудры, и его завитых волос... В самом деле, не Мариенгоф, не Шершеневич, не Дункан же дадут ему теплоту, без которой душа вянет, тускнеет, даже душа поэта...

Точно угадав мои мысли, он заговорил об имажинизме. Я спросил его: а с Мариенгофом он еще не распрощался, как с Клюевым?

— Возьмите! — сказал он, наливая мне водки. — Грибки...

Я отказался.

— Ну, пива... Ваше дело женское...

Выпил рюмку, другую; опять выпил. И заговорил о Берлине, о Лондоне, о Нью-Йорке. Никакого впечатления, казалось, не произвели на него мировые центры. Что-то зловещее, враждебное для него было в исчадиях техники, индустрии. Тоска пряталась под асфальтом, тоска по первозданному, по тому, что душу облекает в плоть, но что забываешь под этот лягз, под этот грохот, под этот выдуманный свет. Чем эффектнее были эти центры, тем милее становился ему родительский дом, поля снежные, тишина древняя, что царит и ввысь, и вдаль...

— Приедешь с праздника, бывало, — вспомнил он вдруг и замолчал... — Кругом снега, а ночи черные-черные, кажется, конца и нет и не будет... Заснешь как убитый. И вдруг... проснешься среди ночи. Прислушаешься. Тишина такая... Кажется, ты один на всем свете... Нет, не

один... Что-то дышит еще, что-то бродит под окнами, не оставляя следа; что-то живет в этой жути, но жизнью не нашей, чуткой человеку. И вместе с тем над всем этим что-то звенит, звенит, звенит...

Опять выпил рюмку. Я попросил убрать водку.

— В расстройство парень придет? — усмехнулся он, и лицо его вдруг стало давно-давно знакомым. Потом, помолчав: — Вот уже и Ширяевца между нами нет. — Он знал о переписке, которая связывала нас в течение ряда лет. — Да!

Материал он мне обещал дать на вечере, где он читал свои стихи. Мы условились встретиться здесь. Однако и на этот раз я его не получил. Он лишь передал мне «Ключи Марии» со своей подписью. XIX

Приступы тоски сменялись озорством, таким озорством... казалось, он нашел в нем приложение всех своих сил; для выражения же его мобилизовал весь свой пафос, весь свой пленительный лиризм. Трещина шла все глубже... И было похоже, что у него не остается никого, кроме друзей по хмельному делу.

С.А. Клычков — тот самый, которого Есенин так высоко ставил, — не говорил уже о нем без скрежета зубного. В мои наезды в Москву он передавал мне факты странного падения Есенина. И то же подтверждал Орешин[103]. И. М. Касаткин рассказывал мне в буфете Союза писателей. Вот за этим столиком сидят они с Есениным. Присаживается поэт Рукавишников, которого Есенин видит в первый раз. Вдруг он берет Рукавишникова за бороду, — у того борода клинышком, — и, не говоря худого слова — бороду в горчицу. Рукавишников, конечно, уходит, и Касаткин спрашивает его:

— Зачем ты это?

— Зачем! Ведь это у него были капиталы, дома в Нижнем...

Очевидно, второй родиной Москва для него не стала. Побывал на родине. Но старый уклад был сломан, бесповоротно сломан. И вот, — не найдя спасения в родных полях, в полях Рязани, — он почему-то кидается в Ленинград. Здесь он должен освободиться от кошмара, что волочился за ним в Москве, в Нью-Йорке, в Берлине, обрести радость, молодое чувство. Однако не успел он сойти с Октябрьского вокзала, как рассказывали уже про дебош, который он устроил в квартире Ходотова. Сидя рядом с артисткой, он, — уже во хмелю, — сказал ей из ряда выходящую сальность. Кто-то закатил ему пощечину. Есенин, понятно, ответил, и началась драка. Но не так-то легко было с ним справиться. Дедовская привычка ему здесь не изменила. К тому же и гости Ходотова снисходили к нему... Наконец, улучив момент, он содрал скатерть со стола, перебив все, что стояло на нем. Это рассказывал мне Чапыгин. А на другой день Клюев сообщал уже мне про дебош, имевший место в одном из притонов тех лет. Здесь уже с ним не поцеремонились. Избив его до потери сознания, его сбросили со второго этажа вниз; быть может, и прикололи бы, если бы наконец кто-то не опознал его в лицо.

По словам Клюева, в этот приезд Есенин был у него, но разговаривать уже им было не о чем.

— Что ж, — говорил Клюев, глядя из-под бровей. — Ведь он уже свой среди проституток, гуляк, всей накипи Ленинграда. Зазорно пройтись вместе по улице! XX

Все говорило о том, что поэт, чье имя было у всех на устах, переживал провал всей жизни. Все говорило не о простом падении, но и о крахе большого сердца... И я бы не решился уже искать с ним встреч, если бы меня не побудило к нему дело. В ту пору возникало издательство, руководить которым я был приглашен. В числе работ, которые должны были увидеть свет в этом издательстве, намечены были книги Есенина, Клюева, Новикова-Прибоя,

Чапыгина... С последним я было договорился. Осталось договориться с Есениным.

Я предупредил его, что в такой-то день, в такой-то час буду у него. И когда я пришел, он уже ждал меня на Гагаринской, где жил временно. С той встречи, как я его видел в последний раз, прошло не так много времени. Но до чего он сдал за это время уже чисто внешне! Голова была перевязана, под глазами синяки. Очевидно, он беспросветно пил. Во всех чертах лица, во всем облике таилась обреченность... Увидев меня, он пошел навстречу.

— Вот хорошо, что пришли ко мне! Я спросил его, почему он перевязан.

— Зубы! — ответил он.

Уловив, однако, выражение моего лица, он заулыбался.

— Да, да, не все до большого доходят...

Стали говорить о деле, и он совсем развеселился.

— Ну, что ж! В час добрый...

Когда уж мы совсем сошлись, он по-детски блеснул глазами.

— Прибавьте гривенник... на квас! Товар ведь первый сорт.

— И не просите...

— Ну пятак... на семечки.

Я качнул головой в знак отрицания.

— Ну, деньги вперед!

— Ладно, ладно.

— Не ладно, а сейчас... Зато лишнего не беру. Наконец, нежно дотронулся до моей руки.

— С вами сладимся.

И стал расспрашивать меня про дом. Он помнил даже то, что в моей памяти давно выветрилось.

Жены моей уже не было в живых; и от Трезора оставался лишь бугорок земли в саду.

— Как далеко это все, — сказал он. И грусть о прошлом засветилась в его глазах. Я заговорил о нем самом. Он сказал, что был на родине.

— Ну, что ж... деревня?

Он прошелся, как будто не расслышав вопроса. Затем, помолчав:

— Пустая жизнь. Скучная, как дорога... Прямо на смерть направлена.

— С Клюевым виделись?

— Да, да... — Опять помолчал. — Бывают счастливцы!

Я стал прощаться с ним.

— Желаю вам избавиться... — пошутил я, указав на «зубную» боль его.

— Пожелайте мне лучше смерти. Я вам, как отцу духовному, — ответил он в тон. И такой тоской — тоской опустелого дома — повеяло от его слов. XXI

Тут только он мне вручил свое жизнеописание<...>[104]. XXII

Из Ленинграда Есенин, конечно, уехал. Правда, через год я его увидел вновь здесь. Но увидел бездыханным, в коричневом гробу под дуб. Волосы зачесаны были назад. Под глазом ожоги... Я шел за гробом, и странный смысл проступал сквозь ритм его стихов, напоенных кровью:

Да! Теперь решено. Без возврата

Я покинул родные поля.

Уж не будут листвою крылатой

Надо мною звенеть тополя.

Низкий дом без меня ссутулится.

Старый пес мой давно издох.

На московских изогнутых улицах

Умереть, знать, судил мне Бог.

Говорят, лирический поэт не должен жить долго. Не всегда, конечно, это так. Однако смерть Есенина — поэта, который с таким хмельным чувством вошел в литературу, унаследованным от мужицких предков, и с такой смертной тоской ушел из нее, а вместе с тем из самой жизни, — в самом деле, по-особому связала поэзию его с тем, что было в нем личного. Иван Бунин в своей статье о самородках называл Есенина «хамом», «жуликом», «мерзавцем». Нет, это не так. Мы редко воспринимаем образ поэта в одном фокусе. Этому мешают противоречия, из которых соткан его облик. Если это верно вообще, то особенно верно по отношению к Есенину. Но едва он, полный сил и замыслов, лег бездыханным, все, что в нем было противоречивого, слилось в то единое, чем была жива конкретная личность его. Из пьяных мотивов, из стихов скандалиста встал живой Есенин, и едва ли он был жив когда-нибудь так, как был жив в этом коричневом гробу, как жив теперь под бугорком земли.

Августа МИКЛАШЕВСКАЯ

«МЫ ВИНОВАТЫ ПЕРЕД НИМ» [105]

Сложное это было время, бурное, противоречивое...

Во всех концах Москвы — в клубах, в кафе, в театрах — выступали поэты, писатели, художники, режиссеры самых разнообразных направлений. Устраивались бесконечные

диспуты. Было в них и много надуманного и нездорового.

Сложная была жизнь и у Сергея Есенина — и творческая, и личная.

Все навязанное, наносное столкнулось с его настоящей сущностью, с настоящим восприятием всего нового для него, и тоже бурлило и кипело...

Познакомила меня с Есениным актриса Московского Камерного театра Анна Борисовна Никритина, жена известного в то время имажиниста Анатолия Мариенгофа. Мы встретили поэта на улице Горького (тогда Тверской). Он шел быстро, бледный, сосредоточенный... Сказал: «Иду мыть голову. Вызывают в Кремль». У него были красивые волосы — пышные, золотистые. На меня он почти не взглянул. Это было в конце лета 1923 года, вскоре после его возвращения из поездки за границу с Дункан.

С Никритиной мы работали в Московском Камерном театре. Помню, как Никритина появилась у нас в театре. Она приехала из Киева. Она очень бедно была одета. Черная юбочка, белая сатиновая кофточка-распашонка, на голове белый чепчик с оборочкой, с пришитыми по бокам локонами (после тифа у нее была обрита голова). В таком виде она читала у нас на экзамене. Таиров и Якулов пришли от нее в восторг. Называли ее «Бердслеевой Соломеей». Она уже тогда очень хорошо читала стихи. И эта «Бердслеевская Соломея» очаровала избалованного, изысканного Мариенгофа. Он прожил с ней всю жизнь, держась за ее руку.

Нас с Никритиной еще больше сдружило то, что мы обе не поехали с театром за границу: она — потому что Таиров не согласился взять визу и на Мариенгофа, я — из-за сына. Мы вместе начали работать в пьесе Мариенгофа «Вавилонский адвокат» в театре «Острые углы». Я часто бывала у Никритиной. У них-то по-настоящему я и встретила с Есениным. Вернувшись из-за границы, Есенин жил в одной квартире с ними.

В один из вечеров Есенин повез меня в мастерскую Коненкова. Коненкова в мастерской не было. Была его жена. Мы вошли в студию. Сергей сразу затих и весь засиял.

Про него часто говорили, что он грубый, крикливый, скандальный... Потом я заметила, что он всегда радовался, когда сталкивался с настоящим искусством. Иногда очень бурно, а иногда тихо, почти благоговейно. Но всегда радостно. И когда я потом прочитала его стихотворение «Пушкину», я вспомнила этот вечер...

Обратно шли пешком. Долго бродили по Москве. Он был счастлив, что вернулся домой, в Россию. Радовался всему как ребенок. Трогал руками дома, деревья. Уверял, что все, даже небо и луна, у нас другие, чем там. Рассказывал, как ему трудно было за границей. И вот он «все-таки удрал!» «Он в Москве!»

Целый месяц мы встречались ежедневно. Мы очень много бродили по Москве, ездили за город и там подолгу гуляли.

Я помню осенние ночи,

Березовый шорох теней,

Пусть дни тогда были короче,

Луна нам светила длинней! —

вспоминал он потом...

Это был август... ранняя золотая осень... Под ногами сухие желтые листья. Как по ковру бродили по дорожкам и лугам. И тут я узнала, как Есенин любит русскую природу. Как он счастлив, что вернулся на родину. Я поняла, что никакая сила не могла оторвать его от России, от русских людей, от русской природы, от русской жизни, какой бы она ни была трудной.

— Я с вами как гимназист, — тихо, с удивлением говорил мне Есенин и улыбался.

Часто встречались в кафе поэтов на Тверской. Сидели вдвоем. Тихо разговаривали. Есенин трезвый был даже застенчив. Много говорили о его грубости с женщинами. Но я ни разу не почувствовала и намек на грубость. Он мог часами сидеть смирно возле меня. Комната моя была похожа на рощу из астр и хризантем, которые он постоянно приносил мне.

Помню, как первый раз он пришел ко мне. Помню, как я сидела в кресле. Помню, как он сидел на ковре, держал мои руки и говорил: «Красивая, красивая...»

Как-то сидели в отдельном кабинете ресторана «Медведь» Мариенгоф, Никритина, Есенин и я. Мне надо было позвонить по телефону. Есенин вошел со мной в будку. Он обнял меня за плечи. Я ничего не сказала, только повела плечами, освобождаясь из его рук. Когда вернулись, Есенин сидел тихий, задумчивый. «Я буду писать вам стихи». Мариенгоф засмеялся: «Такие же, как Дункан?» — «Нет, ей я буду писать нежные...»

Первые стихи, написанные мне:

Заметался пожар голубой,

Позабылись родимые дали,

В первый раз я запел про любовь,

В первый раз отрекаюсь скандалить... —

были напечатаны в журнале «Красная нива»,

Есенин позвонил мне и с журналом ждал в кафе. Я опоздала на час. Задержалась на работе. В этот день час для него был слишком большим сроком. Когда я пришла, он впервые при мне был не трезв и впервые при мне был скандал.

Он торжественно, стоя, подал мне журнал, Мы сели. За соседним столом что-то громко сказали, Есенин вскочил... Человек в кожаной куртке хватился за наган. К удовольствию окружающих, начался скандал. Казалось, с каждым выкриком Есенин все больше пьянел. Я очень испугалась за него. Вдруг неожиданно, неизвестно откуда, появилась его сестра Катя. Мы обе взяли его за руки. Он посмотрел нам в глаза и улыбнулся. Мы увезли его и уложили в постель. Есенин заснул, а я сидела возле него. Вошедший Мариенгоф убеждал меня: «Эх вы, гимназистка, вообразили, что сможете его переделать! От вас он все равно побежит к проститутке»,

Я понимала, что переделывать его не нужно. Просто нужно помочь ему быть самим собой. Я не могла этого сделать. Слишком много времени приходилось мне тратить, чтобы заработать на жизнь моего семейства. О моих затруднениях Есенин ничего не знал. Я зарабатывала концертами, случайными спектаклями. Мы продолжали встречаться, но уже не каждый день.

Давид Гутман и Виктор Типот пытались организовать театр «Острые углы». Начались

репетиции пьесы Мариенгофа «Вавилонский адвокат». Мы с Никритиной получили в ней интересные роли.

С Есениным чаще всего встречались в кафе. Каждое новое стихотворение, посвященное мне, он тихо читал. В стихотворении «Ты такая ж простая, как все» больше всего самому Есенину нравились строчки: «Что ж так имя твое звенит, Словно августовская прохлада» — и он повторял их.

Как-то сидели Есенин, я и С. Клычков. Есенин читал только что напечатанные стихи:

Дорогая, сядем рядом,

Поглядим в глаза друг другу.

Я хочу под кротким взглядом

Слушать чувственную вьюгу...

Клычков похвалил, но сказал, что оно заимствовано у какого-то древнего поэта (не запомнила). Есенин удивился: «Разве был такой поэт?» А минут через десять стал читать наизусть стихи этого поэта и хитро улыбался.

Он очень хорошо знал литературу. С большой любовью говорил о Лескове, о его замечательном русском языке. Взволнованно говорил о засорении русского языка, о страшной небрежности к языку в газетах и журналах. Он был очень литературно образованным человеком, и мне непонятно, когда и как он стал таким. Несмотря на свою сумбурную жизнь, много стихов и даже прозу знал наизусть.

Помню, сидели в кафе Михаил Кольцов, Кармен, Есенин, какая-то очень красивая женщина в большой шляпе и я. Есенин очень волновался, опять говорил о засорении русского языка Читал Пушкина, Гоголя, Лескова наизусть. Вспоминается добрая улыбка Михаила Кольцова, какое-то бережное отношение к Есенину.

3 октября 1923 года, в день рождения Сергея, я зашла к Никритиной. Мы все вместе с Сергеем должны были идти в кафе. Там внизу, в отдельном кабинете, собирались торжественно праздновать этот день. Но еще накануне он пропал, и его везде искали. Шершеневич случайно увидел его на извозчике (на Тверской) и привез домой. Он объяснил свое исчезновение тем, что — «Мама мучилась еще накануне, с вечера». Сестра Катя увела его, не показывая нам.

Читая «Роман без вранья» Мариенгофа, я подумала, что каждый случай в жизни, каждую мысль, каждый поступок можно преподнести в искаженном виде. И вспомнилось мне, как в день своего рождения, вымытый, приведенный в порядок после бессонной ночи, вышел к нам Есенин в крылатке, в широком цилиндре, какой носил Пушкин. Вышел и сконфузился. Взял меня под руку, чтобы идти, и тихо спросил: «Это очень смешно? Но мне так хотелось хоть чем-нибудь быть похожим на него...» И было в нем столько милого, детского, столько любви к Пушкину, и, конечно, ничего кичливого, заносчивого, о чем писал Мариенгоф, в этом не было.

За большим, длинным столом сидело много разных друзей его — и настоящих, и мнимых. Был Воронский.

Мне очень хотелось сохранить Есенина трезвым на весь вечер, и я предложила всем желающим поздравлять Есенина, чокаться со мной: «Пить вместо Есенина буду я!» Это всем

понравилось, а больше всего самому Есенину. Он остался трезвым и очень охотно помогал мне передергивать и незаметно выливать вино. Мы сидели с ним рядом на каком-то возвышении. Неожиданно подошла молодая девушка с бутылкой в руке, истерически крикнула несколько раз: «Пей!» — он отстранил руку. Она подошла и плеснула вином, закатила истерику и упала. Я сказала, чтобы вынесли ее. Настроение у меня испортилось. Долгое время я его не видела.

* * *

Помню, сидели в кафе я, Никритина, Мариенгоф. Ждали Есенина, но его не было. Вдруг неожиданно поднялся снизу. Прошел прямо в середину. Бледный, глаза тусклые. Долго всех оглядывал. Может, и не увидел нас, а может, и увидел. В кафе стало тихо.

Все ждали, что будет. Он чуть улыбнулся и сказал: «А скандалить пойдём к Маяковскому...» И ушел.

Я знала, что его все больше и больше тянуло к Маяковскому, но что-то еще мешало. С Маяковским в жизни я встречалась несколько раз, почти мельком, но у меня осталось чувство, что он умеет внимательно и доброжелательно следить за человеком. В жизни он был другой, чем на эстраде.

Я жила в комнате вдвоем с сыном. Как-то рано вечером (сын гулял с няней) я сидела у себя на кровати и что-то шила. В дверь постучали, и вошел Маяковский. Он пришел к моему соседу по квартире, режиссеру Форейгеру. Попросил разрешения позвонить по телефону. «Вы — Миклашевская?» — «Я». — «Встаньте, я хочу посмотреть на вас». — Он сказал это так просто, серьезно, что я спокойно встала «Да..» — сказал он. Поговорил немного о театре и, так и не дотронувшись до телефона, ушел. И хотя он ни звука не сказал о Есенине, я поняла, что интересовала его только потому, что мое имя было как-то связано с Есениным, он думал о нем.

Маяковского волновала судьба Есенина. Второй раз, увидев меня в антракте на каком-то спектакле, подошел, поздоровался и сказал: «Дома вы гораздо интереснее. А так я бы мог пройти мимо и не заметить вас».

Режиссер Форейгер Н. М. предложил мне за какой-то соблазнительный паек участвовать в его концертах. В Доме журналиста на Никитском бульваре приготовил со мной акробатический танец. Когда я выскочила на сцену в розовой пачке, я увидела Маяковского (эстрада у них низкая). Он стоял сбоку, облокотившись на эстраду. У него были грустные глаза. Я танцевала и чувствовала, что ему жалко меня. Кое-как закончив свой злосчастный танец, я сказала Форейгеру: «К черту твой паек! Больше я выступать не буду».

В последний раз я видела его в 1926 году, перед отъездом на работу в Брянский театр. Я сидела за столом в ресторане Дома актера. Маяковский быстро подошел, почти лег на стол, протянул свои большие руки, не обращая внимания на сидящих со мной, поцеловал мне руку и опять очень серьезно: «А все-таки вы очень интересная женщина».

* * *

Многие «друзья» Есенина мне очень не нравились. Они постоянно твердили ему, что его стихи, его лирика никому не нужны. Прекрасная поэма «Анна Снегина» вызвала у них ироническое замечание: «Еще нянюшку туда, и совсем Пушкин». Они знали, что для Есенина нет боли сильней — думать, что его стихи не нужны. И «друзья» наперебой старались

усилить эту боль. Трезвый Есенин им был не нужен. Когда он пил, вокруг все ели и пили на его деньги. Друзей, даже и не пьющих, устраивали легендарные скандалы Есенина. Эти скандалы привлекали любопытных в кафе.

Несколько раз Есенин водил меня в редакции. Познакомил меня с Михаилом Кольцовым, с О. Литовским и его женой, с Борисовым. Это были люди совсем другие, чем его «друзья». С ними можно было просто, интересно разговаривать.

Был курьезный случай, когда я, единственный раз в жизни, использовала свое знакомство с журналистами. Театр «Острые углы» открылся инсценировкой рассказа Мопассана «Дом м-м Телье». На генеральную репетицию Кошевский пригласил чуть ли не всех критиков, существовавших в Москве. Я в спектакле была свободна и сидела в зрительном зале. Спектакль был очень плохой, неинтересный, и я понимала, что ни одного хорошего слова нельзя написать о нем. Чтобы театр не умер, не открывшись, я попросила Михаила Кольцова сделать так, чтобы совсем не было рецензий. Кольцов засмеялся. Кошевский потом удивлялся, почему никто ничего не написал о премьере?

В этом же театре я играла в инсценировке по рассказу О. Генри «Кабачок и роза». Неожиданно для Есенина я играла женщину, абсолютно непохожую на себя в жизни. Ему доставило удовольствие и это, и образ женщины, которую я играла. За кулисы прислал мне корзину цветов и маленькую записку: «Приветствую и желаю успеха. С. Есенин. 27.X 23 г.»

Но из нашего театра так ничего и не получилось. У нас не было репертуара. Никритина и Мариенгоф в один прекрасный день не пришли на репетицию. Никритина вернулась в Камерный театр, когда он вернулся из-за границы. Мариенгоф свою пьесу «Вавилонский адвокат» передал Таирову. Играли в ней Никритина и Позьева Е. В. Театр «Острые углы» перестал существовать. Я не вернулась в театр. Таиров обиделся, что я не поехала с театром. Я не увидела нигде своей фамилии ни в назначенных репетициях, ни в очередных спектаклях. Я не пошла разговаривать с Таировым. Таиров не вызвал меня. Мне никогда и в голову не приходило, что я буду вне Камерного театра. Вернул меня Алексей Яковлевич только осенью 1943 года.

* * *

Очень не понравился мне самый маститый друг Есенина — Клюев. По просьбе Есенина Клюев приехал в Москву повидаться со мной. Когда мы пришли в кафе, Клюев уже ждал нас с букетом цветов. Встал навстречу весь какой-то елейный. Волосы прилизаны, в сюртуке, в сапогах. Весь какой-то ряженный, во что-то играющий. Поклонился мне до земли и заговорил елейным голосом.

Мне было непонятно, что было общего у Сергея с Клюевым да и с Мариенгофом, которого он очень любил. Такие все они были разные. Оба они почему-то покровительственно поучали Сергея, хотя он был неизмеримо глубже и умнее их.

Клюев опять заговорил, что стихи Есенина сейчас никому не нужны. Это было самым страшным, самым тяжелым для Есенина, и все-таки Клюев продолжал твердить о ненужности его поэзии. Договорились до того, что, мол, Есенину остается только застрелиться. Мы друг другу очень не понравились.

Многие из «друзей» не любили меня. Говорили, что со мной скучно. Когда мы с Есениным сидели в кафе, у нас на столе никогда не было бутылок.

В один из свободных вечеров большой компанией сидели в кафе Гутман, Кошевский, Типот. Есенин был трезвый, веселый. Разыскивая меня, пришел туда и отец моего сына. Все его

знали и усадили за наш стол. Через несколько минут Есенин встал и вышел. Вскорости вернулся с огромным букетом цветов. Молча положил мне на колени, приподнял шляпу и ушел. Мне хотелось встать и пойти за ним, все равно куда. Я передержала какую-то минуту, другую и поняла, что опять что-то сломала в себе.

Есенин подолгу пропадал и опять появлялся. Неожиданно, окруженный какими-то людьми, приходил за кулисы, на репетиции. Смирно сидел. Чаще всего бросали репетировать и просили его читать стихи (я работала в театре «Не рыдай», потом в «Сатире»).

Новый год (1924) встречали у актрисы Лизы Александровой — я, Мариенгоф, Никритина, Соколов Влад. Алек, (актер Кам. театра). Позвонила Дункан. Звала Лизу и Соколова приехать к ней встречать Новый год. Лиза ответила, что приехать не могут. «Мы не одни, а ты не захочешь к нам приехать? У нас Миклашевская». — «Миклашевская? Очень хочу. Сейчас приеду».

Я впервые увидела Дункан близко. Это была крупная женщина, хорошо сохранившаяся. Своим неестественным, театральным видом она поразила меня. На ней был прозрачный хитон, бледно-зеленый, с золотыми кружевами, опоясанный золотым шнуром, с золотыми кистями и на ногах золотые сандалии и кружевные чулки. На голове — зеленая чалма с разноцветными камнями. На плечах не то плащ, не то ротонда бархатная, зеленая, опушенная горностаем. Не женщина, а какой-то очень театральный король.

Мы встали, здороваясь с ней. Она смотрела на меня и говорила: «Ти отнял у меня мой муш!» У нее был очень мягкий акцент. Села она возле меня и все время сбоку посматривала: «Красиф? Нет, не ошень красиф. Нос красиф? У меня тоже нос красиф. Приходить ко мне на чай, а я вам в чашку яд, яд положу, — мило улыбалась она мне. — Есенин в больниц, вы должны носить ему фрукты, цветы!» И вдруг неожиданно сорвала с головы чалму: «Произвел впечатлень на Миклашевскую, теперь можно бросить». И чалма и плащ полетели в угол. После этого она стала проще, оживленнее: «Вся Европа знайт, что Есенин мой муш, и первый раз запел про любоф вам? Нет, это мне! Есть плехой стихотворень „Ты простая, как фсе“, — это вам!» И опять: «Нет, не очень красиф!»

Болтала она много, пересыпала французские фразы русскими словами. То, как Есенин за границей убегал из отеля, то, как во время ее концерта, танцуя (напевала Шопена), она прислушивалась к его выкрикам. То, как белогвардейские офицеры-официанты в ресторане пытались упрекать за то, что он, русский поэт, остался с большевиками. Есенин резко одернул их: «Вы здесь официанты, потрудитесь подавать молча». А потом где-то на улице, ночью, они напали на него, — добавила Дункан. То пела «Интернационал», то «Боже, царя храни», неизвестно кого дразня. То тянулась к Соколову. Уже давно было пора уходить, но Дункан не хотела: «Чай? Что такое чай? Я утром люблю шампанское!» Стало светать, потушили электричество. Серый тусклый свет все изменил. Айседора сидела осунувшаяся, постаревшая и очень жалкая. «Я не хочу уходить, мне некуда уходить. У меня никого нет. Я один...»

* * *

Мы встречались с Есениным все реже и реже... Встретив случайно на улице возле Тверского бульвара, он соскочил с извозчика, подбежал ко мне: «Прожил с вами всю нашу жизнь. Написал последнее стихотворение»:

Вечер черные брови насолил.

Чьи-то кони стоят у двора.

Не вчера ли я молодость пропил?

Разлюбил ли тебя не вчера?

Как всегда, тихо прочитал мне свое стихотворение и повторил: «Расскажу, как текла былая Наша жизнь, что былой не была...»

Есенин тосковал о детях.

— Анатолий все сделал, чтобы поссорить меня с Райх.

Уводил его из дома. Постоянно твердил, что поэт не должен быть женат.

— Развел меня с Райх, а сам женился и оставил меня одного.

Уезжая за границу, Есенин просил Мариенгофа позаботиться о Кате и в письмах просил о том же. Когда, вернувшись, узнал, что Кате трудно жилось, он обиделся. А может, и еще какая-то причина была, — не знаю. Они поссорились. И все-таки, когда Мариенгоф и Никритина были за границей и долго не возвращались, Есенин пришел ко мне и попросил: «Пошлите этим дуракам денег, а то им не на что вернуться. Деньги я дам, только чтобы они не знали, что это мои деньги». Кажется, послала деньги Галя Бениславская.

То ворчал, что Мариенгоф ходит в шубе, в бобровой шапке, а жена ходит в короткой кофтенке и открытых прюпелевых туфельках. Возмущался, что Мариенгоф едет в Ленинград в мягком вагоне, а Никритина в жестком... Он любил Мариенгофа, и потому и волновали его недостатки.

* * *

Я знала, что есть Галя Бениславская, которая, как, усмехаясь, говорил Мариенгоф, «спасает русскую литературу...». Галя... Она была красивая, умная. Когда читаешь у Есенина:

Шаганэ, ты моя Шаганэ!

Там, на севере, девушка тоже,

На тебя она очень похожа,

Может, думает обо мне,

Шаганэ, ты моя Шаганэ... —

вспоминается Галя... Темные две косы. Смотрит внимательными глазами, немного исподлобья. Почти всегда сдержанная, закрытая улыбка. Сколько у нее было любви, силы, умения казаться спокойной. Она находила в себе силу устранить себя, если это нужно Есенину. И сейчас же появляться, если с Есениным стряслась какая-нибудь беда. Когда он пропадал, она умела находить его. Последнее время он все чаще походил на очень усталого человека.

Помню, как-то вечером пришел ко мне с Приблудным. Приблудный сел на диван и сейчас же заснул. Сергей был очень возбужден, будил его: «Как ты смеешь спать, когда у нее такая бледность!» Он рывком, неожиданно открывал дверь. Ему все казалось, что кто-то подслушивает.

Напротив моей комнаты жил студент Алендер. Он выглянул из своей комнаты. Есенин вошел к нему в комнату, и они там долго разговаривали, смеялись. Я попросила Приблудного позвонить Гале и попросить ее приехать. Мой сын спал, и я очень боялась, что разбудят и напугают его. Галя сейчас же приехала. Сергей не знал, что она приехала по моей просьбе, и еще больше разволновался. «Ты мой лучший друг, но ты мне сейчас не нужна». Галя все также сдержанно улыбалась: «Сергей Александрович, вы очень некрасивый сейчас». Он сразу затих, подошел к зеркалу и стал причесываться. Галя помогла ему надеть шубу и увезла его.

3 октября 1924 года меня разбудила сестра в 8 часов утра. Пришел Есенин. Я быстро встала, набросила халат и вышла. Мы уже встречались очень редко, но тревога за него была еще сильнее. Я почти ничего не знала о нем. С Никритиной не встречалась. Есенин стоял бледный, похудевший. «Сегодня день моего рождения. Вспомнил этот день в прошлом году и пришел к вам... поздравить... Меня посылают в Италию. Поедьте со мной. Я поеду, если вы поедете...» Вид у него был измученный, больной.

Голос хриплый. По-видимому, он всю ночь где-то бродил. Неожиданно ввалился бородатый, злющий извозчик и грубо потребовал ехать дальше. Я хотела заплатить и отпустить его. Но Сергей побледнел еще больше и стал выворачивать из всех карманов скомканные деньги и требовал, чтобы извозчик ждал. Тот продолжал скандалить. Есенин вытолкал его, и скандал еще сильнее разгорелся на улице. Сергей держал под уздцы лошадь и свистел «в три пальца». А озверелый извозчик с кулаками лез на него. Сначала я звала Сергея, обращаясь в форточку, а потом выбежала на улицу. И когда удалось заглянуть ему в глаза, он улыбнулся, взял меня за руку и спокойно вошел в дом. И опять заговорил об Италии. «Вы и в Италии будете устраивать серенады под моими окнами?» — улыбнулась я.

Я пошла провожать Сергея. Мне не хотелось отпускать его неизвестно куда. У него не было своей комнаты. Одно время он жил в одной квартире с Мариенгофом. А когда у них родился сын, Есенин опять стал скитаться. Я хотела отвести его к Гале. Мы шли по улице, и был у нас нелепый вид. У него на затылке цилиндр (очевидно, опять надел ради дня рождения), клок волос, все еще красивых, на одной руке лайковая перчатка. И я с непокрытой головой, в накинутом на халат пальто, в туфлях на босу ногу. Но Сергей перехитрил меня. Довел до цветочного магазина, купил огромную корзину хризантем и отвез меня домой. «Извините за шум», — и ушел. И опять пропал.

Потом опять неожиданно пришел ко мне на Малую Никитскую и повез меня куда-то... За кем-то заезжали и ехали дальше, куда-то на окраину Москвы. Помню, сидели в комнате с низким потолком, с небольшими окнами. Как сейчас вижу стол посреди комнаты, самовар. Мы сидим вокруг стола. На подоконнике сидела какая-то женщина, кажется, ее звали Анна. Есенин стоял у стола и читал свою последнюю поэму «Черный человек». Он всегда очень хорошо читал свои стихи, но в этот раз было даже страшно. Он читал так, будто у нас никого не было и как будто Черный человек находился здесь. Я видела, как ему трудно, как он одинок. Понимала, что мы виноваты перед ним, и я, и многие ценившие и любившие его. Никто из нас не помог ему по-настоящему. Мы часто оставляли его одного.

* * *

Есенин послал мне с поэтом Приблудным «Москву кабацкую» с автографом: «Милой Августе

Леонидовне со всеми нежными чувствами, выраженными в этой книге».

В книге был цикл «Любовь хулигана» — Августе Миклашевской:

«Заметался пожар голубой...»

«Ты такая ж простая, как все...»

«Ты прохладой меня не мучай...»

«Дорогая, сядем рядом...»

«Пускай ты выпита другим...»

«Мне грустно на тебя смотреть...»

«Вечер черные брови насолил...».

Приблудный надолго задержал книгу. Галя Бениславская заставила его принести книгу мне. И потом пришла проверить. Приблудный извинился, что письмо, посланное мне, он отдал Толстой. Так я и не получила этого письма.

Каждый раз, встречаясь с Галей, я восхищалась ее внутренней силой, душевной красотой. Поражала ее огромная любовь к Есенину, которая могла так много вынести, если это было нужно ему. Как только появлялось его новое стихотворение, она приходила ко мне и спрашивала: «Читали?» Когда было напечатано «Письмо к женщине», она опять спросила: «Читали? Как хорошо!» И только когда Есенин женился на Толстой, Галя устранилась совсем и куда-то уехала.

В самые страшные часы возле Есенина не было Гали, и он погиб.

* * *

В последний раз я видела Есенина в ноябре 1925 года, перед тем как он лег в больницу.

Был болен мой сын. Я сидела возле его кровати и читала ему книгу. Неожиданно вошел Есенин. Когда увидел меня возле сына, прошел тихонько и зашептал: «Я не буду мешать». Сел в кресло и долго смотрел на нас (я поставила градусник сыну). Потом встал, подошел к нам. «Вот все, что мне нужно, — сказал он и пошел. В двери остановился: — Я ложусь в больницу, приходите ко мне». Я ни разу не пришла Я многого не знала и не знала о разладе с Толстой.

Больше я его не видела

По телефону мне сообщили о смерти Есенина, даже не знаю кто. Всю ночь мне казалось, что он тихо сидит у меня в кресле, как в последний раз сидел, и смотрит на мою жизнь.

На другой день сын спросил у меня: «Мама, ты помнишь, что сказал Есенин, когда я был болен?» Помню все. Помню все. Помню, как из вагона ленинградского поезда выносили узкий желтый гроб. Помню, как мы шли за гробом. И вдруг за своей спиной я услышала голос С. Клычкова: «Ты видел его после больницы?» — «Нет». — «А я встретил его на вокзале, когда он ехал в Питер. Ох и здорово мы выпили». — Мне захотелось ударить его.

Когда я шла за закрытым гробом, казалось, только одно желание у меня было — увидеть его волосы, дотронуться до них. И когда потом я увидела вместо его красивых, пышных волос прямые, гладко причесанные, потемневшие от глицерина волосы, смазанные, когда снимали маску, мне стало безгранично жалко его. «Милый, милый, Сережа». И вдруг увидела быстро посмотревшего на меня Мейерхольда. Наверно, сказала вслух. Есенин был похож на обиженного, измученного ребенка.

Все время, пока гроб стоял в Доме печати на Никитском бульваре, шла гражданская панихида. Качалов читал стихи, Собинов пел. Райх обнимала своих детей и кричала: «Наше солнце ушло...» Мейерхольд бережно обнимал ее и детей и тихо говорил: «Ты обещала, ты обещала...» Мать Есенина стояла спокойно, с каким-то удивлением оглядывала всех.

Мы с трудом нашли момент, когда не было чужих, закрыли дверь, чтобы мать могла проститься, как ей захочется.

Гали не было у гроба. Она была где-то далеко и опоздала.

После похорон начались концерты, посвященные Есенину. В Художественном театре пел Собинов, читал стихи Качалов. На вечере во втором МХАТе выступал Андрей Белый.

Потом пошла спекуляция на смерти Есенина. Очень уговаривали и меня выступить на этих концертах. Я отказалась, но устроители все-таки как-то поместили на афише мою фамилию.

В день концерта Галя привела ко мне младшую сестру Есенина — Шуру, почти девочку. Ей тогда, наверно, не было и 14 лет. Галя сказала, что Шура хочет пойти на концерт, чтобы послушать, как я буду читать стихи Сергея. «Я не хочу, чтобы Шура ходила на эти концерты. Вот я и привела ее к вам, чтобы вы почитали ей здесь». — «Галя, я не буду читать на концертах вообще, а тем более стихи, посвященные мне». Как просияла Галя, как вся засветилась: «Значит, вы его любили. Я все хожу и ищу, кто его по-настоящему любил».

Когда я уже работала в Брянском театре, сестра Тамара переслала мне Галино письмо (Галя не знала, что я уехала). Она извинялась, что больше не приходила ко мне. «Я ни к кому не хожу, даже к Мариенгофу. Посылаю вам карточки Сергея, которых, по-моему, у вас нет». Я написала ей письмо и получила ответ от девушки, которая с ней жила. Она написала, что Галя застрелилась на могиле Есенина.

Потом мне К. Зелинский сказал, что Галя целый год приводила в порядок архив Есенина и, когда закончила, — застрелилась.

Разбирая архив, Зелинский был поражен, с какой любовью делала это Галя. Он сказал: «Какая бы женщина не уничтожила письмо Есенина, в котором он писал: „Я знаю, что ты мой самый лучший друг, но как женщина ты мне не нужна“. Но это написал Есенин, и Галя сохранила письмо в архиве».

Никритина мне говорила после смерти Есенина, что она не могла без слез смотреть, когда, выйдя из больницы, перед отъездом в Ленинград, Есенин пришел к Мариенгофу мириться. Они сидели обнявшись, счастливые. Есенин, уходя, попросил: «Толя, когда я умру, не пиши обо мне плохо». Мариенгоф написал «Роман без вранья».

Жена Устинова волновалась, говоря, что ее мучит мысль, что как-то и она виновата в смерти Есенина.

Приехав в Ленинград, Есенин по вечерам приходил к Устинову и подолгу разговаривал с ним. Она устала от этого. И когда Есенин в эту последнюю ночь стучал к ним, она не пустила его.

Я знала со слов Церетели, что доктор Усольцев искал по всей Москве Есенина. Говорил, что

он рано вышел из больницы, что еще нельзя его было выпускать.

Я только после его смерти поняла, что он все так же был одинок. Узнала, что Галя уехала, ушла из его жизни. Что с женитьбой на Толстой ничего не получилось. Очевидно, они были очень разные люди.

Что произошло в Ленинграде? Он уехал в Ленинград от всего, что ему мешало, хотел жить по-другому. Хотел издавать журнал. Хотел выписать сестер, Наседкина (мужа Кати), хотел жить здоровой, деловой жизнью.

И что случилось там в Ленинграде? Что такое его друзья Эрлих, Устиновы, Клюев и др.?

Из воспоминаний Эрлиха: «Разговаривали, пили чай, ели гуся. Разговоры были одни и те же: квартира, журнал, смерть. Время от времени Есенин умудрялся достать пиво, но редко и скудно... Денег у него было немного, а к субботе и вовсе не осталось. Клюев, после того, как Сергей прочитал свои последние стихи, сказал: „Вот, Сереженька, хорошо, очень хорошо! Если бы их собрать в одну книжку, то она была бы настольной книгой для всех хороших, нежных девушек“. Сергей сердился. Несколько раз читал „Черного человека“.

Я не верю Эрлиху! Я не верю, что он забыл прочитать стихотворение «До свиданья...». Как можно забыть, когда Есенин ему, другу, дал листок, написанный кровью.

Е.А. Устинова пишет: «Пришел поэт Эрлих. Сергей Александрович подошел к столу, вырвал из блокнота написанное утром кровью стихотворение и сунул Эрлиху во внутренний карман пиджака. Эрлих потянулся рукой за листком, но Есенин его остановил: „Потом прочтешь, не надо“. И Эрлих забыл? Не верю. Он видел, в каком состоянии был Есенин, и забыл? А если забыл, — не знаю, что хуже».

Марков Н.И. («Есенин и русская поэзия»): «Мы втроем: Клюев, Приблудный и я — оказались в номере, где остановился поэт раньше других гостей. Зашел разговор о последних стихах Есенина. „Пожалуй, для поэта важно вовремя умереть, как Михаилу Тверскому“, — сказал задумчиво Клюев. С появлением ленинградских имажинистов (Эрлиха и Шмерельсона) в номере стало шумно. Они с азартом утверждали, что Есенин перестал быть поэтом и пишет „дешевые“ стихи, вроде „Руси уходящей“. Я рано ушел, не желая участвовать в споре... Наутро, встретившись со мной на лестнице редакции, Приблудный сказал: „Есенин повесился“.

Из воспоминаний Маяковского: «Последняя встреча с ним произвела на меня тяжелое и большое впечатление. Я весь день возвращался к его тяжелому виду и вечером, разумеется, долго говорил (к сожалению, у всех и всегда такое дело этим ограничивается) с товарищами, что надо как-то за Есенина взяться. Те и я ругали „среду“ и разошлись с убеждением, что за Есениным смотрят его друзья».

Самое обидное, что это произошло за несколько дней до приезда в Ленинград С.М. Кирова и П.И. Чагина.

Чагин пишет в своих воспоминаниях: «В конце декабря 1925 года на съезде партии Сергей Миронович Киров спросил меня: „А что пишут из Баку о Есенине? Как он?“ Сообщил Миронычу: по моим сведениям, Есенин уехал в Ленинград. „Ну, что ж, — говорит Киров, — продолжим шефство над ним в Ленинграде. Через несколько дней будем там“. На следующий день мы узнали, что Есенин ушел из жизни».

* * *

Луначарский А.В.: «Есенин был человек с очень нежной душой. Чрезвычайно подвижный и очень легко откликающийся на всякие прикосновения внешней среды. Лирика Есенина — явление большого искусства, связанное с весьма сложной личностью художника, с его восприятием мира в одну из переломных эпох. „Есенинщина“ же — порождение мелкобуржуазной богемы, это увлечение кабацкими нравами, насаждение цыганщины, пессимизма, связанное с извращенным толкованием некоторых мотивов есенинской лирики».

М.И. Калинин: «Что там ни говорите и ни пишете насчет „есенинщины“, а сам Есенин очень хороший и очень русский поэт. Есть у него, конечно, сшибы, есть кое-где и налет болезненности, но было бы глупо отрицать его целиком. Вольному, как говорится воля, а я, грешным делом, в свободные минуты перечитываю его стихи. Пахнут они и лесом, и цветами, и сеном...»

Как-то случайно в журнале «Москва» (1958, книга 2) прочитала «Из записок старого журналиста» Осафа Литовского. Прочитав строки: «Да, очень много можно рассказать о Есенине буйствующем, Есенине, читающем стихи нараспев, Есенине говорящем. А вот нам с женой довелось его видеть молчащим, и, пожалуй, это было самое тонкое, самое волнующее воспоминание. Я уехал в Иваново-Вознесенск, назначенный туда Центральным Комитетом партии редактором газеты. Жена была больна и оставалась в Москве. Ежедневно ее посещал Павел Радимов (поэт и художник), а осенними вечерами Есенин и его последняя светлая любовь Августа Миклашевская, артистка Камерного театра.

Теплая, тихая даже в городе, золотистая, ранняя осень 1923 года.

Чистый, умытый, причесанный, очень скромно одетый Есенин и Миклашевская под тонкой синеватой вуалью... Они приходили. Миклашевская беседовала с женой, а Есенин сидел тихо, молча, следя глазами за каждым движением Миклашевской. Как назвать это красноречивое молчание? То была томительная, неподвижная тишина, когда вдруг казалось, что нет комнаты, а кругом поле, закат и легкий ветер...»

Я очень обрадовалась. Значит, я его не выдумала тихим, скромным. Значит, он действительно был и таким, каким я его знала.

Я не знала, жив ли Литовский и где он? Через несколько дней я прочитала в «Литературной газете»: редакция поздравила его с 70-летием. В справочном киоске узнала его адрес и поздравила его. И написала, что я обрадовалась, прочитав его строки о Есенине. Получила от него ответ:

«Вот с самого начала не знаю, как написать: „Дорогая?“ Но это как-то не звучит... „Уважаемая“ еще больше не звучит... Но ведь знаем-то вас мы, то есть я и жена! Поэтому очень хорошо, пусть так будет.

Наша дорогая Августа Леонидовна Ваше письмо взволновало нас и тронуло беспредельно. Спасибо вам, дорогая, за него! Но я ведь все же писатель, и никуда от этого не денешься. Поэтому первое — как, где и почему. Может, что-нибудь расскажете про себя, о жизни после встреч с Сергеем? Это важно не только для вас и для меня — это важно для есенинской биографии. Еще раз спасибо за письмо. Если вы почему-либо не сможете рассказать и написать подробнее, разрешите мне использовать в печати, конечно, со своими замечаниями, это ваше короткое письмо. Но лучше пишите. Ну, вот и все. С приветом и дружбой Е. и О. Литовские. Москва, 30 июня 1962 г.»

Ни с кем из своих друзей и знакомых тех далеких лет я не встречалась и ничего о них не знала И поэтому с большим волнением осенью 1962 года шла к Литовским. О многом говорили, многое вспомнили. Хотели встретиться еще... Да так и не получилось... Оба они часто болеют, и я не отстаю от них... Но осталась тревога за них. Мне показалось, что они

очень одиноки.

Зачем пишу о своих встречах с Есениным? Мне кажется, в них можно найти крупинки настоящего Есенина.

1970 г.

Москва

Варвара КОСТРОВА

В ПЕТРОГРАДЕ И В БЕРЛИНЕ [106]

Впервые я увидела Сергея Есенина в 1915 году в Петрограде, в знаменитом подвальчике «Бродячая собака». Собирались там, наряду с писателями, художниками, артистами, разбогатевшие на войне бесцеремонные спекулянты, важно называвшие себя «любителями искусств». Они не скупились на вино, вели себя нагло, часто затевали отвратительные скандалы. Так было и в тот вечер.

На сцене стоял сказочно прелестный златокудрый юноша в голубой вышитой рубашке. Это был Сергей Есенин. Он удивительно задушевно читал свои звонкие чудесные стихи. Все слушали, затаив дыхание. Вдруг послышались тиканье, свист, звон разбитых бокалов, на сцену полетели апельсиновые корки. Юный поэт замолчал, на лице его застыла растерянная, по-детски беспомощная улыбка. А публика бесновалась, одни аплодировали, кричали «бис», другие свистели, ругались. Внезапно весь этот шум перекрыл глубокий спокойный голос:

— Стыдитесь, ведь перед вами прекрасный, настоящий поэт, быть может, будущий Пушкин!
— С этими словами Александр Блок обнял Есенина за плечи и увел со сцены [107].

Вскоре после этого вечера я встретила Сергея Есенина в кружке молодых поэтов. В те предреволюционные годы манерная, напевная красавица поэзии Игоря Северянина, строптивая лирика Анны Ахматовой, напыщенно-страстный пафос Бальмонта и, конечно, символическая, мистическая философия поэзии Александра Блока влияли на наше творчество. Не избежала этого влияния и Лариса Рейснер, в квартире которой мы тогда устраивали наши поэтические встречи. В то время юная красавица Лариса писала эстетски-декадентские стихи, хотя в них и тогда уже проскальзывали бурные, революционные призывы.

Кто в молодости не пишет стихи, писала и я, вопреки своему живому, бодрому характеру, — медлительные, напевные стихи: «Медленной рукою жемчуга нижу я На златую нитку уходящих дней» и т.д. В один из таких вечеров к нам в кружок пришел Сергей Есенин, послушал наши поэтические вздохи и лукаво, озорно спросил:

— Что это вы, как собаки на луну воете?

Мы растерялись, некоторые обиделись, но затем рассмеялись и стали просить поэта прочесть нам свои стихи. Сережа, как впоследствии мы его нежно называли, согласился, но предупредил: «Я прочту о деревне, может, это некоторым барышням не по вкусу придется». И прочел чудесное стихотворение «В хате», а затем о воробушках и закончил стихами «Гойты, Русь, моя родная...». Мы все знали и любили эту вещь, а потому торжественно встали и произнесли вместе с поэтом, как клятву: «Если кликнет рать святая: „Кинь ты Русь, живи в раю“. Я скажу: „Не надо рая — Дайте родину мою!“»

Сережа еще несколько раз приходил к нам, потом уехал в Москву.

Через много лет, в 1923 году, я снова встретила с Есениным в Берлине, куда приехала на гастроли. В квартире издателя, инженера Благова, было устроено чтение новой пьесы Анатолия Каменского «Черная месса»[108]. Среди присутствовавших были Алексей Толстой, Сергей Есенин и др.

После обмена мнениями о пьесе мы все поехали в какой-то ресторан, где пели цыгане и играл скрипач-виртуоз Гулеско. Заняли отдельное зало; Каменский и Толстой увлеклись составлением меню, а я с Сережей уселась в отдаленный уголок и вспоминали прошлые юные годы. Мы были почти однолетки.

Кругом вертелся, всем надоедая, бездарный Кусиков с неизменной гитарой, на которой он плохо играл, вернее, не умел играть. Тот самый Кусиков, которого язвительно высмеял Маяковский: «На свете много вкусов и вкусов. Одним нравится Маяковский, другим — Кусиков».

Милый, талантливый рассказчик инженер Благов, который в то время издавал пьесы и рассказы Анатолия Каменского, Алексея Толстого и стихи Сергея Есенина, устроитель этого ужина, благоговейно на всех смотрел и молчал.

Сережа был по-прежнему красив, но волосы его потускнели, глаза не сверкали, как прежде, задором; он был грустен, казался в чем-то разочарованным, угнетенным; мне подумалось, что виной этому — его нелепый брак с немолодой, чуждой Айседорой Дункан. Подтверждения этим мыслям я нашла позднее в стихах:

Излюбили тебя. Измызгали.

Невтерпеж.

Что ж ты смотришь синими брызгами?

Или в морду хошь?

В огород бы тебя на чучело

Пугать ворон.

До печенок меня замучили

Со всех сторон...

Конец этих стихов нежен и грустен:

Дорогая, я плачу.

Прости, прости.

Сережа, по его словам, любил Москву больше, чем Петербург. «Я люблю этот город вязевый», — написал он, но в этот вечер говорил с восхищением о Петрограде, вспоминал наши прогулки по набережной Невы и кружок молодых поэтов.

— Вы не забыли, что я вас тогда называл березкой? — спросил он.

— Конечно, нет, я этим очень гордилась. А знаете ли вы, Сережа, что вы сами тогда были похожи на молодую кудрявую березу?

— Был? — Поэт невесело улыбнулся. — Какое печальное, но верное слово. Я вам об этом прочту, но только очень тихо, а то Кусиков услышит, прибежит, а мне он надоел. — И почти шепотом прочел. «Не жалею, не зову, не плачу, Все пройдет, как с белых яблонь дым», — читал Сережа, как всегда, чудесно, но с такой глубокой печалью, что я, еле сдерживая слезы, пробормотала:

— Сережа, милый, говорят, вы много пьете. Зачем? Ведь вы нам всем нужны, дороги. Вы сами — не только ваши стихи — чудесная поэма.

— Зачем я пью? Я мог бы снова ответить стихами, но не надо. Вы сами их прочтете, я вам пришлю.

В этот момент раздался барственный голос Толстого, он спрашивал, — хотим ли мы заказать какое-то блюдо. Нам было все равно, и Есенин ответил:

— Предоставляем вашему графскому вкусу выбор яств. Толстой довольно засмеялся и обратился к Каменскому:

— Анатолий, не будем больше тревожить молодежь.

При этих словах он пренебрежительно оттолкнул подбежавшего Кусикова.

А Есенин и я снова вернулись в наш радостный мир воспоминаний.

— Вы стали совсем другой, на березку больше не похожи, — сказал Сережа.

— Постарела? — задала я неизменный женский вопрос.

— Ерунда, вы кажетесь даже моложе, совсем юная, но иная, что-то в вас фантастическое появилось, будто с другой планеты к нам на землю спустились.

Вдруг Толстой, который, как видно, услышал последние слова, заявил:

— Bravo, Есенин, именно с другой планеты. Я теперь сценарий обдумываю, фантастику, форму вашей прически, Кострова, непременно использую для одного видения из космоса.

Мне стало весело, мы все дружно засмеялись, потом Сережа сказал:

— Теперь я понял, в чем дело. Вы прическу изменили, — раньше у вас были длинные косы — такая милая курсисточка Я был тоже студент, почти два года учился в университете Шанявского, — профессора Айхенвальда слушал. Сколько лет прошло с тех пор! Помните, как мы по набережной Невы ходили. Сидели у сфинксов, о поэзии спорили. Я вам стихи читал.

— Конечно, помню. Мы восхищались вашим знанием мировой поэзии.

— Я тогда думал, что за границей люди лучше, образованнее нас, ценят поэзию, а вот теперь убедился, что в большинстве они своих поэтов меньше, чем мы, знают. В Америке до сих пор спорят, достоин ли Эдгар По памятника или нет.

Я спросила Сережу, понравилась ли ему Америка? В ответ он пожал плечами:

— Громадные дома, дышать нечем, кругом железобетон, и души у них железобетонные.

— А как же вы объяснялись, говорили с ними? Ведь вы английским не владеете?

— Я никаким (иностранным) языком не владею и не хочу, пусть они по-русски учатся, — да и говорить не с кем и не о чем. Кругом лица хитрые и все бормочут. «Бизнес, бизнес...»

Мы дружно рассмеялись, потом Сережа опять помрачнел:

— Не хочу вспоминать, приеду домой, в Россию, и все и всех забуду — начисто забуду.

Мне показалось, что, говоря «всех забуду», он подумал о Дункан.

Я спросила, любит ли он зверье, как прежде, и рассказала, что на концертах часто читаю его «Песнь о собаке» и что она особенно детям нравится.

— Детям? — обрадовался Сережа. — Я очень детей люблю, сейчас вам своих детишек покажу, Костю и Таню. Говорят, девчушка на меня очень похожа.

С этими словами он стал искать по карманам (фотографию), а потом горько сказал:

— Забыл в другом костюме. Обидно, я эту фотографию всегда с собой ношу — не расстанусь. У Изидоры Дункан тоже двое детей было, разбились насмерть. Она о них сильно тоскует.

При этих словах у Сережи жалостно дрогнули губы.

В этот момент запели цыгане, заиграл Гулеско, начался ужин. За столом мы сидели отдельно. Есенин почти не пил, был трезв, согласился прочесть недавно, по его словам, написанные стихи «Я обманывать себя не стану...».

Порозовело хмурое берлинское небо. Мы разошлись. На другой день утром ко мне прибежал взлохмаченный Кусиков и предложил купить большой гранатовый крест Айседоры Дункан, говоря: «Эта пьяница с утра коньяк хлещет, а ночью — шампанское, и Сережу споила».

Конечно, я не купила этот старинный крест, не было ни денег, ни желания, да и Кусикову я мало доверяла

Больше с Сережей я не встречалась, пути наши разошлись навсегда. Когда он был в Москве, я была далеко на гастролях, когда я была в Москве, он отсутствовал.

Известие о его трагической ужасной гибели застигло меня в Москве, за праздничным столом по возвращении из Праги. К нам ворвался какой-то журналист и почти радостно крикнул: «В „Англетере“ Есенин повесился!»

Александр САХАРОВ

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ДЕЛА И ГОЛОДНАЯ ПОЕЗДКА [109]

...У нас произошло второе столкновение, положившее начало какой-то затаенной неприязни со стороны Есенина. И когда через некоторое время я переехал на постоянное жительство в Москву, произошло третье столкновение, положившее начало дружбы.

Мы сидели в кафе «Домино» с моим приятелем, членом коллегии полиграфического отдела ВСНХ, когда вошли Мариенгоф и Есенин. Мариенгоф подошел к нашему столу и поздоровался с моим другом, — они оказались близко знакомыми по работе в издательстве ВЦИКа. Мариенгоф присел к столу и сразу же на наш общий разговор пригласил Есенина. Есенин, подойдя, поздоровался с моим другом, не видя еще, кто находится спиной к нему, и когда повернулся ко мне лицом, увидел ненавистную ему кожаную куртку — рванулся и хотел

убежать. Я заметил, как Мариенгоф что-то шепнул ему на ухо. Через минуту вновь подошел смущенный Есенин, поздоровался, сел и весь вечер мял шапку в руках, не находя, что сказать; весь вечер разговаривал один Мариенгоф. Читать стихи Есенин тоже отказался.

На следующий день я сидел за столом один, когда ко мне подошел Есенин и спросил, не желаю ли я выпить рюмку спирта. Когда я сказал, что не пью, он помялся немного и потом пригласил перейти в правленскую комнату, где были Кусиков и еще несколько человек. Читали стихи друг дружке.

— Вы поэт? — спросил Кусиков.

— Нет.

— Писатель?

— Нет.

— Художник?

— Нет.

— Ну, тогда чекист.

И когда я ответил, что и не чекист, Кусиков выразил полнейшее недоумение и, когда узнал, что при входе я беру билеты в ресторан, сказал: «Глупо». Через минуту я имел билет сочувствующего сроком на три месяца

— А хочешь быть поэтом — сделаем, — сказал Кусиков, — я напишу три стихотворения — и представлю на заседание правления — и ты поэт и полноправный член Союза.

Я отказался от этого любезного предложения.

Через три дня в кабинет ко мне ввалились Есенин и Мариенгоф в качестве просителей. Дело небольшое: они напечатали в одной из типографий 1-й сборник «Конницы бурь» без получения подряда от полиграфического отдела МСНХ и теперь просили, чтобы я разрешил им получить эти книги. Я долго убеждал их, что это дело не моего отдела, что предписывать моему отделу я не могу, так как в нем сосредоточены регистрация и урегулирование разных заказов по московским типографиям.

Есенин ничего не хотел понимать, он стоял и улыбался, как провинившийся школьник, и все время твердил: «ВСНХ больше, чем МСНХ, а раз больше, — значит, можно приказать». Пришлось сдаться, пойти и дружески просить заведующего распределением заказов о выпуске книги. Там я выяснил, что ребята грешили часто. То они возьмут разрешение от Госиздата и печатают без подряда полиграфического отдела МСНХ в какой им вздумается типографии, то они получают ордер Мосполиграфа и печатают без разрешения Госиздата, а то и еще лучше: к тиражу, определенному Госиздатом — 500 экземпляров, приставляется нолик сзади или единица впереди, что было с «Плавильней слов», «Руки галстуком» и т.п. Это было по-мальчишески озорно и чрезвычайно наивно. Такие действия считались огромным преступлением по тем временам, и ревтрибунал судил за это чрезвычайно строго, но убедить Есенина было невозможно. Он писал, его не печатали. Он хотел печататься и хотел есть, и он был прав.

Я однажды видел, как он продавал одну из книжек в Центропечати. Заведующий Центропечатью Б. Малкин отказывался, а Есенин настаивал: книжка напечатана? Напечатана. Магазинов нет? «Кто распространяет книги, — ты?» — «Я». — «Распространяй». И Малкин волей-неволей покупал и распространял. Боялся Есенин...заведующего складом Центропечати и всегда ходил к тому с книжечкой с автографом и убеждал его лично.

Убеждение состояло в том, что Есенин вперял в стоящего перед ним беспокойно-молодецкий взгляд, от которого все кишки выворачивало, — и тот был побежден. Так было и в дружеских ссорах: достаточно было ему посмотреть — и злоба внутри таяла, как воск.

Много раз мне приходилось ликвидировать подобного рода недоразумения, и в конце концов я и сам попал в этот издательский коллектив, и многие из сборников вышли при моем непосредственном участии.

Помню случай, как однажды необходимо было выкупить книгу из типографии, а денег не было ни у кого, да и занять было невозможно, а только что на днях один из приятелей приехал с Кавказа, привез мне пуд зернистой икры — икра пошла на Сухаревку, а деньги в типографию. В другой раз был продан граммофон и 400 пластинок — вырученной суммы хватило на три книжки.

Наши отношения приняли настолько близкий характер, что сия тройственная группа совершенно не расставалась. Вместо двух близнецов стало три.

Память рассыпала цепь последовательности событий, и сейчас я с трудом восстанавливаю их ход, но за правильность этих событий я отвечаю.

...Кажется, это было так. После вышеизложенной встречи в «Домино» и посещения в полиграфическом отделе я получил письменное приглашение от Есенина прийти в Союз писателей переговорить по особо важному делу.

Я не замедлил явиться. За столом сидели три человека: Есенин, Мариенгоф и третий, тоже знакомый мне человек. Разговор с места в карьер пошел об организации кооперативного издательства в составе обозначенных четырех лиц. Когда я заметил, что, по моему мнению, коммунисту нельзя входить в подобного рода кооперации, на меня нажали и привели несокрушимые факты противного рода. Было решено: двое пишут, переводят и вообще ведут литературную работу, другие двое занимаются технической частью в издательстве.

На следующий день Есенин доставил разрешение на изд. «Злак» (или «Див») и... на 2-й сборник «Конницы бурь» (Есенин, Мариенгоф, Ганин). Через пару дней я доставил корректуру куда-то в дом Волоцких. В квартире, мне указанной, было около двенадцати человек. Все сидели за столом и играли в «железку», в числе играющих был и Есенин. Мариенгоф не играл, подошел ко мне, просмотрел принесенное, подозвал Сергея. Утвердили. Определили тираж: 25 000[110] экземпляров. Я и мой приятель настаивали на 5 000, но поэты решили иначе, взяв на себя распространение.

Этому коллективу суждено было распаться. Поэты продали 5 000 экземпляров и полученные деньги зачислили себе как гонорар, а остальную сумму предоставили... ликвидировать четвертому нашему компаньону самому, как он сможет. Тот был так ошарашен подобным товариществом, что как ошпаренный вылетел из этого кооператива. Он потерял бумагу, деньги за печатание, а получил за все это несколько пудов макулатуры, которая до последних лет лежала неиспользованной в одной из московских типографий. С тех пор он не мог слышать фамилий Есенина и Мариенгофа.

Остались мы трое... Дружба Есенина к Мариенгофу, столь теплая и столь трогательная, что никогда я не предполагал, что она порвется. Есенин делал для Мариенгофа все, все по желанию последнего исполнялось беспрекословно. К любимой женщине бывает редко такое внимание. Есенин ходил в потрепанном костюме и разбитых ботинках, играл в кости и на эти «кости» шил костюм или пальто у Деллоне Мариенгофу. Ботинки Мариенгоф шил непременно «в Камергерском» у самого дорогого сапожного мастера, а в то же время Есенин занимал у меня деньги и покупал ботинки на Сухаревке. По какой-то странности казначеем был Мариенгоф. До 1920 года Есенин к этому относился равнодушно, потом это стало его стеснять, и как-то, после одного случая, Есенин начал делить деньги на две части.

...1920 год. Я еду на всеукраинскую конференцию печатников. Март месяц; в Москве стоит распутица. Еду в теплушке — безопаснее — поголовный тиф. Редкий человек, проехавший по железной дороге, в то время избежал тифа. В этой теплушке для харьковского Полиграфа из Центра везут мездровый клей и соляную кислоту. Сопровождают двое сотрудников украинского Полиграфа. Они меня и уговорили ехать. В день отъезда совершенно случайно встречаю Есенина, спрашиваю, — не хочет ли он прокатиться. Он изъявляет согласие и просит, — нельзя ли устроить и Мариенгофа. Я соглашаюсь, заготавливаю для них мандаты. Времени до отхода поезда остается 4 часа, Мариенгоф еще не предупрежден. Есенин мчится за ним на квартиру, и за час до отхода поезда они у меня. Багаж у Есенина — коробки конфет в кондитерской упаковке, у Мариенгофа небольшой чемоданчик с бельем. Птички Божие забыли о хлебе насущном и никаких продуктов не захватили — предполагалось достать в дороге, но предположения оказались неосновательными, а надежды напрасными. Дорога нас обманула. Путь, на который сейчас тратится 22 часа, был проделан нами за 8 суток — и это при назойливости и расторопности проводников нашего вагона. Ото всех станций мы отходили безо всяких очередей. Где железнодорожнику давали полфунта клею, где телефонисту два слова неразборчиво. — В. К... а в одном месте нас присоединили к поезду медицинского состава, потому что один из проводников был когда-то студент-медик.

До Тулы поезд тянул двое суток. Не доезжая Тулы, поезд остановился на какой-то небольшой станции. Невдалеке был виден жидкий крестьянский базар — стояло пять-шесть крестьянских подвод.

Есенин первым бросился к базару, но на возах не было ничего, кроме картофеля и соли, не было даже молока.

Разочарованный Есенин бегал от одного воза к другому. У одного из возов стояло... несколько человек. Есенин подбежал и, махая мне рукой, закричал:

— Холодец, холодец!

Я не знал, что такое «холодец» (у нас его зовут «студень»).

Старуха продавала холодец только в обмен на соль, у нее также были куриные яйца в сыром виде. И когда мы объяснили, что едем из Москвы, а там соли нет, она обнадежила нас, пообещав, что когда мы будем возвращаться назад, она будет нас ждать с холодцом на том же месте.

Хлеба у крестьян не было, они сами покупали его у ехавших с юга. Есенин приставал к каждому встречному — голод не тетка, — и одна сердобольная женщина постучала... в дом, в котором жила вдова с четырьмя детьми — у нее была корова, а значит, — и молоко. Вдова сначала боялась, а когда Сергей стал просить Христом Богом, продала крынку молока, но, увидев, с какой жадностью оно улетучивалось, дала нам большой ломоть черного хлеба, за что, конечно, мы с ней хорошо рассчитались...

МНЕНИЯ ЭКСПЕРТОВ

Новая версия гибели Сергея Есенина, предложенная В. Кузнецовым, безусловно, имеет право на существование. Однако следует заметить, что она приходит к читателю тогда, когда в издательстве «Наследие» в 1996 году вышел сборник «Смерть Сергея Есенина» (документы, факты, версии). В нем публикуются материалы, собранные Комиссией Всероссийского писательского есенинского комитета по выяснению обстоятельств смерти поэта. Они представляют определенную ценность, и мы публикуем в книге В. Кузнецова

несколько материалов из этого сборника, которые иначе трактуют то, что произошло в «Англетере» в декабре 1925 года. Предлагаем читателям возможность ознакомиться с выводами разных специалистов и, сопоставив их с документальной версией В. Кузнецова, самим решить, кто ближе к истине.

_____ ОТВЕТ

МИНИСТЕРСТВО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ССРС
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО
ЗНАМЕНИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ СУДЕБНОЙ МЕДИЦИНЫ

123212, Москва, 212,

Садовая-Кудринская ул., дом 3, корпус 2

Тел.: 254-32-49, 254-45-42

30/V — 90 г. №664/д

На _____

Председателю Всесоюзного Есенинского Комитета

Секретарю СП РСФСР

лауреату Государственной премии им. М. Горького

Ю. Л. ПРОКУШЕВУ

Глубокоуважаемый Юрий Львович!

Анализ фотокопии «Акта», подписанного судебно-медицинским экспертом Гиляревским, показал, что исследование трупа С. А. Есенина проведено в соответствии с «Временным постановлением для медицинских экспертов о порядке производства исследования трупов», утвержденным НКЗ 5.05.1919 г. Заключение о причине смерти С. А. Есенина соответствует данным, полученным при исследовании трупа.

Директор Института

член-корреспондент АМН СССР

профессор А. П. ГРОМОВ

_____ ОТВЕТ

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
ЦЕНТРАЛЬНОЕ ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОЕ
УПРАВЛЕНИЕ ГЛАВНЫЙ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКИЙ ЭКСПЕРТ

6 июня 1990 г.

№132

г. Москва

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВСЕСОЮЗНОГО ЕСЕНИНСКОГО
КОМИТЕТА, СЕКРЕТАРЮ СП РСФСР, ЛАУРЕАТУ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ РСФСР им. ГОРЬКОГО

тов. Ю. Л. ПРОКУШЕВУ

Уважаемый Юрий Львович!

Изучение направленного Вами «акта» исследования трупа С. А. Есенина позволяет прийти к следующим выводам:

«Акт» несомненно исполнен лицом, имеющим высшее специальное медицинское образование и подготовку по судебной медицине или патологической анатомии.

Форма исполнения «Акта» не соответствует современным требованиям к такому документу или «заключению» судебно-медицинского эксперта. В частности:

а) Очень кратко составлена вводная часть; нет сведений о том, кто назначил исследование трупа; не сообщаются сведения об обстоятельствах следствия и др.;

б) описание обнаруженных повреждений очень кратко и неполно (не указана точная локализация, форма, состояние краев, углов, отдельных повреждений и пр.);

Практически не описана странгуляционная борозда.

Имеются и другие недостатки формы и содержания акта. Вместе с тем следует признать, что на практике нами встречалось аналогичное исполнение «акта» 20-30-х годов.

3. Содержащиеся в «акте» сведения не противоречат тому, что смерть Есенина С. А. наступила в результате сдавления органов шеи петлей при повешении. Желательно, конечно, было бы увязать эти данные с протоколами осмотра места обнаружения трупа, допросов свидетелей и другими материалами. Но это уже в компетенции следственных органов.

Буду удовлетворен, если мое заключение окажет какую-либо помощь в изучении обстоятельств смерти поэта.

С уважением

Заслуженный деятель науки РСФСР, доктор медицинских наук, профессор, генерал-майор
медицинской службы В. В. ТОМИЛИН

_____ ОТВЕТ

МИНИСТЕРСТВО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РОССИИ
МОСКОВСКАЯ МЕДИЦИНСКАЯ
АКАДЕМИЯ имени И. М. Сеченова
КАФЕДРА СУДЕБНОЙ МЕДИЦИНЫ
119435, Москва,
Абрикосовский переулок, д. 1, тел. 249-48-93

16 декабря 1991 г.

Исследование тела Сергея Александровича Есенина проведено в соответствии с «Временным постановлением для медицинских экспертов о порядке производства исследования трупов», утвержденным Народным комиссариатом здравоохранения 5 мая 1919 г. и п. 4 «Положения об изменении формы предварительного дознания в случаях скоропостижной смерти», утвержденного наркоматами юстиции, внутренних дел и здравоохранения 29 июля 1920 г.

Анализ Акта, подписанного судебно-медицинским экспертом Гиляревским, показал, что при исследовании трупа грубых научно-методических ошибок не допущено. При вскрытии трупа исследованы три полости (череп, грудная и брюшная). Достаточно подробно описаны характер, локализация странгуляционной борозды, отмечены признаки, встречающиеся при механической асфиксии. Заключение вытекает из описательной части. В Заключении судебно-медицинский эксперт не выходит за пределы своей компетенции. Анализ Акта позволяет считать, что смерть Есенина С. А. наступила от асфиксии, развившейся в результате сдавления органов шеи петлей. Характер странгуляционной борозды свидетельствует о том, что имело место повешение.

Доцент Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова кандидат медицинских наук,
судебно-медицинский эксперт высшей квалификационной категории А. В. МАСЛОВ

_____ОТВЕТ

МВД РФЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР(ЭКЦ МВД России)123060, Москва,
ул. Расплетина, 22тел. 194-44-77

ОТ 15.06.1992 г. №2028

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ЕСЕНИНСКОГО КОМИТЕТА СОЮЗА

ПИСАТЕЛЕЙ ПРОКУШЕВУ Ю. Л.

121069, г. Москва, ул. Воровского, 25а,

Институт мировой литературы им. А. М. Горького

Копия: Директору Института русской литературы

доктору филологических наук Скатову Н. Н.

г. Санкт-Петербург

По просьбе редакции журнала «Химия и жизнь» и Союза писателей начальником отдела ЭКЦ МВД России кандидатом медицинских наук Стегновой (фамилия неразборчива) Т. В. было проведено исследование подлинного рукописного экземпляра стихотворения «До свиданья, друг мой, до свиданья...» С. Есенина. Требовалось установить, написан ли этот текст кровью.

В архиве Института русской литературы им. А. С. Пушкина с бумаги, на которой написано стихотворение, была изъята корочка красителя в области буквы «и» во втором слове «свиданья». Корочка изъята из помарки и не нарушила ни текст письма, ни внешний вид.

Предварительная проба с гемофан'ом, проведенная с крупницей вещества непосредственно в архиве, дала положительный результат. Микроспектральным методом, проведенным в лаборатории, установлено, что стихотворение написано кровью.

Начальник ЭКЦ МВД России доктор химических наук И. П. КАРЛИН

_____ ГЕНЕРАЛЬНАЯ ПРОКУРАТУРА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

23.03.93 №15/6-1775-92

Москва

на №14402/76 ОТ 31.03.92 г.

ДИРЕКТОРУ ИНСТИТУТА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. А. М. ГОРЬКОГО

КУЗНЕЦОВУ Ф. Ф.

И ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ЕСЕНИНСКОГО КОМИТЕТА СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ

ПРОКУШЕВУ Ю. Л.

г. Москва, ул. Воровского, д. 25-а

В связи с Вашим обращением к Генеральной прокуратуре Российской Федерации изучены материалы дознания по факту самоубийства поэта С. А. Есенина с учетом доводов авторов публикаций, которые выдвинули и пытались обосновать версию убийства С. А. Есенина.

Изучение показало, что дознание проводилось в соответствии с действовавшим в тот период уголовно-процессуальным законом (УПК РСФСР от 1923 г.), однако были допущены неполнота и низкое качество оформления его материалов. Вместе с тем каких-либо объективных доказательств, подтверждающих версию об убийстве С. А. Есенина, не установлено, в связи с чем постановление от 23.01.26 г. о прекращении производства дознания является обоснованным.

Задержка в составлении заключения объясняется проведением экспертных исследований.

Приложение: заключение об обоснованности прекращения 23.01.26 г. дознания по факту самоубийства С. А. Есенина на 10 листах.

Начальник управления по надзору за следствием и дознанием государственный советник юстиции 3 класса В. А. ТИТОВ

_____

Заключение

УТВЕРЖДАЮ

Помощник Генерального прокурора

Российской Федерации

государственный советник юстиции 3 класса

М. Б. КАТЫШЕВ

22.03.93 ЗАКЛЮЧЕНИЕ об обоснованности прекращения 23.01.26 г. дознания по факту самоубийства С. А. Есенина г. Москва 25.02.93

Мною, старшим прокурором управления по надзору за следствием и дознанием Генеральной прокуратуры Российской Федерации старшим советником юстиции Дедовым Н. Н., в связи с официальным обращением в Генеральную прокуратуру директора Института мировой литературы (ИМЛИ) Российской академии наук Кузнецова Ф. Ф. и Председателя Есенинского комитета Союза писателей Прокушена Ю. Л. с просьбой дать заключение о том, насколько квалифицированно и в соответствии ли с законодательством того времени было проведено дознание по факту самоубийства поэта С

. А. Есенина и имелись ли основания для прекращения дознания, изучены хранящиеся в фондах ИМЛИ подлинные материалы дознания.

Поводом для обращения Кузнецова Ф.Ф. и Прокушева Ю.Л. явились многочисленные в последние годы публикации, авторы которых, в том числе некоторые члены созданной при Есенинском комитете комиссии по расследованию обстоятельств гибели С. А. Есенина, выдвинули и пытались обосновать версию об убийстве поэта.

Ознакомление с такими публикациями показало, что, по мнению ряда авторов, убийство С. А. Есенина было организовано чекистами по политическим мотивам и совершено при следующих обстоятельствах (варианты мною сгруппированы).

Убийцы проникли в занимаемый С. А. Есениным 5-й номер гостиницы «Интернационал» (бывшая «Англетер») в г. Ленинграде поздно вечером 27-го или в ночь на 28 декабря 1925 г. с помощью знакомых С. А. Есенина, которым он мог открыть дверь, либо — скрытно, используя специальные инструменты для открывания и закрывания дверного замка при вставленном в него с внутренней стороны ключе. С целью убийства или подавления сопротивления Есенину был нанесен сильный удар тяжелым металлическим предметом (рукояткой револьвера, утюгом и др.) над переносицей с переломом костей черепа, перерезаны вены и сухожилия правой руки, нанесены резаные раны левой руки, причинена тяжелая травма глаз, отчего один вытек, был сильно избит ногами. Рана (пробоина) под правым глазом, возможно, возникла от выстрела. Есенин мог быть также задушен без повешения: руками, удавкой, подушкой, пиджаком. В целях имитации самоубийства труп Есенина был подвешен на веревке или ремне, привязанных за трубу парового отопления под высоким потолком гостиничного номера, куда бы Есенин не смог дотянуться самостоятельно.

Дознание, по их мнению, сфальсифицировано, первоначальный акт осмотра трупа, при котором присутствовал врач, изъят. Судебно-медицинский эксперт Гиляревский А.Г. по требованию работников дознания также сфальсифицировал акт вскрытия трупа Есенина, но в целях обнаружения в последующем специалистами этой фальсификации, составил акт без указания признаков, подтверждающих наступление смерти от повешения.

Из публикаций следует, что выводы о нанесении Есенину сильного удара с переломом костей черепа, что могло привести к наступлению смерти, сделаны авторами на основании осмотра ими посмертных фотографий, рисунков и масок поэта, а вывод о фальсификации материалов дознания основывается на том, что составлены они небрежно, неквалифицированно и неполно.

В связи с тем, что сообщаемые в ряде публикаций сведения не соответствуют материалам дознания, мною приводятся основные из них с дополнением, сделанным по смыслу текстов, часть которых утрачена из-за механических повреждений нижних частей документов, исполненных на больших листах. Также подчеркнуты мною слова и фразы, имеющие важное значение.

1. «Акт. 28 декабря 1925 года составлен настоящий акт мною уч. надзирателем 2-го отд. ЛГМ Н. Горбовым в присутствии управляющего Гостиницей Интернационал тов. Назарова и понятых. Согласно телефонного сообщения управляющего гостиницей гражд. Назарова В. Мих., о повесившемся гражданине в номере гостиницы. Прибыв на место мною был обнаружен висевший на трубе центрального отопления мужчина, в следующем виде: шея затянута была не мертвой петлей, а только одной

правой стороной, шеи, лицо было

обращено к трубе, и кистью правой руки

захватился за трубу, труп висел под самым потолком, и ноги от пола были около

1,5 метров, около места где обнаружен был повесившийся лежала

опрокинутая тумба, а канделябр стоящий на ней лежал на полу. При снятии трупа с

веревки и при осмотре его было обнаружено на правой руке выше локтя с ладонной стороны

порез, на левой руке на кисти

царапины, под левым глазом

синяк, одет в серые брюки, ночную белую рубашку, черные носки и черные лакированные туфли. По предъявленным документам повесившийся оказался Есенин Сергей Александрович писатель приехавший из Москвы 24 декабря 1925 г.».

Сразу за этой датой другим почерком вписано, что Эрлих получил удостоверение личности (Есенина) и доверенность на получение 640 рублей.

Ниже идут подписи Эрлиха, Назарова, понятых (Рождественского и Медведева), милиционера ... шинский и Н. Горбова.

2. Показания Устинова Георгия Феофановича от 28.12.25. «Я, Устинов Г. Ф. о самоубийстве Есенина могу сказать, что оно для меня ... неожиданным. Я знаю Есенина с 1918 г. За последние 4 года он мучился какой-то тяжелой душевной болезнью, ... бесконечно пил, ... Перед приездом в Ленинград около ... излечении в Московской психиатрической ... Приехал Есенин в Ленинград 24 декабря, снял .... Англетере номер ... отыскал меня. Номер мой он знал потому... в нем ... своей предпоследний приезд в Ленинград приехал он веселый, оживленный, рассказал, что он разошелся с женой С. А. Толстой и порвал со своими родственниками. Впрочем, это было уже не в первый раз, и резкая перемена отношений была у Есенина в характере.

Все дни пребывания в «Англетере» Есенин вел себя смирно, первые дни пил, вставал рано. Мы с женой бывали у него ежедневно, вместе пили чай, завтракали. Есенин читал много своих новых стихов, из которых тягостное впечатление произвело на меня стихотворение «Черный человек», — стихотворение о бреде, о мучительной галлюцинации.

Вчера, 27 декабря, мы с женой, т. т. Эрлих и Ушаков, живущий в этой же гостинице, просидели у Есенина часов с 2-х до 5 — 6 час. Есенин был немного выпивши, но потом почти совсем протрезвился. Вспоминали Москву, когда он жил у меня, вспоминало своей первой

жене З. Райх, с которой он разошелся еще в 1919-20 г., о своих детях, которые остались при Райх, показал матерчатую папку — кажется, подарок ее Есенину, а на папке внизу мелкими буквами карандашом надпись Райх — что-то о долгой любви. Одного из детей Райх Есенин считал не своим и об этом говорил и возмущался ее вероломством и ложью.

Когда мы уходили — уходили вместе все четверо — Есенин обещал ко мне зайти, но не зашел. Вечером я к нему также не сумел зайти: ко мне пришел писатель Сергей Семенов, мы с ним довольно долго поговорили, а потом мы с женой легли спать. Проснувшись я попросил жену поставить самовар. Самовар накануне остался в комнате Есенина. Комната оказалась

изнутри запертой. В это время подошел тов. Эрлих. Они позвали коменданта т. Назарова, который открыл дверь отмычкой, в комнате был найден повесившимся поэт Сергей Есенин».

Ниже, тем же почерком проставлена дата — 28.XII — 25 и подпись Георгий Устинов. Далее стоит подпись участкового надзирателя Н. Горбова.

3. Показания Устиновой Е. А. от 28.12.25 г.

«Я, Устинова Елизавета рассталась с покойным Сергеем Есениным 27-го вечером часов около... ти. Утром 28-го я пошла его будить, долго ... никто не открывал, в это время подошел муж и Эрлих ... мы сильно стучали в дверь вместе. Я пошла... попросила открыть дверь, но в ... кровати не нашла, подошла ... диван... потом увидела висящий труп. Вышла и позвала Назарова».

На конце страницы тем же почерком подпись — Е. Устинова Имеется подпись Н. Горбова

4. Показания Эрлиха В. И. от 28.12.25 г.

«Я, Эрлих в Ленинграде познакомился с писателем Есениным Сергей Александрович приблизительно около года тому назад со дня ... знакомства мы друг друга навещали... последнее время проживал в Ленинград... Померанцев... дом Неделю две тому назад... я получил на свое имя телеграмму от ... Есенина с г. Мо.... было указано (конец страницы. —

Д. Н. Н.) подыскать немедленно две три комнаты т. к. он обещал в 20 числах приезжать на жительство. Я зная с кем он приезжает комнаты ему не нашел и предложил ему телеграфно приезжать ко мне на квартиру. 24 декабря Есенин приехал ко мне на квартиру, он меня дома не застал поехал в гостиницу, по приходе домой я узнал что он остановился в гостинице, и он мне оставил записку. Я поехал к нему и у него в означенной гостинице находился знакомый Устинов журналист и со дня его проживания в означенной гостинице я ежедневно бывал у него, в беседе с ним он мне сказал что он уезжая с Москвы у него оставались деньги у знакомого его Наседкина 640 руб. и означенные деньги должны прибыть по переводу на мое имя и просил мне их получить 27 декабря. Я узнал, что деньги с Москвы пришли но не на мое имя но на имя его. Я ему позвонил по телефону вызвал его на почту чтобы он получил таковые сам, он приехал... без документов в сопровождении .... ченной гостиницы

н... 27.XII днем он написал .... доверенность на получение .... заверил у Секретаря Ленинградского отделения союза поэтов. 28.XII ..... получить деньги, ... (конец страницы. —

Д. Н. Н.) за отсутствием на доверенности гербовой печати, с почты я пошел в гостиницу рассказать Есенину что деньги не выдают. По приходу в гостиницу около №5 я застал гражд. Устинову которая стояла у №5 занимаемого Есениным и стучала. К нам пришел служащий гостиницы (далее непонятное слово. —

Д. Н. Н.) увидели, что ключ от кабинета торчал с внутренней стороны кабинета. Я и Устинова попросили открыть дверь запасным ключом; когда открыли кабинет то служащий в кабинет не

зашел, а вошла Устинова за ней вошел я не видя ничего в кабинете на кушетку бросил свою верхнюю одежду и портфель, Устинова вскрикнула и оттолкнула меня я увидел что в углу на трубе от парового отопления висел Есенин выбежали с кабинета и Устинова побежала на верх, чтобы сообщить мужу и сообщили администрации гостиницы... которая сообщила в отдел милиции... Есенин как я хорошо.... знал что он ... болен неоднократно ... больницах и я как ... (далее неразборчивые отрывки — конец страницы. —

Д. Н. Н.). Родственников у него в Ленинграде не имеется но имеются в г. Москве. Показать по данному делу ничего не могу к чему расписуюсь». Тем же почерком подпись — Вольф Эрлих, далее подпись — Н. Горбов.

5. Показания Назарова В. М. от 28.12.25 г.

«Я, гражданин Назаров В. М. пришел около 10 утра в гостиницу после десяти утра вернее половина одиннадцатого пришла жена граж. Устинова проживающая в этой гостинице и попросила ключ — от №5. И я ..... в комнате хара... комнату отм... указания граж Устинова (конец страницы. —

Д. Н. Н.) мне заявила что она не может достучаться к жильцу граж. Есенину открыв замок с большим усилием так как ключ торчал с внутренней стороны я пошел не прошло и двух минут как граж Устинова (неразборчиво. —

Д. Н. Н.) с ней гражданин Эрлихом догнали меня и хватаясь за голову в ужасе говорят, что пройдите в комнату №5. Войдя в комнату, я увидел граж. Есенина висевшим в переднем правом углу на веревке привязанной к входящей трубе центрального отопления, я всех вывел из комнаты и сейчас же позвонил во 2-е отделение милиции с просьбой выслать представителя для составления протокола. Больше показать ничего не могу в чем и подписуюсь».

Далее на поврежденном участке низа страницы фрагменты подписей.

6. «Акт. 1925 г., 29 декабря, в покойницкой Обуховской б-цы было произведено вскрытие трупа гр-на Сергея Александровича Есенина при чем найдено: Покойному 30 л., труп правильно развит, удовлетворительного питания, — общий фон покровов бледный, глаза закрыты; зрачки равномерно расширены; отверстия носа свободны; рот сжат, кончик языка ущемлен между зубами; живот ровный; половые органы — в норме; заднепроходное отверстие чисто; нижние конечности темно-фиолетового цвета на голених в коже заметны темно-красные точечные кровоизлияния. На середине лба над переносьем, — вдавленная борозда длиной около 4 сант в шириной 1,5 сант, под левым глазом — небольшая поверхностная ссадина; на шее над гортанью — красная борозда идущая слева вверх и теряющаяся около ушной раковины спереди; справа борозда идет немного вверх к затылочной области, там и теряется; ширина борозды с гусяное перо; в нижней трети правого плеча имеется кожная рана с ровными краями длиной в 4 сант; в нижней трети левого предплечья имеется одна рана идущая в горизонтальном направлении и 3 раны в вертикальном направлении; эти раны длиной около 3 сант каждая с р... проникают толщу кожи. Других знаков повреждений не обнаружено..... целы; под кожным лоскутом..... в лобной области... оболочки напряжены; твердая .... мутноват... мозг 1920 грам, (конец страницы. —

Д. Н. Н.) ..... ния мозга в норме; в боковых желудочках небольшое количество прозрачной жидкости; вещество мозга на разрезах блестит, на разрезах, быстро выступают кровяные точки. Положение брюшных органов правильное, брюшина гладкая, (далее непонятно. —

Д. Н. Н.) красноватой прозрачной жидкости; петли кишок красного цвета. Хрящи гортани целы. Кончик языка прикушен; в пищеводе следы пищевой смеси; в гортани и трахее пеннистая слизь, слизистая их розоватого цвета. Легкие лежат в грудной клетке свободно.

Сердце с кулак покойного, в полостях его жидкая кровь; на наружной оболочке сзади значительное количество точечных кровоподтеков; клапаны и отверстия в норме; на внутренней поверхности аорты — несколько сероватых бляшек; на легочной плевре значительное количество точечных кровоподтеков; легкие пушистые, всюду проходимые для воздуха с разрезов соскабливается значительное пузырчатой кровяной жидкости. В желудке около 300 г полужидкой пищевой смеси, издающей нерезкий запах вина; слизистая его красноватого цвета. Капсула (непонятное слово. —

Д. Н. Н.) морщинистая. Печень темно .... ного цвета ... капсула ее гладкая, край закруглен. Почки темно-красного ... капсула сжимается легко, ... (далее написано: суд. мед. эксперт» и фрагмент его подписи и в конце страницы: «понятые» и фрагменты подписей. —

Д. Н. Н.).

Заключение. На основании данных вскрытия следует заключить, что смерть Есенина последовала от асфиксии, произведенной сдавливанием дыхательных путей через повешение. Вдавление на лбу могло произойти от давления при повешении. Темно-фиолетовый цвет нижних конечностей и точечные на них кровоподтеки указывает на то, что покойный в повешенном состоянии находился продолжительное время. Раны на верхних конечностях могли быть нанесены самим покойным и, как поверхностные, влияние на смерть не имели». Суд. мед. эксперт прочитываемая по буквам исполненная тем же почерком подпись — Гиляревский, акт исполнен на обычных листах бумаги.

Проведенным в апреле 1992 г. во ВНИИ судебных экспертиз криминалистическим исследованием, при котором составлялись сохранившиеся фрагменты поврежденной части этого акта, установлено, что в нем имеются фразы, что «кости черепа целы» и что три раны в нижней части левого предплечья «не проникают в толщу кожи», «мозг весит 1920 грамм».

На основании материалов дознания было сделано следующее заключение (текст машинописный).

«1926 года, января 20 дня, я, Завстолом Дознания 2-го ОТД. ЛГМ Вергей, рассмотрев материал дознания по делу о самоубийстве посредством повешения гр. Есенина Сергея Александровича 30 лет, в гостинице „Интернационал“, 28 декабря 1925 года, установил. 28/XII-25 г. согласно телефонного сообщения Управляющего гостиницей гр. Назарова о том, что им обнаружен повесившийся гр. в одном из номеров гостиницы, на место происшествия был командирован из 2-го Отделения ЛГМ учнадзиратель Горбов, которым было обнаружено: на трубе центрального отопления висел мужчина в следующем виде: шея была затянута не мертвой петлей, а только одной правой стороной шеи, лицом гр-н был обращен к трубе и кистью правой руки захватился за трубу. Труп висел под самым потолком и ноги от пола были на высоте около полутора метров, а на полу валялась опрокинутая тумба, а канделябр стоявший на ней тоже лежал на полу. При снятии трупа из веревки и при осмотре было обнаружено, что на правой руке выше локтя с ладонной стороны был виден порез, а на левой руке на кисти заметны были царапины, под левым глазом синяк, гр-н одет был всерые брюки, ночную рубашку, черные носки и черные лакированные туфли, личность повесившегося была установлена и оказалось, что покончивший жизнь самоубийством — гр-н Есенин Сергей Александрович, писатель прибывший из Москвы 24 декабря 1925 г. Труп гр-на Есенина был направлен в покойницкую б-цы имени Нечаева, на предмет суд. мед. вскрытия производившим вскрытие трупа суд. медэкспертом Гиляревским установлено, что смерть гр. Есенина последовала от асфиксии, произведенной сдавливанием дыхательных путей через повешение, вдавление на лбу могло произойти от давления при повешении. Темно-фиолетовый цвет нижних конечностей точечные на них кровоподтеки указывают на то, что таковой в повешенном состоянии находился продолжительное время. Раны на верхних конечностях могли быть нанесены самим покойным и как поверхностные влияние на смерть не имели. На основании изложенного не усматривая в причинах смерти гр. Есенина состав

преступления ПОЛАГАЛ БЫ: материал дознания в порядке п. 5 ст. УПК направить нарследователю 2го Отд. г. Ленинграда на прекращение за отсутствием состава преступления». Имеется подпись Вергея.

В этот же день, 20.01.26, Вергеем составлена опись материалов дознания. 21.01.26 материалы на 16 листах направлены в установлено п. 1 ст. 105 УПК РСФСР порядке следователю 2-го отделения г. Ленинграда за подписями начальника 2-го отделения милиции Хохлова, а также Вергея.

23.01.26 народный следователь, руководствуясь ст. 222 УПК, вынес постановление о прекращении производства дознания на основании ст. 4 п. 5 УПК РСФСР (за отсутствием состава преступления), которое использовано на стандартном бланке с реквизитами, отпечатанными типографским способом.

27.01.26 материалы дознания с грифом «в. срочно» направлены народным следователем Бродским помощнику Ленинградского губернского прокурора 1-го участка по его запросу. Согласно отметки на сопроводительном письме, материалы поступили в прокуратуру 27.01.26, где, очевидно, и хранились, так как были подшиты в стандартную обложку:

«Дело №, на которой от руки сложной и изысканной каллиграфией вписано: „Пом. Губ. прокурора по 1-ому уч. гор. Ленинграда — (вписан номер дела — 89) о самоубийстве поэта Сергея Александровича Есенина“.

Таким образом, следует констатировать, что Ленинградской губернской прокуратурой собранные дознанием доказательства признаны достаточными для вывода о самоубийстве С. А. Есенина, а принятое процессуальное решение о прекращении производства дознания — законным.

Авторы публикаций правильно отмечают низкое качество и неполноту акта осмотра места происшествия и трупа С. А. Есенина, проведенного участковым надзирателем милиции Горбовым без участия врача, в котором не отражены существенные обстоятельства (состояние номера, размеры веревки, высота ее привязывания и др.), с тем, чтобы убедительно подтвердить возможность для Есенина закрепить веревку высоко под потолком, а также невозможность проникновения посторонних лиц в запертый, изнутри гостиничный номер.

Однако, как свидетельствует существующая и в настоящее время практика работы органов следствия и дознания, такие нарушения нередко допускаются при очевидности «ненасильственной» смерти. Каких-либо объективных доказательств того, что версия о самоубийстве Есенина не была очевидна для его знакомых Устиновых, Эрлиха и других лиц, в том числе и присутствовавших при осмотре трупа, авторами публикаций не приводится. Утверждения в публикациях о невозможности повешения без перелома хрящей гортани и без «мертвой петли», а также о невозможности писать собственной кровью (прощальное стихотворение С. А. Есенина) свидетельствует о некомпетентности авторов. А утверждение о том, что исследованием почерка Есенина категорически установлено, что он не мог совершить самоубийство и о том, что он сильно плакал перед смертью и, видимо, просил пощады у убийц, что якобы подтверждено исследованием посмертных фотографий, рисунков и масок Есенина — свидетельствует о ненаучном подходе к таким вопросам.

Согласно заключению от 19.02.93 комиссии Бюро Главной судебно-медицинской экспертизы Минздрава России, в результате произведенных исследований фотографий и гипсовых «масок» и экспериментального моделирования установлено, что на трупе С. А. Есенина имелись: странгуляционная борозда, которая образовалась при повешении; вдавление в мягких покровах лобной области, образовавшееся в результате контакта с цилиндрическим предметом, который наиболее вероятно был горячим; круглое темное пятно на верхнем веке

правого глаза, возникшее в результате высыхания вершины кожной складки; овальное пятно в области нижнего века левого глаза, которое может быть оценено, как небольшая ссадина; деформация спинки носа, которая произошла значительно раньше, при жизни и не связана со смертью; поверхностная дугообразная рана на задней поверхности правого предплечья, которая образовалась от касательного воздействия тупого твердого предмета, возможно, посмертно; три продольные линии на наружной поверхности нижней трети левого предплечья, которые можно расценивать, как поверхностные резаные раны или царапины. По заключению экспертов исследование трупа С. А. Е. проведено, в основном, в соответствии с «Временным постановлением для медицинских экспертов о порядке производства исследования утвержденным Народным комиссариатом здравоохранения. При исследовании трупа допущен ряд дефектов: не исследована одежда, не измерена тела, не описаны трупные явления, не исследованы мягкие ткани... указана давность наступления смерти. Однако, отмеченные дефекты существенного значения для решения вопроса о причине наступления не имели. Заключение, сформулированное судебно-медицинским экс А.Г. Гиляревским, соответствует исследовательской части Акта су.... медицинского исследования трупа С. А. Есенина.

Таким образом, доводы о фальсификации Акта исследования, а также об указании работников дознания об этом путем дописаны от руки отметки «п. 5 ст. УПК» на сопроводительном письме Гиляревскому А.Г., которая могла быть сделана для иных служебных целей, являются несостоятельными.

С учетом изложенного прихожу к заключению, что дознание по смерти поэта С. А. Есенина проводилось в соответствии с действовавшим уголовно-процессуальным законодательством (УПК РСФСР от 1923 г) а допущенные неполнота и низкое качество документов дознания то лишь сами по себе без подтверждения другими объективными доказательствами, не могут быть основанием для вывода об убийстве поэта и эксгумации его останков для проведения судебно-медицинского исследования. Постановление народного следователя 2-го отделения милиции г. Ленинграда от 23.01.26 о прекращении производства дознания по факту убийства С. А. Есенина является законным. (Печатается по документу.)

Старший прокурор управления по надзору за следствием и дознанием Генеральной прокуратуры Российской Федерации

старший советник юстиции Н. Н. ДЕДОВ

тв 3 3 4.03.93

_____ ОТВЕТ

МИНИСТЕРСТВО БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Центральный архив

30.06.93 №10/Л — 2330

Москва

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ЕСЕНИНСКОГО КОМИТЕТА И КОМИССИИ ПО ВЫЯСНЕНИЮ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВ СМЕРТИ С. ЕСЕНИНА

ПРОКУШЕВУ Ю. Л. Уважаемый Юрий Львович!

В связи с Вашим обращением (№14402/ 24 от 15.04.1993 г.) Центральным архивом МБ РФ по поручению руководства Министерства проведена соответствующая проверка.

Направляем Вам справку по результатам этой работы, которая составлена в форме ответов на поставленные вопросы.

Приложение: по тексту на 2 л.

Заместитель начальника архива В. П. ГУСАЧЕНКО

_____ СПРАВКА

Проведенной проверкой установлено, что Эрлих В. И. и Устинов Г. Ф. по учетам сотрудников органов госбезопасности Управления кадров МБ РФ и картотеке сотрудников ОГПУ-НКВД Государственного архива РФ (бывший ЦГАОР СССР) не значатся. Эрлих, по имеющимся сведениям, проходил службу в пограничной охране.

Бениславская Г.А. с ноября 1919 по май 1922 года работала секретарем в Особой межведомственной комиссии при ВЧК-ГПУ, занимавшейся проведением ревизий хозяйственных органов. Каких-либо архивных материалов, кроме ее личного дела, в Центральном архиве МБ РФ не хранится.

Документами, подтверждающими версию «о преследовании С. Есенина Я. Блюмкиным по заданию ГПУ», ЦА МБ РФ не располагает. Летом 1924 года Блюмкин был направлен в Тифлис (до приезда, туда Есенина) и занимал должность помощника полномочного представителя ГПУ в Закавказье по командованию войсками ЗакЧК. Впервые о его случайной встрече с поэтом упоминает писатель Н. К. Вержбицкий в книге «Встречи с Есениным», изданной в 1961 году в Тбилиси.

Архив Министерства не располагает материалами, подтверждающими нахождение Я. Г. Блюмкина в Ленинграде в период, предшествующий самоубийству поэта (ноябрь — декабрь 1925 года).

Гостиница «Интернационал» (бывшая «Англетер») в Ленинграде органам ОГПУ не подчинялась.

Появившиеся в печати утверждения о «сотнях документов» в отношении Есенина, якобы «хранящихся в архивах бывшего КГБ», не соответствуют действительности. В Центральном архиве МБ РФ хранятся два архивных уголовных дела на С. Есенина, с которыми представители Есенинского комитета были ознакомлены. Нет и «досье» (оперативных материалов) на поэта

Каннегисер Леонид Акимович, 1895 года рождения, студент Петроградского политехнического института, арестован 30 августа 1918 года за убийство председателя Петроградской ЧК М. С. Урицкого и в сентябре того же года по постановлению ПетроЧК расстрелян. Уголовное дело сведений о его связях с Есениным не содержит. С делом неоднократно знакомились творческие работники для подготовки публикаций и программ телевидения.

В Центральном архиве МБ РФ также находится на хранении архивное уголовное дело с материалами расследования убийства бывшей жены С. Есенина — З.Н. Райх-Мейерхольд. Каких-либо документов о жизни и творчестве поэта в нем нет.

Центральный архив МБ РФ

30 июня 1993 года

№ 10/А-2331

КРАТКИЙ КОММЕНТАРИЙ АВТОРА К МНЕНИЯМ ЭКСПЕРТОВ

Заключения экспертов и других специалистов о подлинности хранящегося в архиве Института мировой литературы (ИМЛИ) так называемого акта вскрытия тела С. А. Есенина судмедэкспертом А.Г. Гиляревским не выдерживают критики. На «документе» отсутствуют необходимые официальные атрибуты, его форма, стандарт и стилистика не соответствуют тем же показателям в обнаруженных нами оригиналах актов (1 января 1926 — 26 сентября 1928 г.) доктора А. Г. Гиляревского.

Касаясь этой тематической части в одной из наших «есенинских» публикаций, С. Куняев пишет: «Аргумент железный! <...> Сопоставление этих актов (подлинников. — В. К.) с „актом“ вскрытия тела Есенина говорит само за себя. Кто-то использовал имя Гиляревского во всей этой грязной истории» (Наш современник. 1995. №12. С. 216). Подробнее на ту же тему в настоящей книге на страницах 45 — 51 и др.

* * *

Начальник экспертно-криминалистического Центра МВД России информирует (1992 г.):
«...было проведено исследование

подлинного рукописного экземпляра стихотворения «До свиданья, друг мой, до свиданья...» С.

Есенина» (выделено нами. — В.К.). Эти слова подтверждают изначально тенденциозную постановку вопроса. На наш взгляд, в начале требуется доказать подлинность рукописи, ее принадлежность Есенину. Заключение о том, что «До свиданья...» написано кровью, вовсе не довод, что это кровь поэта.

Имеются серьезные основания для сомнений в выводе специалиста Ю.Н. Погибко, проводившего

единолично графологический анализ элегии. Поражает, что исследование почерка велось по тексту не так называемого оригинала, а по фотокопии (Смерть Сергея Есенина. Документы, факты, версии. М.: Наследие, 1996. С. 53-66). Уже один этот факт заставляет усомниться в профессионализме эксперта. Следующий важный момент: специалист почему-то «не заметил» на рукописном листке рисунок головы некоего животного (по нашему мнению — свиньи), что окончательно подрывает доверие к его частной точке зрения. В существовании многозначительного графического образа не сомневаются некоторые авторитетные ученые, в том числе ведущий научный сотрудник Пушкинского Дома РАН доктор филологических наук А. И. Михайлов (см. его статью на указанную тему: Русский альманах. Спб., 1997, №1).

* * *

Крайне тенденциозны и сомнительны и другие экспертные материалы сборника «Смерть Сергея Есенина». Официальное «дело №89» по прекращению дознания «по факту

самоубийства поэта» требует современной независимой экспертизы, так как оно полно логических противоречий, текстуальных ошибок и нелепостей (особенно в показаниях свидетелей). Криминалисты и другие специалисты, авторы сборника, строят свои заключения в отрыве от конкретных событий и фактов эпохи 20-х годов, игнорируют, как правило, отрицательные характеристики личностей, причастных, на наш взгляд, к сокрытию следов убийства поэта.

Оцениваем также поверхностной и односторонней «Справку №10-Л-2330 от 30. 06. 93». Центрального архива Министерства безопасности Российской Федерации. Ссылка на то, что журналист Г. Ф. Устинов и стихотворец В. И. Эрлих, по данным служебной официальной картотеки, не являлись сотрудниками ОГПУ — НКВД, неубедительна. В период Гражданской войны Устинов был ответственным секретарем редакции газеты «В пути», органа походного «Поезда наркомвоена» (Л. Д. Троцкого), выполнявшего карательные

сверхчекистские функции. Тайное сотрудничество с ГПУ Эрлиха в настоящее время установлено документально, и отрицать этого факта невозможно. Аналогичный пример. До недавнего времени официально не значились работниками (сексотами) ОГПУ литературный критик П. Н. Медведев (понятой при подписании «акта» об обнаружении тела Есенина) и журналист Л. В. Берман (лжесвидетель). Сегодня их причастность к этому ведомству доказана архивными документами и другими материалами.

Не только легковесно, но и ошибочно утверждение архива МБ: «Гостиница „Интернационал“ (бывшая „Англетер“) в Ленинграде органам ОГПУ не подчинялась». Во-первых, «Интернационал» официально стал вновь называться «Англетером» с октября 1925 года, во-вторых — и это важнее — документально установлено: негласный контроль за деятельностью отеля в 1925 году осуществлял Экономический отдел (ЭКО) (заведующий Рапопорт, заместитель Алешковский, секретари Сивозеров, Горюнов) Ленинградского ГПУ, надзиравший за работой всех местных гостиниц и домов ночлега, в финансово-хозяйственном плане находившихся в ведении Губернского отдела коммунального хозяйства (Губоткомхоза). Выяснено, право секретной переписки с ЭКО ГПУ имели заместитель заведующего Губоткомхозом Борис Маркович Гальперштейн, работница М. Н. Моисеева (она была уполномочена на связь с фельдъегерским отделением ГПУ) и другие лица.

* * *

Фрагменты нашего исследования публиковались в ряде журналов, в «Комсомольской правде», «Российской газете», «Аргументах и фактах» и во многих других изданиях, звучали по радио и телевидению (в том числе на ОРТ), апробировались в докладах на авторитетных собраниях и конференциях (московский Дом журналиста, петербургский Пушкинский Дом и т.д.). Высокую оценку нашего труда дали есениноведы-профессионалы, следователи высшей квалификации и большого опыта. Лишь один отзыв из многих. «Я ...вправе выразить восхищение добросовестным исследованием В.И. Кузнецова...», — пишет Вл. Виноградов, заслуженный работник МВД, бывший следователь по особо важным делам МВД СССР (Русский вестник, 1997, №11-12).

Санкт-Петербург

8 декабря 1997 г.

СПРАВКА ОБ АВТОРЕ

Кузнецов Виктор Иванович, доцент кафедры литературы Санкт-Петербургской академии культуры, член Союза писателей Российской Федерации. Автор книг «Светя другим», «Нетленные строки», «Алексей Кольцов», «Иван Никитин». Составитель (автор предисловий и примечаний) многих сборников русской прозы. Ряд работ посвящен историческим темам (исследование «Был ли Ленин немецким агентом?..» и др.). Более 200 его статей печатались в центральных и местных журналах и газетах. Есть опыты в драматургии. В настоящее время готовится к изданию новая книга — «Тайна Октябрьского переворота».

Примечание

1

Согласно «Разъяснению (1925 г.) о состоянии коммунального хозяйства» Ленгубисполкома, 1 сажень = 4,55 м²

2

В настоящее время (декабрь 1997 г.) в Санкт-Петербурге здравствует дочь сапожника Г. К. Ильвера — Эльза Густавовна Ильвер (р. 1906), жившая в 1925 г. в «Англетере». Она пояснила принцип расположения и нумерации квартир в гостинице.

3

Стиль, орфография и пунктуация документа. Сверено по копии, напечатанной в сборнике «Смерть Сергея Есенина: Документы, факты, версии» (М.: Наследие, 1996. С. 376.) Уточнения произведены по публикациям «акта» в книгах: Эдуард Хлысталов. «13 уголовных дел Сергея Есенина» (М.: Русланд, 1994. С. 77); Станислав Куняев, Сергей Куняев. «Сергей Есенин» (М.: Молодая гвардия, 1995. С. 542 — 543).

4

Установлено: Н. М. Горбов принят кандидатом в члены РКП(б) 14 января 1925 г., почти спустя год со дня смерти В. И. Ленина.

5

Следовало писать: РКП(б).

6

Стиль автора.

7

Выделено нами. —

В. К. К этой загадочной фразе Н. М. Горбова мы ниже вернемся.

8

Настоящий акт впервые опубликовал (с сокращениями и разночтениями) и кратко прокомментировал исследователь гибели Есенина Эдуард Хлысталов. Здесь текст сфальсифицированного документа сверен с ксерокопией, напечатанной в сборнике «Смерть Сергея Есенина: Документы, факты, версии» (М.: Наследие, 1996. С. 392-394).

9

Так в тексте. —

В. К..

10

Потир — литургический сосуд для освящения вина и принятия причастия.

11

Занимаемая Н. А. Ключевым жилплощадь составляла 28,7 кв. м.

12

Приводим список обитателей дома №45 по ул. Герцена, составленный чекистом И. П. Цикирия 30 ноября 1925 г.: «1. Снарский М. Л. (выбыл). 2. Денисов Петр Герас. 3. Мансуров Павел Андр. 4. Ключев Ник. Алексеев. 5. Поляков Вяч. Ив. 6. Яковлев Ал. Арс. 7. Фомин Павел Степ. 8. Бржезанский О. И. 9. Верин Влад. Фед. 10 Волков Ал. Павл. 11. Стеничев Гл. Андр. 12. Федоров Конст. Мих. 13. Гоголин. 14. Фомичев Фед. К. 15. Мясохладобойня. 16. Ларсон Густ. Густ.».

13

Специально обратим внимание на близкое знакомство Г. Ф. Устинова и С. А. Семенова — оба они, очевидно, не случайно были «задействованы» в англетеровском происшествии.

14

См.: Смерть Сергея Есенина: Документы, факты, версии. М.:Наследие, 1996. С. 59.

15

Не связана ли как-то его кончина с тем, что почему-то экстренно, 1 января 1926 г., была проведена ревизия Обуховки с немедленным строгим выговором Штюллерну — «за отсутствие общего административно-хозяйственного руководства», отстранением от должности его помощника доктора Бориса Соколова и передачей дела в прокуратуру. Уж очень спешил (на Новый год!) подписать грозный приказ заведующего Ленгубздравотделом Л. Федоров.

16

Р. Я. Голант являлась сотрудницей Психоневрологической академии Государственного рефлексологического института по изучению мозга.

17

Напомним, это он, дворник В. П. Спицын, согласно воспоминаниям вдовы коменданта «Англетера» А. Л. Назаровой, 27 декабря 1925 года звонил вечером к ним на квартиру, после чего хозяин гостиницы срочно (в воскресенье) отправился «по тревоге» в свои владения.

18

ПУОКР — Политическое управление Красной Армии.

19

Некоторые коррективы в расположение помещений в «Англетере» внесла (1997 г.) проживавшая в гостинице в 1925 г. Эльза Густавовна Ильвер (р. 1906).

20

Завершим мысль поэта о зарубежье из выше цитированного письма: «Там и мертвые львы красивей, чем наши живые медицинские собаки». Заметьте, — «...мертвые львы». Не будем забывать, — лев — неременный атрибут государственной символики Великобритании.

21

Стиль документа.

22

Имеются варианты расшифровки заголовка фельетона.

23

Здесь и ниже соответствующие цитаты приводятся по брошюре: Леонов Борис. Последняя авантюра Якова Блюмкина. М.: Отечество, 1993.

См. брошюру: Кузнецов Виктор. Был ли Ленин немецким агентом?...: Документы / Впервые перевод с английского языка. Спб.: Реал, 1994.

Настоящая публикация озаглавлена строкой из стихотворения И. А. Оксенова «Памяти Есенина». В дальнейшем, за единичными исключениями, заголовки мемуаров даются подобным же образом.

Оксенов Иннокентий Александрович (1897-1942), врач-рентгенолог, поэт, литературный критик. Автор стихотворных сборников «Зажженная свеча» (1917), «Роща» (1922) и др. Отлично владея немецким и французским языками, выступал как переводчик, составитель и автор предисловий к произведениям Мартен дю Гара, Луиджи Пиранделло и др. Член ленинградской литературной группы «Содружество» (1925-1929), в которую входили Б. Лавренев, А. Чапыгин и др.

И. А. Оксенов — автор ряда статей, посвященных жизни и творчеству Есенина, наиболее последовательный и смелый его защитник. Одну из своих книг Есенин подарил ему с надписью: «Милому Оксену...»

В статье «О порнографии в советской литературе» (1926) Оксенов резко критиковал Льва Сосновского, главного организатора травли Есенина.

«Дневник» Оксенова (хранится в частной коллекции) представляет собой несколько толстых рукописных тетрадей. В них глубокие и честные наблюдения о политической и литературной жизни Ленинграда 20-х годов, меткие характеристики писателей-современников.

В сборнике «Памяти Есенина» (1926), в ряде газетных выступлений мемуарист опубликовал отдельные фрагменты своих записей о встречах с поэтом. Среди многих конъюнктурных и тенденциозных воспоминаний об авторе «Анны Снегиной» слово Оксенова выделяется своей правдивостью и памятьливостью.

Шимановского всегда было очень людно... — Виктор Владиславович Шимановский (1890-1954), актер, театральный режиссер. Поэтический авторский вечер Есенина в Ленинграде состоялся 15 апреля 1924 г. в театре-студии Шимановского (ул. Стремянная, 10).

Перед стихами он сказал несколько слов в защиту петербургского поэтического языка, оклеветанного Эрлихом. — Вольф Иосифович Эрлих (1902-1937), стихотворец, секретный сотрудник ЧК-ГПУ-НКВД.

28

В Петербурге... есть поэты — Садофьев, Полонская, Тихонов. — Садофьев Илья Иванович (1889-1965), поэт пролеткультовско-социологического толка. Его биография периода 1905-1922 годов исследована недостаточно и поверхностно. В 1916 году за принадлежность к РСДРП(б) и участие в антиправительственных выступлениях был сослан на 6 лет в Якутский край. В годы Гражданской войны служил в Политотделе Юго-Западного фронта, не исключено, в органах ВЧК. С 1922 года фактический главный редактор ленинградской вечерней «Красной газеты» (отв. секретарь А. Я. Рубинштейн). Белоземгрантская печать не без оснований подозревала его в сотрудничестве с ГПУ, что отчасти подтверждается воспоминаниями современников (см. соответствующую главу настоящей книги).

29

Елизавета Григорьевна Полонская (1890-1969), поэтесса, автор ряда стихотворных сборников. В 1921-1929 годах входила в литературную группу «Серапионовы братья» (М. Зощенко, Вс. Иванов, К. Федин и др.).

30

Николай Семенович Тихонов (1896-1979), поэт, прозаик, общественный деятель.

31

...хозяин Сахаров... — Александр Михайлович Сахаров (1894-1952?), издательский работник. Подробнее о нем см. в примечаниях к его воспоминаниям в настоящей книге.

32

...Есенин захотел читать Языкова. — Николай Михайлович Языков (1803-1846), русский поэт.

33

Говорил (Есенин) о «расчленении» России, о своих чувствах «великоросса-завоевателя», делавшего революцию. — Известно, что политика большевиков-интернационалистов официально-формально была направлена на «самоопределение наций» и способствовала разжиганию межэтнических конфликтов. Под руководством Л. Д. Троцкого и его сторонников, рдетелей мировой революции, в 1924 году был принят план формирования военных национальных частей (латышских, татарских, еврейских, армянских и т.п.). Чреватая опасными последствиями идея не была реализована, так как вскоре состоялось политическое падение Троцкого. В свете сказанного понятно беспокойство Есенина-патриота, наблюдавшего раздробление великой еще недавно России. Возможно, размышления поэта о своей роли в революции и пр. переданы Оксеновым эскизно-прямолинейно.

34

О Клюеве... два года был коммунистом... — Поэт Н. А. Клюев вступил в РКП(б) весной 1918 года в Вытегре (Вологодская губерния). Проявил себя активным большевиком, пропагандистом «красного террора», автором первого в советской поэзии стихотворения о Ленине; некоторое время был секретарем парторганизации в Вытегре. Исключен из РКП(б) в марте 1920 года. Основанием для исключения послужили религиозные убеждения поэта, причудливо сочетавшиеся с коммунистическим воззрением. Эта сторона биографии Клюева исследована недостаточно.

35

О Чернявском... — Чернявский Владимир Степанович (1889-1948), поэт, артист.

36

Слонимский говорит, что Баронский... — Михаил Леонидович Слонимский (1897-1972), писатель, искренний почитатель таланта Есенина. Александр Константинович Веронский (1884-1943?), литературный критик, писатель, редактор журнала «Красная новь».

37

Что-то старчески шамкает Сологуб. — Федор Кузьмич Сологуб (Тетерников) (1863-1927), писатель. Известны его одобрительные отзывы о поэзии Есенина.

38

У

Слонимского говорили о происшествии у Ходотова... — Конфликт Есенина с актером Н. Н. Ходотовым освещался не раз в мемуарной литературе, но на неблагоприятную роль прозаика Н. Н. Никитина указывается впервые.

39

Клюев жалуется, что его заставляют писать «веселые песни»... — Н. А. Клюев явно лукавил. Его проникнутые революционным и т.п. пафосом стихотворения печатались во многих периодических изданиях, в том числе в 1918 году в газете «Красный набат» (Урал, орган 3-й армии).

40

Клюев родом — новгородец. — Н. А. Клюев родился в Олонецкой губернии, но был приписан к деревне Мокеево Введенской волости Новгородской губернии.

41

Троцкого... Сергей любит... — Оксенов явно спрямляет отношение Есенина к «демону революции». Ставшие за последние годы известными мемуарные и другие источники свидетельствуют о глубоком внутреннем неприятии Есениным взглядов и практической деятельности Троцкого. Подробнее см. об этом в последней главе настоящей книги.

42

В Ионове тоже ничего еврейского нет... — Илья Ионович Ионов (Бернштейн) (1887-1942?), директор ленинградского отделения Госиздата. В 1907 г. в Одессе участвовал в политической акции, сопровождавшейся убийством. До декабря 1917 года отбыл каторгу. Сестра ИONOва, Злата Лилина, была женой партийного хозяина Ленинграда Г. Е. Зиновьева. Есенин относился к Ионову с осторожностью и говорил, что «на зуб» ему попасться не хотел бы.

43

Не хочу надевать хомут Сурикова или Спиридона Дрожжина. — То есть Есенин вполне

оправданно рассматривал свое творчество шире узкокрестьянских литературных рамок названных поэтов.

44

Жуков напомнил об «Инонии»... — Жуков Павел, ленинградский критик, в 1925 г. близок к редакции журнала «Звезда».

45

Есенин «...с уважением говорил о Блюмкине...» — Яков Григорьевич Блюмкин (1900-1929), известный чекист-террорист. Очевидно, Оксенов по-своему услышал и передал слова поэта. Известен острый конфликт в Баку Есенина с Блюмкиным, который демонстративно угрожал ему револьвером. Есть основания подозревать лично Блюмкина в убийстве поэта.

46

29 декабря 1925 года. Вчера около часа дня в «Звезде» я услышал от Садофьева, что приехал Есенин, и обрадовался. — Ключевая запись Оксенова для доказательства причастности поэта И. И. Садофьева к распространению ложных слухов об обстоятельствах гибели Есенина. В указанный час многие в Ленинграде уже знали о трагедии в «Англетере». По-видимому, Садофьев специально дезинформировал своего знакомого, отводя от себя подозрения. На Садофьева как вестника несчастья в гостинице ссылаются в сфальсифицированных воспоминаниях Лев Рубинштейн, Лазарь Берман и др.

47

...у ворот я купил «Красную» вечерку. — То есть вечерний выпуск «Красной газеты».

48

Хорошо, что мне попался экземпляр с известием о смерти Есенина. — Информация о гибели поэта была напечатана в части тиража «Красной газеты». Настораживает факт сверхоперативности работы редакции, которая, согласно принятому ранее решению, начинала свой рабочий день в 14 часов (см. в настоящей книге главу «Бестия из „Красной газеты“ и другие»). В связи с этим логично предположить, что, скорее всего, отв. секретарь газеты А. Я. Рубинштейн узнала о смерти Есенина вечером 27 декабря (в воскресенье!) и «позаботилась» заранее о публикации траурной заметки.

...нашел Брауна... — Николай Леопольдович Браун (1902-1975), поэт, автор воспоминаний о Есенине.

Священнодействовал фотограф. — Съёмки мертвого Есенина и интерьера 5-го номера гостиницы «Англетер» выполнял Моисей Соломонович Наппельбаум (1869-1958), «придворный» кремлевский фотограф, автор известных фотопортретов Ленина, Свердлова, Дзержинского и многих других большевистских главарей, а также портретов мастеров советского искусства.

Правая рука Есенина была согнута в локте. — Такое положение руки имеет различные объяснения. Одно из них: чтобы остановить отчаянно сопротивлявшегося на допросе поэта, профессионал-убийца нанес ему удар по сухожилию в локтевую область, что лишало его возможности борьбы. Специалисты по уголовным делам вполне допускают такую версию.

...вдоль лба виднелась багровая полоса (ожог?) от накаленной трубы парового отопления... — Оксенов выражает сомнение относительно происхождения раны на лбу Есенина. Несогласие с официальной версией по тому же поводу высказывал рисовавший мертвого Есенина художник Василий Сварог и другие очевидцы. Независимые исследователи говорят о возможном ударе рукояткой нагана (?) в лоб, по-видимому, отчаянно сопротивлявшегося на допросе Есенина.

Хлопотала о чем-то Устинова. — Единственное в мемуарной литературе упоминание не связанного с ГПУ автора так называемой жены журналиста Г. Ф. Устинова, которая будто бы присутствовала на печальной церемонии в 5-м номере «Англетера». Исключение показательно. Другие присутствовавшие там же и тогда же ленинградские литераторы (Н. Браун, Н. Никитин, Б. Лавренев, П. Лукницкий, В. Рождественский) в своих воспоминаниях Елизавету Алексеевну Устинову не заметили. Можно допустить, кто-то из пришедших (Эрлих?), указав на «хлопочущую» женщину, рекомендовал ее наивному и доверчивому

Оксену как Устинову, в то время как ее роль выполняло некое подставное лицо. Примечательно: никто из мемуаристов не упомянул о присутствии на прощальных церемониях в «Англетере» журналиста Г. Ф. Устинова, не видели его на гражданской панихиде в местном Доме писателей, не появился он и на проводах тела Есенина на железнодорожном вокзале.

«Дневник» Оксенова, при всей его трогательной любви к Есенину, не отличается глубокой аналитичностью трех посмертных дней поэта. Его не смутила странность известия И. И. Садофьева о приезде Есенина в Ленинград 28 декабря (эта «новость» была ему объявлена около 13 часов того же дня), не заставил он себя задуматься о причине появления «ожога» на лбу покойного, лишь выразив сомнение робким вопросительным знаком; осталось без ответа его недоумение по поводу исчезнувшего из 5-го номера пиджака владельца. Логичен вывод: автор «Дневника» поверил чьей-то дезинформации об «Устиновой» — в то время как другие или не обратили на нее внимания, или видели в ней постороннюю женщину, но никак не «тетю Лизу».

54

Пришли Никитин, Лавренев, Семенов, Борисоглебский, Слонимский, Рождественский... — Николай Николаевич Никитин (1895-1963), писатель. Борис Андреевич Лавренев (1891-1959), прозаик, драматург. Сергей Александрович Семенов (1893-1942), писатель.

Михаил Васильевич Борисоглебский (наст. фам. Шаталин) (1896-1942), прозаик, драматург, официальный представитель Московского отделения Союза советских писателей при транспортировке гроба с телом Есенина из Ленинграда в Москву.

Всеволод Александрович Рождественский (1895-1977), поэт, понятой, поставивший свою подпись под протоколом обнаружения тела Есенина в «Англетере».

55

Когда нужно было отправить тело в Обуховку, не оказалось пиджака... — Обуховка — Обуховская больница; официальное название в 1925 году: «Больница в память жертв революции 1905 года им. профессора Нечаева».

56

Вечером, у Четверикова сошлись снова. — Дмитрий Четвериков (Борис Дмитриевич Четвериков) (р. 1896), прозаик.

57

Хорошо и смело написал Борис. — Речь идет о статье Бориса Лавренева «Казненный дегенератами» (Красная газета (веч. вып.). 1925. 30 дек., №315).

58

Всеволод Рождественский вспомнил, как нынче в Москве он видел избиение Есенина... — Указанный факт подтверждают воспоминания Бориса Пастернака в записи Н. Любимова: «Мы с ним (Есениным. — В.К.) ругались, даже дрались, до остервенения, но когда он читал свою лирику или „Пугачева“, так только, бывало, ахаешь и подскакиваешь на стуле» (Любимов Н. Несгораемые слова. М., 1988. С. 29). О высокой оценке Б. Пастернаком поэзии Есенина свидетельствует одно из его писем к Марине Цветаевой и ее ответ скептического характера.

59

Всеволод Рождественский вспомнил так же, как на пароходе... — Прогулка на пароходе по Неве ленинградских поэтов (Анна Ахматова и др.) состоялась летом 1924 года. Об этом сообщали местные газеты. Среди участников прогулки назван и Есенин.

60

Сегодня появились в вечерней «Красной газете» неприлично-глупая статья Г. Ф. Устинова и не менее глупая (по-другому) статья В. А. Пяста. — Речь идет о следующих публикациях:

Устинов Георгий. Сергей Есенин и его смерть // Красная газета. 1925. 29 дек. Комментарий к статье см. в главе «Матрос-босяк и его призрак» в настоящей книге.

Пяст В. Погибший поэт // Красная газета. 1925. 29 дек. Автор считает виновником смерти Есенина его бездуховное богемное окружение.

61

в 6 часов я позвонил с почты к Фроману и узнал от Иды, что в 6 часов в Союзе писателей гражданская панихида. — Михаил Александрович Фроман (Фракман) (1891-1940), поэт-переводчик, понятой при подписании милицейского протокола об обнаружении тела Есенина в «Англетере».

Ида — Ида Моисеевна Наппельбаум (1900-1990), жена М. А. Фромана, дочь фотографа М. С. Наппельбаума.

62

Скульптор Бройдо снимал посмертную маску... — Указанная посмертная маска Есенина сегодня неизвестна. В Пушкинском Доме (Санкт-Петербург) хранится посмертная маска поэта работы И. С. Золотаревского.

63

...вечером был у него (Есенина. — В. К.) Берман, видевший Сергея пьяным. — Лазарь Васильевич (Вульфович) Берман (1894-1980), стихотворец, журналист, секретный сотрудник ЧК-ГПУ-НКВД с 1918 года. Автор специально написанных (при жизни не опубликованных) лживых воспоминаний о посещении им 5-го номера «Англетера» (см. примечания к его статье «По следам Есенина» и комментариев к ней в книге).

64

...Горбачев хотел беспрепятственно пропустить все наши статьи... — Информация В. А. Рождественского на этот счет крайне сомнительна.

Георгий Ефимович Горбачев (1897-1938), военно-политический работник, активный участник вооруженного большевистского путча в июле 1917 г. в Петрограде, один из вдохновителей и организаторов подавления Кронштадтского восстания (1921). В 1925 году зав. редакцией журнала «Звезда». В 1930 году передал в Пушкинский Дом приписываемое Есенину стихотворение «До свиданья, друг мой, до свиданья...».

65

...вмешался Лелевич... — Г. Лелевич (наст. имя — Лабори Гилелевич Калмансон, 1901-1945), критик вульгарно-социологического толка, один из ненавистников Есенина и организаторов его прижизненной и посмертной травли.

66

Однако Браун Яков сдал все в печать... — Возможно, ошибка памяти Оксенова. Известен поэт Николай Леопольдович Браун.

67

С.А. Толстая похожа на своего деда... — Софья Андреевна Толстая (1900-1957), жена Есенина, внучка Л. Н. Толстого.

68

Пришла даже Мария Михайловна Шкапская... — Сведения о ней из библиографического словаря «Писатели современной эпохи» (М., 1928. Т. I. Вып. 1. С. 271): урожденная Андреевская (р. 1891). «По матери немка». В ранней юности работала тряпичницей, прачкой. Два года училась в Петербургском психоневрологическом институте. За участие в социал-демократических кружках в 1913 году была выслана в Олонецкую губернию. После освобождения некоторое время училась в Тулузе. Выступала как поэт.

В 1925 году жена писателя Н.Н. Никитина.

69

Михаил Эммануилович Козаков (р. 1897). Член ленинградской литературной группы «Содружество». После Октябрьского переворота был «правозаступником» в военном трибунале. Познал немецкие и петлюровские тюрьмы. С 1922 года жил в Петрограде, начал выступать в печати с 1923 года

70

Баршев заказал специальный вагон... — Николай Валерьянович Баршев (1887-1938), писатель, по образованию и опыту работы инженер-железнодорожник; осужден в 1937 году за то, «...что вел контрреволюционную пропаганду среди писателей и вербовал единомышленников для формирования контрреволюционной организации»(из справки архива ФСБ).

71

Публикуется впервые.

72

Рукопись хранится в частной коллекции. Она значительно отличается от опубликованных воспоминаний о Есенине того же автора.

Виктор Андроникович Мануйлов (1903-1987), литературовед, исследователь творчества М. Ю. Лермонтова.

73

...актеры читают стихи Шершеневича. — Вадим Габриэлович Шершеневич (1893-1942), поэт, входил в группу имажинистов. Писатель С. Д. Спасский дал ему следующую характеристику: «Остроумный, но холодный и опустошенный, отщелкивающий строки, будто арифметические выкладки. Всю жизнь блистал он отраженным светом» (С. А. Есенин: Материалы к биографии. М., 1992. С. 199). Сторонник «красного террора». Подаренный чекисту-террористу Я. Г. Блюмкину свой стихотворный сборник «Крематорий» Шершеневич сопроводил надписью: «Милому Яше — террор в искусстве и в жизни — наш лозунг. С дружбой Вад. Шершеневич» (архив Государственного Литературного музея. Москва).

Известны крайне субъективно-тенденциозные воспоминания Шершеневича о Есенине. В частности, о причине его смерти он писал: «Для Сергея не стало жизни с того момента, когда он понял, что он делает сейчас то дело, которое никому не нужно» (подчеркнуто автором. — В. К.) (Есенин. Жизнь. Личность. Творчество. Воспоминания. М.: Работник просвещения, 1926. С. 62).

74

Я сидел с поэтессой Сусанной Мар... — Известны ее неудачные опыты в стихотворной форме. По воспоминаниям современников (В. Г. Шершеневич и др.), претендовала на ведущее место среди ленинградских поэтов-имажинистов.

75

Иван Сергеевич Рукавишников (1877-1930), поэт и беллетрист.

76

Потом читали Кусиков, Брюсов... — Александр Борисович Кусиков (Кусикян) (1896-1977). Член группы поэтов-имажинистов. Автор стихотворных сборников «Зеркало Аллаха», «В никуда» и др. В 1918 году сотрудник петроградской вечерней «Красной газеты» (гл. редактор Лев Сосновский). Известно «дело» об аресте 19 октября 1920 года органами ВЧК А.Б. Кусикова, его брата Р.Б. Кусикова и С.А. Есенина (см.: С.А. Есенин: Материалы к биографии. М., 1992. С. 269-296). Свое заявление от 14-15 ноября 1920 года следователю ВЧК А.Б. Кусиков закончил словами: «Готовый к услугам». Вскоре ему было разрешено эмигрировать в Париж. Накануне возвращения Есенина в 1923 года из зарубежной поездки в СССР Кусиков (Сандро) грубо предупредил поэта о возможном запрещении ему вернуться на родину за его

антисоветские настроения. Они резко и откровенно выражены Есениным в письме к Кусикову от 7 февраля 1923 года: «Тошно мне, законному сыну российскому, в своем государстве пасынком быть»; «Я перестаю понимать, к какой революции я принадлежал. Вижу только одно, что ни к Февральской, ни к Октябрьской». Есть основания считать А.Б. Кусикова периода эмиграции сотрудником ОГПУ — НКВД, о чем он сам намекает в одном из своих писем. Это и другие важные для биографии Есенина обстоятельства еще предстоит выяснить.

«...Кусиков паразитировал на многих известных поэтах», — писал знавший его прозаик С. Д. Спасский (С. А. Есенин: Материалы к биографии. М., 1992. С. 199). Близки к такой характеристике и другие свидетельства современников.

77

Наседкин наседал на шпроты... — Василий Федорович Наседкин (1894-1940), поэт.

78

Приблудный... напевал что-то на диване. — Иван Петрович Овчаренко (псевд. Приблудный) (1905-1937), стихотворец. Секретный сотрудник ГПУ с 1925 года. Репрессирован (см. его «дело» в книге: Куняев Станислав, Куняев Сергей. Растерзанные тени... М.: Голос, 1995). Ему оказывали покровительство Николай Бухарин, Карл Радек. Сыграл пагубную роль (волью или неволью) в судьбе Есенина и его сына-первенца Георгия (родные звали его Юрием), расстрелянного в 1934 году (см. «Дело Георгия Есенина» в книге: Хлысталов Эдуард. 13 уголовных дел Сергея Есенина. По материалам секретных архивов и спецхранов. М.: Русланд, 1994. С. 122-134).

79

Рукопись хранится в Институте русской литературы РАН (Пушкинском Доме), ф. 736, №64. Не датирована — приблизительно 1935 год. Заголовок оригинала воспоминаний «Сергей Александрович Есенин и Георгий Феофанович Устинов». Материал представляет собой два черновых варианта — рукописный и машинописный — и является несомненным образцом фальсификации, нуждающейся в объяснении.

Нина Михайловна Гарина, актриса, жена прозаика и драматурга, политического авантюриста Сергея Александровича Гарина (наст. фам. Гарфильд) (1873-1927). Содержательница литературного салона, который до эмиграции из России посещали И. Бунин, Б. Зайцев, А. Куприн, Е. Чириков и др. известные писатели. В середине 20-х годов жила вместе с мужем и детьми в гостинице «Астория» (1-м Доме Советов), рядом с «Англетером». Частыми гостями ее салона-кружка были журналист Г.Ф. Устинов, прозаик С.А. Семенов, поэт-фельетонист В.В. Князев и другие лица, причастные к сокрытию действительных обстоятельств смерти Есенина.

...Есенин, которого я также устроила в той же гостинице.

Здесь и ниже Н. М. Гарина часто противоречит фактам, изложенным от имени Г. Ф. Устинова в вечерней «Красной газете» (1925. 29 дек.) и позже в сборниках воспоминаний о поэте. Предваряя свои заметки, она даже кокетничает тем, что не знакома со статьями, посвященными трагической есенинской хронике.

Устинов (?) писал, что именно он устроил Есенина в 5-м номере «Англетера», что также недостоверно, ибо в контрольно-финансовых списках жильцов гостиницы (1925-1926) (24-й финансовый участок Ленинграда) имя поэта отсутствует. Весьма проблематично было поселение Есенина в отель «по благу». Подробнее эта тема развивается в 1-й главе книги.

...Есенин, наоборот, развязный и даже наглый... — Псевдомемуарные заметки Мариной проникнуты плохо скрываеваемой неприязнью к Есенину. В свою очередь, поэт никогда и нигде о ней не упоминал; в ее памятном фотоальбоме, с льстивыми посвящениями литераторов, есенинских автографов нет, что заставляет думать: Есенин в салоне-кружке Мариной не бывал.

...Дни шли... Устинов появлялся у нас ежедневно. — Аберрация памяти Мариной, игнорировавшей очевидные факты. Выше она говорит, что после трехдневного пребывания в «Англетере»... они вместе (Есенин и Устинов. — В.К.) пришли к нам». Такое утверждение не согласуется с показаниями и воспоминаниями Устинова, Эрлиха и др.

...на вечере у Ходотова. — См. соответствующее примечание к дневнику И. А. Оксенова «Никто другой нам так не улыбнется».

...они с Сереженькой собираются к нам... — Явно надуманная ситуация «около часа ночи» 28 декабря 1925 года. Г. Ф. Устинов(?) ничего подобного не писал. И она и он (или тот автор, который за ним скрывается) «наводят тень» с целью замести следы преступления в «Англетере». О противоречиях и разногласиях сообщений газет и мемуарных заметок о

последнем дне в жизни Есенина см. в главе «Бестия из „Красной газеты“ и другие» настоящей книги.

85

Здесь и ниже фразы, взятые в угловые скобки, отсутствуют в машинописном варианте и приводятся по прилагаемой к нему рукописи (л. 42). — Примеч. В. Кузнецова.

86

Часов около пяти утра я проснулась от телефонного звонка. — Безымянный звонок из «Англетера» с сообщением о смерти Есенина никак не согласуется с официальной версией. Измышления Н. М. Гариной не подтверждаются документами и аналитическими данными. Убийство поэта произошло поздно вечером 27 декабря 1925 года в доме №8/23 по проспекту Майорова, где находилась следственная тюрьма ГПУ; затем преступники перетащили изувеченное тело по подвальным лабиринтам в соседний «Англетер» (просп. Майорова, 10/24), в наскоро декорированном 5-м номере которого был устроен кощунственный спектакль, преподнесенный советским обывателям как самоповешение Есенина.

87

В рукописи слова: «Это квартира Гариных?» — зачеркнуты автором.

88

В машинописном тексте (л. 15) далее следует фраза: «Было часов шесть утра».

89

Фразы, взятые в квадратные скобки, в рукописном тексте отсутствуют.

90

Здесь и ниже заключенные в квадратные скобки слова в машинописном тексте отсутствуют. — В. Кузнецов

Узнала, что комнату Есенина уже опечатали... — Н. М. Гарина утверждает, что телефонное сообщение об опечатании комнаты Есенина она получила примерно после шести часов утра. Комендант «Англетера» В. М. Назаров в своих показаниях участковому надзирателю Н. М. Горбову отмечает: «...половина одиннадцатого пришла жена граж. Устинова проживающая в этой гостинице и попросила ключ от №5». И далее Назаров рассказывает, как был вскрыт «есенинский» номер (см.: Смерть Сергея Есенина: Документы, факты, версии. М.: Наследие, 1996. С. 166). В свете выявленных действительных обстоятельств гибели поэта, изложенных в настоящей книге, показания чекиста В. М. Назарова не вызывают доверия, сам документ сомнителен и требует независимой научно-криминалистической экспертизы.

Семи утра, вероятно, не было еще, как я мчалась уже на извозчике в гостиницу... — Если допустить, что Н. М. Гарина говорит правду, рушится официальная пирамида сюжета о смерти Есенина. Скорее, перед нами большая фантазия мемуаристки. Представленная ею хроника трагических событий не укладывается ни в рамки казенной советской версии о гибели поэта, ни в картину его действительной трагедии.

Кроме Устинова в комнате уже были Садофьев, Никитин... — Настоящая фраза одна из центральных и принципиальных в словоплетениях Гариной, потому что она в определенной мере почти совпадает с тем, что говорил по тому же поводу писатель Н. Н. Никитин в своих воспоминаниях «О Есенине» (Никитин Н. Избранные произведения: В 2-х т. Л.: Художественная литература, 1969. Т. 2. С. 608-622): «Помню, как в Рождественский сочельник (тогда праздновали Рождество) кто-то мне позвонил, спрашивая, не у меня ли Есенин, ведь он приехал... Я ответил, что не знаю о его приезде. После этого два раза звонили, а я искал его где только мог. Мне и в голову не пришло, что он будет прятаться в злосчастном „Англетере“. Рано утром, на третий день праздника, из „Англетера“ позвонил Садофьев. Все стало ясно. Я поехал в гостиницу». Никитин не уточняет часа своей поездки в отель, ограничиваясь неопределенным «рано утром», и не вступает в полемику с официальной версией смерти Есенина, согласно которой о печальном происшествии стало известно после 10 часов утра.

Выяснение истины усложняется свидетельством «Дневника» И. А. Оксенова, оказавшегося в 5-м номере «Англетера» после 15 часов. Он пишет, что

вслед за ним «пришли Никитин, Лавренев, Семенов, Борисоглебский, Слонимский...». Значит, Никитин появился в «есенинской» комнате вторично? Тогда почему он об этом факте умолчал?

Упоминание Гариной поэта И. И. Садофьева, более чем вероятного сексота ГПУ, подрывает доверие к ее сумбурным воспоминаниям и обязывает пристальнее к ней присмотреться.

Настоящий сюжет нуждается в дальнейшей тщательной разработке.

94

В машинописном тексте этот важный абзац изложен короче, без существенных подробностей трагического финала: «Устинов заглядывал несколько раз к Есенину в номер. Звал обратно к себе. Есенин не шел...

К утру (выделено мной. — В.К.) его не стало».

95

И в третий раз, когда Устинов пошел опять, заглянул к Сереженьке своему — его уже не было в живых... — Г.Ф. Устинов в своих показаниях (если они не сфальсифицированы) милиционеру Н.М. Горбову свидетельствовал: «Вчера, 27 декабря, мы с женой, тт. Эрлих и Ушаков, живущий в этой же гостинице, просидели у Есенина часов с 2 до 5-6 час. <...> Когда мы уходили — уходили вместе все четверо, — Есенин обещал ко мне зайти, но не зашел. Вечером я к нему также не сумел зайти: ко мне пришел писатель Сергей Семенов, мы с ним довольно долго поговорили, а потом мы с женой легли спать» (см.: Смерть Есенина: Документы, факты, версии. М.: Наследие, 1996. С. 164-165).

Установленная, по возможности, действительная логика трагических событий подсказывает: лгут (каждый по-своему) и Гарина, и Устинов, ни один год состоявшие в близких, дружеских отношениях, что подтверждает ее сохранившийся в Пушкинском Доме фотоальбом со снимками и автографами «заместителя папы» (так называли Устинова в семействе Гариных-Гарфильдов).

Проблема «есенинских» измышлений Гариной может быть решена лишь после тщательного исследования возможной негативной роли С.А. Гарина (Гарфильда) в «англетеровской» истории. Определенные основания для постановки такого вопроса имеются.

96

Рукопись воспоминаний (не датирована) хранится в Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург), ф. 1250, №20. Второй экземпляр машинописного текста с авторской правкой.

Часть лжемемуаров (при жизни Л.В. Бермана, сексота ЧК — ГПУ — НКВД, не публиковались) использована в настоящей книге с документальными комментариями. В разделе «Неизвестные воспоминания о поэте» фальсификация печатается полностью.

97

Рукопись хранится в Институте русской литературы РАН (Пушкинском Доме), ф. 586, №433, и представляет собой первый экземпляр машинописного текста (более 30 с. большого формата) с авторской правкой. Данный мемуаристом заголовок воспоминаний: «Встречи. Сергей Есенин».

В различных сборниках стереотипно публиковалось около шести машинописных страниц (отрывки из 1-3-й и 6-й глав). Авторский текст подвергался грубой редакторской правке и цензуре. Воспоминания печатаются впервые полностью с устранением прежних искажений.

Лев Наумович (Максимович) (Лейб Нахманович) Клейнборт (1875-1950) — литературный критик, публицист. Учился на физико-математическом (1896-1897), а затем на юридическом факультете Петербургского университета, откуда был исключен за участие в революционном движении. В 1901 году, находясь в доме предварительного заключения, принял православие. Автор книг и статей о судьбах российской интеллигенции, рабочей демократии, трудовых спорах. Писал о жизни и творчестве М. Горького, Л. Андреева, В. Короленко, В. Винниченко и др. Автор книги «Очерки народной литературы» (1924). Подробнее о нем см.: Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 1992. Т. 2.

Мемуары Клейнборта о Есенине отличаются мягкой сдержанностью тона, профессиональной наблюдательностью, зоркостью литературно-критических оценок.

98

Стихи эти появились лишь в четвертом томе собрания сочинений, вышедшем уже после того, как были написаны мои «Встречи».

99

См.: Клейнборт Л. Русский читатель — рабочий. Л.: Изд. губ. проф. Совета, 1924.

100

Новый мир. 1926. №2.

101

«Группа молодых людей, посещавших меня, — Сергей Городецкий, Пимен Карпов, Мурашов, Игнатов, Клюев, Есенин, Горянский и еще несколько других, — пишет сам Ясинский, — образовала литературный союз, который должен был сделаться колыбелью пролетарских писателей. Меня выбрали

председателем» («Роман моей жизни». 1926. С. 319).

102

Точнее, «Приют комедиантов». — В. Кузнецов

103

В связи с «еврейской» историей.

104

Далее публикуется ныне известный вариант «Автобиографии» (20. VI 1924) С. Есенина. — Примеч. В. Кузнецова.

105

Воспоминания хранятся в Отделе рукописей Института русской литературы РАН (Пушкинского Дома), ф. 817, оп. 1, №54.

Рукопись представляет собой авторизованный машинописный текст. Несколько произвольно взятых из него страничек, волюнтаристски отредактированных и искаженных, печатались в журнале «Литературная Грузия» (1969, №5/6) и в других периодических изданиях. Эта бестактная публикация неоднократно копировалась в сборниках воспоминаний о Есенине, что лишней раз подчеркивает определенный негативно-тенденциозный опыт мемуарной литературы о нем. Одна из самых близких и дорогих Есенину женщин фактически была «лишена слова». Попутно заметим, составители книг о нем традиционно выпячивают авторов самой дурной репутации. Тайных и явных сотрудников ЧК-ГПУ-НКВД и просто лиц, внутренне не принимавших ни человеческого облика, ни творческого наследия лирика. Таким образом, его богатый, тонкий и сложный мир до наших дней искажается. Горе-мемуаристы часто выискивают в биографии и поэзии своего великого современника негативные черты, слабости мировоззрения и трудности художественного роста.

Слово Миклашевской о Есенине — одна из самых чистых и светлых страниц в огромной о нем литературе. Пожалуй, лишь финальная часть ее воспоминаний (цитаты из критических статей и т.п.) несколько проигрывает на фоне общих милых раздумий (кстати, своим трогательным замечкам она дала заголовок «Мои встречи с Есениным и мои думы о нем»).

Августа Леонидовна Миклашевская (1891-1977) — актриса Московского Камерного театра. Есенин посвятил ей цикл стихотворений «Любовь хулигана», вошедший в сборник «Москва кабацкая» (1924). На форзаце книги автор оставил дарственную надпись: «Милой Августе Леонидовне со всеми нежными чувствами, которые выражены в этой книге. С. Есенин. 24/Ш.

25. Москва». То был дар подруге, которой он посвятил ставшие классически известными строки стихотворения «Заметался пожар голубой...».

К сожалению, в обширной есениниане Миклашевской обычно отводится несколько дежурных строк. Восполним здесь этот непростительный пробел ее собственным откровением-монологом (в записи 1976 года Е. Карпова): «Сергей Александрович расспрашивал меня о сыне, почему живу одна, с кем чаще всего встречаюсь из артистов. Узнав, что я осталась без работы (я не смогла тогда выехать из-за сына на гастроли в Париж с труппой Камерного театра), Есенин предложил устроить меня в театр Вс. Мейерхольда. Но я не пошла туда. Там в фаворе была Зинаида Райх, да и театр не моего стиля. Есенин стал оказывать мне знаки всяческого внимания, когда узнал, что отец моего сына, балетмейстер Большого театра Лев Александрович Лащилин, нечасто виделся с Игорьком. Поэт ужасно ревновал меня ко всем, кто приходил ко мне. Помните его строчки: „И чтоб, прошлое не любя, Ты уйти не смогла к другому“. Это обо мне. Целый август мы встречались почти ежедневно. Иногда Есенин заезжал ко мне на извозчике с неизменным букетом белых астр.

Женитьба на Софье Андреевне Толстой, как вы знаете, не принесла семейного счастья поэту (они тогда жили в Троицком переулке, 3, кв. 8). Он навещал меня, что и без того осложняло его взаимоотношения с женой. Перед самым отъездом в Ленинград, 23 декабря 1925 года, он пришел ко мне. Предложил начать новую жизнь. Я обещала подумать. Написала ему письмо. Но не отправила. А вскоре пришла страшная весть...» (Карпов Е. Страницы памяти перебирая // Мир Есенина (1993, авг.). Специальный (седьмой) выпуск центрального печатного органа Министерства обороны Республики Узбекистан газеты «ВАТАНПАРВАР» и Совета музея С. Есенина в Ташкенте).

Под мощным давлением официальных советских небылиц Миклашевская была вынуждена поверить легенде о самоубийстве друга-поэта, но женская тонкая интуиция ее не обманывала. Она сердцем чувствовала казенную неправду о случившейся беде (примечателен скептический абзац ее воспоминаний об Эрлихе, якобы забывшем своевременно прочитать «До свиданья, друг мой, до свиданья...»).

Не исключено, остатки архива Миклашевской могут внести новые штрихи не только в историю ее дружбы с Есениным, но и в хронику его последних трагических дней. В этом свете особенно важен прощальный разговор поэта с Миклашевской 23 декабря 1925 года. Намекал ли он о своем желании покинуть СССР?.. Увы, скорей всего, эту тайну она унесла с собой в могилу на Ваганьковском кладбище...

106

Рукопись хранится в Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург), ф. 1171. Авторизованная машинопись. Примерная дата — 70-е годы.

Варвара Андреевна Кострова, урожденная Штакеншнейдер (1892-1977), — в 1915-1918 годах училась в Петроградской школе сценического искусства, играла в местных театрах — рабочей молодежи, музыкальной драмы. Памятным для нее было участие в спектакле «Мистерия-буфф» (по пьесе В. Маяковского), поставленном (1921) в Петрограде Вс. Мейерхольдом. В 1919 году эмигрировала. Вместе со своим мужем писателем А. П. Каменским (1876-1941) совершила в 20-х годах большое артистическое турне по Австрии, Германии, Чехословакии и другим странам. Несмотря на определенный успех гастролей, чувствовала себя в Европе неуютно. Из ее дневниковых записей: думы «...о бесцельно прожитой жизни» (1926, 15 окт.); «...только одиночество успокаивает меня» (1926, 30 ноября). В 1951 году, оставив сцену, обосновалась в Берлине, где работала в Доме моделей. В 1953

году вернулась в СССР, жила в пос. Раменское, под Москвой, часто выступала в различных аудиториях с рассказами «о виденном и пережитом».

Записки Костровой о Есенине несколько наигранно-наивные, но и они займут свое — пусть скромное — место в есенинской мемуаристике.

107

— Стыдитесь, ведь перед вами прекрасный, настоящий поэт, может быть, будущий Пушкин! — с этими, словами Александр Блок обнял Есенина за плечи и увел со сцены. — По другим воспоминаниям, упомянутый литературный вечер вел не Блок, а Валерий Брюсов.

108

...было

устроено чтение новой пьесы Анатолия Каменского «Черная месса». — Эротико-религиозная драча («по материалам» французского писателя Ж. К. Гюисманса), в которой автор пытался объяснить революцию 1917 года в России заговором сатанинских сил против «буржуазного Бога». Об А. П. Каменском см.: Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 1992. Т. 2.

109

Записки хранятся в Отделе рукописей Института русской литературы РАН (Пушкинского Дома), ф. 817, оп. 1, №76. Авторское название «Воспоминания о Есенине».

Александр Михайлович Сахаров (1894-1952?), издательский работник. Познакомился с Есениным в 1919 году, когда работал секретарем секции полиграфических производств Совета народного хозяйства, являлся членом коллегии полиграфического отдела ВСНХ. «Советская власть многих петухов сделала орлами», — самоиронично писал он о той поре (Вечерний Ленинград, 1990. 3 окт. №229).

В 1922 году Сахаров издал отдельной книгой есенинского «Пугачева». В его квартире в Петрограде-Ленинграде (ул. Гагаринская, позже Фурмановская, 1, кв. 12) неоднократно жил поэт, приезжая в северную столицу. Здесь была написана «Русь советская» с посвящением Сахарову. В дальнейшем отношения между ними испортились и, хотя они продолжали встречаться, старой дружбы не было. О размолвках с Есениным Сахаров вспоминал: «У нас были с ним столкновения, доходившие до грубых выкриков и чуть не до драки» (Вечерний Ленинград, 1990. 3 окт. №229).

В последних числах декабря 1925 года Сахаров находился в Ленинграде, но о трагедии в «Англетере» узнал поздно.

В 1938 году Сахаров был осужден по известной 58-й статье. Работал на стройках Казахстана,

где и написал свои заметки о встречах с Есениным.

Подробно и негативно о есенинском друге-враге написала в своих воспоминаниях Галина Бениславская (см.: С. А. Есенин: Материалы к биографии. М., 1992).

Мемуарные заметки Сахарова бесхитростно рисуют трудности издательского дела на раннем этапе советской власти. Описанная автором железнодорожная поездка состоялась в 1920 году.

110

В рукописи цифра «25» подправлена фиолетовыми чернилами. — Примеч. В. Кузнецова.